АДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

АБАЙ ГЭСЭР-ХУБУН

ЭПОПЕЯ

(ЭХИРИТ-БУЛАГАТСКИЙ ВАРИАНТ)

ЧАСТЬ I

Улан-Удэ • 1961

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

АБАЙ ГЭСЭР-ХУБУН

ЭПОПЕЯ

(ЭХИРИТ-БУЛАГАТСКИЙ ВАРИАНТ)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ПЕРЕВОД И ПРИМЕЧАНИЯ
М. П. ХОМОНОВА

ЧАСТЬ I

УЛАН-УДЭ * 1961

Публикуемый вариант „Гэсэра“ записан Ц. Жамцарано у сказителя Маншута Имегенова (1906 г.) и был издан без перевода в академической русской транскрипции в 1930 г.

Редакционная коллегия:

Ким И. А. (отв. редактор),
Матхеев Б. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гэсэр — популярное имя не только бурятского эпоса, но и монгольского, тибетского и других народов Центральной Азии.

У бурят бытуют две основных версии сказаний о Гэсэре: унгинская и эхирит-булагатская. Один из основных вариантов унгинской версии «Абай Гэсэр» опубликован на двух языках: бурятском и русском*, со вступительной статьей, в которой указано прямое отношение этой версии к монгольской «Гэсэриаде».

Данное издание — это публикация основного варианта эхирит-булагатской версии, вполне самостоятельной, самобытной, не имеющей сходства ни с монгольской «Гэсэриадой», ни с тибетскими, калмыцкими сказаниями о Гэсэре. Общим является только имя Гэсэра. Борьба с мангадхаями, превращение героя в коня Лобсоголдоем и многие другие мотивы мифического характера относятся к общности монголо-ойрато-бурятских мифов и всей древней основы их эпического творчества ранней ступени развития монголов, ойратов и бурят: мифы о главе тэнгринов Манзан Гурмэ, о воительнице — не знающей равных себе охотников — Алма Мэргэне, о чудовищах-мангусах (мангадхаях), во главе которых, по данным бурятского мифотворчества, стоит женщина (Ута Хара эзы), борьбе добрых тэнгринов во главе с Хурмасом и злых— во главе с Ата Уланом, мифы о владыке вод Уhа Лобсан, о горах, реках, деревьях (человекоподобных). Все они — мифы родового общества, начиная от матриархата и кончая патриархатом. Они одинаковы, бурятские с монгольскими, не только по своему характеру, но и по именам. Разница в том, что монголы, раньше бурят перешедшие к более высоким формам общественной жизни и развитой идеологии, меньше, в обрывках сохранили их, тогда как буряты донесли до нас такие мифы в изобилии.

Эту общность следует приурочивать к первому тысячелетию. Во втором тысячелетии происходит быстрое развитие общественной жизни монголов и затем ойратов. Лесными людьми, преимущественно охотниками и собирателями трав, остаются буряты еще в XIII веке*. К последующему времени относиться эта общность уже не может, к началу второго тысячелетия приурочивается появление различий: основная масса монголов и ойратов идет по пути феодализма (не говоря об остатках охотничьих родов на обширной территории Монголии). Отсюда понятно, почему наиболее архаичные черты эпоса сохранились у бурятских племен.

В XIII веке эпос о Гэсэре не только существовал, но был популярным среди аратов. Согласно монгольской летописи «Алтан Тобчи», один из богатырей Чингис-хана в 1206 году о вине сказал:

Когда оно попадает на язык,
То кусает, как пчела,
Когда выпьешь лишнее,
Оно действует, как Гэсэр.

Если бы Гэсэр не был популярным героем эпоса, то не могло бы появиться такое сравнение. Может быть, здесь проявляется уже дифференцированное восприятие этого образа: аристократам представляется Гэсэр образом буйным, тогда как для рядовых аратов он был борцом за справедливость.

Ц. Дамдинсурэн в своей работе «Исторические корни Гэсэриады» сводит известные науке факты о времени возникновения данного эпоса и на основе привлечения летописных материалов, устных преданий, свидетельств путешественников и анализа самого эпоса о

* «Абай Гэсэр», Улан-Удэ, 1960.

* См. С. А. Козин. «Сокровенное сказание». АН СССР, М.-Л., 1941.

Гэсэре приходит к выводу, что в XI веке был создан литературный вариант эпоса поэтом Чойбэб*. Ц. Дамдинсурэн приводит мнения ученых и путешественников разных стран. Индийский ученый Сарат-Чандра Дас в своем известном тибетско-английском словаре пишет: «Гэсэр — имя могущественного хана, правившего в Шэнси в Китае, который в силу своей военной славы был обожествлен и возведен в положение бога войны. О нем имеются различные сведения. Народ Кама в Тибете признает его своим национальным богом войны, в то же время монголы говорят, что Гэсэр был ханом Монголии. Согласно некоторым авторам, Гэсэр жил в VII в. н. э. Согласно сборнику героических песен под названием «Джалдун», Гэсэр-хан жил в VIII в. н. э. На самом же деле его происхождение теряется в мифах»**.

Англичанин Чарлз Белл считает, что Гэсэр жил в добуддийские времена или во всяком случае до полного утверждения буддизма в Тибете. В дальнейшем он ссылается на высказывание одного из секретарей далай-ламы, писавшего, что Гэсэр жил во времена правления То-Тори, Нянцэна, т. е. в IV в.

Исследователь Западного Китая Джозеф Рок относит жизнь Гэсэра к III или IV столетию. Он пишет, что королевство Сатам, с которым Гэсэр воевал,— это древнее название области Лицзян (в районе излучины Янцзы).

Итальянский путешественник Фоско Марайни мимоходом замечает, что появление героического эпоса о Гэсэре относится к V веку.

Давид-Неель пишет: «Как и многие другие легенды, легенда о Гэсэре, покоится, вероятно, на исторической основе. Обожествленный военный вождь, действительная личность которого скрыта теперь под фантастическими рассказами, несомненно, существовал относительно недавно, между VII и VIII веками»***.

Далее автор «Исторических корней Гэсэриады» на основании изучения огромного материала устанавливает, что «Гэсэриада» возникла до чингисовской эпохи. Автор считает, что Гэсэр есть Госыло, умерший в 1065 г., в возрасте 69 лет**** и что эпос о нем возник еще при его жизни (сочинен Чойбэбом).

Ц. Дамдинсурэну удалось доказать, что в XI веке была создана поэма о Гэсэре Чойбэбом. Менее убедительно отождествление Гэсэра с Госылом и совершенно не говорится о возможности существования имени Гэсэр (Гэhэр) до поэмы.

Для нас важно, что эпос о Гэсэре существовал в XI веке.

Известно, что монгольские племена (и буряты) в прежние времена отличались быстротой передачи сообщений. Не подлежит сомнению, что имя эпического героя-борца за справедливость, против всякого общественного и природного зла — быстро стало известным у бурятских племен. В силу «традиций, условий жизни «лесных народов» первоначально был воспринят не весь эпос, эпос был воспринят позднее— не раньше XIV века*, когда некоторые роды бурят стали переходить к скотоводческой жизни. А имя героя и отдельные моменты сюжета могли проникнуть и раньше. Для такого утверждения есть ряд причин. Настоящая версия Гэсэра отражает разложение материнского рода и возвышение отцовского**. Высшая власть, право решать все спорные вопросы, право советовать, осуждать принадлежит Манзан Гурмэн-бабушке, души всех врагов Гэсэра—чудовищ (мангадхаев) хранятся у старушек, такой персонаж, как Хормуста, выступающий в унгинской версии главой добрых западных тэнгринов, имеет уменьшительное определение ханхан (ханчик), характеризуется человеком беспечным, не имеющим надлежащей власти. На собраниях решающее слово принадлежит старейшим. Например, нарекает именем новорожденного самый старый, воспитанием детей занимаются старушки и не чувствуется особой роли ни отца, ни матери. Главный герой занимается охотой, земные родители—мать и отец Гэсэра — собирают травы, ловят зверьков в силки. Кони героев пасутся с дикими маралами и наделены мифическими чертами: способностями за тридевять земель слышать призывы хозяина, преодолевать моря и высокие горы, владеют человеческой речью... Хотя говорится в начале некоторых глав о скоте, но по всем данным, такие места (зачины) являются более поздними напластованиями, так как ни одной черты скотовода у героев данной версии нет.

У героя нет воинов, а есть сотоварищи — баторы, среди которых Гэсэр — главный, вождь. Всюду на первом месте стоит борьба с чудовищами, воплощающими злые явления природы и жизни людей: Лобсоголдой, Галхан Нурман, Митурай шара мангадхай и т. д.

---

* Ц. Дамдинсурэн. «Исторические корни Гэсэриады». Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 212. В дальнейшем: ИКГ.

** Ц. Дамдинсурэн, ИГК, стр. 29.

*** Ц. Дамдинсурэн, ИГК, стр. 29—30.

**** Ц. Дамдинсурэн, ИГК, стр. 202.

* См. «Абай Гэсэр», Улан-Удэ, 1960, стр. 6.

** См. А. Уланов, «К характеристике героического эпоса бурят», Улан-Удэ, 1957, стр. 82—97.

Гэсэр побеждает их в единоборстве. Отсутствуют социальные мотивы борьбы. Чудовища выступают с дубиной и с другими древними видами оружия (скребка старухи-мангадхайки). Сюжет данной версии — борьба героя с чудовищами, пожирающими людей и зверей и губящими растительность — относится к древнейшему мифологическому сюжету. Герой не выделяет себя из родовой группы, к которой принадлежит, не рассматривает себя как какой-то центр рода, а сливается с ним. Поэтому нет еще таких героев, которые бы выражали другие интересы общины, кроме Агсагалдая-батора, изменившего борьбе с чудовищами. В целом в данном улигере выступает человек не ради личного интереса, а ради счастья общины — людей на земле. Род противопоставляется окружающему миру. Весь окружающий мир представляется герою в виде злых и добрых существ. Злые существа подлежат уничтожению, и он всю энергию направляет против злых чудовищ.

Когда встречаются персонажи друг с другом, то спрашивают: чей ты сын, какого рода? Это подчеркивает, что уже существует сознание рода, что персонажи выступают от имени рода, представляют род, что личность и род слиты воедино и неразрывны, т. е. показывает то, что личность еще как осознанная единица не выделилась. Этим объясняется, почему после рождения ребенка его воспитанием занимается старушка, а не мать или отец: ребенок принадлежит роду. Но приходится иметь в виду, что улигер записан в начале XX века (1906 г.), когда парная семья уже была господствующей в течение длительного времени, когда и родовые отношения были нарушены. Интересно, что в эхирит-булагатском эпосе нигде не говорится об измене жены в своем роде, вероятно, такое понятие отсутствовало. Лишь уход Гагурай Ногон к мангадхаю воспринимается как измена. Мало говорится в данном улигере о семейной жизни героя, и то все эти места, возможно, явились дополнением позднейших сказителей. Герой бурятского эпоса всегда существо общественное. К. Маркс писал: «Человек обособляется как индивид лишь силой исторического процесса. Первоначально он выступает как общественное существо, племенное существо, стадное животное...»*.

Человек родового общества связан с мифологическим мировоззрением. Род борется за свое существование, выступает против сил природы, противопоставляет себя им, но представления об окружающем мире, хотя красочны, не научны. Человеку родового общества кажется весь мир наполненным живыми существами, все предметы живыми. Он очеловечивает их (антропоморфизм); реки, моря, горы, деревья кажутся живыми (анимизм). Герой данной версии выступает в этих условиях. Хозяева рек, гор, местностей, чудовища, с которыми он борется — все относятся к анимистическому, мифологическому периоду развития сознания людей. Гэсэр сам продукт мифологического мышления бурятских творцов эпоса. Его окружают сверхъестественные силы. Таким было мировоззрение, когда создавалась данная версия «Гэсэра».

Греческая мифология и эпос, кельтский, скандинавский, русский эпос говорят о том, что с падением родового общества исчезает и мифологическое мировоззрение. Последние мифы создаются отцовским родом (имеются в виду не переработки и использование ранее созданных мифов, а возникновение новых). Мифологическое воззрение, нерасчлененный взгляд на природу и общество, которые присущи данной версии «Гэсэра», говорят о возникновении версии в эпоху родового общества. Героя характеризует щедрость во всем, соблюдение верности родовому коллективу, храбрость, сила характера, прямодушие, чувство собственного достоинства, самообладание, строгое соблюдение своих обязанностей по отношению к людям, т. е. членам своего рода. Он чувствует себя обязанным охранять свободу членов рода, обладать равными с ними правами. Хотя он военный вождь, но не претендует ни на какие индивидуальные преимущества. Все это нигде не сформулировано, но оно пронизывает все действия Гэсэра: он готов жертвовать собой ради своих сородичей, он делится добычей, его победа— победа для всех.

Моногамная семья — уже отцовский род. А власть Манзан Гурмэн, хранение душ старушками—матриархат. Все это свидетельствует, что улигер создан в условиях разложения материнского рода. Появление элементов частной собственности (одежда, оружие, постройки) следует отнести к отцовскому роду. Пышные дворцы (наряду с шалашами) могут относиться к фантазии, к области мечтаний или напластований.

То, что в данной версии нет даже упоминаний о воинах-солдатах, участвующих в битвах с чудовищами, нет ни жандармов—полицейских, ни богатых и бедных, ни судей и тюрем, нет ни монастырей, ни государств, ни

* К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 30.

рабов, а все идет своим чередом, порядком — вернейшее доказательство древности версии.

Люди бедствуют лишь потому, что чудовища вредят им, пожирают и уничтожают зверей, выжигают травы. Женщины равны с мужчинами, занимаются охотой, борются с чудовищами.

В этом улигере много архаичных слов и понятий. Они трудны для перевода. Мне думается, что этот улигер найдет не одного переводчика, едва ли есть возможность исчерпать содержание его одним переводом.

Тем более, что он занимает в эпическом творчестве бурят самое заметное место. Он замечателен тем, что является одним из самых архаичных бурятских улигеров; тем, что исполнен даровитым сказителем, тем, что представляет из себя наиболее законченный и полный вариант, включающий в себя ряд интереснейших мифов и в целом ярко воплощает все достоинства и недостатки бурятского героического эпоса. Вряд ли мировой эпос знает столь архаичный и интересный для науки образец.

По этому улигеру, как вполне достоверному источнику, следует изучать особенности мифологического воззрения, идеологию, представления, понятия родового общества, изучать закономерности возникновения и бытования эпоса, закономерности становления и развития жанра, творчества сказителей и участия массы. Отразились в улигере моменты вызывания рапсода на исполнение, подпевания слушателей певцу в определенных местах по ходу действия и т. д.

Удивительно то, что в таком виде улигер дошел до нас. В сохранении древних черт мы обязаны традициям эпического творчества бурят. Исполнители считают нарушением традиций всякое привнесение изменений, считают святым законом сохранение сюжета, осуждают изменение эпизодов. Слушатели, среди которых всегда находились знатоки и ценители эпоса, ревниво блюли эти традиции и порицали певца, если он осмеливался отступить в чем-либо от установившегося устного, отстоявшегося текста. Напластования просачивались в текст благодаря многолетнему, а иногда многовековому давлению жизни, никогда не стоящей без движения. К наиболее изменчивым составным частям улигера относятся зачины, концовки. Здесь чувствуется влияние времени, личного дарования рапсода. Именно в них (в запевках, зачинах) мы видим больше всего «новых», более современных фактов (лавки, тракт, скотоводство — во многих эхирит-булагатских улигерах).

Композиция улигера традиционна: ряд последовательно раскрываемых походов Гэсэра на битву с чудовищами. Запев, зачин наличествует в каждой главе — походе. Затем идут описания сбора героя, путь к месту, единоборство, победа, захоронение врага и возвращение.

В мою задачу не входит полная характеристика «Гэсэра».

Отдел литературы и фольклора БКНИИ стремится на бурятском или на двух языках (с параллельным переводом на русский язык) опубликовать все лучшие записи улигеров — героического эпоса бурят, в том числе «Гэсэра». На бурятском языке изданы улигеры «Гэсэр», записанный Д. Д. Хилтухиным у П. Дмитриева, и «Осодор Мэргэн», записанный С. П. Балдаевым у Н. Гулханова, издан «Абай Гэсэр» в переводе А. Уланова, записанный И. Н. Мадасоном у П. Петрова. Данное издание подготовлено М. П. Хомоновым, перевод текста и примечания к нему сделаны им же. Большую работу по редактированию проделал И. А. Ким. Многие места улигера переведены им заново.

Настоящее и последущие издания послужат исследователям бурятского эпоса богатым материалом, дающим возможность ввести в научный оборот замечательные образцы улигеров, накопившиеся в рукописных фондах научно-исследовательских институтов Улан-Удэ, Ленинграда, Москвы и других городов. Отдел надеется, что за данной работой последуют и другие подобные работы, так как героический эпос бурят достоин более широкой публикации и изучения.

А. УЛАНОВ.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящий перевод сделан с текста так называемого эхирит-булагатского варианта «Гэсэра», опубликованного в 1930 г. в академической русской транскрипции. Бурятский эпос «Гэсэр» имеет много вариантов, например, унгинский, эхирит-булагатский, в которых есть еще много подвариантов. Эхирит-булагатский вариант «Гэсэра» представляет наиболее полный текст и включает в себя три части: «Абай Гэсэр-хубун», «Ошор Богдо-хубун» и «Хурин Алтай-хубун». Переводы двух последних частей будут опубликованы позже.

Настоящая работа представляет научный перевод (а не подстрочный); не во всех случаях, видимо, удалось передать богатую синонимику языка подлинника. При переводе встречались большие трудности в подборе синонимов: не все эквиваленты находились в русском языке. Некоторым труднопереводимым словам и целым предложениям или выражениям даны условные переводы, и они вынесены в примечания.

Приношу мою глубокую благодарность И. А. Киму за его добросовестный труд по редактированию моей работы, также Б. В. Матхееву за просмотр и исправление бурятского текста.

АБАЙ ГЭСЭР-ХУБУН[1]

Гэгээ лабайн үүдэндэ аалами
Гэрэлтэйл зула шатаалгаатайл,
Гэсэрэй юһүн һалааел[1] аха дээжын хэлыш таа!
Ай-дуун, зай ёо!..
Абдарайе уудалха юүмэ аалами —
Арбан зэбээ гарагха юүмэ аалам;
Арбан гурбан хаалуудаа лами
Аха дээжын хэлэхэ юүмэ аалам —
Хобото юүмэ инеэхэ юүмэ
Хорин зэбээ гаргаха юүмэ аалам,
Хорин гурбан хаалуушидаа
Аха дээжын хэлэхэ юүмэ аалам!
Ай-дуун, зэй... ай-ёо!..

У входа в святилище
Яркая свеча зажжена.
Расскажи наилучшую из девяти ветвей[2] «Гэсэра!»
Ай-дун, зай-йоо!...
Сундуки свои надо открыть
И вытащить стрел своих десять,
Рассказать о самом достойном
Из тринадцати ханов своих!
Свои ящики надо открыть
И вытащить стрел своих двадцать,
Рассказать о самом достойном
Из двадцати трех ханов своих!
Ай-дун, зей... ай-йоо!...

Баруулажа түрүлдөбө —
Табин табан тэнгэрин,
Табин табан тэнгэрьеэ
Ахалажа түрүлдүлэй —
Ханхан Хёрмос тэнгэри.
Зүүлэжэ түрүлдүбө —
Дүшин дүрбэн тэнгэри,
Дүшин дүрбэн тэнгэрьеэ
Ахалажа түрүлдүбө
Атаа Улаан тэнгэри.
Тэрэ хоёр тэнгэриин
Тэгхэн дундан түрүбө
Сэгээн Сэбдэг тэнгэри.
Сэгээн Сэбдэг тэнгэри
Бихэн абаха, шихэн абаха гэжэ
Буляалдаба байнал даа.
Гурбала хоножо
Дайлалсаха байбал даа.
Дараһа лан хүүнхэм най
Сэгээн Сэбдэг тэнгэрьеэ
Абаха гэжэ хэлсэбэ байбал даа.
Хэлсэһэн биеэрээ
Хоёр тээшээ харина бэлэйл даа.

***

Ханхан Хёрмос тэнгэри,
Баруун табин табан тэнгэрии
Ахадажа түрүһөн

Ханхан Хёрмос тэнгэри,
Баруун хойто үнсүгтү түрүлдөһөн
Малзан Хөрмөн төөдэйһөө
Шүүбэриеэ һураха гэжэ
Ябалдаба байба ла.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Хан Хёрмос тэнгэри
Зээ хүбүүн ербүү гэжэ
Үдэр шье арахи ууба,
Һүни шье арахи ууба,
Ёргоон сэгээн сүүдхэдэ
Арахядажа ошобо.
Ёргоон сүүдхэ архядажа байхада ла
болобо,

Родились на западе
Пятьдесят пять тенгриев[3].
Среди пятидесяти пяти тенгриев
Старшим родился
Ханхан Хормос-тенгрий[4].
На востоке родились
Сорок четыре тенгриев.
Среди сорока четырех тенгриев
Старшим родился
Ата Улан-тенгрий[5].
Между ними [западными и восточными],
В середине, родился
Сэгэн Сэбдэг-тенгрий[6].
[Эти тенгрии] меж собою поспорили.
Кто завладеет
Сэгэн Сэбдэг-тенгрием.
Через трое суток
Сражаться должны они были.
И условились: кто победит,
Тот и будет владеть
Сэгэн Сэбдэг-тенгрием.
Порешив так,
Разошлись они в разные стороны.

***

Ханхан Хормос-тенгрий,
Среди западных пятидесяти пяти
тенгриев
Старшим родившийся,
Ханхан Хормос-тенгрий
За советом
Отправился
К Малзан Гурмэн-бабушке[7],
Что родилась в северо-западном крае.
Вскоре,
Коль пришел племянник—
Хан Хормос-тенгрий,—
Пили днем арахи,
Арахи пили ночью.
И шесть целых суток
Гуляли они.
И пока так гуляли,
Ата Улан-тенгрий,
Ожидая трое суток,

Атаа Улаан тэнгэри
Гурбан сэгээн сүүдхэдэ
Хүлеэдэжэ ядаба.
Намhаа ла — баруунай табин табан тэнгэрин
Ахаалжа түрүhөн
Ханхан Хёрмос тэнгэри
Намаhаа ла айжа — ялагтаха хадаа
Тэрьелэжэ мүнөө болсо
Үгэй болон ошоо! гэжэ
Алаг эрээн саарhайе
Зуралдажа орхёбо:
Алаг эрээн саарhандаа —
«Сэгээн Сэбдэг тэнгэри мэнии болоо!
Дайгаа ехэ дарабаб
Дархан солоо мангуулбаб!..»
Гэжэ зуража орхёлой.
Алта мүнгүн уляаhанда
Тэрэ hайхан хэниигэ
Хадажа орхёжо
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлжэ,
Газар тээшээ гальюулhаниин
Тэрэ гэлэй.

***

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Гунтай ла наhатай
Хүбүүн лэ гээшэ
Үлгүйдөө хэбтэбэ;
Мэдээн сайндаа мэдэбэ,

Ухаан сайндаа ойлгобо.
— Мэнии эсэгэ болобо
Дайнда ла дарагдахан юүхэн бэлэй?
Дарахан солоёо —
Мангуулахан юүхэн бэлэй?! гэжэ

Тоо үгэй зорихо гэжэ
Үлгүүёө гэзэгээрэн hуха hүрүн
Гарана бэлэйл даа.
Эсэгээ сагаан мүнгүн ядай
Баруун гартаа бариба,
Сагаан мүнгүн hэлмэйе
Ээм дундаа үлгүбэ.
Адуунай лан газар унаха

Дождаться не мог.
[И сказал] он: «Родившийся старшим
Среди западных пятидесяти пяти тенгриев
Ханхан Хормос-тенгрий,
Предчувствуя, что будет сражен,
Боится встречаться со мною,
Потому до сих пор его нет!»
Написал он
На пестрой бумаге[8].

[Такие слова] написал:
«Сэгэн Сэбдэг-тенгрий стал моим!
Я большого врага победил
И вознес я славу дархана!...»[9]
Ту прекрасную книгу
К осине злато-серебряной
Он прибил.
[А затем] он зашагал домой,
И помчался к родимой земле,
Говорят.

***

Абай Гэсэр-хубун,
Трехлетний младенец,
В своей колыбели
Лежал.
Умом-разумом светлым он стал понимать,
Здравым рассудком он стал рассуждать:
«Мой отец
Иль врагом побежден,
Или славу дархана
Вознес?!
Чтоб немедля отправиться в путь,
Через изголовье своей колыбели
Он выскочил;
Взял в правую руку
Отцовское светло-серебряное копье,
Его светло-серебряный меч
На плечо он навесил.
Он вскочил на коня неоседланного,

Сагаан сэнхир мориндо
Улаан зайдаар унажа,
Ара гэрээн зүүшээ лэ
Үлдэлдэжэ харайлгана бэлэй.
Гүйлгэнэ бэлэй лэ —
Гурбан сэгээн сүүдхэдээ
Үлдэлдэжэ арилба.
Газар дайда хоёроо
Тэгэнэжэ ябахадан
Туун хүсэн ошобо —
Атаа Улаан тэнгэри.
Ошолдоhон биеэрээ
Эсэгэйн сагаа мүнгүн ядааран
Баруун улаан hугааран
Багса ёборон абаба,
Үлгүн Замби дайдада
Шэндэгээдэн орохёжо
Тэхэрэжэ ерэбэ.
Үлүгүёө гэзэгээрэн орожо
Обоо зөөлүн орондоо
Уушха зөөлүн хүнжүлдөө
Оролдожо унтана бэлэйл даа.

**
*

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Ергоон сүүдхэ арахядажа,
Долоодьхо ло сүүдхэдээ
Хан Хёрмос тэнгэри
Мэдээн сайндаа мэдэбэ,

Ухаан сайндаа ойлгобо:
Ёрогоон сэгээн сүүдхэдээ
Айшилажа ерэhээр лэ
Арахядажа ошобол би,
Малзан Гүүрмэн төөдэй!
Дай ехээ заралаа ханайб...
Тэрэ ханай дайхам
Тэрэ хани юумэм ни
Хайшаа ошхо бэлэй? —
hуран суран байба.
Одоо энэ бэлэй:
— Тэрэ дайе хэлсэhэн хойноо
Саада хүүхэнш хүлеэхэ ёhотой ло,
Юhүн сүүдхэ хүлеэхэ.
Ехэ дайе хэлсэhэн хойноо

Нүхүр шэни — юhүн сүүдхэ
Хүлеэхэ лэ ёhэтой!..
Тэрэ ехэ дайе заралаhан хойноо
Намдаа хэлӭэ үгэй—юундэ архяадалайш?
Энэ ехэ дайндаа үттэр хари! гэжэ

Долоодохи сүүдхэдэн
Малзан Хүрмүн төөдэйн
Үлдэжэ харюулана бэлэйл даа.

**
*

На коня светлоголубого,—
На котором пасли табуны,—
И к востоку от северной юрты
[Врага] догонять поскакал.
Он скакал [на коне]
Трое суток,
Скакал вдогонку.
И стал догонять,
Когда тот, Ата Улан-тенгрий,
Проезжал середину
Земли своей—мира[10].
И, настигнув,
Отцовским светло-серебряным копьем
Он подмышку проткнул ему,
Правую, голую,
Сбросил его
На широкую землю Замби[11].
Возвратясь обратно,
Через изголовье в свою колыбель он вошел;
В своей мягкой и пухлой постели
И под одеялом, как легкие. мягким
Он лег и уснул.

**
*

Вслед за тем
Прогулявший шесть суток
Хан Хормос-тенгрий
На седьмые лишь сутки
Умом-разумом светлым он стал понимать,
Здравым рассудком он стал рассуждать:
«Я, в гости приехав,
Пропьянствовал
Целых шесть суток,
Малзан Гурмэн-бабушка,
А я ведь большую войну объявил...
И с тем делом моим,
С той войною
Что будет?»—
Так спрашивал он.
Было именно так:
«Коль условились вы о войне,—
Твой противник обязан [тебя] подождать,
Девять суток ждать должен.
Коль условились вы о сраженье большом,—
Ждать твой «друг»
Девять суток обязан!...
Большую войну объявив,
Почему загулял, не сказав мне об этом?
На эту большую войну иди ты сейчас же!»—
Так на седьмые-то сутки
Малзан Гурмэн-бабушка
Повелела [Хан Хормос-тенгрию] немедля вернуться домой.

**
*

Гэрхэн дээрээ ерхэдээ
Огторгой минган сагаан бурхан
Һара дээрээ сугалалайл,
Һайхан суглаа сугалалайл,
Мэшин дээрээ сугаланал —
Мэргэн суглаа сугалана бэлэйл даа.
Сугалажа байхадаа ла бэлэй —
Ханхан Хёрмос тэнгэриин
Эгээн ехэ хүбүүн
Дашин Шөөхөр[2] ахайеын
— Үлгүн Замби дайдада
Атаа Улаан тэнгэрие
Яахуяа шэндэгээдээ байнат таа?
Үлгүн Замби дайдада
Шэндэгээдэн орохёһон
Зайхан түйдхүн хоёртнай
Үндүр үлгүн хоёрто
Үнэр танар хоёриин
Байлагахаяа болёбо ло.
Үттэр түргэн арилгыш! гэжэ
Дашин Шөөхөр хүбүүе
Хашин хабиран байна ла.
Хэнхэн танай шэндэгээдһэн юмэ бэ?
Эсэгэ шэни архяншн!..
Үзүүрэһээн — Үлгүн дээрхи
Адаһан араата хоёриин
Үзүүрэһээн үнхэжэ байнал даа,
Захаһаан зальяжа байнал даа...
Энэ адаһан араата хоёр
Хаана ошхо бэлэй? гэжэ
Дашин Шөөхөр хүбүүн,
Шихэн орожо тэрэ дайе дары ши,
Тэрэ ёһойн олы ши!
Абай Гэсэр хүбүүн орой хэнзэ байнал даа...
Хашилдажа байхадана бэлэй
— Дайдараһан хүбүүн танай
Гэрэтээ лэ хэбтэнэ,
Дархан солой мангуулаһан хүбүүн танай
Гэрэтээ лэ хэбтэнэ
Тэрээнилэ оруулагтуй! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ бэлэйл.

Ерэтэгэйл гэжэ татаба.
Үмдү үгэй салдагаар
Дэгэл үгэй урбаахяар,
Гунтай наһатай хүбүүн
Ерэлдэнэ бэлэйл даа.
Ерэмсэрэ болобо —
Энэ ехэ дайе лэ
Таа дараба байбуу та?
Бэшэ хүүн дараба байбуу даа?
Һуралсаба байба ла,

Когда он домой возвращался,
Тысяча светлых небесных бурханов
На своей собрались луне,
Собрались на прекрасный совет,
На своей собрались звезде,
Собрались на мудрый совет.
И когда они там собрались,
Дашин-Шохора-старшого,
Самого старшего сына
Ханхан Хормос-тенгрия
Спросили:
«Почему на широкую землю Замби
Ата Улан-тенгрия
Сбросили вы?
Сброшенный вами
На широкую землю Замби,
Это зло-бедствие,
В выси [небесной] и шири [земной]
Нестерпимую вонь и смрад разнес,
Ты очисти быстрее!»—так
Принуждали Дашин-Шохор-хубуна.

«И кто же из вас его сбросил?
Отец же твой — пьяница!
Скот и зверей
На просторах [земных]
С головы он глотает
Да с хвоста съедает...
Куда им податься:
Скоту и зверям?
Дашин-Шохор-хубун[12],
Ты спустись и врага победи,
Водвори справедливость!
Абай Гэсэр-хубун еще малолеток...»[13]
Тогда...
«Врага победивший[14] младенец ваш
Дома лежит,

Вознесший славу дархана младенец ваш
Дома лежит,—
Его и спустите!»—
Сказал [Дашин-Шохор].
«Пусть придет
Абай Гэсэр-хубун»,— сказали.
Без штанов — нагишом,
Без дэгэла* — в рубахе».
Трехлетний младенец
Пришел.
И как только пришел—
«Врага этого сильного[15]
Вы победили?
Или, может, другой победил?»—
Спросили его.

* Дэгэл — род бурятской верхней одежды, надеваемой вместо шубы или пальто.

Абай Гэсэр хүбүүн
— Шэндэгээдһэм шье зүбхэн
Баабайн сагаан, мүнгүн һэлмээрэн
Баруун улаан һугааран
Багса ёборон абаши

Үлгүн Замби дайдада
Шэндэгээдээ шьем үнэл даа!
Мэнэн үгэ хэлэбэ.
Орой хэнзэ гараһан хүүхэн
Абай Гэсэр хайшан гэхэ байна?

Дашин Шөөхөр хүбүүн,
Шихэн орожо
Энэ дайе дара! гэжэ
Огторгойн минган сагаан бурхан
Хашажа хаажа байнал даа.
Хашажа хаажа байхада ла бэлэй лэ
— Хаяһа ла хүүхэн танай
Энэ байна, энээнээ оруулагтуй!
Бихэн ялаха үгэй байнам гэжэ
Дашин Шөөхэр ахай
Һуха гаран арилана бэлэйл даа.
— Абай Гэсэр хүбүүн,
Шихэн оро! гэжэ,
Огторгойн минган сагаан бурхан,
Мэшэн дээрээ байхадаа
Мэргэн суглаа суглажа байхадаа,
Хашалдана бэлэйл даа.
— Орохом шье орохол даа,
Огторгойм минган сагаан бурхан,
Эрэһэй мэни үхүүт?
Эрэхэлһэй мэни долёолгохуут?
Гэжэ һуранал даа.
Огторгойн минган сагаан бурхан гээшэ
— Эрэһэйем үхүлди,
Эрхэлһэйеш долёолгохолди,
Абай Гэсэр хүбүүн,
Юү эрэнэш таа?..
Мэнэн хүүрэз хэлэнэ бэлэй:
— Огторгойн минган сагаан бурхамни
Гурбан хүхүй эгэшии мэни
Намалаараа табяхал та!
Амии мэни тэбшы тө,
Үбүлөй ехэ хүйтэндэ
Даараха үгэй һүмүй барижа асы та,
Нажирай ехэ халуунда
Халуудха үгэеэр
Һүмө барижа асы та! гэжэ
Эрэн суран байба даа.
Огторгойн минган сагаан бурхан гээшэ
— Эрэһэй шэни дутаал үгэй үхүбди —
Эрхэлһэниш дутаал үгэй үхүлди —
Гурабан хүхүй эгэшиишни
Табилдажа үхүлди!
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа.
— Үбүли ехэ хүйтэндө лө

Абай Гэсэр-хубун
Им ответил:
«Да, я сбросил.
Да, правда, отцовским светло-серебряным мечом
Я подмышку проткнул ему,
Правую, голую,
Сбросил его
На широкую землю Замби».
«Младенец, родившийся поздно Абай Гэсэр
Что может сделать?
Дашин-Шохор-хубун,
Ты спустись
И врага того победи!»
Принуждали
Тысяча светлых небесных бурханов.
Когда принуждали,—
«Младенец, что сбросил [врага],
Находится здесь, вот его и спустите!
А я не смогу!»—сказал
Дашин-Шохор-старшой
И возвратился домой.
«Абай Гэсэр-хубун,
Ты спустись»—
Стали принуждать
Тысяча светлых небесных бурханов,
На своей находясь звезде,
На собрании мудром своем.
«Спуститься-то я спущусь.
Тысяча светлых небесных бурханов,
Что я попрошу,— вы дадите?
Что я пожелаю,— позволите мне?»
Так спросил их [Гэсэр].
Тысяча светлых небесных бурханов
Ответили так:
«Что попросишь,— дадим,
Что захочешь,— позволим.
Абай Гэсэр-хубун,
Что ты просишь?...»
«Вы, тысяча светлых небесных бурханов,
Отпустите со мною
Трех моих старших сестер-хухы![16]
Мою душу, меня укрепите[17],
Постройте дворец мне такой,
Чтобы в зимнюю стужу не мерзнуть,
Постройте дворец мне такой,
Чтобы в летний зной
Не потеть!»—
Так просил и выпрашивал он.
Тысяча светлых небесных бурханов
Ответили так:
«Что попросишь,— дадим мы сполна
И что пожелаешь,— позволим мы все!
И отпустим твоих
Трех старших сестер-хухы».
Говорил так (Гэсэр):

Дараха үгэй һүмө барин үхүл тө,
Нажирай ехэ халуунда
Халуудаха үгээр
Һүмө барижа асы та.
Мэнэн үгэ хэлэлдэнэ бэлэйл даа.
— Баряхуйе бариха манай гэжэ
Огторгойн минган сагаан бурхан
Одон сагаан байсанье
Бодхооно бэлэйл даа.
— Баруун урда тулгадан

Алта мүнгүн ширээем
Бодхожо байлгахат!
Алаг эрээн саараһайем
Зүүхэн гартам барюулхат,
Алта мүнгүн гуураһайм
Баруун гартам барюулхат,
Алта мүнгүн ширээеым
Түшүүлэжэ һуулгахат! гэжэ
Мэнэн үгэ хэлэбэл даа.

**
*

Тиижэ лэ байхада
Ханхан Хёрмос тэнгэри
Ядаа гэжэ —
Улаан халамгай
Уһан дүеө ерэжэ —
Огторгой минган сагаан бурахан
Юүгээ хэлсэн зүблэн байгаабта? гэжэ
һуран суран байнал даа.
— Дашин Шөөхөр ахайе
Дараа гэжэ һанаһамнай,
Орой хэнзэ гараһан
Абай Гэсэр хүбүүн манай.
Үлгүн Замби дайдада
Атаа Улаан тэнгэрииие
Шэндэгээдэн орохёо гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэбэ байбал даа.
— Абай Гэсэр хүбүүн
Орой хэнзэ гараһан юмэ
Хайшин гэхэ бэлэй даа.
Үлгүн үндүр хоёрто
Атаа Улаан тэнгэриин

Үнэр танар хоёриин
Байлгахаяа болёбол даа.
Үлгүн Замби дээрэхи
Адаһан араата хоёрииие
Үзүүрһээн үмхүжэ

Захаһаа на зальяжа
Ябуулхаяа болёбол даа.
Абай Гэсэр хүбүүе
Орой хэнзэ гараһан,
Абай Гэсэр хүбүүе

«Постройте дворец мне такой,
Чтобы в зимнюю стужу не мерзнуть,
Постройте дворец мне такой,
Чтобы в летний зной
Не потеть».
«Что построить нам надо,—построим»,— сказав,
Тысяча светлых небесных бурханов
Построили светлый дворец,
Что звездой засверкал.
«В правом переднем углу, у столба,

Поставьте
Мой злато-серебряный трон.
Бумагу мою полосато-пеструю
Мне в левую руку дадите
А в правую руку дадите
Перо мое злато-серебряное[18].
На злато-серебряный трон[19]
Меня так усадите, чтоб я облокотившись сидел!»—
Говорил им [Гэсэр].

**
*

А в это-то время
Ханхан Хормос-тенгрий,
Сильно пьяный,
«Чуть тепленький»,
Едва притащившись,
Спросил:
«Тысяча светлых небесных бурханов,
О чем совещаетесь, чем занимаетесь?»
«Думали, что Дашин-Шохор-старшой
Победил врага.
[Оказалось], родившийся поздно

Абай Гэсэр-хубун наш
Сбросил
Ата Улан-тенгрия
На широкую землю Замби,—
Отвечали [бурханы],—
Что может он сделать,
Родившийся поздно
Абай Гэсэр-хубун?!
И в выси [небесной] и в шири [земной]
Нестерпимыми стали
И вонь, и смрад
Ата Улан-тенгрия;
На широкой земле Замби
Ни скоту, ни зверям
Не дает он проходу:

С головы он глотает
Да с хвоста он съедает.
Мы здесь собрались,
Чтоб спустить [на Землю]
Родившегося поздно

Оруулажа даруулаха гэжэ,
Сугалажа байналди!..
Мэнэн угэ хэлэбэл даа.
Дашиг Шөөхэр ахайндаа,
Огторгойн минган сагаан бурхамни

Оруулхаяа яагааб та?
Орой хэнзэ гараһан
Абай Гэсэр хүбүүн
Юу мэдэхэ юмэб? гэжэ
Хан Хёрмос тэнгэри
Улаан халамгай
Уһан дүёө хүүхэн
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ бэлэйл даа.
— Дайеыш ехээ дараа ла,
Дархан солойш мангаа ла
Абай Гэсэр хүбүүншни
Орой хэнзэ Гэсэр гээшэ.
Орохёо үгэй харахабди
Огторгойн минган сагаан бурхан,
Заяалдаһан заяашан
Заяан Сагаан тэнгэри —
Орой ганса Гэсэрээ
Орохёол үгэй хараха байнамди!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.

**
*

Шагаабартай турдаа лами
Шаганалтай юумээ хэлсай ламди,
Шаганажа һууһан буряашиндаа
Дууряалсажа[2] зугаалае даа[1].

**
*

Абай Гэсэр хүбүүн
Шихэн орохо болобуу? гэжэ
Ханхан Хёрмос тэнгэри
Һуран суран байбал даа.
Һуран суран байхада:
— Арагал үгэй орохомни.
Огторгойн минган сагаан бурахан
Орохёол үгэй хараха ла,
Орой хэнзэ Гэсэрээ
Мартаал үгэй хараха! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ байнал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн
Хаража ла байса ла
Алта мүнгүн байсаньеым
Бодхожо ло асы та,
Алта мүнгүн ширээеым
Баруун урда тулгандан

Абай Гэсэр-хубуна,
Чтоб он победил!..»—
Говорили [бурханы].
«Тысяча светлых небесных бурханов мои,
Почему не спустили
Дашин-Шохор-старшого?
Что знает
Родившийся поздно
Абай Гэсэр-хубун?»—
Так сказал
Ханхан Хормос-тенгрий,
Сильно пьяный,
«Чуть тепленький».
«Большого врага твоего победил,
Славу дархана вознес
Твой Абай Гэсэр-хубун,
Твой родившийся поздно Гэсэр.
Постоянно присматривать будем за ним
Мы, тысяча светлых небесных бурханов,
Его сотворивший творец—
Заян Саган-тенгрий[20]
За нашим Гэсэром, родившимся поздно,
Присматривать будем все время!»—
Так говорили [бурханы].

**
*

В доме с окнами нашем
Интересную речь мы ведем
И бурятам, что слушают нас,
Вторя хором вспоем*

**
*

«Абай Гэсэр-хубун,
Ты должен спуститься?»—
Спросил Ханхан Хормос-тенгрий.
Когда спросили его так,—
«Обязательно должен спуститься.
Тысяча светлых небесных бурханов

Все время присматривать будут,
За Гэсэром, родившимся поздно,
Присматривать будут они, не забудут!»—
Ответил [Гэсэр].
Затем
Абай Гэсэр-хубун
Говорил:
«На моих же глазах
Вы воздвигните
Дворец мой злато-серебряный,
Злато-серебряный трон мой

---

* «Последние четыре строки называются с э г д а р а л г а и поются слушателями для того, чтобы рапсод лучше исполнял поэму» (Прим. Жамцарано).

Бодхолдожо асы та.
Амии мэни тэбшье тө,
Амида биеэр оржо ялха гүйльби,
Альбан* биеэр орохом нил

Үлгүн Замби дайдада! —
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа
Ами тэбшихээр ерэлдэбэ:
Амиим ехэ бэхилыт таа,
Арhайм ехэ зузаалыт!
Гурбан хүхүй эгэшиимни
Хажуудам асараад тэбшы тэ,
Биихэн танай харгуйдаа хани
Хажуудаа нүхүр хэхэм! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа.
Гурабан хүхүй эгэшиие
Хажуудан асарба,
Алта мүнгүн байсаньеын
Бодхожо абаба.
Баруун урда тулгадан
Алта мүнгүн ширээе
Тодхожо орохёно бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүнэй
Амиин ехээ тэбшибэ,
Алта мүнгүн гуураhай
Баруун гартан барюулба,
Алаг эрээн саараhайн
Зүүн гартан барюулжа
Алта мүнгүн ширээеын
Түшүүлэжэ hуулагаhаниин тэрэ гэлэй.
Үбүлэй ехэ хүйтүнду
Даараха үгэеэр hүмө барин hуулгаба,
Нажирай ехэ халуунда
Халуудаха үгэеэр hүмө барин
hуулгана бэлэйл даа.
Огторгойн минган сагаан бурхан гээшэ
— Инбэл Абай Гэсэр хүбүүн манай
Үлүгүн үндүр хоёри
Орохёо үгэй харахаар,
Үлгүн Замби дайдада орохон гэжэ
Гурабан хүхүй эгэшииеын
Хажуудан хани болыт таа
Харгуйдан нүхүр ябагтуй! гэжэ
Табилдана бэлэйл даа.

* * *

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Биеэ нэгэ хубилба —
Хара хирээ болобо,
Гурбан хүхүй эгэшиеэ
Хойноhоон дахуулжа
Үлгүн Замби дайдадаа
Дэбхэрнэ** бэлэйл даа.
Үлгүн Замби дайда дээрээ

Поставьте
В правом переднем углу, у столба,
И душу мою укрепите.
Спуститься в телесном виде своем не могу,
На широкую землю Замби
Я альбином спущусь!»[21]
[Бурханы] пришли укрепить его душу.
«Вы сделайте душу и тело мои
Неуязвимыми!
И трех моих старших сестер-хухы
Ко мне приведите и благословите.
Мне спутницами будут они
И друзьями задушевными будут они»,—
Говорил [Гэсэр].
Привели к нему
Трех его старших сестер-хухы.
Злато-серебряный дворец
Воздвигли ему,
Злато-серебряный трон
В правом переднем углу, у столба,
Поставили ему.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубуну
Душу усердно крепили
И в правую руку вручили
Перо ему злато-серебряное,
А в левую руку вручили
Бумагу полосато-пеструю.
И на злато-серебряный трон
Так его усадили, что он сел навалясь.
Воздвигли дворец,
Чтобы в зимнюю стужу не мерз он.
Воздвигли дворец,
Чтобы не было в летний зной
Ему жарко.
«Вот теперь на широкую землю Замби
Абай Гэсэр-хубун наш спускается,
Чтоб охранять неусыпно
[Небесную] высь и [земные] просторы.
Вы, три его старшие сестры-хухы,
Задушевными будьте друзьями,
И спутницами будьте ему!»—
Вот так говоря, отпустили их
Тысяча светлых небесных бурханов.

* * *

Абай Гэсэр-хубун
Обернулся:[22]
Стал вороном черным,
И трех своих старших сестер-хухы
За собою ведя,
На широкую землю Замби
Он спустился.
Когда на широкую землю Замби

* В издании 1930 г. — албан.
** В издании 1930 г. — дэберхелне.

Буулдажа ерхэдээ,
Арюун юмэй ядаба,
Үдэжэ ябаhан эхибүүдhээ
Бэдэрэжэ ядаа,
Үтүлэжэ ябаhан үбгүд hамгадhаа
Бэдэрэжэ олоходоо —
Ёро хүрүhэн hамагани
Дала хүрүhэн үбгүйе
Ядаан гэжэ олобо.
Орохо ехэ ялагаяа
Үзүүриин[3] hахин үдөө,
Гараха ехэ ялагаяа
Тологой[4] hахин hуурилhан

Үбүhүхэн урьсэгэй
Хулаhан хутаари барижа
hуурилажа абаhан —
Үбүгүн hамаган хоёри
Эсэгэйн Сагаан номодо

Эхэйн Сагаан хээлидү
Ороhонин тэрэ гэлэйл
Эхэйн сагаан хээлидэ
Эсэгэйн сагаан номодо
Таба hарайн шарайяан харахадаа:
— Ибии, малгаяа абыш!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Үтүгөө хата[5]!— гэжэ
Малагаяа гүдүргэн хаялсана бэлэйл.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүү лэ
Ороёорон гараба —
Огторгойдоо дэбибэ.
Огторгойн минган сагаан бурхайя
Мэшин дээрэн суглуулба,
Мэргэн суглаа суглуулба,
hара дээрэн суглуулба
hайхан суглаа суглуулана бэлэйл даа.
Огторгойн минган сагаан бурахан гээшэ
— Орой хэнзэ Гэсэр,
Юугээ эржэ ерээб ши?
Хүүгээ эржэ хөөрөөб ши?
Эхэйн сагаан хээлидэ лэ
Эсэгэйн сагаан номодо ло ороhоор
Табан hарайн шарай хараа хани байналши...
Ямар түргэн ерээбши? гэжэ
Юугээ эрхээ ерээб ши,
Хүүгээ эрхээ ерээб ши? гэжэ
Хэhэн Сагаан Хэлгэ
Хэлгэйн Сагаан Номоон
hуран суран байба ла.
— Огторгойм минган сагаан бурхан
Орой дээрэм хары то,
Орой хэнзэ Гэсэртэ
(үтүлүhэн эхэйн хээлидэб,

Он спустился,
Святое, [что нужно], не мог он [найти].[23]
Среди растущих детей не нашел.
Он нашел
Среди стариков и старух.
Еле-еле нашел он
Старуху шестидесяти лет,

Старика семидесяти лет,
Что росли, охраняя
Начало той пади широкой, куда поднимались,
Основались они, охраняя
Вершину той пади широкой, откуда спускались.
Построив сенной балаган,[24]
Камышовый шалаш,
Основались они —
Старик и старуха.
И к ним-то, в священную долю отца,
В материнское чрево святое
Вошел он [Гэсэр], говорят.
И когда же увидел он месяца пятого лик,
Находясь в материнской утробе святой
И священной отцовской судьбе,[25]
Говорил такие слова:
«Сними, матушка, шапку!»
«Язык твой отсохни!» — вскричала она
И смахнула свою шапку назад.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун,
Через голову [матери] выйдя,
Поднялся на небо.
И тысячу светлых небесных бурханов
Собрал на звезде,
На мудрый совет их собрал,
На луне их собрал,
На прекрасный совет их собрал.
Тысяча светлых небесных бурханов,
Его сотворивший Священный Творец,[26]
Сотворенья Святая судьба
Так спросили его:
«Родившийся поздно Гэсэр,
Что просить ты пришел
И кого же просить ты пришел?
Ты увидел лишь пятого месяца лик,[27]
Как вошел в материнское чрево святое,
В отцовскую долю святую...
Как быстро пришел?
Что просить ты пришел?
И кого же просить ты пришел?»
«Тысяча светлых небесных бурханов мои,
Посмотрите на темя мое,
На Гэсэра, что поздно родился,
(В утробе я матери старой,

Үтүлүһөн эсэгэйн номодоб)
Намада ла гушин гурбан бахтнир хэрэгтэй,
Гурабан минган сэрэг намада
Хэрэгтэй лэ байнал даа.
Огторгойн минган сагаан бурахан
— Шамайеыни табихада
Эрэһэн һайхан юмэйшни
Огторгойн минган сагаан бурхан
Дутаал үгэй үхүбди,
Эрхэлһэн ехэ юмэйшни

Дутаал үгэеэр долёолгохо! гэжэ
Табиһалан бизэбди.
Абай Гэсэр хүбүүн,
Ямар хани газарта
Ороһолон байнамши,
Тэрэ ехэ газарта оры ши.
Огторгойнш минган сагаан бурхан
Эрэһэн сайхан юмэйшни
Дутаал үгэй үхүбди,
Эрхэлһэн сайхан юмэйшни
Дутал үгэй долёолгохолди,
Гушин гурбан бахтиирыш,
Гураба минган сэрэгыш
Буулгалдажа үхүлди! гэжэ
Хэһэн Сагаан Хэлгэ гээшэн
Хэлгэйн Сагаан Номо гээшэ
Хэлсэжэ оруулаба байба ла,
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
һөөрөгшөөлө буужа,
Алта мүнгүн дугуйяар
Алдаал үгэй гэшхэжэ
Эхэйн Сагаан хээлидэ
Эсэгэйн сагаан номодо
Алдаал үгэй оробол даа.
Орохожо байхада
Малагаари мандан шарга наранда:
— Мани алаха юмэ няалдабуу,
Абарха юмэ няалдабуу?
Энүүнэһээ хойшоло —

Малагаяа шье абаха гүй лө,
Хормойёо шье нээхэ гүй,
Һугаяа шье үргүхү гүй!— гэжэ
Үбүгүн һамаган хоёр
Мэнэн хүүрээ хэлсэбэ.

* * *

Долоон һарайн шарайе
Харалдаһа бэлэйл —
— Ибии малгаяа абахашняаб? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Улам бэри хабшиба.
— Ибии малгаяа абахашняаб? гэжэ
— Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.

В судьбе я отца-старика),
И мне тридцать три батора надо,
Три тысячи воинов
Надо».
Тысяча светлых небесных бурханов [сказали]:
«Когда отпускали тебя,
Говорили [тебе],
Что мы, тысяча светлых небесных бурханов,
Что попросишь,— дадим
Что захочешь,—
Позволим!
Так сказали тебе и отпустили [тебя],
Абай Гэсэр-хубун.
На какую ты землю
Спустился,
На землю великую ту и спустись.
Тысяча светлых небесных бурханов твои
Что попросишь,— дадим,
Что захочешь.—
Позволим.
И тридцать три батора,
Три тысячи воинов
Спустим тебе!» —
Говоря так,
Спустили [Гэсэра]
Его сотворивший Священный Творец,
Сотворенья Святая Судьба.
Абай Гэсэр-хубун
По злато-серебряным мостикам,
Не оступясь,
Спустился назад,
В материнское чрево святое,
В отцовскую долю святую
Вошел...
И когда же вошел он,
Назавтра, как красное солнце взошло[28],
Старик и старуха
Такой разговор завели:
«Такое ли к нам привязалось, что нас умертвит,
Иль такое, что нас защитит?
После этого
Шапки не снимешь
И полы нельзя раскрывать,
Даже руку нельзя поднимать».

* * *

Как увидел
Седьмого месяца лик,
Говорил так [Гэсэр]:
«Раскрой же ты, матушка, полы!»—
Она все сильней прижимала.
[Тогда] он сказал:
«Сними, матушка, шапку хотя бы!»—

Улам бэри багса даран һуубалдаа...
һарадаа хүрүн һаглайба,
Елдээ хүрэн ерхэйжэ ерэбэ,
Арбан сэгээн һараяа

Шарайеын харана бэлэйл даа.
Һараяа шарай хаража байхадаа
— Эндэ нэгэ гурбан даралгай[6]
Табиһалан бэлэйб,
Эрьежэ ерэхэмни үнөө үдэр — гэжэ
Дала һүрүһүн үбүгүн
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Малагаар үдэр эрьеэрээл даа,
Нюрга һэер[7] мэни үбүдөжэ
Ямар буруу...[8].
Малагаар нүгөө үдөр
Эрьехэдэ ямар ба? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Дала хүрүһүн үбүгүн лө
Шүлө һала[9] хэхэ юмэ үгэй байналди...
Юун ушье болобо
Эндхи гурабан даралгадам
Шандаган юмэ ороно шье бизэ.
Шангалажа[10] гараад ерхэм! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.

Собхой сагаан һүхээ
Баруун гартаа барижа,
Хоёр һайхан хормойёо
һуйбадажа орхёжо,
Ара гэрээн хойшо
Улаанхани ябагаар
Гэшхүүлэжэ ошоһониин тэрэ гэлэйл.
Үһэтэ юмэ үрүебүү?
Яһатай юмэ ярая буу?
Хоймор ханайн дундаа ла
Еро хүрүһүн һамаган гээшэ
Толи сагаан һэеэ
Дэлэгээжэ хэбтэнэ бэлэйл.
Эгээн ехэ эгэшилэ —
Гарана бэлэй...
Хүхүй дэли һайхан
Басаган гараши
Ороной үбүлгэ дээрэ гарша[11]
Сэгэсэйлхэжэ һуубал даа.
— Басагам наашаа еры ши!
Хай ошхоёо орон дээрэ гүйгөөб ши? гэжэ
һарбад гэхүйн хирэндэ
Огторгон өөдэ дэбибэ.
— Мүнөөхи газар руу ороһон амитан
Юү шье үзхэ үгэй амида!

Она все сильнее натягивала ее...
Приблизился месяц [родов] — пополнела она.
Срок [родов] подошел—и раздалась она.
Вот десятого месяца
Лик показался.
Когда показался десятого месяца лик,
Семидесятилетний старик
Говорил:
«Три ловушки
Поставил я там
И сегодня пойду, посмотрю».
«Ты завтра сходи, посмотри [их].
Спина, поясница болит у меня,
Нездоровится [мне]...
А нельзя тебе завтра или послезавтра
Пойти посмотреть?» —
Спросила старуха.
Семидесятилетний старик
Говорил:
«Ничего у нас нет, не из чего суп нам варить*.
Возможно,
В три ближних ловушки
Попали зайчишки, другие зверюшки.
Я быстро схожу, посмотрю!»
И светлый топор свой колун
В свою правую руку он взял,
Свои длинные полы
[За пояс] заткнул,
Он на север от юрты
Пешком зашагал,
Говорят.
«Существо ли с волосами карежит?
Или существо, что с костями, так ломит?»
Старуха шестидесяти лет,
Подстелив под себя,
Как зеркало, белый свой войлок,
Лежала на хойморе.**
Сестра [его] самая старшая
Тут родилась...
Родилась, что кукушка,
Красивая дочь.
Взобравшись на спинку кровати,
Скромнехонько села она.
«Дочь моя, подойди же сюда!
Ты куда ж собралась — на кровать забралась?» —
Говоря, протянула [старуха] тут руку,
Но дочь поднялась на небо.
«Негодник такой, провалившийся в землю,
Не знает совсем ничего!

* Старик имеет в виду суп для старухи, для роженицы.
** Хоймор — северная половина в юрте.

Ой өөдө собхой hүхээ барижа
Гүйдэhүн амида!..
Гэртээ hуугаа болоо хадаа
Басагайе мэни барихагүй hаами гэжэ.
Түүни нигэ аянда
Тэүүнэй хойто басаган
Гаралдана бэлэйл даа.
Мүнгүлэн бүхүтэй,
Алталан сээжитэй
Басагалан гараша,
Хүхүёhөө[12] шье hайхан
Хүхүсгэй шэнье адали басаган
Ороной тээгхэн дээрэ гаража,
Сэгэсээлхэжэ hуубал даа.
Мэтэр гэhэн биеэрээ
Ёро хүрүhөн hамаган гээшэ
— Юү шье үзхэ гүй амида,
Унаhан, ширгэhэн,
Уруугаа ло ороhон!..
Гэртээ hуугаа хадаа
Хоёр хани басагайеым
Нэгэйн угайдхадаа
Бариха гүй hами!.. гэжэ
Хэлэн хүүнэн хэбтэбэл.
Тэүүнэй хойто басаган
Гаралсана бэлэй лэ,
Алтан сээжитэй,
Мүнгүн бүхүтэй,
Мүнгүн бүхүтэй басаган гаража
Үрхүеөни үзүүр дээрэ гаража,
Сэгэсиилхэжэ hуубал даа.
— Хэлэhэн хүүриим дуула үгэй ошоhон,
Газар руу ороhон! Ойдо юү үзхэм гэжэ
Юү хархам гэжэ ябааб?—
Хара нүхү руу ороhон,
Хоёр нюдээ* тэhэрhэн
Хэоhоороо харahан
Газарта ороhэн
Хара түреэд!— гэжэ
Гэрэтээ лэн hуугаа хадаа
Газар уруу ороhон
Гураба hайхан басаганайм
Нэгэйн шье угайдхадаа барях гүй hами! гэжэ
Хараан ширээн хэбтэбэл.
Одоо мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Ибиин сагаан хээлиhээ
Эсэгэйн сагаан номоhоо
Гаралдана бэлэйл даа.
Хоёр hайхан гариин даа
Нюурагандаа няажа ла,
Хоёр hайхан хүлүйн даа
Ханширатаа няажа ла,

Он, негодник-то, в лес убежал
Со своим топором-колуном!...
Удержал бы мою дочь,
Если дома сидел!»—так ворчала она.
А затем
Появилась
Вторая тут дочь.
С золотой она грудью,
С серебряным задом
Была эта дочь.
И красивей кукушки,
Как трясогузка, была эта дочь.
На кровать, на спинку ее
Скромнехонько села она.
Вслед за тем
Шестидесятилетняя старуха
Лежала ворчала:
«Негодник такой ничего-то не видит,
Упавший, иссохший,
Скатившийся вниз!
Если дома сидел,
Удержал бы, быть может,
Хотя бы одну
Из двух дочерей-близнецов!...»
Третья дочь
Родилась.
С золотою же грудью,
С серебряным задом была эта дочь.
И на крышу взобравшись,
Над трубою сидела она, подобравшись.

«Ушедший, меня не послушав,
Ушедший он в землю! Что видеть в лесу,
Что смотреть он ушел?
Провалившийся в черную яму,
С глазами, что лопнули,

Смотрящий пустыми глазницами,
В землю ушедший,
Несчастный слепец!
Если дома сидел,
Провалившийся в землю,
Неужто не смог удержать хоть одну
Из трех-то прекрасных моих дочерей!»—
Так ворча и ругаясь, лежала [старуха].
Наконец,
Появился

Абай Гэсэр-хубун
Из священной отцовской судьбы,
Из святой материнской утробы.
Красивые руки его,
К спине прилипшие были
И красивые ноги его,
К животу прилипшие были.

* В издании 1930 г. — нудо.

Баха дали балсайжа,
Бааһан дали илсайжа
Бархяража бааян дүүен байнал даа.

***

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Дала хүрүһөн баабай ло
Ерэлдэнэ бэлэйл даа.
Хоёр шандагай һугабшалан
Ерэлдэнэ бэлэй лэ.
Ерэхэдэ болобо —
— Хара газар руу ороһон
Үедээ юухэн шье үзэхэ үгэй нохой!
Гэрэтээ лэн һуугаа хадаа —
Гураба лан басага гарагаа ла
байнал би —
Угайдхадаа нэгхэйн шье баряхгүй
һэмш даа!
Энэ бахашаг балсайһа юмэй,
Бааһаншаг илсайһа юмэй
Тэбэрэжэ һууха ши энэ болоо, нохой!
гэжэ
Хараан ширээн һуубал даа.
— Энэ басагани —
Эхэйн сагаан хээлидэ
Орохоһоо хойшоло,
Олдохоһоо хойшоло —
Анда зуртай[13] басаган ерээ —
Алтайда гарахада нэгэтэ шье
Хооһон ержэ үзээ үгэйб!..
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа:
Манда баригдаха хадаа

Һүри аалида* тогтохо байнал даа,
Манда баригдаха үгэй хадаа
Огторгодоо дэгдээ,
Бурханиин абаа! гэжэ
Мэнэн үгэ хэлэбэ.
Үбүгөн һамаган хоёр гээшэ
Хоюуландаа байжа ла
Хүбүүгээ хүйеын хүндүн абажа,
Хүбшүргүеө томожо
Һуугаа гээшэ юмэл даа.
Үдэшэниин болобо —
Үнөөхил лө хүбүүн
— Баабай ибии хоёр ни
Малгаари мандан шарга наранда
Хоёр ермэ улаан [14] хүбүүн ерхэ.
Тэрэ хоёри ерхэдэ
Бинхэн танай уйлахаб,
Та хоёрло — һамааргажа ядажа
байгаарайгтуйл даа!
Малагаари эртээрэ
Үнэгэни харанхуйһаа хойно
Хүбүүн хэлээ амандаа хээ үгэй

* В издании 1930 г. — алда.

И он, распластавшись лягушкой,
Расплывшись, как тесто,
Лежал и рыдал.

***

Вслед за тем
Возвратился
Семидесятилетний отец.
И принес он подмышкой
Двух зайцев.
Когда он пришел,
Так ругалась сидя [она]:
«Провалившийся в черную землю,
Всю жизнь
Ничего ты не видишь, собака!
Сидел бы ты дома —
Я трех дочерей родила. —
Ты мог бы хотя бы одну удержать!
А теперь ты, собака, сиди обнимай же
Вот этого, что распластался лягушкой,

Расплылся, как тесто!»
«С тех пор, как пошел
Этот сын
В материнское чрево святое,
Как был он зачат, —
С пустыми руками с Алтая
Ни разу я не возвращался!
Родился такой — на зверей он
удачливый сын[29], —
Так [старик] говорил, —
Коль могли бы мы их удержать,
То остались бы дома они,
Коль нельзя было их удержать,
Так на небо свое поднялись,
Взял бурхан[30] их к себе!» —
Говорил он такие слова.
И вместе —
Старик и старуха —
Отрезали сыну пупок
И сучили свое хубшэргэ[31].
Так сидели они.
Когда вечер настал,
Этот мальчик [сказал]:
«Мой отец, моя матушка,
Завтра, как красное солнце взойдет,
К нам два парня румяных придут.
А к приходу тех двух
Я заплачу,
А вы успокоить старайтесь!»
Назавтра же, рано,
Как лисий рассеялся мрак,*

Стал он плакать-рыдать,

* Лисий мрак — идиоматическое выражение, означающее предрассветную темноту.

Уйлана бэлэйл даа.
Үдэйн шье шарга наранн
Үрөөлөө бултайжа
Үрөөлөө эдүйдө
Оролсожо ерээд лэ:
— Ямар хэлээ амандаа хэхэ гүй
хүбүүн бэлэй!
Энэ ханай хүбүүни
Дуун шуун хоёрто
Үдүршнин холо газарһаа наашаа
Яахагүйн яахаар ядалсажа ерэбэбди...
Хоёр һайхан шихэдээ
Долёоборнуудаараа даража
һуугаа гэхэл юмэ лэ.
Манда хүбүүн болхо юмэ гарабуу?
Али хүбүүн болхогүй юмэ гарши
Игэжэ зобообуу? гэжэ хэлэжэ
Үбгүн һамаган хоёр
һамааргажа ядабал даа.
Манда хүбүүн болхо юмэ аад ла
Игэжэ зобоонуу?
Манда хүбүүн болхо гүй юмэ аад ла
Нижэ мани зобоонуу?
Хүлиин хадаа болобо
Ханшарта няаһа юмэл,
Гарнин хадаа болобо
Нюргандаа няаһа юмэ,
Газар дайда хоёрто,
Гамби Замби хоёрто,
Энни хүли, гари залаха юмэ
Биихэн шье биизэ.
Хүбүүд тэрни дуулаа биизэт? гэжэ
һуран суран байбал даа.
— Биди шье залахаяа
һаатаха гүй байнал ди — гэжэ
Мэнэн хүүрэ хэлэнэ бэлэй хоюуландаа
Мэтэр гэһэн биеэрээ
Эхэ эсгэ хоёриин
Анжиран тэрэ хүбүүндэ
Үгүлдэнэ бэлэй.
Баруун захайн хүбүүниин
Баруун хүлиин барижа
Таталдана бэлэйл даа.
Баруун хани хүлөөрөө
Эдьхөлэжэ орхёбо —
Баруун хани хаяада
Үнэһэ лэ болосо бута һамна
Эдьхөлэжэ орохёбо —
Зүүн захай хубуун гээшэ
Зүүн хүлиин барижа
Таталдана бэлэйл даа —
Зүүн ехэ хаяада

В рот язык не кладя*.
Как солнышко красное
Взошло половиной,
Другой половиной еще не взошло,
[Те два парня] пришли.
«Что за мальчик, — плачет не
переставая?
Из-за крика и рева
Мальчишки этого
Мы расстояние, что можно покрыть за
день,
Еле-еле прошли...» — [возмущались они].
Указательными пальцами
Красивые уши свои затыкая,
Сидели они, говорят.
«Сыном нам быть он родился?
Или сыном не быть нам родился
И мучает так? — говорили
Старик и старуха,
Стараясь унять [малыша]. —
Сыном нам быть —
Нас мучает так?
Или сыном не будет,
Но мучает так?
К животу
Его ноги прилипли,
А руки
Прилипли к спине.
Может быть,
На земле да и в мире [во всем]
Есть такое, что выправит
Ноги и руки его.
Вы, ребята, об этом не слышали?» —
Спросили [старик и старуха].
«Да выправить можем,
Пожалуй, и мы», —
Говорили [те парни].
Вслед за тем
Тем двум парням
Старик и старуха
Скорей передали [ребенка].
Тот парень, что справа стоял,
Взял за правую ногу [ребенка]
И начал тянуть
Тут [ребенок]
Пнул правой ногою —
Тот в правый хая** отлетел,
В пух и прах он разбился,
В золу превратился.
А парень, что слева стоял,
Взял за левую ногу [ребенка]
И начал тянуть.
Тут [ребенок] пнул левой ногою —

---

* Идиоматическое выражение, означающее беспрерывный плач.

** Хая — место стыка стены и пола, нижние края стены.

Үнэhэ лэн болсо
Бута hамна үдьхулөжө
Унагаажа орхёбо.
Дарша үгэй юмэшэ
hая мүнөө дайлабаб даа,
Дайлаша үгэй юмэшэ
hая мүнөө дайлабаб даа! гэжэ
Эхээ шара уураги
Хүхүлдөжө хэбтэбэл.
Баабай ибии хоёрни
Малагаари мандан шарга наранда
Манда хоёр хүбүүн ерхэ юмэ.
Биихэн танай ерэхэhээн хойшо
Уяраха юмэб гэжэ мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Үдэшэни боро хоног,
Шара набша боложо
Унтана бэлэйл даа.
hүниин тэнхэй барагта
Барахяража нёшобо.
hүни тэнгэhээ хойшо ло
Барахяража байба ла.
Малагаари мандан шарга нарани
Үрөөлүеө бултайжа, үрөөлөө үдүйдэ
Хоёр эрмэ улаан хүбүүн
Орон гэжэ ерэнэ.
Оролсожо ерхэдээ —
Эхэ эсгэ хоёриин
Хоюуландаа бие биедээ үгүшэ*
hамааргажа ядажа байгаа гэхэн юмэ лэ
Тэрэ хоёр хүбүүн:
— Ямар хэлээ амандаа хэхэ үгэй хүбүүм! гэжэ
Хоёр hайхан шигшэйхэеэрээ
Шихэдээ бүглүүн hуубал даа.
— Манда хүбүүн болохо юмэ аад ла
Иигэжэ түлгөөнүү даа?
Манда хүбүүн болохо юмэ аад ла
Иигэжэ түлгөөнүү даа?..
Манда хүбүүн болхо үгэй юмэ аад ла
Иигэжэ мани түлгөөнүү?
hүни шье унтуулнал үгэй,
Үдэр шье унтуулнал үгэй
Хоёр ханай гариин
Арадаа няаhан юмэ,
Хубилжа ебэлжэ гараhан юмэ!..
Манай хүбүүн болхо юмуу?
Манда хүбүүн болхогүй юмүү?
Хэлсэжэ байбал даа.
Газар дайда хоёрто,
Гамби замби хоёрто
Энээни залаха юмэн
Юн шье байха юм ааб?
Хүбүүн мэдэнэ бэзээт?

Тот в левый хая отлетел,
В пух и прах он разбился,
В золу превратился.
«Непобедимое
Победил я сейчас,
Неодолимое
Одолел я сейчас!» — говоря так,
Лежал и сосал он
Молозиво желтое матери.
«Мой отец, моя матушка!
Завтра, как красное солнце взойдет,
К нам два парня придут.
К их приходу
Я плакать начну, — говорил он.
Как спустились вечерние сумерки
Желтой листвою,[32]
Легли они спать.
Примерно в полночь
Начал он плакать.
И заполночь
Плакал.
А на завтра, как красное солнце
Взошло половиной, другой половиной еще не взошло,
Двое дюжих парней
Подошли и зашли.
Когда [парни] зашли,
Его мать и отец водились с [ребенком].
Передавая друг другу [ребенка],
Не могли успокоить его.
Те два парня удивились:
«И что за ребенок такой,— плачет не переставая?»
Своими мизинцами
Уши свои затыкая, сидели они.
Он сыном нам будет,
Так он мучает нас...
Или сыном не будет,
Но мучает нас?
Он и ночью нам спать не дает
Да и днем [тоже] спать не дает.
Обе руки его
Прилипли к спине,
Хубилганом родился, не как человек...
И будет нам сыном?
Или сыном не будет? —
Говорили [старик и старуха] —
На земле да и в мире [во всем]
На Гамби и Замби,
Есть ли такое,
Что выправит это?
Ребята, об этом не знаете вы?—
Так спросили [старик и старуха].

* Лит. — үгэжэ.

Һуран суран байна ла.
— Биди шье залахуяа
Һаатхуй лан байнал ди!—
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа.
Анжаран эхэ эсэгэ хоёриин
Тэрэ хани хүбүүндэ үгүбэл.
Баруун захайн хүбүүн
Баруун гариин барижа
Таталдана бэлэйл даа,
Баруун тээшэн ёборбо,
Баруун ханай хаяада
Үнэһэн болсон
Бута бала ёборжо
Унагаажа орхёбо.
Зүүн захайн хүбүүн —
Гари бариһан хүбүүн
Зүүн гариин татаба —
Зүүн тээшэ дэлижэ
Ёборжо орхёбо,
Зүүн хана хаяадаа
Бута ёборон үнэһэн болгон унагааба.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ
Эхеэ шара уурае хүхүлдөжө

Түмэр хара үлгүйдөө —
Үлгүйдөө лө орожо
Унталдана бэлэйл даа.
Үдэшэни болобо —
Һэрэлдэнэ бэлэйл даа —
— Баабай ибии хоёрни
Ёргоон залуу хүбүүн ерхэ.
Тэрэ ёргоон хүбүүнэй ерхэдэ
Бихэн танай хэлээ амандаан
хэхэдэн гүй
Бархяараха байнал би...
Хэлэн хүүнэн байна ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ
Тэрэ ёргоон хүбүүн
Ямар хэлээ амандаа хэхэ гүй хүбүүм!
гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэхэ аа бэзэ.
Үүрэй хяраанһаа хойшо ло
Энэ хүбүүнэй дуунда
Яахуйн яахаар ябажа ла ядабал ди!
гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлхэ аа бэзэ — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.

Унтана бэлэй лө.
Үүрэй хяраалхаһаа уратажа
Шашхажа уйлажа ошобо —
Эхэ эсгэ хоёриин
Хүлхэн дээрээ барижа
Һамаргажа ядажа байгаа гэхэн юмэ лэ.
Үүрээ лө сайхада
Үдэйн шарга наранай

«Да выправить сможем,
Пожалуй, и мы»,—

Говорили [те парни].
Тут же мать и отец
Передали тем парням [ребенка].
И парень, что справа стоял,
Взял за правую руку [ребенка]
И начал тянуть.
[Мальчик] вправо с размаху толкнул так.
Что тот в правый хая
Отлетел,
В пух и прах он разбился
И в золу превратился.
А парень, что слева стоял,
Взял за левую руку
И начал тянуть.
[Мальчик] влево с размаху толкнул так,
Что тот в левый хая
Отлетел,
В пух и прах он разбился и в золу
превратился.
Вслед за тем он,
Пососав молозиво желтое матери,
Лег в колыбель свою черную, железную.
Он в своей колыбели
Уснул.
И проснулся,
Как вечер настал.
«Мой отец, моя мать!
Шесть парней молодых [к нам] придут.
И к приходу шести тех парней,
Буду я плакать
Не переставая...», —

Говорил так [Гэсэр].
Вслед за тем
Говорил:
«Эти шесть парней,
Наверное, скажут:

«Что за мальчик такой—плачет не
переставая?
Из-за рева этого мальчика
Еле-еле с рассвета
Сюда дошли».
Так сказал и

Спать улегся [ребенок].
Но перед рассветом
Стал плакать-кричать.
Его мать и отец
На ногах успокоить пытались,
Но никак не могли успокоить.
И с рассветом,
Как красное солнце

Үрөөлөө бултайжа, үрөөлөө үдүйдө
Ёргоон хүбүүн оролсожо ерэбэ —

— Ямар хэлээ амандаа хэхэ гүй
хүбүүм! гэжэ
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
Уйлажа байба ла —
Үүрэй хяраанһаа хойшо ло
Энэ хүбүүнэй дуунда ла
Яахуйн яахаар ябалсажа ядаал ди!
Ёргоон хүбүүн хэлэн хүүнэн байнал даа.
— Басаган манай
Хэлиниин хотобо[15] яабаа уу?
Үдэр шье һамааргажа ядабал ди,

Һүни шье һамааргажа ядабал ди —
Гарахаһаа лан хойшо ло —
Хүхөө шье хүхүнү гүй,
Угжаяа шье хүхүнү гүй.
Хэлини мяхани хатаһай мэдэхэ хүүнхэн—
Дайда дээрэ хаана байха юүмэ ааб?
Таанар хүбүүд мэднэ шье бээз тэ?—
Һуран суран байна ла.
Түрүүнэй лэн хүбүүн —
— Биди шье мэдэхэ байнам ди —
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа —
Түрүүнэй лэн хүбүүндэ —
Барюулна бэлэйл даа —
Барюулхада болобо —
Аман соохонон болобо
Хэлеэ хэжэ худхажа үзэжэ
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
Худхажа һуухадан
Хэлиин түбүнгүйгөөрэн
Ходо* тата набана бэлэйл даа.
Түүнэй хойто хүбүүндэ
Барюулна бэлэй лэ.
Түүнэй хойто хүбүүн
Мэнхэн хэлеэ амандан хэжэ
Худхажа һууба ла —
Мэнхэн түбүнгүйөөрэн ходо татан
Абалдаба байба ла —
Тэүүнэй хойто хүбүүндэ
Анжиран барюулаа —
Амаа атхан һуубал даа.
Тэүүнэй хойто хүбүүни
Мэн хэлеэ амандан хэжэ
Худхажа һуубал даа —
Хойто хани хүбүүнэй хэлиин
Хүбүүнэй хэлиин ходо татаба.
Анжиран нүгөө хүбүүндэ барюулаад
Хамараа ухашлан һууна ла.
Түүнэй хойто хүбүүндэ
Барюулжа орхёод ло
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.

* В издании 1930 г. — хэдо.

Взошло половиной, другой половиной
еще не взошло.
Шесть парней подошли.
«Что за мальчик такой,— плачет не
переставая?»—
Говоря так, сидели они.
А [ребенок] все плакал.
«С самого утра
Из-за крика этого мальчика
Еле-еле, с трудом мы пришли»,— так
Шесть парней говорили.
«У нашего сына
Язык прирастает что ли?
Успокоить не можем и днем,

Успокоить не можем и ночью его.
Как родился,
Грудь он ни разу еще не сосал.
Где на свете живет человек,

Исцеляющий эту болезнь?
Вы, ребята, не знаете?»—
Спросили они.
Первый парень
Сказал им:
«Да знаем и мы».
Дали [мальчика]
Первому парню.
Он
Засунул язык в рот ребенку],
Стал мешать языком.
И когда он мешал,
То [ребенок] вырвал
С гортанью язык [тому парню].
И второму парню
Они мальчика дали.
И второй парень
Засунул язык в рот [ребенку],
Стал мешать языком.

Ребенок же вырвал
С гортанью язык [тому парню].
Тогда передали сразу же [мальчика]
Третьему парню,—
Он сидел, рот [руками] закрыв.
А парень четвертый
Засунул язык в рот [ребенку],
Стал мешать языком.
Но [ребенок] и этому парню
Вырвал язык.
Передали пятому парню —
Он, в носу ковыряя, сидел.
Он передал [его]
Парню шестому.

Эгээн һүүли хүбүүни
Хэли ходо һорхолоор
Анжиран зүүн хаяа һабашхёод
Газаа тээшээ гүйлдэнэ бэлэйл.
Ёргоолуулан газаа хани гараад ла
Хүүрээ шье дуулалдахаяа болижо
Гүнгэнэлдэн зүгэй адли байгаа гэхэн юмэ лэ.
Ара гэрээн зүүхэн урайгша
Ёргоолуулан гүнгэнэлдэн арилна бэлэй лэ
Дарша үгэй юумэдээ
Баабай ибии хоёрни
Һая мүнөө дарабаб даа.
Дайлаша үгэй юумэдээ
Һая мүнөө дарабаб даа! гэжэ
Зүүхэн хаяадаа бодожо
Орбойхожо һууба ла.
Эхэ эсэгэ хоёрын
Зүүн ханай хаяаһаа асаржа
Хүхөө хани хүхүүлжэ
Түмэр хара үлгүйдэн
Оруулжа унтуулба.
Үдэшэниин болбо —
Үдэйн шарга нарани
Үрөөлүеө орожо, үрөөлүеө үдүйдэ һэрэжэ
— Баабай ибии хоёрин.

Ибии, түмүр хара угжадам ни даа
Дүүрэтэлэн уурагаа хани һаатаарай...
Баабай намаяа —
Орохо ехэ ялгайн
Узуур дунда абаадажа табяарай,

Гараха ехэ ялгайн
Гарам дунда табяарай.
Баабай, баабай гэнэлби!
Түмүр хара үлгүйтэйм
Тэбэрэжэ абаадша
Тэндэхэнэ табяарай.
Табяа хани болоо хадатнай
Танай хүбүүн болхо байнам.
Табяа үгэй болоо хадатнай
Танай хүбүүн болохогүй байнам! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Боро хоног, шара набша болонол даа.
Унтана бэлэйл даа.
Үглөөни үдэйн шарга нарани

Үрөөлүеө бултайжа, үрөөлүеө үдүйдө бодолдожо
Эхэн хадаа болобо —
Түмүр хара угжадан
Хоёр хүхөө дүүрсэ һаалдана бэлэйл даа.
Дала хүрэһэн баабай ла

Последний-то парень,
Как [мальчик] вырвал ему язык,
На улицу выбежал,
Бросив [мальчика] в левый хая.
И на улицу выбежав, все, вшестером,
Как будто бы пчелы, жужжали,
Друг друга понять не могли.
И от северной юрты на юго-восток
Вшестером удалились жужжа.
«Мой отец, моя мать!

Непобедимое
Победил я сейчас,
Неодолимое
Одолел я сейчас!» — говоря так,
Он скромно сидел
В своем левом хая.
Мать, отец
С того места его принесли.
Грудь дала ему [мать],
В колыбель его черную железную
Спать положила.
И вечер настал.
Когда красное солнце
Зашло половиной, другой половиной еще не зашло,
Он проснулся и так говорил:[33]
«Мой отец, моя мать!
Моя матушка, в черный железный рожок мой
До края надои ты молозиво...
Мой отец!
Ты меня отнеси и положи на середину вершины
Той пади широкой, откуда спускаешься,
Положи на середину
Той пади широкой, куда поднимаешься.
Отец, мой отец, говорю!
С колыбелью железною черной
Меня отнеси,
Там положь.
Коль положите, —
Сыном вам буду,
А ежели вы не положите, —
Сыном не буду я вам!»
Вслед за тем
Спустились вечерние сумерки желтой листвой.
Улеглись они спать.
А наутро, как красное солнце
Взошло половиной, другой половиной еще не взошло,
Поднялась его мать,
В его черный железный рожок
[Молока] из грудей до краев надоила.
Семидесятилетний отец

Түмэр хара үлгүйтөөе тэбэрижэ
Орохо ехэ ялгаая
Узуур дундан абша,
Гараха ехэ ялгаая
Гарам дээрэн абша
Табижа ла орхибо.
Орхо ехэ ялгайн
Узуур дунда абша,
Гараха ехэ ялгайн
Гарам дундан абша,
Табижа ла орхёод ло
Харижа ла ерэбэ.

**
*

Табижа ла орхёһон хойно —
Үдэр тэнхэй барагта
Баруунаһаа хоёр хирээ

Ерэлдэнэ бэлэй лэ.
Түмүр ехэ хушуутай
Түмүр ехэ һабартай ерэжэ
Хүбшүргын хоёр тээхэнэ
Һуулдана бэлэйл даа.
Һуухада болбо —
Хоёр хани гарын ла
Ходо татан абша,
Хоёр хани хирээши
Нарин хани хүзүүнһээн
Атхажа орхибо.
— Инжэ лэн ябахадаа —
Газар дайда хоёрто
Юү үлеэхэ байнаш? гэжэ
Түмүр һайхан хушууеын

Ходо татан хаяжа,
Туруун хошуу
Хушуулуулан табиба,
Түмэр хара һабари
Ходо татан абаба —
Туруун һайхан һабари
Һабарлуулан табиба.
Тэрэ хоёр хирээ лэ
Ядаа гэжэ мултаржа
Ниидэжэ ябхадаа,
Хойно хойнштоо, хоёройло нэгэндэ,
Манда түреэд болхо гэжэ
Энэ хани хүбүүнэй
Хоёр ханай нюдэнэйн сэсгэй
Мулта сохихом най гэжэ ябаһаар
Хайран хани хушуунуудаа,
Хайран хани һабарнуудаа
Хуура татуулжа хаюулба байнаб дил гэжэ
Хэлсэлдэжэ ябабал.

Взял в охапку [ребенка]
С его колыбелью железною, черной,
Отнес, положил на середину вершины
Той пади широкой, откуда спускался,
Отнес, [положил] на середину
Той пади широкой, куда поднимался.
Отнес, положил
На середину вершины
Той пади широкой, откуда спускался,
На середину
Той пади широкой, куда поднимался,
[Затем] возвратился домой.

**
*

А затем, как [отец] положил и оставил его,
Два ворона с запада
В полдень, примерно,
Туда прилетели.
С большими железными клювами
Да и с когтями большими железными
[Вороны те] прилетели
И сели с обеих сторон хубшэргэ.
И когда они сели,
Тут вытащил руки
[Ребенок].
Схватил он
За тонкие шеи
Двух воронов тех.
«Если будете делать все так,
Что оставите вы
На земле да и в мире [во всем]?» — говоря,
Их железные клювы могучие
Выдернув, выкинул он их
И надел
На них роговые* клювы.
Железные черные когти их
Выдернул он
И надел на них
Роговые когти.
Когда те два ворона,
Еле вырвавшись,
[Назад] полетели,
Такой разговор завели:
«Мы подумали, что когда-нибудь после
Он нам помешает.
Хотели ребенку этому
Выклевать, выбить зрачки его глаз.
А, оказалось,
На деле:
Он выдернул, выкинул
Клювы добротные наши,
Добротные когти»

* Буквально: копытные (туруун).

**
*

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Үдэшэни боро хоног
Шара набша болходо,
Дала хүрэһэн үбгэн
Ошолдоно бэлэйл даа —
Мүнөөхилэ хүбүүгээ тэбэржэ асарбал.
— Баабай ибии хоёрни
Энэ дүртээ ямар һайхан газарта унтуулабат.
Малагаар эртээрэ тэндэ абша
Табяа хани болоо хадат най,
Танай хүбүүн болхо байнам,—
Табяа үгэй хадат най
Танай хүбүүн болхо үгэй байнам!—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Боро хоног, шара набша болжо
Эхээ хоёр хүхэ хүхэжэ

Унтана бэлэйл даа.
Үглөөни, үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйеэ бултайжа, үрөөлүеэ үдүйдэ
Бодон харайн байба ла —
— Баабай, баабай үнөөхи лэ газарта

Абаадажа табихани
Ибии уурагаа һааеыш
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Дала хүрэһэн баабай гээшэ
— Шамай уруу өөдэ шэрэһээр
элхилдэжэ* унаха болобоб даа.
Шамай үдэр бэри —
Уруу өөдэ шэрэжэ!— гэжэ
Ёро хүрэһэн эхэн лэ —
Басаганаа дурай юундэ[16] таһалхашам!
Урайнаһаа наашала яажала ябаа һам ши?
Энэ үдэрэй талда
Нэгэ ябаад ерэхэдээ
Яажала ошхо һам ши...
— Тоо үгэй абаадхамдаа,
Хүхүнөө ууран басагандаа һаажа асыш таа —
Хүхүнөө шара ураги
Түмүр хара угжадан
Дүүрсэрэн һаажа ла —
үлгүйдэ нэ уяжа
Ябуулба байбал даа,
Абаадажа мүнөөхи лэ газартаа
Абаадажа табиба.
Гараха ялгайн гарамда
Орхо ялгайн узуурта
Абаадажа табилдаба.
Табижа норхижо** харилсажа ерэбэ.

**
*

Вслед за тем,
Как спустились вечерние сумерки
Желтой листвой,
Семидесятилетний старик
Возвратился за сыном.
Взяв в охапку его, принес он домой.
«Мой отец, моя мать!
На каком благодатном, красивейшем месте сегодня
Меня положили вы спать!
Завтра рано меня отнесите туда же,—
Вашим сыном я буду,
А ежели не отнесете,—
Не буду вам сыном!»—
[Гэсэр] говорил.
И спустились вечерние сумерки желтой листвой,
С материнскими грудями во рту
Он уснул.
А с утренним солнышком красным,
Когда половиной оно взошло, другой половиной еще не взошло,
Он проснулся, вскочил.
«Отец мой, отец мой, на то место
Меня отнеси ты,
Молозиво, мать, надои!»—
Так сказывал он, говорят.
Семидесятилетний отец [говорил]:
«Вниз и вверх таская тебя,
Превращусь я в скелет,
Ежедневно таская тебя
Вниз и вверх!»
Шестидесятилетняя мать [говорила]:
«Зачем ты перечишь желанию сына?
Как раньше носил ты?
С тобой ничего не случится,
Если за день один раз сходишь,
Его отнесешь...»
«Отнесу непременно [его].
Надои ты молозиво сыну, мне дай!»
И молозиво желтое мать
В его черный железный рожок
До краев надоила,
К его колыбели [рожок] привязала,
Отправила все это с отцом.
И на старое место принес
И оставил [отец] его там.
На верховье той пади, куда выходил,
На веришне той пади, куда заходил,
Положил он [ребенка].
Положил и оставил, вернулся обратно.

* Үлхетэ яһандаа орсо. (Примеч. Ц. Жамцарано).
** Лит. — орхижо.

Үдэр тэнхэн барагта,
Зүүнэһээ гурбан ялгайн саада биедэн хэбтэбэ,
Гунан үхэри шинээн

Хэбтээ гэхэн юумэ лэ,
Үлүн шара батагана
Яһан ехэ хушуутай
Яһан ехэ һабартай
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Энэ ханай хүбүүн
Хойно хойно, хоёри ханай нэгэндэ
Намда түреэд болхо байна
Энэл ханай хүбүүнэй
Наряа ха ла мяхандан,
Улаа хана шуһандан,
Сээжиин хара шуһайе
Ходо һорожо абахам гэжэ
Хүбшүргө дээрэн табина бэлэйл даа,
Яһан ехэ хушууе.
Табижа — ай гэхэ бэлэй —
Сээжиин хара шуһанда
Хушуугаа оруулхаар ябахада.
Атхана бэлэйл даа.
Яһан ханай һабартай

Яһан ханай хушуутай
Үлүн шара батаганайе
Яһан хани хушууеын
Абалдажа хаяба,
Мяхан хушуу хушуулуулба;
Яһан хани һабариин
Абалдажа хаяба,
Мяхан һабар һабарлуулжа табиба.
Нэжээд ханай бишайхаар
Бута сохин хаяна бэлэйл.
Газар дайда дээрэ инжелэ ябаа хадаа
Таа юу үлээхэ бэлэйт? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Табина бэлэйл даа.
Ехэ дайе дарааб гэжэ

Ехээ мангал мангах гүй,
Ехэ юмэлээр дайлалсааб гэжэ
Ехээ хүүрээ хэлэхэ үгэй гэжэ
Шинээл үгэй[17] үлгүйдөө лэ
Унтажа хэбтэхэдэ,
Дала хүрэһэн баабай гээшэ
Үдэшэни боро хоног
Шара набша болоходо
Тэбэрэжэ ерэнэ бэлэйл даа.
Гэрэтэ лэ нэ абааша
Эхээ шара уурайе
Хоёр хүхү хүхүжэ,
Боро хоног шара набша болжо,
Обоо зөөлэн орондоо,
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө

А в полдень, примерно,
Лежал за тремя восточными падями
Желтый голодный комар,

Что с трехлетнего быка величиной.
[Там] лежал, говорят.
Большой хоботок костяной,
Огромные когти костяные
Имел [тот комар], говорят.
«Этот мальчик
Когда-нибудь после
Мне может навредить,
И пока этот мальчик,—
Слабое, нежное дитя и беспомощен,
Жидок, как алая кровь,
Я всю кровь его чистую из груди
Высосу»,— так рассуждая,
Поставил он на хубшэргэ
Свой большой костяной хоботок.
Как поставил — как «Ай» тут не скажешь![34]

Чтоб вонзить хоботок свой
В грудную и чистую кровь,
Так [ребенок] схватил [комара].
У комара-то голодного, желтого,
С костяными когтями
С костяным клювом
[Ребенок] тут выдернул, выбросил [прочь]
Хоботок костяной,
И хоботок его сделал мясным.
Да выдернул, выбросил
Когти его костяные,
И когти его сделал мясными.
Разбил на куски, разбросал
Когти, хоботок костяные комара.
«Если будете делать все так,
Что оставите вы на земле да и в мире [во всем]?!»—
Говоря он такие слова,
Отпустил [комара].
«Зазнаваться не следует мне,
Что могучего, дескать, врага победил,
Восторгаться не следует мне,
Что с могучим я, дескать, сражался»,—
Так думая, он в колыбели
Спокойно лежал засыпая.
Лишь спустились вечерние сумерки
Желтой листвою,
Семидесятилетний отец
Взял в охапку его и принес
Возвратившись домой.
[Сын] молозиво желтое
Из грудей материнских сосал.
Как спустились вечерние сумерки желтой листвою,
Уснул
В своей мягкой и пухлой постели

Оролдожо унтана бэлэйл даа.
Малгаари мандан шарга наранда
Бодон харайн байгаа гэхэ юмэл даа.
— Баабай ибии хоёрни
Хүйтэй суйтэй[18] хүүнии мэни
Нзадайе наадуулжа
Захалаала байнал даа.
Бихэн тэрэ наадaнда
Мүнөө ошхо байналби! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа.
— Хаана ла хүрэхэ лэ хүбүүн байнаб ши?
Эхэйн шара уурайе хүхэжэ болёо үгэй аад ла
Хаанхана баха адли балсаржа
Бааһан адли солсоржо
Ямар юумэйн хүлдэ
Тэһэ гэшхүүлхэеэ һанабаш таа,
Хэмэр хэнэй юмэнэй хүлдэ
Биса гэшхүүлхэеэ ошохо юм ши? гэжэ байжа
Эхэ эсэгэ хоёрын
Айса байса хорино бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Би хани хүйтэ сүйтэ хүүгээ
Хүүндэ лэ буляагдаха үгэй байнам! гэжэ
Тоо үгэй зорихом гэжэ
Эшэгэ һайхан баримтагаараа
Гүзээгээ лэ оройжо,—
Ара гэрээн урайгшаа мүлхижө
Арилана бэлэйл даа.

***

Зориһон зориһон газартаа даа
Золтой заяатай дугшалдаһай,
Золхон заяан хоёр гээшээ
Үтэг дээрээ тэхэрүүлһэйл!

***

Хараа дэлдэ мүлхижэ ошоод ло
Огторгойн мянган сагаан бурхам ни
Унаха морин хаана бэ?
Үмдэхэ дэгэл хаана бэлэй?
Бариха тоног хаана бэ? гэжэ
Добуун дээрэ забилжа һууһаниин тэрэ гэлэй...
Огторгойн мянган сагаан бурхан гээшэ
Огторгойн юһүн хүхү морини
Отхон хүхү морие
Оруулана бэлэйл даа...
Бариха һайхан тоноеын
Ашалдажа табиба.
Үмдүхэ һайхан хубсаһайн
Ашалдажа табиба.
Хүйлэн хүхү морин —

И под одеялом, как легкие, мягким.
А назавтра, как красное солнце взошло,
Он проснулся, вскочил.
«Мой отец, моя матушка!
Суженый мне человек
Свои наданы[35]
Начал устраивать.
Ныне на наданы эти
Я должен идти».—
Говорил он.
«Куда ты пойдешь и докуда дойдешь ты, сынок?
Ведь еще на губах молоко не обсохло[36].
Распластавшийся лягушкой,
Расползшийся тестом

Ты хочешь, чтоб чьи-нибудь ноги
Тебя растоптали?
Ты хочешь пойти, чтобы чьи-нибудь ноги
Тебя раздавили?»—
Так мать и отец

Отговаривали, стращали.
Абай Гэсэр-хубун [говорил]:
«Не могу допустить, чтоб невесту мою
У меня отобрали!
Я выехать должен во что бы ни стало!»
Своею козлиной прекрасной пеленкой
Живот завернув,
Отправился он, уползая,
На юг от северной юрты.

***

Пускай же до цели своей он заветной
С удачей и счастьем доскачет,
Пускай свое счастье, судьбу он
В родные места возвратит!

***

Из виду скрывшись ползком,
На холме, подобрав под себя свои ноги, он сел.
«Мои тысяча светлых небесных бурханов,
Где конь для езды верховой?
Где дэгэл, чтоб надеть?
Где доспехи, оружие, чтобы носить?»— вопрошал.
Тысяча светлых небесных бурханов
Спустили коня голубого,
Младшего
Из девяти голубых же небесных коней;
Да спустили, навьючив, оружие,
Что должен носить;
Да спустили, навьючив, одежду,
Что должен надеть;
Когда конь голубой

Хажуудан ерэжэ зогсожо байхадан
Хажуу талаһаан хараба —
Хада гэжэ дүрһэлбэ,
Хамар амайн хаража
Морин гэжэ дүрһэлжэ
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Огторгойн мянган сагаан бурхан гээшэ

— Орой хэнээ Гэсэр манай
Холын ехэ дайсуе
Шэхэнэй һоноороор дуулабаа уу?
Ойрын ехэ дайсуйе
Нүдэнэй хурсаар харабааг даа?
Яахадаа морин эрэхэ юмэл бэ —
Орой хэнзэ Гэсэрээ
Орохёол үгэй хараха гэжэ
Огторгойн мянган сагаан бурхан
Мэшэн дээрэ суглаба.
Мэргэн суглаа сугалба;
Һара дээрээ сугалба
Һайхан суглаа сугална бэлэй...
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүлэ
Морин сайхан хүлүгһөөн
Үмдэхэ сайхан хубсаһаа
Тайлажа абша үмдэнэ бэлэйл;
Далан бугайн араһаар
Зайжа зүйжэ оёһон
Элигэн хара шароваараа
Ала дунда угалба.
Тэрэ һайхан үмдэни хирэмэйе
Биршоог бартай татажа үмдэбэл.
Загаһани араһайе
Зайжа зүйжэ оёһон
Зандан хара сабахние
Үһүгы дунда[19] үтьхөлбө
Түүни нэгэ аянда
Арай зохид сабахи ла
Тэрэ ханай байбал даа.
Дайни газар үмдэхэ
Дардам торгон дэгэли
Ээмхэн дундаа угалба.
Далан гуули тобшыйи
Эрэхэсэ һайгаар ла
Эмэрхэжэ тобшолбо,
Долёоборoo һайгаар ла
Дархажа тобшолбо,
Бүтүү мүнгэн бэһээе
Бүлхэнсэгтээ дүнгүбэ.
Тэүни нэгэл аянда
Хэлтэгэй хээрээр хэмнэбэ —
Буудай мүнгэн һаадае
Баруун ташаа байлгаба.
Нарин голоор хэмнэбэ —
Нари мүнгэн хормогүй
Зүүхэн ташаа байлгаба.
Нари мүнгэн хормогүй
Зүүхэн ташаа байлгажа байхадаа,

Подошел да и около [мальчика] стал.
То [ребенок] сбоку взглянул [на коня]
И подумал, что это гора;
Но как глянул на ноздри и рот его,
Лишь тогда он признал за коня,
Говорят.
Тысяча светлых небесных бурханов
[сказали]:
«Наш поздно рожденный Гэсэр
Не врага ли далекого сильного
Чутким ты слухом своим уловил?
Врага ли могучего близкого
Глазами зоркими узрел?
Иначе зачем бы коня попросил?»
Чтоб за поздно рожденным Гэсэром
Присматривать, не оставляя,
Тысяча светлых небесных бурханов
На своей собралися звезде,
Да на мудрый совет собрались,
На своей собралися луне,
На прекрасный совет собрались.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Снял с хулэга-коня своего[37]
И надел ту одежду прекрасную,
Что назначалась ему;
Он надел
Шаровары из черной замши,
Что из шкур семидесяти изюбрей
Скроены были и сшиты;
Надел, на вершок он убавив,
Шнурок тех красивых штанов.
А на ноги он натянул
Сапоги, что сандалово-черные были[38]
И скроены, сшиты
Из рыбьих шкур.
И красивыми,
И удобными те сапоги
Оказались.
На плечи свои он накинул
Дэгэл тот из шелка дардам,[39]
Что, идя на войну, надевают.
И семьдесят пуговиц медных [дэгэла],
Большим пальцем умелым
Перебирая, застегнул.
Указательным пальцем искусным своим,
Придавливая, застегнул.
Надел на себя
Он цельно-серебряный пояс.
Затем
Он покатою степью измерив,
Повесил на правом боку
Свой колчан из будай-серебра;[40]
И долиною узкой измерив,
Повесил на левом боку
Свой налучник серебряно-чудный.
Как налучник серебряно-чудный
Повесил на левом боку,

Бугани эбэр Бухайр шара номуйе абша тамшаалгажа үзэбэ.
Тайгуйни модон даа
Тархиржа байбал даа,
Тагалсар эрээн буган даа
Дүжэрэжэ байбал даа.
Тэүни нэгэ аянда
— Убаал үгэй номош та!
Үбэлэй сагта бархида
Үнэн номо энэш та,
Нажирайл сагта бархидам
Налархайха номош таа! гэжэ
Хоромогодоо хударба.
Тэүни нэгэ аянда —
Ерэн табан һомоуйе
Ерхэйсэн ахаба.
Далан табан һомуйе
Дархайсан ахаба,
Түрүүлэжэ дүрүбэ —
Амин дотор бариха
Хангай хара һомуйе
Түрүүлэжэ дүрүбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Бухали шинээн бараатай
Бутайн шинээн залаатай
Булган хиидхуур малгайе
Оройл дээрээ табиба.
Тэүнэй нэгэ аянда
Ара биеэ хуяглаба —
Булад түмүр хуяе
Нугураһандаа шэрээбэ,
Эбэр бэеэ хуягалаба —
Сахюур түмүр хуяе
Сээжэдэни шэрээлдэбүү...
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Дуулга мүнгэн хуяае
Хуяглан абаба.
Наран хани барагтай
Далбалзаса хуяглаба,
Намшаһани барагтай
Далбазаса хуяглаба,
Һараяа ла барагтай
Сахилзаса хуяглаба,
Һаадагаа адли
Яларсан хуяглаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Хүрзэйн шинээн шүдэйе
Шүдэлжэ абаба.
Хүри улаан шарайе
Шарайлажа абалсаба.
Мөөрэй шинээн һиихэйе
Һиихэлэжэ абаба,
Мухэрөө улаан шарайн
Шарайлажа абаба.

Так натягивать пробовал желтый бухарский свой лук[41],
Из маральих рогов.
Тут затрещали
Деревья тайги;
Стоял оглушенный
Двухлетний пестрый изюбрь.
А затем, говоря:
«Безупречный ты, лук!
Для зимы подходящий.
И верный ты, лук,
Подходящий для лета,
Хороший ты, лук!»—
Он в налучник засунул его.
А затем
Девяносто пять своих стрел
Насадил растопыренно,
Семьдесят семь своих стрел
Насадил, громоздя.
А первым-наперво засунул
Стрелу ту Хангайскую черную,
Чем надо стрелять, когда жизнь под угрозой.
Он первым-наперво засунул ее.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
На макушку надел
Соболиную шапку,
Что с копну
Да и с кисточкой с кочку
Затем
Он бронею покрыл свою спину,
Булатной железной бронею
Он мозг свой спинной запаял,.
Да бронею покрыл себя спереди,
Грудь запаял он
Кремнево-железной броней...
Вслед за тем
Свой серебряный шлем[42]
Он надел.
Так бронею покрыл,
Что сверкала [броня], словно солнце,
Он бронею покрыл себя так,
Что листвой развевалась [броня],
Он бронею покрыл себя так,
Что луною сияла [броня],
Он бронею покрыл себя так,
Что блестела [броня], как колчан.
Вслед за тем
Нарастил себе зубы,
Что [каждый] с лопату,
И облик здоровый румяный
Он принял;
И [на уши] серьги, что с колеса,
Надел,
И облик он принял
Здоровый и круглый;

Хүбүүн бэшэ хүдэри
Бололсобо бэлэйл даа.
Эрэ бэшэ эрдэни
Бололсожо абаба.
Буха хүзүү хүзүүлбэ.
Буудай һаадаг һаадагалан
Хүйлэн хүхү мориндоо
Алабхижа харайжа аһалдана бэлэйл даа.
Аһалдажа унаһан биеэрээ
Һухай эштэй ташуураар
Баруу можи тудхаба —
Үндэр гэхэ хадаяа
Эримэг барин харайлгажа арилаба,
Үзүүртэйл гэхэ модони
Залаа барин харайлгана бэлэйл,
Холо байһан юүмэйе
Ойрол болгон харайлгана бэлэйл.
Хоёр байһан ялгайе
Нэгэдхэжэ харайлгана бэлэйл.
Одоной барагтай
Зурулзуулан арилба,
Ошони барагтай
Һүрэлжэ арилба,
Огторгойн һэмэжэ эрээн үүлэйе
Малагаяа залаагаар
Хаха сохин хатарна бэлэйл даа
Өөрин үнөр дайдундаа
Үнсүг барин дугшуулба,
Хүүнил хүйтүн дайдуйе
Хүбшүлөжө дугшуулна бэлэйл даа.

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Хүүнэй лэ һуугаа үгэй.
Хүлэр мүнгэн добуун дээрэ
Хүрэлдэнэ бэлэйл даа,
Хүлэгэй нэгэ зогсоо гүй
Элигэн хара булаг дээрэ
Зогсоно бэлэйл даа.
Зогсожо байхадаа —
Харин шинээн дааһаараа[19]
Хансын шинээн хүдэһэнһөө
Багса улаан тамахиие
Удхана бэлэй лэ.
Зүүхэн улаан һугадаа
Хабшуулжа орхибо.
Зуруул мүнгэн хэтээрээ
Зуран сахин байбал даа.
Дээдэл юһэн гүрүм тэнгэри
Ошоороо һабан сахилба,
Доодо долоон үнсэг дайдуйе
Ошоор һабан сахилжа
Аһаалдана бэлэйл даа.
Дээшээ доошоо барижа
Таталдана бэлээ.

Не мальчиком, а
Исполином он стал,[43]
Не мужчиной,—
Сокровищем стал.
Бычачью шею он принял.
Надел он колчан свой будай
И вскочил
На коня своего голубого.
Вскочив [на коня],
Он кнутом с кнутовищем из ивы*

Ударил [коня] по бедру его правому —
И по гребням хребтов высочайших
Скача, удалился,
Над кронами деревьев
Скача, удалился,
Далекое делая близким,
Широкое делая узким:
Две лощины,
Как одну, перескакивал он.
Отлетающей искрою
Он удалялся;
Звездою мерцающей
Он удалялся;
Небес облака — перистые, пестрые,—
Кисточкой шапки своей
Разрезая, скакал.
По краям своей нежной родимой земли
Он скакал
И по горным вершинам чужой и холодной земли
Он скакал.
Вслед за тем
До холма он такого доехал,
Что был из хулэр-серебра,[44]
На котором человек никогда не стоял.
Остановился
У чистого, светлого ключа,
Где не останавливался хулэг никогда.
Когда остановился,
Он трубку свою, что с берцовую кость,
Табаком [своим] красным набил.
Из кисета,
Что будет с рукав,
И подмышкой
Ее прижимая,
Огнивом, оправленным серебром,
Высекая [огонь], он стоял.
Ударялися искры
О нижний-то мир семигранный —
Ударялися искры
О верхний девятигурумный тенгрий[45].
[Гэсэр] так зажег [свою трубку].
Курил оч,
То вверх поднимая, то вниз опуская [ее].

* Һухай — красная ива, тамариск, таволожник.

Огторгойм мянган сагаан бурхан
Орой дээрэм харуй та! гэжэ
Таталдана бэлэй лэ.
Огторгойм мянган сагаан бурхан
Намайе заяаһан
Заяан Сагаан Тэнгэри
Зарлиг Солбон хоёрни
Шэньеын долоон дарханда
Шэрээлгэжэ бүтээлэйт,
Ханьеын долоон дарханда
Хатаалгажа бүтээлэйт...
Орой хэнзэ Гэсэрээ
Орохёол үгэй хары та.
Айһа лан газартам
Амин болон харагтуй,
Эшиһэ лэн газартам
Нюурхан болон харагтуй!
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Шууясаран һоробо,
Бааясаран үлеэбэ.
Тэрүүнэһээн сааша ла
Юурьюулэнэ бэлэй лэ.
Хүүнэй дайда хүшэтэй юмэ гэжэ
Өөриин ехэ дайда
Үргэмжэтэй юмэ гэжэ
Ябажа дугшуулба.
Хаанаа ханха харгуяар
Зуралзаса дугшуулба.
Зоноо зудан харгуяар
Зуралзаса дугшуулба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Саазгай Баян хаанхан гээшэн
Хараа бараан харагдажа ербэ.
Адуу идеэн хоёрын
Шорой шорголжин адли
Бисалажа харагдаба.
Албата зонхон хоёрни
Ойл модон дэли лэ
Хэрбэйжэ харагдаба,
Голил ногоон барагтай
Халюуража харагдаба.
Хүйлэн хүхү морини
Баруун амайн угзарба —
Эрээн хасар мираба,
Баруун гараар сохибо
Можиин сэгээ тулгаба.
Саазгай Баян хаанда
Сараал үгэй дугшуулжа
Һүни тэнхэй барагта
Наадан дээрэн хүрэбэл даа.
Бэлир мүнгэн сэргэдэ
Морин сайхан хүлэгөө
Уян татан байбал даа —
Ута мүнгэн ёлооe,

«Мои тысяча светлых небесных **бурханов**,
За мною вы сверху следите!» —
Вот так говоря, он курил. —
«Мои тысяча светлых, небесных **бурханов**,
Меня сотворивший
Заян Саган-тенгрий,
Зарлиг и Солбон,[46]
Когда вы творили меня, то ковали
Шеньинские семь кузнецов,
Закаляли
Ханьинские семь кузнецов...
Неусыпно следите
За поздно родившимся вашим **Гэсэром**.
Там, где испугаюсь,
Душою мне будьте,
Там, где застыжусь я,
Лицом вы мне будьте!»
Вслед за тем
Затянулся он с шумом
И выпустил дымные клубы.
И дальше,
Поехал гремя.
«А чужая земля, ведь, — сильна,
Но земля-то родная, большая
Заботы полна обо мне», — говоря так,
Он ехал рысцою.
По ханской торной дороге,
Мелькая, он ехал рысцой,
По народной широкой дороге,
Мелькая, он ехал рысцой.
Вслед за тем
Показались очертания
Сазгай Баян-хана.
Показались его скот, табуны,
Что кишели кишмя
Муравьями, песчинками.
А народ его, подданные,
Как деревья тайги,
Ощетинясь, виднелись,
Как травы в долине,
Переливаясь, виднелись.
И дернул Гэсэр за правый повод
Коня голубого —
[Конь] пестрою дернул щекой;
И ударил он правой рукою —
Рассек до самой бедренной кости.
Он в полночь, примерно,
Рысцой, без задержки,
Доехал до надана
Сазгай Баян-хана.
И к коновязи из белир-серебра[47]
Привязал
Хулэга-коня своего.
Круговой* свой серебряный повод,

* Бүтүү... жолоо—повод, оба конца которого прикреплены к узде.

Бүтүү мүнгэн ёлоое
Бүүргэдээ хантарба,
Һухай эштэй ташуури
Бүүргэдээ хударба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Санхан Гоохон дүүхэй лэ
Хажуу дундан ербэ —
— Нааданда һая ербэгшүү? гэжэ
Һуран суран байбал даа.
— Һаял ханай —
Үен хириин хүүнэй
Наадан мүнөө гэжэ лэ
Шангалжа ябсараа
Ойройтожо буубаб даа.
Санхан Гоохон дүүхэй лэ
Далан долоон таһалгайн
Саада бэедэ
Дахуулажа оробо,
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табиба.
Ерэн зөөлэн идеэни
Ехэ зөөлэйн табюулба.
Табихада агшаха

Татахада һунаха
Тарил эрээн остоолдоо
Һуулгажа, идеэлүүлжэ, зугаалуулжа байбал даа.
Эбэл ээбэл идеэлбэ,
Эхэр шэхэр зугаалба.
Хабтагай ехэ шулуун дээрэ
Ногоо ургуулан зугаалба —
— Абай! Хэни хүбүүн хэнхэн бэлэйш?

Юуни хүбүүн юунхэн бэлэйш! гэжэ
Санхан Гоохон дүүхэй
Суран һуран байбал даа.
— Барууни табин табан тэнгэриин
Ахалажа түрөө —
Ханхан Хормос тэнгэриин
Отхон ооһор хүбүүн гээшэб,
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэлби.
Баабай ибии хоёр манай
Барбагатай сэмэгэйе
Андалдажа идиһэ юмэл,
Тагшал соохи арахийе
Андалдажа ууһа юмэл,
Дааһан соохи тамахийе
Андалдажа татаһа юмэ.
Худал андайн ороһо юмэ,
Санхан Гоохон дүүхэй!
Бихэн шье ойройтхоёо һанахадаа
Һуни шье ябаал би,
Үдэр шье ябаал би —

Свой длинный серебряный повод
Закинул за луку седла.
Он свой кнут с кнутовищем из ивы
Повесил на луку седла.
Вслед за тем
Санхан Гохон-духэй
Подошла к нему
И спросила его:
«На надан недавно ты прибыл?»
[Ответил:] «Недавно.
Отправившись к сверстнице, я
На сегодняшний надан ее
Торопился,
Но все ж с опозданием прибыл».
Санхан Гохон-духэй
За семьдесят семь комнат
Его повела.
И поставила дважды приятные [яства]
Из семидесяти приятнейших яств.
Да поставила самые вкусные [яства]
Из девяноста вкуснейших яств.
Посадила за стол полосатый да пестрый,
Что потянешь — растянется,
Отпустишь — сожмется,
Угощала его,
С ним беседу вела.
И покушал со вкусом,
И приятно беседовал он.

И беседу вели они так, что на чистой и полой воде
Образовывали пенку,
На камне огромном и плоском
Растили траву.
«Абай! Чей ты сын и зовут тебя как?
И откуда ты родом, кто есть?»—
Так спросила его
Санхан Гохон-духэй.
«Я Абай Гэсэр-хубун,
Самый младший я сын
Ханхан Хормос-тенгрия,
Что старшим родился
Среди западных пятидесяти пяти тенгриев.
Отцы, матери наши,
Обмениваясь, ели
Кость с мозгом, с лодыжкой.
Обмениваясь чаркою,
Пили они арахи*
И, обмениваясь трубкой,
Курили табак.
Они сватами стали [с тех пор][48],
Санхан Гохон-духэй!
И, боясь опоздать,
Я ночью ехал,
И днем я ехал,

* Арахи — молочная водка, ныне — водка вообще.

Хүйтэй сүйтэй хүүхэн
Шамай гэжэ ерээл би,
Үүрэй сайхуйн урай ла
Үнэгэни харанхуйда...

**
*

Газаал нааданда гарша
Хатарана бэлэйлдаа.
Тэрэ ханай хүбүүнһээ
Һайн шье юмэ лэ
Үгэй ханай байбал даа.
Һайхан шье юмэ лэ
Үгэй ханай байбал даа.
Санхан дүүхээ гээшэ
Холойн аянда ябааш таа
Хүбүүн орожо унтыш таа! гэжэ
Далан табан таһалгайн
Саада биедэн абаадаба.
Халуун зөөлэн хадуушхадаа
Булаган зөөлэн будуушхадаа
Абаадажа бурьяса харьяса тэбэрэлдэжэ
Нойршоһониин тэрэ гэлэй.

*
**

Малагаари мандан шарга наранда
Үрөөлүйеө бултайжа, үрөөлүйеө үдүйдэ
Бодон харайн байбал даа.
Боошхо болхо уһаар ла
Нюураа гараа зэлмэжэ хаяба.

Эрээн мүнгэн остоолдон
Идеэн сайеын табюулжа,
Улаа мүнгэн остоолдон
Ундан сайеын табюулжа,
Зугаална бэлэйл даа.
Наадан аа зойе үзэхэ гэжэ
Газаа тээшээ гүрбэлзэсэ гэшхэлжэ
Гаралдана бэлэйл даа.
Гаралдажа байхада —
Боошхоороо хэмжнэхэ
Арахи гартаад байбал даа.
Тэрэ наадан дээрэ лэ
Барилдаа урилдаа хэбэл даа.

Барилдаан дээрэ ошыш! гэжэ
Тэрэ байһан зонхон
Хэлэлдэнэ бэлэй лэ.
Ошохо ло болходоо —
Ерэн алда бэетэй
Ербэл хүхү морёо ло
Тайлажа абаад — хүтэлжэ
Тэрэ барилдаан дээрэ хүрнэ бэлэйл даа.
— Хүбүүн шихэн бодхо ши! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.

И приехал к тебе я,
К невесте моей,
До зари,
В пору лисьего мрака...»[49]

**
*

И на надан он вышел,
Стал играть и плясать.
И не было там
Никого
Лучше этого парня,
Красивее
Не было там никого.
«В дальней дороге ты был,
Молодец, ты иди и поспи!»—говорила,
Санхан Гохон-духэй,
За семьдесят семь комнат
Его повела.
Там в мягкой и теплой постели[50],
На мягкой собольей подушке
И крепко, и сладко, в обнимку
Поспали они, говорят.

**
*

А назавтра, когда восходящее
красное солнце,
Взойдя половиной, другой половиной
еще не взошло
Он проснулся, вскочил.
И помыл свои руки, лицо свое
Бочкой воды.
Тут поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол.
И на красно-серебряный стол
Из напитков поставили лучшие—
[Там угощаясь], сидел и беседовал он.
И смотреть на людей, что на надане,
Вышел из дома
Походкою плавной.
Когда вышел из дома,—
То, меряя бочками,
Вынесли там арахи,
Отмеряя буграми,
Там вынесли мясо.
На надане этом
Борьба и бега проводились.
«Иди на борьбу!»—
Говорил
Весь народ, находившийся там.
Собираясь пойти,
Отвязал
Голубого молниеподобного коня своего,
Девяноста шагов длиной,
И его за собою ведя, на борьбу он
пришел.
«Молодец, ты будешь [бороться],—
Так говорили ему.—

Газарай Ганиг Бүхэ хүбүүн тээшэ
Энэ нааданда ерэхэ юмэ.
Тэрэл ханай хүбүүнээр —
Барилдаха хүүхэн
Олдохо гүй юм байнал.
Шихэн бодхо байнаш! гэжэ хэлсэнэ бэлэйл даа.
Ошолдожо һуугаад ла,
Садха мүнгүн дааһандаа
Хярмай улаан тамхийе
Багсааран утхажа,
Хариин шинээн хүдэһэнһөөн утхажа,
Зүүхэн улаан һугадаа
Хабшуулажа һуубал даа.
Зуруур мүнгэн хэтээрээ

Зуран сахин аһааба.
Дээшэ доошон барижа
Таталдана бэлэй лэ;
Таталдажа һуухадан

Зүүн урда тулгаһаа
Нэгэ юмэ бодобо —
Ойн улаан түгүсүг* шиг
Улаан юмэ гээшэ бодожо,
Хүзүүн шье үгэй юмэ шиг

Һээр шье үгэй юмэ шиг
Бодожо һуугаа гээшэ юмэл даа.
— Шихэн бодо — гэжэ бодхоно бэлэй
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Үүлэ үгэй наран шиг
Үе үгэй хулаһан шиг
Юумэ лэн бодобо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Ошолдохо бэлэй лэ,
Хулзэһэн буха шиг
Хилайлдажа тойробо.
Хүдөөшэһэн[20] тэнгэр шиг
Нэтүйлдэжэ тойролдобо.
— Али голой хүбүүн ханай байнаш?
Али хаалуудай хүбүүн ханай байнаш?

Һуран суран байнал даа
— Ерэн табан тэнгэриин
Ебэр дорон үдөөл би.
Далан табан тэнгэриин
Дали дорон үдөөл би —
Ханхан Согто хүбүүн гээшэб
Ерэн таба наһата
Ерэнсэй Ехэ үбүгүнэй[21].
Таа али голой хүбүүм тэ
Али омогой хүбүүм тэ? гэжэ
Һуран суран байба да.
— Оёор сагаан огторгойн
Оёдол доро үдэһэн хүбүүн гээшэб,

Приедет на надан
Земли Ганиг Бухэ-хубун.
Никто не находится,
Нет никого,
Кто бы боролся с тем парнем.
Ты будешь [бороться]!»—ему говорили.
Подошел он [туда, где борьба проходила] и сел.
И латунно-серебряной трубкой
Он черпнул до краев
Мелкокрошенный красный табак,
Своей трубкой, с берцовую кость,
Он черпнул из кисета, размером с рукав,
И под левою голой подмышкою
[Трубку свою] прижимая,
Огнивом, оправленным серебром,
Высекая [огонь], он зажег [свою трубку].
Курил [свою трубку],
То вверх поднимая, то вниз опуская.
Когда он сидел и курил,
Поднялося у юго-восточной опоры
Такое,
Что было похоже на лесной красный пень,
Поднялося такое багрово-красное там,
И было похоже, что оно без шеи,
И без позвонков,—
Вот такое поднялось и сидело.
«Поднимись»,—говорили [Гэсэру].
Абай Гэсэр-хубун,
Словно солнце без тучи,
Камыш без суставов,
Поднялся.
Вслед за тем
Подходили друг к другу,
Прошли они круг, друг на друга косясь,
Как быки перед тем, как бодаться,
Прошли они круг,
Как ненастное небо, нахмурившись грозно.
«Из какой же долины ты, парень?
Из какого же ханства ты, парень?»—
Спросил тот [Гэсэра].
«Я родился и рос под крылом
Семидесяти пяти тенгриев,
Я родился и рос под пером
Девяноста пяти тенгриев.
Я — Ханхан Согто-хубун,
[Сын] девяностопятилетнего
Еренсея Ехэ-старика.
Из какой же долины вы, парень?
Из какого же рода вы, парень?»—
Спросил так [Гэсэр].
«Я родился и вырос под швом
Светлодонного Неба,

* Лит. — түгсүүл. В издании 1930 г. — тугусун.

Онгон хэрбээ дайдундаа
Хормой дунда үдөөлби,
Газари Ганиг Бухэ хүбүүн гээшэб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Маряалдажа байбала —
Баруун хани гараараа
Хүзүүн дээрэ хаяжа
Угзуралдан абаба,
Тэргэндэ тээбэл даа —
Тэнхэн бартай тулабал даа.
Тэмээндэ лэ ашаба —
Абхан адали тулабал даа.
Ерэн алда бэетэ
Ербээ хүхү морин гээшэ
Турьяжа орхибо —
Тооһон болон байбал даа,
Марьяжа орхибо —
Манан болон ошобо,—
Хажуудхалан хүүгээ хараха гүй
Харанхы болбол даа.
Тэрэ нэгэ һамаандан

Харайлдажа оробо —
Хоёр нарин шэлбэһээн атхажа
Тархияа ханай оройгоор
Шэндэгээдэн орхибо —
Тэрэ Газари Ганиг Бухэ гээшэ
Сэгхэн тудан унаба,
Хоёр һайхан шихэндээ тулса ла
Газарта багса унаба.
Үдүй хабтай байжа
Хүүнээр барилдахам гэжэ
Юундэ арбайлгажа ябагшаб? гэжэ
Саазгай Баян хаани
Албата зонхон хоёрын
Ядатаниин — ядаараа малтан байба ла,
Гаһатаниин[22] — гаһанаараа малтан байба ла,
Гадаһатаниин — гадаһаараа тойруулжа малталдажа байбалдаа...
Энэ хани түрээд
Юундэлэ иимэ зобоожо ло байгааб та гэжэ
Хоёр һайхан шихэнһээн
Ходо татан абша
Табижа лан орхибо.
Газари Ганиг Бухэ гээшэ
Хойшоо шье харан гүй
Гүйлдэжэ ошожо
Юһун хара мориндоо,

Һуулдана бэлэйл даа.
Юһэ мөөртэй тэргэтэй,
Юһү мөөртэй тэргэниин
Булдаа ханай тулса ла
Шабардажа ябаба.

Родился и рос на подножье
Земли Онгон-хэрбэ[51],
Я Земли Ганиг Бухэ-хубун»,—
Говорил.
Вслед за тем
Подбирались друг к другу,
И правой рукою
Схватившись за шеи,
Стали дергать друг друга.
На телегу бросали[52]—
Боролись они с одинаковой силой;
На верблюда навьючили —
С силою равной боролись.
Тут конь голубой молниеподобный,
Что длиной девяноста шагов,
Разом фыркнул—
Окуталось пылью кругом;
Когда фыркнул еще раз—
Туманом окуталось все.
Наступил такой мрак,
Что соседа, стоящего рядом, нельзя было видеть
И в это-то время
Набросился он
И, схватив за голени того,
Через голову кинул—
И земли Ганиг Бухэ
Так упал,
Что до самых ушей своих чутких
Он в землю
Ушел.
«И с такою-то силой
Еще с человеком бороться
Он лезет, топорщится тут!»—
Говоря так, Сазгай Баян-хана
Народ, его подданные,—
Кто с копьем, тот копьем,
А кто с палкой, тот палкой,

Кто с колом, тот колом—
Откапывал с разных сторон...
«Да чего же, вы, несчастные,
Мучаетесь так!»—говоря,
За обвислые уши [схватив],

[Из земли] того выдернул сразу [Гэсэр]
И Земли Ганиг Бухэ
Убежал
Без оглядки
[К телеге] своей,
К девяти своим черным коням.
А телега его с девятью колесами
До самых ступиц своих
В грязь уходила.

Юһэн хара мориниин
Үбдэгтөө тулса шабардажа
Юдхүүлэжэ* ябуулһаниин тэрэ гэлэйл.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Тэрээнһээ хойшоло
Ханхан Согто хүбүүнэй уряйһаа
Хүнхэн дуу гарха гүй гэжэ,
Саазгай Баян хаанай
Албата зонхон хоёриин байбал даа.
Гурбан һүниин нааданда
Ходо ханай хатарба,
Дүрбөдөхи һүни лэ
Һүниин тэнхэй барагта,
Санхан Гоохон дүүхэйе
Саарал үгэй хүүртээ[23] оруулба.
Хүйлэн хүхү мориндоо ло — һундалдажа
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлжэ
Газархан тээшээ гайгуулна бэлэйл даа.

**
*

Гэшхүүлхэжэ ерэбэ үнөөхи лэ
Табхан тала дундаа,
Ташаганама добуун дээрээ ерэжэ
Бихэн морёо уяхам гэжэ буулдана бэлэйл даа.
Мении гэрхэн энэ ялгайн толгойдо, гарша яба,
Би хойноһоо шэни хүсхэб гэжэ табижа орхибо.
Санхан Гоохон дүүхэй лэ гэшхэлэжэ орхибо.
Хараа далда орхолоор,
Хүйлэн хүхэ мориёо:
Алтайдаа гарша
Атар таргүй таргала,
Хүхүйдөө гарша
Хүштэй таргүй таргал! гэжэ табина бэлэйл даа.
Табилсаһан биеэрээ
Мориноо һайхан тоное
Бэеын һайхан тоное тайлна бэлэйл даа.
Шулууни һайхан агуйда
Баран байха хубсаһаа
Хадалгажа орхибо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Эшэгэ һайхан баримтаяа
Абалсана бэлэйл даа.
Абалсаһан биеэрээ
Баха дали балсайба,
Бааһан дали илсайжа,
Эшэгэ һайхан баримтаараа
Гүнзэгээ лэн оройгоо.
Гэрхэн дээрээ мөлхөжэ
Үдэйн шаргал нарани

* Лит. — зүдхүүлжэ.

Девятка коней его черных
Тащила [хозяина],
В грязь уходя до коленей.
Вслед за тем
Говорили все подданные, весь народ
Сазгай Баян-хана:
«После этого,
Люди, не лезьте вперед
Ханхан Согто-хубуна».
На наданах трое ночей
Беспрерывно плясал,
А в четвертую ночь он [Гэсэр],
Когда полночь наступила,
Санхан Гохон-духэй
Уговорил[53].
На коня голубого верхом сундолой* они сели,
Зашагали домой,
Поскакали к землице своей.

**
*

Доехал он с ней
До середины просторов своих,
До холма своего громового.
«Хочу я коня привязать».—
Говорит он, слезая [с коня].
«На верховье вот этой долины мой дом.
Поднимайся туда, я тебя догоню»,— сказал он

Санхан Гохон-духэй зашагала.
Как скрылась она,
Своего голубого коня отпустил, говоря:
«На Алтай[54] отправляйся,
Нагуливай жиру полней,
На Хухэ отправляйся,
Нагуливай силу могучую!»
Так отпуская, красивую сбрую с коня своего
И доспехи свои с себя снял.
Все свое одеяние
Спрятал он
В каменном гроте чудесном.
Вслед за тем
Свою козью пеленку
Красивую взял.
Когда взял—
Распластавшись лягушкой
И, как тесто, расплывшись,
Козьей красивой пеленкой
Живот завернув,
Пополз он домой.
И дополз до двора своего,

* Вдвоем.

Үреөлүеө бултайжа,
Үреөлүеө үдүйдө
Газаагаа ерэн байбала.
Санхан Гоохон дүүхэй лэ
Үбүһөхөн үрьёөеын
Зүүхэн эрхим түшэжэ
Ехэ гайхал гайхаба.
Абай Гэсэр хүбүүм гэжэ
Намда юугээ хэлэлэйш?
Мэнхэн бэеэ бэелы ши,
Мэхэрээн шарай шарайлыш!
— Хүүн хайшин гэжэ хубилха юмэ?
Хүүнээр дахалдажа ерээд даа

Юугээ хэлжэ байнаш таа? —
Айн гэхэ бэлэй лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ.
Хажуугаараң мүлхижэ
Гэртээ орожо ошобо.
Эхэ эсэгэ хоерын
— Энэ хүбүүеым най ямар гэжэ
Хүүн хайшин гэжэ дахалдажа
Ерхэ бэлэй? гэжэ
Гайхалдажа һуугаа гэхэн юмэ лэ.
Санхан Гоохон дүүхээ гээшэ
Энэ нэрэ түрэ хоерни
Хайша ошхо бэлэй?
Тоо үгэй бодхомни
Айлда хонооб гэжэ
Хариха байна гэжэ
Гэрхэн тээшээ гэшхэлбэ.
Үдэшэни боро хоног
Шара набша болходон,
Мүнөөхи лэ үбэһэхэн бүхээгээ
Зүүн эрхин түшэхэжэ байбал даа.
Энэ үнөө һүйндөө бодхом гэжэ
Хэлэжэ ябана бэлэйл даа.
Үрэй ханай сайхада
Мүнхэнэй — тэрэ ехэ бүхээе
Зүүн Эрхин түшэжэ
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Энээнэһээ һалахаяа болиб об гэжэ
Дээшээ нэгэ хаража
Инеэхэжэ һуубал даа,
Доошоо нэгэ хаража
Уяража һууба ла.
Үдэшэни боро хоног
Шара набша болходо,
Буруу һайхан хүнжэлдөө оролдожо[24],
Абай Гэсэр хүбүүтэеэ орожо
Тэбэрэлдэжэ унтаһаниин тэрэ гэлээ.
Үглөөниин бодобо —
Ороороо дүүрэн шэшээд лэ
Доло будажа хэбтэбэл.
— Одоо яаха хэргэхэ бэлэй.
Юумэйн туйдхэн түрээдхэн энэ хаям!

Когда красное солнце
Взошло половиной,
Другой половиной еще не взошло.
Санхан Гохон-духэй,
Прислонясь к шалашу, что из сена,
Удивляясь стояла.

«О чем ты мне говорил,
Абай Гэсэр-хубун?
Верни ты свой прежний вид,
Настояший свой образ прими!»—
[говорила].
«Да как человек измениться так может?
Что ты говоришь,
Когда ты сама увязалась за мною?»
Как не скажешь тут: «Ай!»
Вслед за тем
Ползком мимо нее
В свой шалаш он вошел.
Его мать и отец
Удивились тому:
«Чем приглянулся ей наш сын,
Что приехала девушка эта,
За ним потянувшись?»
«Что будет
С моим именем, с честью моей?
А не то я домой убегу,
У соседей, скажу, ночевала.
Пойду домой»,— говорила
Санхан Гохон-духэй,
Зашагала домой.
А когда же спустились вечерние сумерки
Желтой листвой,
Прислонясь к шалашу сенному,
Стояла она.
«Этой ночью домой убегу»,—
Говорила.
Но когда рассвело,—
Все стояла она,
Прислонившись к тому
Шалашу большому.
«Не расстаться мне с ним»,—говорила.
Вверх посмотрит—
Улыбнется она,
Вниз посмотрит—
Заплачет она.
А когда же спустились
Вечерние сумерки желтой листвою,
Прекрасным одеялом телячьим
Укрывшись, с Абай Гэсэр-хубуном
В обнимку проспала она, говорят.
Когда утром проснулась она,
Оказалось, он [Гэсэр]
Всю постель замарал.
«Что мне делать теперь?
Вот несчастье, беда!

Тоо үгэй бодхом гэжэ
ябалдана бэлэй.
Таршае[25] үдэр ябажала ябажа
Үдэшэ лэ болоходоо,
Мэнхэн хэмээ тэрэ ехэ бүхээгээ
Зүүхэн эрхин түшэжэ
Байгаа гэхэ юмэ даа.
Байхадаа болобо,
Энэ ехэ дайдаһаа
Һалахаяа болиһон юмэ байнал даа.
Энэ түйдхэн түрээдһээн
Хахасхаяа болиһон юмэ байнаб даа.
Яажа ла бурууга лан хүнжэлдөө
Орожо унтаха бэлэй! гэжэ
Уяража байбал даа.
Мэнхэн хэмээ буруухани хүнжэлдөө орожо
Тэбэржэ унтаба.
Тэрэ хани һүндөө лө
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Алтан мүнгэн дугуйяар
Огторгодоо гараба.
— Огторгойм минган сагаан бурхан гээшэ
Намда ла һууха байсан асыта! гэжэ
Эрэн суран байба ла.
Тэнгэридэ хүрэмэ
Тэбхэр сагаан байсан гээшэ
Бодхожол үгэбэ.
Хараангааран хэмнэбэ —
Ханайн гарган бодхобо,
Харабшааран хэмнэжэ
Хэршэһэйн гарган бодхобо.
Тэрэ ехэ байсандаа
Далан долоон таһалгай
Таһалуулан бодхобо,
Далан мэлүүн шулуун бээжые
Бодхожо һуурилба.
Доодо ханай биеэр
Шагаабари гаргуулба,
Долоо минган шагаабар
Долоон үнсүг дайдуйе
Шагаалгажа гаргажа
Абалсана бэлэйл даа.
Дээдэ ханай биеэрэн
Шагаабари гаргаба —
Дэмээ олон шагаабар
Гаргажа абаба.
Юһүн гүрүм тэнгэри
Шагаалгажа гаргаба.
Тэрэ ехэ шагаабартаа
Үлгүүр мүнгэн шэжэмтэй,
Шэжэм бэрээ ураатай.
Ураахани бэрэлэ
Шаньянуури зүүжэ лэ
Зэдэлгүүлэн байбал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ

Убегу непременно»,— сказала, пошла,
Проходила в жару целый день.
Когда вечер настал,—
К большому тому шалашу
Прислонясь, к нему снова
Припавши, стояла она.
И стоя
Рыдала она:
«Мне, наверное, с этой волшебной землею
Никак не расстаться,
Мне с этим несчастьем, бедою
Нельзя разлучаться.
И как под одеяльце телячье
Лягу я спать?»
Но все также под тем одеялом телячьим
В обнимку [с Гэсэром] уснула она.
В эту ночь
Абай Гэсэр-хубун-то,
Поднявшись на небо
По злато-серебряным мостикам,
Так говорил и просил:
«Мои тысяча светлых небесных бурханов,
Мне дайте дворец для жилья!»
И ему тут построили
Белый квадратный дворец
Высотой до небес.
Измерив верстами,—
Стены воздвигли,
Измерив харабшаром,—
Пазы угловые они провели.
Тот великий дворец
Разделили
На семьдесят семь комнат
Сложили в нем
Семьдесят печей из камня мэлун[55].
Прорубили и окна
На нижних [его этажах].
Прорубили семь тысяч окошек,
Смотрели [те окна]
На мир семигранный;
Они прорубили окошки
На верхних [его этажах],
И огромное множество окон
Они прорубили,
[Те окна] смотрели
На девять гурум-тенгриев.
На каждом из тех многочисленных окон
Висячий серебряный был механизм,
А на тех механизмах — кресты,
А на каждом кресте
Висел колокол,
Он звонко звонил.
Вслед за тем,

Тэрэ ехэ байсангаа
Бодхуулажа абаад ла
— Намда ла — адууһан идеэн хоерын,
Албата зонхон хоерын,
Огторгой ло минган сагаан бурхан,
Намдала заяажала үгы та!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Малагаари эртээр бошо
Тооложо абаарай,
Заяажа ла табяа байнабди!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ тэхэржэ
Гэрхэн тээшээ ерэбэ
Алта мүнгүн дугуй руугаа
Алдал үгэй гэшхэлэжэ
Гэрэхэн дээрээ ерэбэ.
Санха Гоохон дүүхээ
Унтажа хэбтэбэ.
Халуун зөөлэн хадуушхадаа,
Булаган зөөлэн будуушхадаа
Унталгадаа орожо
Хажуудан орон унтаба.
Үглөөниин бодходоо —
Халуун зөөлэн хадуушхаяа
Булаган зөөлэн будуушхаяа

Шэшэһээрээ лэ будажа
Шэлээ угэй унтажа
Хэбтээ гэхэ юмэ лэ.
Санхан Гоохон дүүхээ гээшэ
Бодожо ошожо:
Одоо яажа үе соогоо
Энээгээр зоболдохо бэлэй даа... гэжэ
Шагаабараар харабал даа.
Шагаабараар хархада:
Адаһан араата хоерын
Шорой шоргоолжон дэли мирууллажа
байбал даа.
Албата зонхон хоерын
Ой модон барагтай
Хирбэйжэ байба ла,
Голой ногоон дэли
Халюурхажа байбалдаа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ бодожо
Тэрэ байха хубсаһай арилгажа
Санхан Гоохо дүүхээ
Байгаа гээшэн юмэ лэ:
Арилгажа байхадаа,
Абай Гэсэр хүбүү лэ мүлхижэ
Үнөөхи лэ ёро хүрэһэн ибиидээ
Ябалсана бэлэйл даа.
Хоёр үбдэг дээрэн гарша байжа
Хоёр хүхүйн хүхэжэ байгаа гэхэн юмэ лэ.
Санхан Гоохон дүүхээ гээшэ
Харайлдажа ошобо.
Хоёр шэхэнһээн барижа
Газар һабан орхибо.
Шэлээ шье үгэй: маамаа, хүхөө аса! гэжэ

Как построили
Этот великий дворец,
Говорил им [Гэсэр]:
«Вы, тысяча светлых небесных бурханов.
Дайте же мне, сотворив,
Табуны и стада,
Мой народ, моих подданных!»
Те ответили так:
«Завтра рано ты встань.
Принимай их по счету,
Мы, их сотворивши, спустили».
Абай Гэсэр-хубун
Возвратился домой.
Он по злато-серебряным мостикам,
Не оступясь, спустился,
Вернулся домой.
Санхан Гохон-духэй
Спала.
Он в постель свою теплую, мягкую
И на подушку свою соболиную мягкую
Лег с нею рядом,
Уснул.
Когда утром проснулась она,
То увидела, что постель свою теплую,
мягкую
Да и подушку свою соболиную мягкую
Он загадил,
[Беззаботный], беспечный
Лежал он и спал.
Санхан Гохон-духэй поднялась.
«Как я целый свой век
С этим мучиться буду!»—сказала.
Посмотрела в окно—
Там стада его, звери
Кишели кишмя,
Как песчинки и как муравьи.

И народ, его подданные,
Как деревья тайги,
Ощетинясь, стояли,
Как травы в долине
Переливаясь, стояли.
Вслед за тем
Санхан Гохон-духэй
Всю постель ту
Чистила, [мыла].
Когда она чистила, [мыла],
Абай Гэсэр-хубун-то
Приполз
К шестидесятилетней матери
И залез на колени ее,
Стал сосать ее грудь.
Санхан Гохон-духэй
Прибежала к нему
И, схватив его за уши,
На пол швырнула.
Как ни в чем не бывало,

Бодожо хүхөө хүхэн хэбтэбэл.
— Хайшин гэжэ ошохо юмш таа,
Яашин гэжэ ошохо юмш таа?
Абай Гэсэр хүбүүм гэжэ
Юу хэлэгшэ һэм шэ?

Мэнхэн бэеэ бэеэлыши,
Мэхэрээн шарай шарайлыш!
Абай Гэсэр хүүгээн яалайш?
— Ямар хубилгаан[26] эзыб ши!
Хүүн хайшин гэжэ хубилха юмэ? гэжэ

Мэнэн хүүрээ хэлэжэ,
Обоо зөөлэн орондоо
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө орожо
Шэлээ үгэй унтаба.
Санхан Гоохон дүүхээ лэ

Улаан утаһан хүхү утаһан хоёри асаржа унтаба
Үдэшэни боро хоног
Шара набша болходо
Унтана бэлэйл даа.
Унтажа байхадан —
Хоёр һайхан хүлдэн
Улаан утаһан хүхэ утаһан хоёроо
Уяжа, хоёр һайхан гараараа
Тэбэржэ унтаба байба ла.
Абай Гэсэр хүбүүн лэ
Санхан Гоохон дүүхээн
Унтамсаара бодожо
Огторго өөдөө гүйбэл даа.
Алта мүнгэн дугуй худураа
Алдал үгэй гэшхэжэ
Эсэгэ Малаан баабайдаа
Эхэ Юүрэн ибиидээ оролсоно бэлэйл даа
Хухэдэй Мэргэн бабайдаа.
Хүлтэй Хатан ибиидээ
Оролсоно бэлэйл даа.
Намдала болобо —
Голхон уруу суурилба.
Гушан гурбан толгойто
Гуули шара собоор хэрэгтэй гэжэ
Эрэн суран байба ла.
— Үхэл гэжэ хэлэбэ.
Гушан гурбан бахтиир
Намда хэрэгтэй,
Гурба минга сэрэг
Намда хэрэгтэй гэжэ
Эрин суран байхада,
Санхан Гоохон дүхээ гээшэ
Алта мүнгүн дугуй өөдэ
Алдал үгэй гэшхэлжэ
Ябаа гэхэн юмэ лэ.
Үндэр үлгүн хоёри
Тэгэнжэ ябхадан
Хүхэдэй Мэргэн баабайн ла

«Мне, мама, дай грудь!»— он сказал.
Да поднялся, и грудь стал сосать.
«Как поехал [за мною]?
Каким образом прибыл [ко мне]?
И чего ж говорил:

«Абай Гэсэр-хубун я». —
Ты прими же свой подлинный вид,
Свой действительный образ прими!
Что с тобой, Абай Гэсэр-хубун?»— [говорила она].—
«Ты какая странная баба...
Как же может человек перевоплотиться?»— сказав,
Он в постель свою пышную, мягкую,
Под одеяло, как легкие, мягкое
Лег и беспечно уснул.
Санхан Гохон-духэй,
Взяв красные, синие нити из шелка, легла.
Он уснул,
Как вечерние сумерки
Желтой листвою спустились.
Когда он уснул,
К двум красивым ногам его
Красные, синие нити из шелка
Она привязала руками прекрасными
И, обнимая [Гэсэра], уснула.
Абай Гэсэр-хубун,
Как уснула Санхан Гохон-духэй,
Соскочил,
Побежал он на небо.
И по злато-серебряным мостикам,
Не оступясь, зашагал.
Зашел к Эсэгэ Малан-отцу,
Эхэ Юрен-матушке[56],
Зашел он
К Хухэдэ Мэргэн-отцу,
Хултэй Хатан-матушке[57].
«Мне жить придется
В долине, внизу.
Мне нужен тридцатитрехглавый
Да бронзовый, желтый собор»,—
Говорил он, просил.
Те ответили: «Дать!»
«Мне тридцать трех баторов
Нужно,
Три тысячи воинов
Нужно»,— просил.
В это время
Санхан Гохон-духэй
По злато-серебряным мостикам,
Не оступясь, шагала.
[И так поднималась на небо].
Когда прошагала она половину пути
От земли до небес,
Хухэдэ Мэргэн-отец

Хүлтэй хатан ибиин лэ
— Энэ юугээ хойноһоон
Дахуулжа ерээб шэ?
Абай Гэсэр хүбүүн
Үттэр энүүнээ абаашал даа! —
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Гүйн харайн ерэжэ
Үндүр үлгүн хоёри
Тэг дунда золгожо
Үбсүүнэй талааһаа ёборжо
Тэхэрүүлжэ ерэлдэнэ бэлэйл даа.
Тэхэржэ мэнхэн бэеэ бэелхээр,
Мэхэрээн шарай шарайлһаар,
Алта мүнгүн байсангаа
Ороеоро орожо гэрэтээ лэ орхолоор,
Огторгойн минган сагаан бурхан гээшэ
Алта мүнгэн дугуйеын
Хуряажа абаба.
— *Үе соогоо огторгойдо гарша*
Огторгой минган сагаан бурханһаа
Эрэжэ суража байха юмэйм,
Энэ эмэ түргэдэжэ гүйжэ лэ

Алта мүнгүн дугуйеым
Хуряалгажа орхибош!
— Гушан гурбан толгойто
Гуули шара собоориим
Голторуулжа орхихош хами.
Энэ ханай голхон дайда хоёрым
Бурхидуулан орхихош хаям!
Энэ эмэ шамай,
Огторго өөдэ юүн ханай хүтэлөөһэм?
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Нойтон ехэ бургааһай
Нуга татан асаржа,
Санхан Гоохон дүүхэйе
Ямаан хаанай барагтай
Сашхуулажа байбал даа,
Инзагани барагтай
Бархируулан байба ла.
Ёро хүрэһэн ибии гээшэ
— Ядаан гэжэ асарһан
Бэриим бүүхэн нали! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Дала хүрэһэн баабай гээшэ
— Хүүни ганса хүбүү аадла
Хүйтэ сүйтэ хүгээ
Иижэ сохихгүй юм гэжэ
Хэлэн хүүнэн байбал даа.
Энэ хоёр эрэ эмэ хоёр
Үкхүйөө — шье болиһон хоёр
Тэһэ дэбһэжэ орхихо! гэжэ

Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Гүйжэ ханай дэбһэхэеэ
Гүйжэлэ ябахадаа,

Хултэй Хатан-мать [говорили]:
«Ты кого за собой
Приманил?
Абай Гэсэр-хубун,
Ты сейчас же ее уведи!»
Абай Гэсэр-хубун
Побежал,
И на самой середине от земли до небес
Ее встретив,
Он ткнул ее в грудь
И назад повернул.
Вернувшись, он стал таким, как есть.
Настоящий свой образ он принял,
Вошел через верх
В свой дворец злато-серебряный,—
Тысяча светлых небесных бурханов
Сложили, убрали
Те злато-серебряные мостики.
«Всю жизнь, поднимаясь на небо,
Просил бы я, спрашивал
Тысячу светлых небесных бурханов моих.
Потому что, не выдержав, баба,
[за мной] побежала
По злато-серебряным мостикам,
[Мостики эти] убрали.
Тридцатитрехглавый
Мой бронзовый, желтый собор
Испоганишь,
Долину, всю землю мою
Осквернишь!
Да и кто тебя, баба,
На небо повел?»— [говорил так Гэсэр].
Вслед за тем,
Сразу выдернув,
Прутья большие сырые принес
[И стал так бить] Санхан Гохон-духэй,
Что она
Запищала козою
И диким козленком
Она закричала.
Шестидесятилетняя мать
Говорила:
«Не бей ты невестку,
С трудом приведенную!»
Семидесятилетний отец
Говорил-поучал:
«Мой единственный сын,
Невесту свою
Ты не должен так бить!»—
«Эти двое, мужик да и баба,
Забытые смертью,
Стареть переставшие,—
Я их растопчу, раздавлю»—
Говорил так [Гэсэр].
Абай Гэсэр-хубун
Побежал, хотел растоптать, раздавить,

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Эсэгэ хүүе гомойлгожо орхиходоо
Һүмэр уула шэргэхэл,
Ехэл хүүе гомойлгожо орхиходо
Һүнхэн далай шэргэхэ!
Танаа хүүрээ дуулажа
Һамагаяа налихаяа болибоб даа! гэжэ

Инеэ наадан эрээ мүнгүн остоолдоо
Идеэн сайяа табижа,
Улаан мүнгэн остоолдоо
Үндан сайяа табижа,
Энеэ наадан идеэн сайяа идижэ

Зугаалжа һуубал даа —
Дүрбүүлэндээ боложо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Боро хоног шара набша болобо —
Обоо зөөлэн орондоо ло

Уушха зөөлэн хүнжүлдө
Халуун зөөлэн хадуушхадаа
Булган зөөлэн будуушхадаа
Орожо нойршоно бэлэйл даа.
Гушан гурбан бахтиир ла
Гурба минган сэрэеы лэ,
Адаһан идеэн хоёри
Уһалаха гэжэ
Шара бүрүүн далайдаа
Ороно бэлэйл даа.
Оролсожо ябхадаа
Алтан мүнгүн уляаһан
Ургажа байбал даа.
Тэрэ ехэ уляаһай
Гушан гурбан бахтиирай
Эгээн ехэ бахтиирии
Агсагалдай улаан бахтир ла
Булга татан хаябал даа.
Хаяхада болбо
Зуун найман толгойто
Зуудаг шара мангадхай
Гаралсажа ерэлэйл даа.
Инеэшэл үгэй үүдэйеым
Инеэлдэжэ ерэһэн
Хааша үгээ үүдэйсым
Хаалдажа ерэһэн
Юүнэй хүбүүн юухэн ерэбэш?
Хэнэй хүбүүн хэнхэн ерэбэш?
Үзүүрһээ танай үнхэхэм
Захаһаа танай зальяхам!..

— Мани гэжэ зальяхал ша
Абай Гэсэр хүбүүмнай
Шамайела орхихогүй байнал даа! —
Мэтэр хүүрээ хэлэбэл даа.
Намалаара дайлалдаха

[Но опомнился он].
«Коль отца ты обидишь,—
Провалятся горы Һумэр,
Коль обидишь ты мать,—
Испарится Молочное море!
Послушавшись вас,
Перестал бить жену!»—
[говорил так Гэсэр].
Веселясь и смеясь и на пестро-серебряный стол
Наилучшие яства поставив,
На красно-серебряный стол
Из питья — наилучшие ставя,
Смеясь, веселясь да и кушая лучшие яства,
Беседовали
Все четвером.
Вслед за тем
Спустились вечерние сумерки желтой листвою.
В постель свою пышную, мягкую,
Под одеяло, как легкие, мягкое,
В постель свою теплую, мягкую
И на подушку свою соболиную мягкую
Лег и уснул.
Тридцать три батора,
Три тысячи воинов
Спустились к Туманному желтому морю[58].
Чтобы напоить
Табуны и стада.

А там, на пути их,
Осина росла—
Золотистой она, серебристой была.
Самый сильный
Среди тридцати трех баторов
Красный батор Агсагалдай
Ту осину громадную,
Выдернув, выкинул вон,—
Из-под осины вышел

Кусающий желтый мангадхай[59].
Что имел сто восемь голов.
«Ты неоткрывающуюся мою дверь
Пришедши открыл.
Ты незакрывающуюся мою дверь
Пришедши закрыл.
Чей ты сын, кто ты такой?
Кто ты есть и как имя твое?
Вас с конца искусаю
И с краю сглотаю!..»—[сказал мангадхай].
«Если нас ты проглотишь,—
Наш Абай Гэсэр-хубун
Не оставит тебя [безнаказанным]»,—
[Батор] ответил тут сразу.
«Какое имеет оружие

Абай Гэсэр хүбүүн танай
Ямар тоногтой юм аа би?
— Хара һанаатай юмэйе
Ерээ хани болходо
Хаха сабшан унагааха

Хара түмүр һэлмэтэйл,
Сагаан юмэйн ерээл хадаа
Сагаа атхаса сабшалха
Сагаа мүнгүн һэлмэтэйл!..
— Тэүнэһээл үлүү тоноеын

Юүн биихэн байна даа?
Амин дотор барилдама
Хангайн хара һомотой ло,
Далан табан тэбхэтэ
Даньял шара номотой ло.

Онон дээрэн үншаха
Улаан дүлүй гаргаха
Эрдэмтэй байна ла.
Холо байһан юмээе
Ходо харабан унагааха
Эрдэмтэй байна ла.
— Тэрэ байха тонойеын
Намда һамаргажа асыта
Би хани болоо хадаа
Тэрэл тонойн һамаргажал үгөө
болоо хада танай
Бэеэ дэли һанажа
Минии хани болоо хадат най
Дахуулжа абша ябахал би.
Абай Гэсэр хүбүүн танай
Ара барлаг адли ла
Адаһа идеэ харуулнал.
Минии хани болоо хадаа
Унтаһан газартаа
Хамта абан унтахал би;
Ямар дайсуй болходо
Хажуудаа татаад ябахал би
Биеэһээн дутуу һанаха гүй байнаб! гэжэ
Хара ехэ уһан дээрэн
Үрмэ байса хэлэбэл даа,
Хабтагайхан шулуун дээрэ

Ногоое ургулан хэлэбэ.
Үлэ ханай болсорон
Хүүрхэн дээрэ оруулжа
Тэрэ байха тоное
Үнөө һүньдөө һамаргаха гэжэ
хэлсэнэ бэлэйл даа.
Хүүрхэн дээрээ абхадаа
һүнөө[1] хани һүндөөлө
Тэрэ байха тоное,

Ваш Абай Гэсэр-хубун,
Чтоб сражаться со мною?»—
[спросил мангадхай] —
«Черный железный имеет он меч,
Чтоб пришедшего
С умыслом черным
Рассечь и свалить;
Да имеет он белый серебряный меч,
Чтоб пришедшего белого так разрубить,
Чтобы вытек [из глаза] белок»—
«Кроме этих,

Какое имеет оружие он?»—
«И стрелу он имеет хангайскую черную,
Что применяет тогда, когда жизнь
под угрозой;
И желтый даньяльский имеет он лук
С семьюдесятью пятью подставками.
Он владеет искусством,
Чтобы заклинать на зарубке [стрелы],
Пламя красное тем вызывая.
Он владеет искусством
Далекое все
Прострелить»,—[так ответили баторы].—
«Все оружье его [и доспехи],
Расстроив, мне дайте.
Вы, если, расстроив, дадите
Оружье его,

Приятели будете мне.
Я с собою возьму вас,
Как равных.
Ваш Абай Гэсэр-хубун
Вас, как будто последних рабов[60],
Заставляет пасти табуны свои, скот.
Коль ко мне перейдете,—
Где лягу я спать,
Там и ляжете вы;
Воевать нам придется ли с кем,—
С вами рядом я буду.
И не подумаю ниже себя вас считать!»—
[Мангадхай], говоря так,
На чистой и полой воде
Образовывал пенку,
На камне [широком] и плоском
Траву он растил.
До безволия[61]
Их убедил,
И условились этой же ночью
Расстроить, [разбить] все оружье
[Гэсэра].
Склонив их к тому, [мангадхай говорил]:
«Вы, разбив, раскидайте
Доспехи его, все оружие

* Надо: үнөө—мүнөө.

Һамаргажа хаеы та!
Онойн ехэ хахалы та,
Урайн ехэ хүнды та,
Тэүнэй нэгэ аянда
Далан табан тэбхэтэ
Даньял шара номойеын
Хүбшэйеын отолы то.
Хара юмээ хахалха
Хара түмүр һэлмэйеын
Хана хаяа дорон
Нюулдажа орхии то.
Сагаа юумэн сабшалха
Сагаа мүнгэн һэлмэйн даа
Үзүүр эрын дууһы та!..
Бихэн танай болобо
Һүниин тэнхэн барагта
Тэрэ байха һумын даа
Доодо бэедэ орожо
Гэтэлдэхэ байнам даа.
Тэрэ ханай хүбүүни
Гарша ханай ерхэдэ
Арга ла талайн олохо байнам!
Ядалдаһан газартам
Асагалдай улаан бахтиир ла,
Мэдүүлэл үгэйэр туһаласаарайш!
Тэрэ дайеын дарабал даа
Санхан Гоохон дүүхэйтэй
Бихэн һуулдаха байнал би.
Гушан гурбан бахтиир
Танаа бихэн — бихэн мэдхэб даа!
Гурба минган сэрэг лэ
Танаа бихэн харахал би.
Тани үлдхөөнш үгэй
Даарууланш үгэй адуулажа
Абшал ябахаб.
Абай Гэсэр хүбүүн танай
Танаа юумэн үгэн идеэлүүлэгшэб?
Асагалдай улаан бахтиир ла:
— Үдэрэй гурба идеэндэ
Аарсал бозойн ухэ юмэл
Үдэшэни вэрэмидэ (Uel сагта)
Үжинэйе ухэ юмэл.
Адхаараа хэмнэхэ юмэ
Мяхайеын ухэ юмэл,
Аягаханаар хэмнэн
Шүлөөрөө идеэллэхэ юмэ...
— Намда ла хадаа болоо хада
Идьхэ шье мяхан даа
Урай танай байха ла,
Эжэлхэ шье хүүхэн даа
Ойро танай байхал даа.
Абай Гэсэр хүбүүн танай
Тани ла болобо —
Бозоёо ехээ уулгажа
Буруу ехээ харуулаба!
— Үнөө хани һүньдөө
Баран байха тоноеын

Этой же ночью!
Расколите [все стрелы его] от зарубок,
Наконечники [стрел] рассеките[62],
Затем
Тетиву перережьте
Даньяльского желтого лука,
Что семьдесят пять подставок имеет;
Рассекающий
Черное
Черный железный-то меч
Вы под стенами спрячьте;
Рассекающий белое
Белый серебряный меч
Затупите — все лезвие, все острие!...
А я, в полночь примерно,
Забравшись в дворец
Под низ его,
Прослежу
[За Гэсэром].
Как выйдет
Тот парень,—
Устранить его способ найду!
Там, где трудно мне будет,
Ты, красный батор Агсагалдай,
Незаметно поможешь!
Когда одолею врага,—
Поженюсь
На Санхан Гохон-духэй.
Тридцать три батора,
Вас-то я знаю!
Три тысячи воинов,
Позабочусь о вас.
Я присматривать буду за вами—
Не будете вы голодать
И не будете мерзнуть,
Ваш Абай Гэсэр-хубун
Что дает на питание вам?»—
Агсагалдай, красный батор [ответил]:
«Дает ежедневно три раза
Барду он молочную, арсу[63],
В вечернее время
Ужин дает,
Дает мяса он столько,
Что горстью измеришь
Да супу-то столько,
Что чашкой измеришь...»—
«А вот у меня—
Перед вами — и мясо,
Чтоб кушать,
И девушки будут,
Чтоб с ними сдружиться.
Ваш Абай Гэсэр-хубун
Вас заставил бурунов пасти
И бардою вас кормит!»—
[Говорил мангадхай].—
«Сегодня же ночью
Оружье его, все доспехи

Һамаргажа орхихо мнай! — гэжэ
Асгалдай улаан бахтиир гээшэ:
Һамаргажа шинии болон ошхомнай!
гэжэ
Баруун гараа барилдана бэлэйл даа.

***

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Асгалдай улаан бахтирын
Адуу идеэн хоёроо
Уһалжа тэхэрбэ.
Тэхэрэжэ ерхэдээ
Гушан гурбан бахтирын

— Асгалдай улаан бахтиирнай
Ши дэмээ хэлбэш таа!
Абай Гэсэр хүбүүтэеэ
Хамта ла ябаа хадаа,
Адаһан шье манда бэлэн бэлэйл,
Албата шье манда бэлэн бэлэйл.
Мангад хүгшэн ахайн болоо хадаа
Үдэртөө өөһүни хүнүһэн болжо
Дууһаха байнал ди.
Бидэ хани энэ болходоо
Энэ байха хүүри лэ
Абай Гэсэртээ хэлхэ мнаи л.
Абай Гэсэр хүбүүн манай
Манаа орхихо гүй хараха л даа.
Гушан гурбан бахтиир
Гурба мянган сэрэеын
Аса ехэ модые
Хаха таталдан буляалдаба[27].
Аймаштайл хүүрээ хэлсхэдээ
Асгалдайл улаан бахтиир гээшэн

Үлэ болсо хүүртээ
Оруулжа абаба.
— Энэ мангадхайн
Бэрхэдээ лэ болоо хадаа
Абай Гэсэр хүбүүнһээн
Хүшээр шье дутха гүйл ди,
Хүүрээр шье дутха гүйл ди!
Тэрэ һайхан мангадхаяа
Даралсаха баиналди.
Энэ байха зөөрие
Адуулажа абахал ди,
Энэ байха албатуй
Томиржо абахалди.
Бэеэ дээрээ болоо хадаа
Абай Гэсэр хүбүүндэ
Гардажа ялаха гүйл ди.
Энэ мангар ахай ла,
Гардажа үгэһэй даа!..
Баран байха тоноеын
Ерэлсэһэн биеэрээ
Һамаргана бэлэйлдаа,
Амин дотор бариха

Расстроим, [сломаем],—
Сказал Асгалдай, красный батор.—
Расстроим и станем твоими»,—
сказав,
[Мангадхаю] он правую руку пожал.

***

Вслед за тем
Асгалдай, красный батор,
Вернулся обратно,
Стада, табуны напоив.
А когда он вернулся,
То тридцать три батора [стали ему
возражать:]
«Ты, наш Асгалдай, красный батор,
Так зря говорил!
Когда были мы с нашим
Абай Гэсэр-хубуном,
Имели стада, табуны,
Имели и подданных мы.
Перейдя к мангадхаю такому
Мы пищею станем ему ежедневной,
Совсем изведемся.
О чем говорили мы здесь,
Все должны передать
Абай Гэсэру-то нашему.
Наш Абай Гэсэр-хубун
Без внимания нас не оставит».
И тридцать три батора,
Три тысячи воинов
Спорили, в споре, казалось, они
разрывали
Разветвленное толстое дерево...
В споре ужасном таком
Асгалдай, красный батор,
[Других] убедил
До потери их воли.
«А ежели он, мангадхай,
Отнесется к нам плохо,—
Абай Гэсэр-хубуну
Ни силою мы не уступим,
Ни словом ему не уступим!
Сразим
Мангадхая того.
И все это богатство
Возьмем на присмотр,
И всех подданных этих,
Считая, возьмем...
Но мы сами одни
Победить Абай Гэсэр-хубуна
Не сможем:
Вот этот подрался бы с ним—
Мангадхай!...»— [говорил Асгалдай].
И придя,
Разломали они
Все оружье его, все доспехи.
От самой зарубки они раскололи

Хангайн хара һомойе
Онойн ехэ хахалба,
Ууриин ехэ хүндүбэ.

Баран байха һомошын
Һамаргажа хаяба.
Далан табан тэбхэеэ
Даньял шара номойе
Хүбшын отолон хаяба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Хара юмэ хахалха
Хара түмүр һэлмэйеын
Хана доруур хударба.
Сагаа юмэйе сабшалха
Сагаа мүнгүн һэлмэйе
Эрэйн хани болбо
Юумэн шье далах гүй
Үнсүг болгон орхибо.
Орхиһон хойно ло
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Юүгээ шье мэдэл гүй
Боро хоног шараг набша боложо,
Эрээ мүнгүн остоолдоо
Идеэн сайяа табюулба,

Улаа мүнгүн остоолдоо
Ундан сайяа табижа
Идеэлнэ бэлэй лэ.
Эртэнэй байһан юумэйе
Эблүүлжэ зугаалба,
Урданай л байһан юумэйе
Урин татан зугаалба.
Боро хоног шара набша болно бэлэй л даа,

Обоо зөөлэн орондоо ло,
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө,

Халуун зөөлэн хадуушхадаа,
Булган зөөлэн будуушхадаа орожо
Бурьяжа харьяжа
Нойршоһониин тэрэ гэлэй.

**
*

Һуниин тэнхэн барагта
Хара шулуун хаалга ла
Хахинана бэлэй л даа,
Хаһаг мангад харуур ла
Хаахирагүй табилдаба.
Хүрин шулуун хүрээ лэ
Хүнхэнэнэ бэлэй лэ,
Хүүнэй хүбүүн харуур ла
Хаахирагүй табиба
Хааһар баахар нохойн ло
Хусалдажа ошобо
Санхан Гоохон дүүхэй лэ
Мэдээн сайндаа мэдэбэ,
Ухаан сайндаа ойлгобо:

Стрелу ту хангайскую черную,
Что применяют, когда жизнь под угрозой,
Ее наконечник они рассекли.
И сломав,
Раскидали все стрелы.
Тетиву перерезав, отбросили
Желтый даньяльский лук,
Что имеет семьдесят пять подставок.
Вслед за тем
Рассекающий черное
Черный железный-то меч
Затолкали под стены;
Рассекающий белое
Белый серебряный меч
Затупили—
Его острие
Ничего-то не режущим обухом стало.
И после того
Абай Гэсэр-хубун,
Когда сумерки вечера желтой листвою спустились,
Не зная совсем ничего,
Наилучшие яства поставив
На пестро-серебряный стол,
Из питья наилучшее ставя
На красно-серебряный стол,
[С ними] кушал [сидел].
Говорили о древних делах,

Говорили о прежних делах,
Приведя их в порядок,
Призывая к себе.
Спустились вечерние сумерки желтой листвой...
И в постель свою пышную, мягкую,
Под одеяло, как легкие, мягкое,
В постель свою теплую мягкую
И на подушку свою соболиную мягкую лег
Да и крепко и сладко
Уснул, говорят.

**
*

Когда полночь пришла,
Заскрипели
Ворота из черного камня
И русский казак-караульный
Тревожные крики издал,
Загудела
Ограда из бурого камня
И сын человеческий, стражник
Тревожные крики издал,
И собаки[64] горластые, злые
Залаяли тут.
Санхан Гохон-духэй
Прозорливым узнала умом,
Рассудила рассудком прекрасным:

Абай Гэсэр хүбүүн даа
Хара ехэ һүрэдөө
Хаагдаха ёһо ербүү?
Боро ехэ һүрэдөө
Боогдохо ёһо ербүү? —
Тэүүнэй нэгэ аянда
Абай Гэсэр хүбүүе
Таталдана бэлэй л даа
— Арбан гурабан хаани манай
Албатаниин түргэдэбүү?
Далан гурбан хэлиие
Үзүүрдээшэн түргэдэбүү?
Абай Гэсэр хүбүүн бодыш,
Үттэр түргэн бодыш!
Хара ехэ һүрө дором най —
Хара адайн түбүргөөн,
Боро ехэ һүрэ дором най л —
Боро адайн түбэргөөн.
Үттэр түргэн Абай Гэсэр хүбүүн,
Үттэр түргэн бодыш!
Арга талаяа олоё — ло.
— Энэ юуниин түрээд түйдхэн болбуу? гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн бодон харайн байба л даа.
Аян шаяа алдаба.
Хара ехэ һүрэдөө
Хаагдаха үдэр лэ
Үнөө үдэр ербүү-даа?
Боро ехэ һүрөдөө
Боогдохо үдэр лэ
Үнөө үдэр ербүү-даа?
Арга тала хайшаа бэлэй?
Тамшиин сагаан талда
Таба малгай нараһанда
Дайлалсаха ёһотой бэлэйл би.
Хара юумэйн ерхэдэ
Хаха сабшан унагааха
Хара түмүр һэлмэм ни хаана бэлэй?

Санхан Гоохон дүүхэйтээр
Яаха яахаар бэдэржэ
Алта мүнгүн байсан соо
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Сагаа юмээ сабшалма
Сагаан мүнгүн һэлмэм хаана бэлэй?
Тэрэ байха байсан соогоо
Бэдэржэ ошходоо
Эрээ лэ үнсүг болжо ошоод
Хэбтээ гэхэн юмэ л даа.
Аянгаяа ядалсаба.
Баран байха тоногоо
Асарна бэлэйл даа.
Баран һамаража байбал даа.
Юухэн шье хүүнэй бариха тоног үгэй

«Неужто пора подошла
Абай Гэсэр-хубуну
Быть запертым в черном большом
Своем зимнике.
Или быть связанным в доме
Большом, своем сером?»
А затем тормошила, будила она
Абай Гэсэр-хубуна.
«Ополчились ли данники
Наших тринадцати ханов?
Или ополчились верхи
Семидесяти трех языков?
Абай Гэсэр, поднимись,
Да немедленно ты поднимись!
Ведь черные черти топочут
Под черным большим нашим домом
И серые черти топочут
Под серым большим нашим домом.
Быстрей, Абай Гэсэр-хубун,
Да быстрей поднимись!
Надо выход найти нам».—
«Случилось несчастье, беда этой ночи?!»—воскликнув,
Абай Гэсэр-хубун соскочил.
Он в смятении был.
«Неужели сегодня пора подошла
Быть мне запертым в доме
Большом моем черном?

Неужто сегодня пора подошла
Быть мне связанным в доме
Большом моем сером?
Где выход, где средство?
Ведь должен сражаться я
В белой Тамшинской степи,
У сосны, что имеет пять шапок [верхушек],
Где черный железный мой меч,
Рассекающий черное-злое,
Пришедшее (к нам)?»— [говорил так Гэсэр].
Вдвоем с Санхан Гохон-духэй
Всяко искали
Во дворце золотом да серебряном
[Меч].
«Да и где ж рассекающий белое
Белый серебряный меч?»—вопрошал он.
И когда во дворце том,
Нашел он свой меч,
То лежал [меч], затупленный,
С лезвием, ставшим, как обух.
В большом замешательстве был тут [Гэсэр].
Он оружие все и [доспехи]
[Собрал] и принес.
Все [оружие] было испорчено,
Не было ни одного

Үгэй болоhон байба ла.
Юүхэн шье үгэй байхада
Аянгаяа ядаба,
Аянгаяа ядхадаа:
Ерэн алда бэетэ
Ербээ хүхэ морим
Ерхэ гэжэ татабал,
Тэүни нэгэ аянда
Ерэн алда бэетэ
Ербээ хүхэ морин гээшэ,
Баран байха тоногоо
Ашаалдажа ерээд лэ,
Баруун урда шагаабарта:
— Эжэн абай хүйхэрни!
Үтэр түргэн гарша ерыш!

Холын ехэ дайсуйе
Шэхэнээ hонороор дуулабууш таа?
Ойрын ехэ дайсуйе
Нюдүнөө хурсаар харабууш таа
Үтэр түргээр гарыш!
Баран байха хубсаhаа
Хубсаhа лан биеэрээ
Баруун урда шагаабараар
hуха харайн
Газаа биедээ гаралай л даа.
Гаралсаhан биеэрээ,
Хүйлэн хүхэ мориндоо
Алабхижа аhаба,
Аhалдаhан биеэрээ
— Намлаар дайлалсаха юмэ байгаа
Тамшиин сагаан талда гашир!
Таба малгай нараhанда ла гашир!
Хара ехэ hүрэ дором
Хара ада буухан болыш!
Боро ехэ hүрэ дором

Боро ада бүхэн болыш!
Үтэр тэргэн гарша ерхэ хадаа гашир лаа!
Гарша ерхэ гүй хадашни
Будүүн ханай хүзүүндэш
Будүүн ханай аргамжа
Оруулна биизэб...
Ханхан байса зандана бэлэй л даа,
Хамаг байха байсангаа
Ханхинуулан байба даа.
Тиихэ лэ байхадаа
— Огторгойм минган сагаан бурхан
Орой дээрэм харагтуй,
Орой хэнээ Гэсэрээ
Орхил үгэй харыта!
Огторгойн минган сагаан бурхан
Мэшэн дээрээ суглалдаба,
Мэргэн суглаа суглуулба.
hара дээрээ суглана бэлэй л,

Пригодного для человека оружия.
Но.. выход
Искал тут [Гэсэр].
И ища себе выход,
Призвал он
Коня своего голубого, молниеподобного,
Что длиной в девяносто шагов.
В тот же миг
Его конь голубой да молниеподобный,
Что длиной в девяносто шагов,
Со своею надетою сбруей
Примчался,
В окошко [дворцовое] право-переднее крикнул:
«Мой хозяин, абай-удалец,[65]
Выходи же быстрей!
Не врага ли далекого сильного
Чутким ты слухом услышал?
Врага, может, близкого сильного
Острым ты глазом увидел?
Быстрей выходи!»
И надев на себя
Всю одежду,
В окошко переднее-правое
Выскочил сразу
На улицу он.
А на улицу выскочив,
Он на коня своего голубого
Вскочил.
А вскочив, [закричал:]
«Кто задумал сражаться со мной,
Пусть выходит на Тамшинскую белую степь!
Пусть выходит к сосне, что имеет пять шапок-[вершин]!
И черным ты чертом
Под черным большим моим домом не будь,
Да и серым ты чертом
Под серым большим моим домом не будь!
Если выйдешь, то выйди сейчас же!
А если не выйдешь,—
На толстую шею твою
Накину
Веревку я толстую...»
Так угрожающе крикнул,
От крика того зазвенели
Дворцы его все.
А затем [говорил]:
«Мои, тысяча светлых небесных бурханов,
Вы сверху за мною следите,
За поздно рожденным Гэсэром своим
Неусыпно следите!»
И тысяча светлых небесных бурханов
На звезде собралися своей,
Собралися на мудрый совет,
На луне собралися своей,

Һайхан суглаа суглалдаба.
Орой хэнээ Гэсэрнай
Холойн ехэ дайсуйе
Шэхэнэй һонороор дуулбуу да?
Ойрын ехэ дайсуйе
Нюдэнэй хурсаар харабуу даа?
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Зуу найман толгойто
Зуудаг шара мангадхай
Алта мүнгүн байсан дороһоон
Гаралдажа ерэлсэбэ.
Тамшиин сагаан талда
Таба малгай нараһанда
Гараша дайлалсаебди гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Байгаа гэхэн юмэ лэ

Хойноһоони гархам гэжэ
Гэшхэлдэнэ бэлэй лэ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Ара гэрээн урайгшаа
Хатарна бэлэй л даа.
Тамшиин сагаан тала дээрээ
Таба малгай нараһан дээрээ
Хүрэлдэжэ буухадаа —
Огторгойн мянган сагаан бурхан гээшэ
Амин дотор барилдама
Хангайн хара һомойе,
Далан табан тэбхэтэ
Даньял шара номойе
Буулгана бэлэй л даа.
Абалдажа байхада
Буга һогоон хоерын
Урилдажа ябаба.
Хангайн хара һомойе
Һуха татан абша
Харбана бэлэй л даа.
Нэгэ һомоор унагаажа абаба.
Шүнөһө нараһан хоёрто
Бүхэлеэрэ шоролбо.
Түүдэбшиин гали түлижэ
Шэнээл үгэй нюргалажа
Хэбтэһэниин тэрэ гэлэйл.
Мангад хүгшэн ахай гээшэ
Үзүүрэһээн үнхэхэм гэжэ
Хүрэлдэжэ ерэбэ.
Наян алда эрэтэй.
Тарбагай сагаан һүхээрээ
Сабшахам гэжэ ерэбэ.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Унтажан хэбтэбэ.
Үндэр тэнгэри холо гэжэ
Далайлдана бэлэй лэ,
Үлгэн замби уужам гэжэ
Шэндэгээдэн далайба.
Нарин һайхан хүзүүн дээгүүр
Сабшалан үзэлдэбэ.

Собрались на прекрасный совет:
«Наш родившийся поздно Гэсэр
Не врага ли далекого сильного
Чутким-то ухом услышал?
Врага, может, близкого сильного
Острым он глазом увидел?»
Вслед за тем
Кусающий желтый мангадхай,
Что имеет сто восемь голов,
Из-под злато-серебряного
Вышел дворца.

Абай Гэсэр-хубун
Предлагал [мангадхаю]
Сражаться
На белой Тамшинской степи,
У сосны, что имеет пять шапок-[вершин].
И от северной юрты на юг
Абай Гэсэр-хубун
Поскакал,
А за ним зашагал
[Мангадхай].
Как приехал [Гэсэр]
На Тамшинскую белую степь,
К той сосне,
Что имеет пять шапок-[вершин],
Ему тысяча светлых небесных бурханов
Спустили
Стрелу ту хангайскую черную,
Что применяют, когда жизнь под угрозой,
И желтый даньяльский тот лук,
Что имеет семьдесят пять подставок.
А в это-то время
Наперегонки тут бежали
Маралы — самка, самец.
Тут стрелу он, хангайскую черную,
Вытащил,
Выстрелил в них
И одною стрелою свалил
Да на лиственницу и сосну
Целиком нанизал их.
Огромный костер разводя,
Как ни в чем не бывало,
Лежал на спине, говорят.
А старшой мангадхай[66]
Прискакал,
Чтоб [Гэсэра] с конца искусать,
Топором своим белым широким,
Что восемьдесят шагов шириной,
Изрубить.
Абай Гэсэр-хубун
Все лежал и дремал.
[Мангадхай] замахнулся
На всю вышину высочайшего неба,
На всю ширину необъятной земли
[Топором] замахнулся.
По шее [Гэсэра] точеной красивой
Ударил,

Булад түмэр дэли ла
Ябхан гэжэ хэбтэбэ,
Буха шулуун барагтай
Ябхан гэжэ тулаба.
Наяан алда эрэтэ
Тарбагай сагаан һүхэ лэ
Уньядаа хариба,
Узууртаа шэргэжэ
Унана бэлэй лэ.
— Ута харгуйдаа
Ябаһаар болбо
Бөөһэ хюураһан олон болбуу? гэжэ
Бэеэ һарахан һурахан
Һабардажа хэбтэбэ л.
Тэүнэй нэгэ аянда,
Мангад хүгшэн ахай лэ
Дүшэн ханай бүүдхэн
Түмэр хара мугуйе
Гаргажа абаба.
— Тархиин дэлбэ мугуйдха! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Үндэр тэнгэри холо гэжэ
Далайлдажа абалсаба.
Үлгүн дайда уужам гэжэ
Шэндэгээлдэн абша —
Мугуйдана бэлэй л даа.
Түмэр хара мугуй гээшэ
Дүрбэлэн тээшээ
Дэлбэр һүрэн уналсаба.
— Ямар, бурхан, егтэй юмэ бэлэй!

Энэ байха тоногоо — дууһажа орхёод,
Энэ хани түрээдээр
Хайшин гэжэ тулалсаха бэлэй би —
Зальяжа үзэхэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Мэдээн һайндаа мэдэжэ
Ухаан һайндаа ойлгожо
— Унтаанда мэни отолһон,
Хэбтээндэ мэни хэршэһэн,
Хэнэй хүбүүн хэнхэн байнаш?
Юүнэй хүбүүн юүнхэн байнаш?
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа
— Абай Гэсэр гараа гэхүй дуулхадаа
Боро зүрхэм бульяа бэлэй,
Богони хабаһан матаа бэлэй л!
Нарай ханай байхадаш ни
Һизалхаар ерэлэйл ди,
Бага мүнөө гэжэ лэ
Баллахаар* ерэбэб даа.
Үһэн шэгн хадаа ла
Үрэбэлгэ байна л даа,
Үе шниц болобо —
Мөөрэһэхэн байна ла.
Зальяжа орхиходом —

Но шея, как будто булатная,
Не поддавалась ничуть, лишь звенела,
Как будто бы камень гранитный,
Гремела лишь, не поддавалась.
Широкий и белый топор
С острием в девяносто шагов
Раздробился на части,
Распался совсем он.
«В дальней дороге я был,
Потому, может, гниды и вши
У меня завелись?»—говоря,
Свое тело
Царапая малость,
Лежал он [Гэсэр].
А в это-то время
Старшой мангадхай,
Взяв железную черную,
В сорок пудов,
Колотушку,
Сказал:
«Колотушкой башку раздроблю!»
Замахнулся на всю вышину
Высочайшего неба.
На всю ширину необъятной земли
Замахнулся.
Ударил.
Колотушка железная черная
Тут вся разбилась
И на четыре стороны разлетелась.
«О боже, что это за странное дело!
Как буду сражаться
С разбитым оружием,
С несчастьем таким?
Попытаюсь его проглотить!» —
Говорил [мангадхай].

Абай Гэсэр-хубун,
Своим светлым умом угадав,
Да и ясным рассудком своим рассудив,
Говорил:
«Кем рожден, как зовут,
Чей ты сын, кто такой.
Что пытаешься спящего резать меня
И лежащего хочешь крошить?» —
«Когда я услышал,—родился Абай Гэсэр,
Мое крепкое сердце забилось
И малые ребрышки стали сгибаться.
Пока ты младенец,
Тебя раздавить я пришел,
Да пока ты ребенок,
Тебя раздробить я пришел.
Твои волосы —
Пух
И суставы —
Хрящи лишь всего.
Мне если тебя проглотить,—

* В издании 1930 г. — балалхаараар.

Шүдэнэйм шэгэши болхо гүй л ши! гэжэ
Мэнэн хүүрэе хэлээд лэ
Байгаа гээшэ юмэ даа.
— Хүдэн* хани хүүе даа
Нарайда лан низалажа
Амтайн таняа байнаш?
Хүдэн хани хүүе лэ
Басагандан баллажа
Амтайн үзээ байнаш?
— Шамаhаа ла болохо
Буха ехэ хүзүүтни
Булгалаhан бэеэ мни л,
Буудай мүнгэн hаадагтани
Ханьялаhан бэемни л!
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн гуаа:
— Хүүнэй лэ үри
Хүүнэhээ лэн үлэх гүй ёhотой юмэ!
Хүзүүнэй лэ тооромо[28]
Ергоонохоол үлэх гүй юмэ!
Эрэхэй лэ шангаар
Тулалсажа үзэхэмнай уу?
hомоной ло хурсааран,
Мориной ло хурдааран
Туршалдажа үзэхэмнай уу?
— Ямархани шамалаар
Хоёр уулда гарша
Зоболдохо мни би...
Эндэшни байгаад даа
Зальяжа орхихом! — гэжэ
Мэнээн хүүрээ хэлэбэл даа.
Хүлзэhэн бухашиг
Хилайлдажа ошобо,
Хүдээшэhэн тэнгэршиг
Нэтүйлдэжэ ошобо.
Бугаяа барагтай —
Ололдожо тулаба,
Бухаяа барагтай —
Мургүлдэжэ тулалсаба.
Алалдаhан газар гээшэ
Адуунай тииргэн дэли ла
Бурьяжа байбал даа,
Мүргэлдэhэн дайда гээшэ
Бута тохой боложо
Байлдана бэлэй л даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Ара бэеэ мяхайе
Арбан hайхан хургаараа
Түгдэл татан хаяба.
Эбэр бэеэ мяхайе
Үүдэн сэгээн шүдээрээ
Түбдэл татан хаяба.
Шуhан ехэ горохуйе
Горхолуулан байба ла,
Мяхан ехэ болдойе

Ты не стоишь и мяса того, что в зубах
застревает»,—
Сказал [Мангадхай].
[А Гэсэр говорил:]
«Да и сколько ж людей
Раздавил ты, пока они дети,
И вкус их познал?
Да и сколько ж людей
Сокрушил ты, пока они малы,
И вкус их узнал?»—
«Не только тебе-то подобным
Я шею ломал,
Но и тем, кто имеет бычачьи шеи,
Громил я и тех,
Кто имеет колчаны из будай-серебра!»
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун [говорил]:
«Не сильней человека
Дитя человечье,
Не больше шести
Позвонков ведь на шее.
Мы попробуем биться
Не силой ли пальцев больших?
Мы попробуем биться
Стрелы остротой
Иль коней быстротой?»—
«Да зачем еще на две горы
Мне с тобой подниматься
И мучиться зря...
Прямо здесь
Проглочу я тебя!»—
Говорил [мангадхай].
Приближались друг к другу, косясь,
Как быки перед тем, как бодаться,
Нахмурясь,
Как небо в ненастье.
Подобно изюбрям,
Друг друга подбрасывали
И, подобно быкам,
Они бились, бодаясь.
На месте, где бились,
Такая клубилась пыль,
Что, казалось, подняли ее табуны,
И там, где бодались,
Земля становилась,
Как кочки в излучинах [рек].
Вслед за тем
Со спины [мангадхая Гэсэр]
Всеми пальцами сильными [рук]
Вырывал его мясо, бросал,
А зубами передними белыми
Мясо грудной стороны
Вырывал и бросал;
Его кровь он
Бурливым ручьем проливал,
Его мясо

* Лит. — хэды.

Болдоглуулан байба ла.
Мангад хүгшэн ахаяа
Хоёр улаан һугааран
Уушхайн сагаан хүлхэйе
Билталзаса татаба.
Ямаанхани барагтай
Сашхалдажа байба л даа,
Инзагани барагтай
Бархиража байба ла
Урда ехэ уулайе
Эдьхэлүүлэн унагааба,
Хойто ехэ уулайе
Дэрлүүлэн унагааба.
Унагаажа байхадаа
— Дарша үгэй юумэйе
Һайял мүнөө даралсабаб.
Дайлаша үгэй юумэйе
Һайял мүнөө дайлаа л-би!
Ехэ дайе дарабаб гэжэ
Ехэ мангал мангах гүйл.
Ехэ хүүйе дарабаб гэжэ
Тархиин нэгэ алхаха гүйл! —
Хуурай ехэ түлеэе
Хухара татан гульдхалдаба,
Нойтон ехэ түлеэйе
Нуга татан гульдхалдаба.
Обоо худөө болгожхоод
Мангад хүгшэн ахай аа
Тэрээн соогоо хаяжа
Дүрбэн найман тээхэнһээн

Гали түлин орхибо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Буга һогоон хоёроо
Һуха татан абаба.
Зальяжа орхибо —
Яһа уһан хоёрын
Хамар аман хоёроор
Турьяжа орхижо
Байгаа л гэхэ юмэ лэ.
Мангад хүгшэн ахайяа
Галдажин абаба л.
Ерэн долоон мэшээгтээ
Яһа уһайн мөшээглэн абаба.
Һалхин тээрмэ барилгаа.
Тээрмэдэн абаба.

Уляаһан хүрзэй хэбэ л даа,
Хара бүрүүн далайда
Хиидхэжэ орхибо.
Хиидхэжэ байхадан —
Хара бүрүүн далай дээрэ
Хурига зузаан үрмэ болжо,
Хэбтээ гэхэн юумэ даа.
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлнэ бэлэй,
Газар тээшээ гайгуулба.
Дарша үгэй юмэйе

Громадным холмом громоздил,
А из легких старшого [того] мангадхая,
Из голых подмышек тянул
Его белые бронхи,
Они трепыхались.
Козою
Кричал [мангадхай]
И ревел он,
Как дикий козленок.
Свалил [мангадхая]
Ногами на южный огромный хребет,
Головой —
На огромный хребет, что на севере.
Свалив, [говорил:]
«Непобедимое
Победил я сейчас,
Неодолимое
Одолел я сейчас!
Зазнаваться не надо,
Что сильного, дескать, врага победил,
И нельзя перешагивать голову, —
Сильного, де, человека сразил».
Много дров он сухих
Наломал и собрал,
Много дров он сырых,
Вырывая, собрал
И в огромную кучу сложил.
Мангадхая старшого
Он бросил туда.
Вслед за тем
С четырех ли, с восьми ли сторон
Он огонь там пустил.
Он маралов
Тут, выдернув, взял,
Проглотил,

Через нос свой и рот
Все их кости и жидкость
Он выдул наружу.
Вот так говорят.
Мангадхая старшого
Он сжег.
Его кости
Собрал в девяносто семь мешков.
Ветряную построил он мельницу,[67]
[Кости на ней] он смолол.

Он осиновую сделал лопату,
На море, туманном, черном
[Ту костяную золу] он развеял.
Когда [ту золу костяную] развеял,
На море, туманном, черном
Легла она пенкой,
Что с палец была толщиной.
[А затем] зашагал он домой
И помчался к родимой земле.
«Непобедимое

Һайя мүнөө дарабаб! гэжэ
Дайлаша үгэй юмэйе
Һай мүнөө дайлабаб! — гэжэ
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газархан тээшээ гальюулаһаниин
тэрэ гэлэй.

**
*

Астай, астай хяаеын ургаа юмэ —
Агтайн бахай дараһан юмэ,
Аса хэли эрьюулэһэн юмэ —
Онтохоноо сэйи дараха юмэ л.

**
*

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Гэрхэн дээрээ ерэжэ
Оролсоно бэлэйл даа.
Гушан гурбан бахтиири,
Гурба минган сэрэгээ
Гульдхажа асарба.
Албата зонхон хоёроо
Гульдхажа байбал даа
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Хуушан бариһан тонойе
Эрэн суран байба ла.
Гушан гурбан бахтиирһаан
Аян шаяа алдаба...
— Хара юмэйн ерхэдэ
Хаха сабшан унагааха
Хара түмүр һэлмэм хаанаб?
Гэжэ һуралдана бэлэй л даа.
Гушан гурбан бахтиири
Эгээн ехэ бахтиириин
Хана байха байсаниие
Баруун урда хэршээһэн доро нюуһанаа
Асаржа үгэбэ.
— Энэ... сагаан юмэй сабшама
Сагаан мүнгүн һэлмэймни
Хуушан түлдэн оруулжа
Яһуулажа асагтуй!

— Ханьеын долоон дархандаа
Хатаалгуулан бүтээлгээд,
Шэньеын долоон дархандаа
Шэрээлгэжэ бүтээлгээд
Яһуулаха мнай! — гэжэ
Мүргэжэ байбал даа.
Гушан гурбан бахтиириин
Гурба минган сэрэеын
— Бидэ юухэн шье мэдхүйб ди
Эдэни яба гэһэн газарта
Ябахалан ёһотойбди,
Хэбтэ гэһэн газартан
Хэбтэхэ ёһотойл ди...
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Манда бэхэн ууралы ши.

Победил я сегодня,
Неодолимое
Одолел я сегодня,— сказав
Зашагал он домой
И помчался к родимой земле, говорят.

**
*

Вырос ветвистый, ветвистый пырей —
Голод коня утолит.
Сказал он улигерную речь —
Сказки течение остановит.

**
*

Вслед за тем
Он приехал домой
И зашел он [в свой дом].
И собрал
Тридцать трех своих баторов,
Три тысячи воинов,
Он собирал
Свой, народ, своих подданных всех.
Вслед за тем
Он оружие старое
Требовать стал,
От своих тридцати трех баторов
Требовал гневно...
«Где пришедшее черное
Враз рассекающий
Черный железный мой меч?» —
Он спросил.
Батор самый могучий—
Среди тридцати трех баторов
[Меч тот] принес
Из-под западно-южных дворцовых
пазов [угловых],
Где и спрятан был [меч].
«А вот это... мой белый серебряный меч,
Чем [мне] белое можно рассечь,
Вы исправьте мне так, чтобы был он,
как прежде,
И мне принесите!»—[сказал так Гэсэр].—
«Ханьинские семь кузнецов
Его будут ковать,
А шеньинские семь кузнецов
Закалят—
Так исправим его!»,—говорили
И кланялись
Тридцать три батора,
Три тысячи воинов.
«Ничего мы не знаем!
Куда нас пошлют эти [баторы ваши],
Туда и должны мы идти,
И где скажут ложиться,
Мы там и ложиться должны...
Абай Гэсэр-хубун,
Ты на нас не сердись.

Уурлаха амитанш
Гушан гурабан бахтиирэшни байна л,
Хэлэлдэхэ хүүхэн шэни
Гушан гурбан бахтиир байна л! гэжэ
Гурабан минган сэрэе
Эгээн ехэ хүбүүн гуай
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Байгаа гэхэ юмэ даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Гушан гурбан бахтиири
Хашалдажа байба даа.
— Хэһэн сагаан хэлгэм
Танаар хамта хам най би,
Хэлгэйн сагаан номо[29]
Танаар хамта хам най би.
Хэлһэн һайхан хүүрээ лэ
Хэбтээ хадхан хэлсэхэл ди,
Хэлгэ бурхан хоерoo
Орихоол үгэй хэлсэхэл ди.
Заяалдаһан заяашаяа
Дурдажа хэлсэхэл ди.
Зарилаг Солбон хоёроо,
Татан байжа хэлсэхэл ди!
Эсхэһэн сагаан эсхэбэри манай яалай?
Эсэгэ малаан баабай манай яалай? гэжэ

Энэ һайхан хүүриимни
Орхихо гүй хадаа
Намалаараа хамта байхал та,
Орхихоо болоо хадат най
Огторгойн танай минган сагаан бурханда

Заргайн танай барихалби!
— Одоошье болобо:
Хүүни хүүртэ орохо гүйл ди,
Шиниеэ хэлэһэн хүүри лэ
Хэбтэ тулсан шагнахал ди,
Хэлгэ заяан хоёроо
Орихоол үгэй татахал ди.
Абай Гэсэр хүбүүн яалайш таа,
Манаа ехэ бүүхэн шахыш!—
Зориһон һайхан газартаа

Золтой заяатай байеы даа,
Золхон заян хоёроо
Үтэг дээрээ гуйеыл даа!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ,
Гушан гурбан бахтиирии
Эгээн ехэ бахтиириин,
Агсагалдай улаан бахтиириин
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа.
Урай байһан юмэе
Удан татан —
Гушан гурбан бахтиираа абаадажа
Идеэлүүлэн һуубал даа.

На кого ты и вправе сердиться,
Так это вот тридцать три батора.
Ты говори
Тридцати трем баторам этим!»—
Промолвил
Тот воин удалый,
Кто был средь трех тысяч-то воинов
Самым большим.
Вслед за тем
Он обрушился с гневом
На тридцать трех баторов:
«С вами же вместе
Я светлым творцом сотворен,
От творения светлого
С вами я связан одною судьбой.
И хорошие наши слова говоренные
С делом сличая, мы поговорим,
Да творца и бурхана-то
Не оставляя, мы поговорим.
Да Заяна*, что нас сотворил,
Призывая, мы поговорим.
Зарилага, Солбона** своих
Привлекая, мы поговорим!
И где Светлый наш тот, кто нам путь указал?
Где же наш Эсэгэ Малан-бабай? —
И все это имея ввиду,
И от слов справедливых моих не отступите если,
Вы будете вместе со мною,
А если отступите,—
Тысяче светлых небесных бурханов
Я жаловаться буду на вас!»—
«Уж отныне
Чужим наущениям не поддадимся.
Словам, тобой сказанным,
Будем внимать до конца.
И Заяна-творца
Не оставляя, мы будем теперь призывать.
Что с тобой, Абай Гэсэр-хубун?
Нас чрезмерно ты не обвиняй!
В том мире прекрасном, куда мы стремимся,
Пускай же удачливы, счастливы будем
И милость попросим на месте родимом[68]
У счастья, у нашей судьбы!»—
Говорил так
Тот самый могучий-то батор
Среди тридцати трех баторов,
Агсагалдай-красный батор
Вот так говорил.
Приведя своих тридцать трех баторов,
Угощал их [Гэсэр],
Вырывая то, что
Впереди его было.

* Заян—творец в мифологическом понимании.
** Зарилаг, Солбон — небожители.

Идеэлжэ зугаалжа һуухада,
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байсан зугаалба,

Хабтагайхан шулуун дээрэ
Ногооеын ургуулан зугаалбуу...
Урайнхиһаан болобо —
Угаа инагаар зугаалба,
Эртэнхиһээн энхэ үлүүгээр
Зугаашана бэлэй л даа.
— Гушан гурбан бахтиирамни
Инаг һайхан зангаа
Заннажа ябаа хадат най —
Танаһаа юухэн шье эрэх гүй байнал би.
Үзүүрэй юумэйм ерээ хадаа
Үлүү хүүрээ хэлээ болоо хадатнай
Тани хада болобо —
Орхихо байнал би.
Энэ зангааран заннажа,
Энэ хүүрээрэр хэлсэжэ ябаа хадат най
Ахал дүүһээн өөрөөл гүй
Адуулажа гэрлүүлэхэ байнал би.
Энээнэһээн хойшо... иимэ хүүрээ хэлсэхэ гүй юмэ,
Иимэ ябадал ябаха гүй юмэ!
— Одоо — шье ойндоо ло абаба байнамди.
Орхёол үгэй зугаашаха
Абай Гэсэр хүбүүн! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа.
— Тантай ла ябахадаа
Бахтиирнууд биди байнал ди,
Тан үгэй хадаа
Ямар хани бахтиир байнамди?
Энээнэһээ хойшо гэнэн ябадалаа мартахамнай
Шоно һанаа һанахамнай,
Шулуун зүрхэ зүрхэлхэмнай! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа.
Ёро хүрэһэн эхэйн гари барилдана бэлэйл даа,
Дала хүрэһэн баабайе
Мэндэшэлнэ бэлэй л.
— Энэ һанаагаа орхижо
Буруу һанаа һанаа хадаа
Бурха манай илгаха,
Алдалажа унахал ди,
Алхалажа хэбтээлди! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Агсагалдай улаан бахтиирын
Уналдажа мүргэжэ байба л даа.
— Хунхан сагаан толгойтой
Баабай л гэжэ мүргэбэл ди,
Хулаһан сагаан һорбитой
Төөдэй гэжэ мүргэбэб! — гэжэ
Мэнэ хүүрээ хэлэжэ байба л даа.

И когда так сидели они, угощаясь, беседуя
То беседу вели они так,
Что на чистой и полой воде
Образовывали пенку
И на камне [широком] и плоском
Растили траву...
Вели разговор задушевней, чем прежде,
Вели разговор
Интересней, чем раньше,
«Мои тридцать три батора,
Если характером
Будете добры,—
Не требую больше от вас ничего.
Коль придет к нам такой,
Что напросится на острие,
И вы скажете лишнее слово —
Оставлю я вас.
Коль характер ваш будет такой же,
И слово такое же будет,—
На вас, как на братьев, смотря
И заботясь о вас, поженю.
С этих пор... чтобы не было речи такой
Да и не было дела такого!» — [сказал так Гэсэр].—
«Уж теперь-то мы взялись за ум!
Абай Гэсэр-хубун,
Нам [об этом] сказать еще надо!» —
Такие слова говорили [те баторы].—
«Ежели с вами,

То баторы мы,
А без вас-то какие мы баторы?
С этой поры мы оставим
Дела легковерные наши
И волею волчьей мы вооружимся,

И каменным сделаем сердце свое!» —
Говорили они.
Они руку его шестидесятилетней матери жали,
С отцом семидесятилетним
Здоровались.
«Ежели мысли вот эти оставив,
Задумаем что-то плохое,—
Наш бог разберется,—
Мы свалимся, ноги протянем
И будем лежать, свои ноги раскинув!» —
Такие слова говоря,
Красный батор Агсагалдай
Клал земные поклоны.
«Отцу с головой лебединою белою
Кланяюсь,
Бабушке, что с камышевою тросточкой белою,
«Кланяюсь я!» —
Говорил [Алсагалдай].

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Санхан Гоохон дүүхэйдэ
Ерэлдэнэ бэлэйл даа.
— Ерэлдэжэ Санхан Гоохон дүүхэй лэ,
Урайнхияа орхибо,
Оһолоо ло мартахам! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Мүргэн һүгэдэн байба л даа.
Зүби нэгэ хүүрхэн
Зүбхэн гэжэ хэлэбэл даа,
Зүргэ нэгэн байхадан
Харгуй гэжэ хэлэбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
— Абай Гэсэр хүбүүмни,
Би шэни болобо —
Энээнһээ хойшо даа
Одоо шье хүүрииш дуулахам,
Одоо шье шинии һургаалаар ябахам гэжэ
Хэлэн суран байна ла
— Улам урда ябадалдаһаан
Гарша ядша хойтоёо гаргахаш!

Алсагалдай улаан бахтиирни
Арабан гурабан хаани ла
Аха шэрээ дарасамни!—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа.
— Энэ хэлэһэн хүүрээ лэ
Хэбтээ тулсан
Тиимэ һанаа һанаха гүйл би,
Энэ ябаһан ябадалаа
Яргалдан тулса ла
Бэшэ һанаа һанаха гүйл би,
Бэшэ зүрхэ зүрхэлхэ гүйл би! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ л даа
Алсагалдай улаан бахтиираа
— Абар шни үгэй — гэжэ
Абай Гэсэр хүбүү лэ
Үлдэлдэжэ байба ла.
— Энэ байха тоноеымни
Һамаргаһан хүүхэн
Юү шье хэхэ,
Юү шье дайраха!
Гушан хоёр бахтиирни
Аргайн олыт!
Гушан хоёр бахтиирни
Үттэр тэргэн аргайн ологты!
Гурбан минган сэрэгтэйе!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа,
Бүдүүн улаан остоолбодо
уяха гэжэ хэлэбэл даа,
Бүхэ һайхан аргамжаар
Хүлихэ гэжэ хэлэбэл даа
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Гурба минган сэрэгии

Вслед за тем
Подошел [Алсагалдай]
К Санхан Гохон-духэй.
«Санхан Гохон-духэй,
Я старое бросил,
Забуду оплошность свою!»
Говорил,
Умоляя, он кланялся ей.
«Правдивое слово
Есть правда,
Тропинка—дорога».—
Сказала она.
Вслед за тем обращался к Гэсэру:
«Мой Абай Гэсэр-хубун,
С этих пор
Тебя слушаться буду,
Теперь-то
Твоим указаниям следовать буду!»—
Твердил-говорил. —
«Красный батор мой Алсагалдай,
Пока у тринадцати ханов
Я высший престол завоюю,
Свой старый проступок
Ты не искупив,
Совершишь еще новый!»—
Сказал так [Гэсэр].—
«О том помышлять я не буду,
Пока те слова, что сказал,
Не исполню,
О чем-то другом помышлять я не буду,
Другим мое сердце я не подменю,
Пока жизненный путь мой
До счастия не доведет!»—
Говорил [Алсагалдай].
Абай Гэсэр-хубун
Алсагалдая, красного батора,
Стал прогонять, говоря:
«Нет спасенья тебе!
Человек, что расстроил
Мое все оружье, [доспехи],
На все, что угодно,
Способен пойти!
Тридцать два мои баторы,
Вы накажите его!
Тридцать два мои баторы,
Вместе с трехтысячным войском моим,
Вы быстрей накажите его!»
Говорил так [Гэсэр].
И к столбу его толстому красному
Он привязать повелел,
Аргамжою* хорошей и прочной
Связать повелел.
Вслед за тем говорил:
«Вы, три тысячи воинов,

---

* Аргамжа — ремень из сыромятной кожи (вместо веревки).

Нэжээд хани сахюурай ла шэнээгээр
Түгдэрэ харбан дууһаха! гэжэ
мэнэ хүүрээ хэлэбэ лэ.
Утаһани шэнээн
Улаан голдон орсон
Алаха үгэйеэр
Газаа-ханай бэеэрэн
Халаһашажа харбахат!—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Гурба минган сэрэг лэ
Гагсата харбаха гүйл тэ,
Нэжээдээр байжа харбахат!—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Гурба минган сэрэгтээ
Гушан гурбан бахтиирын
Будүүн гэхэ остоолбодо
Уян гэжэ үгэбэ,
Бухэ гэхэ аргамжаар
Хүлин гэжэ үгэбэ.
Хүлилдэжэ байхадан —
Гурба минган сэрэйе
Эгээн ехэ хүбүүн гуай
Эгээн түрүүн харбаха! гэжэ байна.
Эгээн ехэ хани болобо —
Гураба минган сэрэе
Ахалаха хүбүүн лэ
Орожо харбана бэлэй л даа
Баруун гари шэгшиие
Түрүүнэй үеэр таһа харбан унагааба л.
Тэүни хойто хүбүүн
Оролдожо харбаба:
Зүүн гарай шэгшиие
Таһа харбан унагааба л.
Тэрүүнһээ хойшо ло —
Нэжээдээрээ орон харабхадаа,
Дуртай лан газарһаа
Сахюурай шэнээн мяхайе
Таһа харбажа унагаажа
Гаралдажа байба ла.
Алсагалдай улаан бахтиир гээшэ
— Ай нохой! Нүхэд яалайт!
Намай бүхэн зобоогүйт!
Үттэр түргэн харбаад алыт!—
Хэлэн хүүнэн байна л даа.
— Энээни лэ хайралһан хүүхэн
Энээни хууляар хуулялуулха,
Энээни зангаар зангуулха!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Гурба минган сэрэг гээшэ
Алсагалдай улаан бахтиираа
Улаан голдон торгожо
Байгаа гэхэн юүмэ лэ.

— Одоо шье болобо —
Үһөөним[30]—өөрьеө зангаар түлгөөбэб,

По-одному лишь стреляя в него,
Отрывая кусочками мясо,
Кончайте его!
Так стреляйте в него, чтобы [стрелы],
Слегка задевая,
Но не убивая его, довели
До артерии самой,
Что станет подобною шелковой нити!—
Сказал он.—
Три тысячи воинов,
Враз не стреляйте,
Стреляйте вы по-одному!» —
Говорил так [Гэсэр].
И трем тысячам воинам
Тридцать два батора
[Агсагалдая затем] привязали
К столбу претолстенному
И аргамжою прочнейшей
Связали его.
И когда его связывали,
Тогда воин удалый и самый большой
Среди трех тысяч воинов
Первым стрелять собрался.
И выстрелил
Самый большой
Да и главный
Из трех тысяч воинов.
Мизинец правой руки
По суставу лишь первому сразу отсек.
После этого
Выстрелил воин второй,
Он отсек совершенно
Мизинец левой руки.
А затем
Выходили [другие]
И по одиночке стреляли,
Оттуда, откуда хотели
Кусочками мясо
Они вырывали.
Агсагалдай, красный батор,
Сказал-говорил:
«Ой, собаки! Что с вами, друзья!
Вы не мучьте меня!
И стреляя быстрее, убейте меня!»—
«Кто его пожалеет,—
По этому будет наказан закону,
Он этим же способом будет наказан!»—
Сказал так [Гэсэр].
Вслед за тем
Три тысячи воинов
Красного батора Алсагалдая
Уже до того доводили, что [жизнь у него]
Оставалась всего-то лишь в жиле его
становой.
«Вот теперь,
Как хотел, так заставил страдать самого,

Өөрьёө зангаар зобообоб!— гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Мэнэн хүүрээ хэлнэ бэлэй л.
Мэтэр гэсэн биеэрээ —
Гушан хоёр бахтирым
Отхон ехэ бахтиир ла
Энээнэйм амин ехэ тэбшииш таа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа.
Отхон ехэ бахтиир гээшэ
Будүүн сагаан үүдхээрээ
Бүхэ сагаан номоороо
Харбажа унагааба л.
— Энээнээ һайса хадалгажа орхигтуй!
Гушан хоёр бахтиирни,
Гурба минган сэрэгни,
Одоош энээнээ харабуут? үзэбүүт? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлнэ бэлэй л.

***

— Алсагалдай улаан бахтиири,—
Хуурсаги хэлдэбэ л,—
Эгээн ехэ бахтиираа[31]
Бэеэрээ дараа гэжэ
Хүүрээ хүтэл бологхүй юмэ! гэжэ:
«Бурханаа номдо түшээ»— гэжэ
Хадалгахаяа байна л даа.
Зүб нэгэ хүүриин даа
Зүбхэн дээрэн тохожо
Хадалгана бэлэй л даа.
Алаг эрээн саараһайн
Зүүхэн гартан барюулжа хадалгаа;
Алта мүнгэн гуурһайе
Баруун гартан барюулжа
Хадалгана бэлэй л даа.
Аха байха ёһоороо
Бурханаа ёһодо багтаба гэжэ, түшэбэ гэжэ
Агсагалдай улаан бахтиири! гэжэ
Алаг эрээн саарһа
Дээрэн зуран орхибол.
Мэтэр гэсэн биеэрээ —
— Энэхэни таа хадаа харбаатаа,
Энээнэһээ хойшо эннэй зангаар заннаһан хүүхэн
Энээнээ зангаар хуули болхо! гэжэ
Гушан хоёр бахтиирни,
Гурбан минган сэрэгни,
Таа биеэрээ хууляа хэбэ хат най юм
— Булае толгой гэшхээ үдүйдэ
Буляанхайр хаанһаа гарагшааб?..
Буруу һанаа үгэй хада
Бурхан хэндэ уурлагшааб?
Гушан хоёр бахтиирни
Гурба минган сэрэгни
Энээнээ — лэ үзэбэ, харба хат най юмэ?!
Энэ хэлэһэн хүүрхэ м най
Хэб болжо бодуужа,

Как хотел, так подверг его мукам!»—
Такие слова говорил
Абай Гэсэр-хубун.
Вслед за тем
Говорил он:
«Среди тридцати двух баторов
Самый младший батор могучий,
Как следует душу его успокой!»[69]
Самый младший батор могучий
Свалил того, выстрелив
Толстой стрелой своей белой
Из мощного белого лука.
«Его хорошо хороните!
Так, вы, мои тридцать два батора,
Три тысячи воинов,
Видите это теперь? Посмотрели?»—
Такие слова говорил.

***

Алсагалдаю, красному батору,
Сделали гроб.
Чтоб молва не пошла,[70]
Что он самого старшего батора
Сам подавил, [покарал],
Хоронили того, говоря:
«Предназначено это от бога».
Хоронили того,
Его слово правдивое
Правдой считая.
Хоронили,
Бумагу того, полосатую, пеструю
В левую руку засунув ему.
Перо, что из золота и серебра,
Ему в правую руку засунув,
Они хоронили.
«Да участь его такова
И по божьей свершилося воле—
Погиб Агсагалдай, красный батор»,—
На пестрой, в полоску, бумаге
Они написали и сверху ему положили.
Вслед за тем [говорил]:
«Это видели?!
Если кто в будущем так же поступит, как он,
По такому закону же будет наказан!
И вы, мои тридцать два батора,
Три тысячи воинов,
Сами казнили его по закону.
И пока на исток родника не наступишь,
Откуда образуется муть?
Пока нету неправильных дум,
На кого же рассердится бог?
Мои тридцать два батора,
Три тысячи воинов,
Видели это, смотрели на это?!
Пусть эти слова, что сказали,
Законом [над нами] возвысятся,

Хэлгэ заяан хоёрнаи
Хэзээ мүнхэ харуужа!..
Мэтэр гэсэн биеэрээ —
Боро хоног шара набша болжо

Обоо зөөлэн орондоо
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө,
Халуун зөөлэн хадуушхадаа,
Булган зөөлэн будуушхадаа орожо
Харьян бурьян нойршоһониин тэрэ гэлэй.

***

Үглөөниин һодожо,
Үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйеө үдүйдө
Бодон харайн байба л даа.
Нюурхан гархан хоёроо
Зэлмээжэ абаба.
Эрээ мүнгэн остоолдоо
Идеэлтын һайни табюулба,
Улаан мүнгэн остоолдоо
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табиба,
Ерэн зөөлэн идеэни
Ехэ зөөлэйн табюулжа,
Эбэл зэбэл идеэлжэ
Эхир хэхир зугаалба.
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байлган зугаалба,
Хабтагайхан шулуун дээрэ
Ногойеын ургуулан зугаалба.

Урданай байһан юумэйе
Уудлан татан зугаалба,
Эртэнэй байһан юумэйе
Эблүүлжэ зугаалба.
Адуун идеэн хоёроо
Тоолоол үгэй байһаар ла
Найман сэгээн һара болбол.
Тэрэ һайхан адаһайн
Һүүлтэйлэн шонойн хоолой болбуу?
Һүүдэртэй хулуушнай хүнэһэн болбуу?
Гушан хоёр бахтиири
Эгээн ехэ бахтиир ла
Ерхэ л гэжэ татуулба.
Гушан хоёр бахтиири
Аха ехэ бахтиир гээшэ
Оролсожо ерэбэ.
— Абай Гэсэр хүбүүн даа
Яаха гэжэ татаабша?—
— Ара өөдэ бэлшэһэн
Арбан түмэн адуумнай
Найман сэгээн һара болоо байна,
Эрьюүлээл үгэй байһаар ла.
Хоёр бухэ бахтиирни

Пусть и Творец наш, создатель
Навеки радеет о нас!»
Вслед за этим
Вечерние сумерки желтой листвою
спустились.
В постель свою мягкую, пухлую,
Под одеяло, как легкие, мягкое [лег],
Лег в постель свою теплую, мягкую
И на подушку свою соболиную нежную,
Сладко и крепко уснул,
Говорят.

***

А проснувшись утром,
Когда половиною
Красное солнце взошло,
Половиной еще не взошло,
Соскочил он,
Свои руки, лицо
Он умыл.
Да поставили самые лучшие яства
На пестро-серебряный стол,
Да поставили дважды приятные яства
Из семидесяти приятнейших яств
На красно-серебряный стол,
Да поставили яства приятные
Из девяноста приятнейших яств.
И со вкусом поели,
И приятно беседу вели они так,
Что на чистой воде
Появлялася пенка,
На камне [широком] и плоском
Трава вырастала.
И беседу вели,
Раскрывая былое,
Беседу вели,
Собирая прошедшее. [Гэсэр говорил]:
«Уже месяцев восемь прошло,
Как свои табуны и стада
Не считал.
И прекрасные те табуны и стада,
Может, стали добычей хвостатых волков?
Может, пищею стали воров-то с тенями?»
И самого старшего батора
Из тридцати двух баторов
Он позвать повелел.
Подойдя к нему
Из тридцати двух баторов
Самый старший-то батор спросил:
«Абай Гэсэр-хубун,
Ты зачем подозвал?»—
«Уже месяцев восемь прошло,
Как мы не пригоняли
Сто тысяч своих табунов,
Что пасется на северных склонах.
Два батора сильных мои,

Хоёр морёо барии та.
Минии — танай тоон томиргоон
ехэдээ лэ,
Таа гарша эрьеыт таа!
Хоёр бухэ бахтиирын
Гаралдана бэлэй л даа.
Адууни газар унамэ
Ама сагаан санхири
Абалдажа барижа,
Түмэр хара шэбэйэhээн
Абалдажа байба ла:
Торгони хирхаг тохомууши
Тохолдожо абаба,
Тохой мүнгэн эмээлээ
Тэүни дээрэн хаялба.
Нюулуг мүнгэн худургаар
Хударгалан абаба.
Хорин хэлтэ олонгоор
Хотойсорон татаба,
Арбан астай олонгоор
Атайсарын татаба.
Абалсаhан биеэрээ
Хоёр hаримай дэгэши

Умдэнэ бэлэй л даа.
Хоёр түмүр ургайе
Бүтүү мүнгүн сарайhаан
Гаргажа абаша,
Баруун гартаа шэрээбэл даа.
Ара гэрээн хойшон ло
Хаанаа ханха харгуяар
Хатарха гэжэ хэлсэбэ,
Зоноо зудан харгуйяар

Хоёр санхир мориндоо
Дугшуулха гэжэ хэлсэжэ
Алабхижа аhаад ла,
Ара гэрээн хойшоо ло юүрьюүлэжэ,
Хаана ханха харгуйяар
Дугшуулаhаниин тэрэ гэлэй.
Алтай ехэ дайда ла
Ара дундан хүрэлдэбэ.
Хүхүй ехэ дайдаяа
Хүбшэ дунда хүрэлдэбэ.
Адаhа идеэн хоёроо
Хоолойоо hайгааран
Хуйгайдажа гульдхаба,
Хормойёо hайгааран
Тоншон томирон гульдхана бэлэй л даа.
Шара бүрүүн далайяа
Шанаа дундан гульдхаба,
ара бүрүүн далайяа
Хашалаг дундан гульдхаба,
Хатан ехэ уулайяа
Хормой дундан гульдхаба.

Вы поймайте-ка двух лошадей.
Я же счет [табунам] потерял.

А вы съездите и посмотрите!»
Туда и отправились
Сильных два батора.
В черно-железном пригоне
Поймали
Двух серых [коней] беломордых,
На ком выезжали
На выгон;
Надели на них потники,
Что с каймою из шелка,
А сверху набросили
Седла-тохой[71] в серебре.
Надели
И шлеи в нюлуг-серебре,
И подпругу с двадцатью язычками
Так [сильно] они затянули, что [конь] изгибался.
Подпругу с десятью ветвями
Так [сильно] они затянули, что [конь] нагибался.
Как сделали это,
Надели они на себя
Два дэгэла hарьмай*,
Два железных аркана
В сарае закрытом серебряном взяли,
К рукам своим правым
Они припаяли.
Условились рысью поехать
От заднего дома на север
По ханской широкой дороге;
Решили рысцою поехать
По торной народной дороге;
И вспрыгнув
На двух лошадей своих серых,
От заднего дома на север, гремя,
По ханской ширикой дороге
Поехали рысью они, говорят.

Доскакали до северных склонов
Алтая—великой земли,
И доехали до середины таежной
Хухэя — великой земли,
Своим голосом мощным
Они собирали
Стада, табуны;
Развевая [дэгэлные] полы немало,
Считая старательно [скот], собирали они;
В середине изгиба
Мрачного желтого моря собрали они,
В середине теснины
Мрачного черного моря собрали.
Собрали у ханши-великой горы[72],
На подножье ее.

* hарьмай — это шуба из овчины или козлины.

Гурбан сэгээн сүүдхэдэ
Аман хүүрээр ядаба.
Хойто хани болобо
Алаг эрээн саархандаа
Зуран байжа бэридхэбэ.
Эхэлүүр гүүни унагайи
Таhалаал үгэй бэридхэбэ,
Үрээ гүүни унагайе
Орхёол үгэй бэридхэжэ
Тоон дээрэн абаба,

Томиргоондоо хадхаба.
— Нэгэ — хани хүүни — лэ
Үдхэжэ л абхада
убаал үгэй зөөрри энэ байна,
Нэгэ л хани хүүни
Хаража идьхэдэ
Убаал үгэй зөөри энэ байна! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэбэ.
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлхэ
Газар тээшээ гайгуулха! гэжэ
Ябаа гэхэн юмэ лэ.
Ябхадан болбо —
Хүрзейн шэнээн шүдэтэй,
Хурэн улаан шарайтай,
Сарайн-дли нюдэтэй,

Сагаа улаан шарайтай
Хүбүүн хүлэг золгобо.
— Хүбүүд, хүбүүд, али голой хүбүүд байнат?
Али омогой хүбүүд байнат? гэжэ
Һуран суран байна л даа.
— Абай Гэсэр хүбүүни
Бүхэ хара бахтиирнууд гээшэ ябанамди.
Адууһан идеэн хоёрын
Эрьежэ ябанамди! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Таа али голой хүбүүн байнат?
Али хаалуудай хүбүүн байнат?— гэжэ
Һуран суран байба ла.
— Баруунай багта
Түрэһэн гараһан хүбүүл би,
Багай холо дайдада
Түрүһэн гараһан хүбүүл би,
Хайтай Баян хаани
Харжа Муяа хүбүүн гээшэб!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа —
Гурбан елхэн болобоб даа
Галха Нурман хаанаар ла
Дайлалсажа байгааб даа,
Ялагтаха барагтаа ла
Хүмүүжөөһүйе бэдэрээлби...
Абай Гэсэр хүбүүн дээ
Таа ханай хэлыт
Тэрэ һайхан атхада

Трое суток все устно считали
И так не смогли сосчитать.
А потом же
Считали они, отмечая
На пестрой своей полосатой бумаге.
Считали — и не пропускали
[Ни одного] жеребенка от трехгодовалой кобылы,
Они не оставляли
[Ни одного] жеребенка от старой кобылы,—
Они так сосчитали все те табуны
И запомнили счет.
«Одному человеку
[Иметь] разводить бы [все это],—
Каким состоянием было б!
Коли одному человеку
Пасти и питаться,—
Несметная пища была б!»—
Говорили они.
Зашагали домой,
Направляясь к родимым местам,
Говорят.
Направляясь домой,
Они встретились с мощным хубуном-хулэгом,
Имеющим зубы такие, что каждый с лопату.
Подобные месяцу очи
И лик светлокрасный,
И видом здоровым.
«Эй, парни, вы, парни! Какой же долины вы, парни?
Из рода какого вы, парни?»—
Так спрашивал он и расспрашивал. —
«Мы—могучие, сильные баторы
Абай Гэсэр-хубуна,
Его табуны и стада
Проверяем,—
Сказали они.—
Из какой же долины вы, парень?
Какого же ханства вы, парень?»,—
Спросили его.—
«На западе я
Появился-родился,
На дальней-далекой земле
Появился-родился.
Я Харжа Муя
Сын Хайтан Баян-хана!—
Ответил [тот парень]. —
Прошло уж три года,
Как я все сражаюсь
С Галха Нурман-ханом.
Предвидя свое пораженье,
Я помощь ищу...[73]
Расскажите
Абай Гэсэр-хубуну;
Скажите: пойдем мы с тобою [с Гэсэром],

Ошое гэжэ хэлыт.
Гурабалан хоножо — тэрэ ехэ дайндаа
Ошохо ханай байнал би...
— Манай хани эжэн
Абай Гэсэр хүбүүн
Буруу гэжэ хэлэхэ гүй л даа,
Айха ехэ бэтэ лэ
Абатай ла байна л даа,
Шэрэйхэ ехэ бэтэ лэ
Шэжэтэй лэн байна ла.
Эритэйхэн юмэдэ —
Даагдаха гүй байна л даа,

Ээмтэйхэн юмэдэ —
Диилэгдэхэ гүй байна ла —
Абай Гэсэр хүбүүмнай!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ л даа.
Болжо шье үгөө үгэй хадан
Биди хүүртээ оруулхал ди! — гэжэ
Харжа Муяа хүбүүндэ
Гэжэ ханай хэлэжэ,
Хоёр тээшээ хахасаһаниин гэрэ л даа,
Мэтэр гэсэн биеэрээ

Гэрхэн дээрээ ерэлдэнэ бэлэй л даа.
Адууһан идеэн хоёр манай
Амар мэндэ байнуу? — гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Һуран суран байна ла.
Амар мэндэ байна ла,
Үрээ гүүни унагайе
Үлээгээл үгэй бэридхээлди,
Эхэлүүр гүүнэй унагайе
Таһалаал үгэй бэридхээлди.

Хара бүрүн далайяа
Хашалаг дунда гульдхаал ди,
Хатан ехэ уулаяа
Хормой дунда гульдхажа
Бэридхэжэ абаал ди.
Аман һайхан хүүрээрээ
Гурбан сүүдхэ бэридхэжэ
Захадажа ядаал ди.
Алаг эрээн саарһан даа
Зуран байжа бэридхээл ди.

Амар мэндэ байнал даа —
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайяа табиюулба,
Улаан мүнгэн остоолдоо
Ундан сайе табибал.

Эбэл зэбэл идеэлбэ,
Эхир хэхир зугаалба.
Уряанай байһан юүмэйе
Уудалжа зугаалба,
Эртэнэй байһан юүмэйе

На подвиг прекрасный такой.
На большую войну ту
Я должен отправиться дня через три...» —
«Наш хозяин
Абай Гэсэр-хубун
Возражать уж не станет.
Ведь он обладает
Волшебною страшною силой,
Ведь он обладает
Магической силой,
И лезвием острым
Его не срезать,
Не поддается и тому, у кого
Могучие плечи.
Вот таков наш Абай Гэсэр-хубун! —
Говорили. —
А ежели даже откажется он,

Мы его убедим!»
Говорили [те баторы]
Харжа Муя-хубуну
И в двух направленьях разъехались с ним.

Вслед за этим
Домой они прибыли.
«Живы, здоровы ли
Наши стада, табуны?» —
Так спросил
Абай Гэсэр-хубун. —
«Они живы, здоровы.
Проверили, не оставляя
[Ни одного] жеребенка от трехгодовалой кобылы,
Проверили, не пропуская
[Ни одного] жеребенка от старой кобылы.
В середине теснины
Мрачного черного моря собрали мы их,
У подножия
Ханши-великой горы мы собрали,
Проверили их.
Трое суток
Мы устно считали,
Никак сосчитать не смогли.
Отмечая на пестрой своей полосатой бумаге,
Считали, — проверили так.
Да, в хорошем они состоянии», — отвечали они.
Поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол,
И на красно-серебряный стол
Из питья наилучшие ставя,
Со вкусом поели
И приятно беседу вели.
Беседу вели,
Раскрывая былое,
Беседу вели,

Эблүүлжэ зугаалба.
Зугаалжа һуухадаа:
— Хайтай баян хааниимни
Харжа Муяа хүбүүн гээшэ
Манһаа хүмжөөһүйен[32] ирэнэ л даа.
Галхан Нурман хаатай ло
Гурбан елэй дайлалсааб.
Дарагтахаяа һанахадаа —
Абай Гэсэр хүбүүе,
Туһа хүмжөө нугэһэй! гэжэ
Һуража ябааһам — гэнэ лэ.
Биди тэрэ һайхан атхада
Хүрүеыбди!— гэжэ
Һуран суран һууба ла.
— Хатуу харьяд елдэ
Халуу нугаһаа гараха гүй юм! гэжэ

Һайса байса хорино л даа.
Абай Гэсэр хүбүүниин:
— Хатуу харьяд елдэ
Халуу нугаһаа гарх гүй! гэжэ
Хэлэн хүүнэн байхадан:
— Тэрэ һайхан атхаһаа,
Хайшин гэжэ таһарха!.. гэжэ
Гушан хоёр бахтиир шэни
Гурба минган сэрэг шэни
Юүнэй түлөө, хүнэй түлөө байха юумэ?
Юүнэй түлөө сэрэгэбди гэжэ
Байха юүмэ байнаб ди?
Хэлэн хүүнэн байна л даа.
— Байха хадаа байеы та,
Байх-гүй хадаа үттэр түргэн гарагтуй!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Үлдэлэ,эн биеэрээ
Хоёр бүхэ бахтиирын
Газаа хани гарна бэлэй л даа.
Гушадхи бүхэ бахтиирын
— Би танай хүүртээ оруулхам!— гэжэ
Оролсоно бэлэй лэ.
Абай Гэсэр хүбүүм
Минии хүүрэһээ
Урайнһаа наашаа
Гарагша үгэй бэлэй! гэжэ
Оролсоно бэлэй лэ.
Абай Гэсэр хүбүүн,
Тиимэ һайхан атхаһаа
Таһарха гээшэ юүхэн бэлэй
Эдүй залуу наһандаа?!.—
Аян шаяа алдабуу.
— Нүгөө хоёрто танай
Хэлээ ханай байнал би:
Хатуу харьяд елдэ лэ
Халуу нугаһаа гарха гүй гэжэ хэлээ ханайб.
Тиимэ ханай холо дайдада
Ошожо ялах гүйл ди,

Вспоминая прошедшее.
Во время беседы
[Два парня] сказали:
«Хайтан Баян-хана
Харжа Муя-сын
Помочь нас просил.
Говорил,
Что три года воюет
С Галхан Нурман-ханом:
Предвидя свое пораженье,
Просил он помочь
Абай Гэсэр-хубуна.
Поедем
На подвиг прекрасный такой!»—
«В год суровый, жестокий
Нельзя выезжать нам из родины милой!»—
Так строго
Абай Гэсэр-хубун запретил.—
В год суровый, жестокий
Нельзя выезжать нам из родины милой!»
Когда так сказал-говорил,
Ему баторы те [отвечали]:
«Мы как же отстанем
От славного дела такого!...
Зачем, для чего
Твои тридцать два батора,
Три тысячи воинов?
Мы для чего
Называемся воинами?...»—
«Хотите, вы стойте.
А коль не хотите, уходите немедля!»—
Сказал
Абай Гэсэр-хубун.
И когда он прогнал их,—

Два батора сильных
На улицу вышли.
Могучий тридцатый-то батор
Промолвил, [к Гэсэру] входя:
«Я смогу убедить.
Абай Гэсэр-хубун мой
До этой поры-то
С моими словами
Считался, бывало».
Вошел [и сказал]:
«Абай Гэсэр-хубун,
В молодые такие года
Невозможно отстать
От прекрасного дела такого!
Что страх обуял?»—
«Говорил я
Тем вашим двоим:
В год суровый, жестокий
Нельзя выезжать из родины милой.
В такую далекую землю
Поехать не сможем,

Тиимэ ханай хүүнээр
Дайсалсажа ялах гүйл ди!
Галахан Нурман ханхай гээшэ!
Үдэр шье унтаха гүйл!
Һүни шье унтахагүйл!
Үнэгэни харанхуй лан барагта
Нэгэтэ багтай нюдөө
Һуумга залгуулха юумэл.
Тэүүни нэгэ дүрбэндэ
Ай гэхэ бэлэй лэ
Дээгүүрээ юумэй дэбүүлэхэ — гүй юумэ,
Дооруугаараа юүмэйе шургуулшал үгэй юмэ.
Галаха Нурма Ханхай гээшэ,
Айха бэтэ абата
Шэрэйхэ бэтэ шэжэтэй юүмэ лэ түрэхэ юумэ.
Арбан гурбан хаани ла
Аха шэрэйн дараһа юмэл,
Далан гурбан хэлини
Үзүүр хэлиин дуулаһа юмэл.
Тиимэ бэрхэ хүүнээр
Хайшин гэжэ тулалдаха гэжэ ошхо бэлэйб ди?
Үтэр түргэн гара саана!—
Хатуу харьяд елдэ
Халуу нугаһаа гарахагүй юмэ! гэжэ
Зандажа орхибо.
Мэтэр гэһэн биеэрээ
Одоо энэ бэлэй:
Түрүүнэй хоёр бүхэ бахтиир гүйлдэжэ оробо.
— Тиимэ Абай Гэсэр хүбүүн!
Тиимэ һайхан зугаада
Тиимэ һайхан атхадаа
Ошоол үгэй хадаа,
Үхэһээл манай амар! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Үкхэ бодходотнай
Минии хэрэг юүхэм даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Һууга гэхэн юүмэл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн
Һуухада болобо,
Хоёр бүхэ бахтиир да
Хоёр аргамжа шэрэжэ,
Гуули шара собоорташ ни
Боймолжо үкхэмнай гэжэ
Гүйлдэжэ гараба.
— Энэ шара собоортом
Боймолжо унаханхьям!
Гуули шара собоорым
Голторуулан орхихонхьям!

С таким человеком
Сражаться не сможем!
Галхан Нурман ханхай-то
И ночью не спит!
И не спит он и днем!
И во время лишь лисьего мрака
На миг лишь какой-то
Он, сидя, глаза закрывает» —
Из тех четырех одному
«Ай» нельзя не сказать[1].—
Над собой никого не пропустит,
Пролезть не дает никому под собой.
Галхан Нурман ханхай-то
Ужаснейшим магом,
Творцом-чародеем родился.

Ведь он обладает престолом-владыкой
Тринадцати ханов.
Он слышал верховный язык
Из семидесяти трех языков.
Как отправимся мы, чтоб сражаться
С могучим таким человеком?...
Немедленно выйди отсюда!
В год суровый, жестокий
Нельзя выезжать из родины милой!»—
Он гневно сказал.

Вслед за этим
Так именно было:
Два батора первых к нему забежали.
«Так, Абай Гэсэр-хубун!
Если мы не поедем

На пир такой славный,
На славное дело такое,
Нам лучше тогда умереть!»—
Говорили они. —
«Да какое мне дело —
Умрете ли вы, не умрете!»—
Такие слова
Говорил им
Абай Гэсэр-хубун.
И когда так сидел он,
Два батора сильных,
Таща за собой две веревки,
На улицу выбежали, крикнув:
«В соборе твоем медно-желтом
Повесимся мы!»—
«Двое этих несчастных
Повеситься могут
В соборе моем медно-желтом!
Они опоганят
Собор медно-желтый,

[1] Эта и предыдущая строка представляет собою припев.

Голхон дайда хоёрым
Бурхидуулан орхихохоньям!
Үтэр түргэн ерэтгэй! гэжэ хүнүүлбэ.
Ерэлсэнэ бэлэй лэ.
Ерэлсэһэн биеэрэн:
— Үтэр түргэн тоног туухай һэргээг —
түй шангалажа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Тоног туухай түхөөрэнэ бэлэйл даа.
Бугай ла эбэр
Бухайр шара номо
Хүбшэ үгэй байна! гэжэ орожо ерэбэ.
— Гушан улаан бахтиир ни,
Дархигтадам далан улаан түгсэг биихэн,
Тэрээндэмни абааша
Далан улаан бухаар юудхүүлэжэ,
Хүшэн гасан хүбшэлэгты! гэжэ
Гаргана бэлэйл даа.
Дархигтуйн далан улаан түгсэгтэ
Гасан хүшэн юудхүүлнэ бэлэй лэ.
Дархигтуйн далан улаан түгсэг гээшэ
Узуураараа булгарба,
Үзүүрээрээ хухараа.
Оролдожо ерэбэ,
Яаха яахаар ядаад ла,
Дархигтуйн далан улаан түгсэг
Узуурааран булгараа,
Үзүүрээрэн хухараа...
Яахуйн яахаар ядаабди! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Хөрхигтэй мэни
Түмэн улаан түгсэг биихэн:
Тэрэ түмэн улаан түгсэгтэ
Түмэн улаан бухаараа
Гасан хүшэн юдхүүлжэ,
Гушан хоёр бахтиир ни,
Гурба минган сэрэг ни
Хүбшэлэжэ ерыт таа!— гэжэ
Гаргана бэлэйл даа.
Гушан хоёр бахтиирын
Гурба минган сэрэеын гарша
Түмэн улаан түгсэгтэ тулажа байбал даа.
Хөрхэгтүйн түмэн улаан түгсэгтэ
Гасан хүшэн
Түмэн улаан бухаар
Юдхүүлнэ бэлэйл даа.
Түмэн улаан түгсэг гээшэ
Узуураараа булгарба,
Үзүүрээрээ хухарба.
Яаха яахаар ядаад ла,
Бухайр шара номоёо
Абан гэжэ ерэбэл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн,
Энэ байха түгүсүгүүд

Они осквернят
Мою землю, долины!
Сейчас же вернитесь!»—сказал.[74]
И вернулись они.
Как вернулись они,
Говорил им [Гэсэр]:
«Приготовьте быстрее оружье, доспехи!»
Доспехи, оружие стали готовить.
«Желтый бухарский лук—
Из рогов-то изюбря —
Находится без тетивы!»—говорили, зайдя.—
«Мои тридцать баторов красных,
Есть семьдесят красных пней на моем Дархигтуе.
Туда увезите.
[Там] семьдесят красных быков [запрягите],
[На пнях] ими [лук] заломив, тетиву натяните!»—
Сказав, их отправил.
На семидесяти красных пнях Дархиртуя
[Быками] заламывать [лук] они стали.
Но семьдесят красных пней Дархигтуя
Все выворотились с корнями,
Сломались с верхушек.
Не справившись, [баторы с луком].
Обратно вернулись.
«Семьдесят красных пней Дархигтуя
Все выворотились с корнями,
Сломались с верхушек...
[Надеть тетиву] мы никак не смогли!»—
Говорили они.—
«На моем Хурхигтуе
Есть десять тысяч красных пней.
Мои тридцать два батора,
Три тысячи воинов,
Ту тетиву натяните [на лук],
Заломив и согнув
Десятью тысячами красных быков
На десяти тысячах красных пней!»—
Говоря так, отправил он их.
Его тридцать два батора,
Три тысячи воинов вышли туда,
К десяти тысячам красных пней.
На десяти тысячах красных пней
Хурхигтуя
Заламывать стали [тот лук]
Десятью тысячами красных быков.
Десять тысяч красных пней
Все выворотились с корнями,
Сломались с верхушек.
Никак [тетиву натянуть] не смогли,
Его желтый бухарский-то лук
Так назад привезли.
Говорили они:
«Абай Гэсэр-хубун,

Ялаха гүй юмэ байбал даа,
Узуураараа булгараа,
Үзүүрээрээ хухараа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ байба ла.
— Абалдажа ерэгтүйл даа,
Хайшин гэһэн номон байгаа юм? гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Мэнэн хүүрээ хэлэн хүүнэн һуубал даа.
Абалжа абаадажа үгэлдэнэ бэлэйл даа[33].
Өөрһөө хоёр үбүдэгтү
Таталдаһан биеэрээ,
Хоёр һайхан эрхэеэрээ түлихэжэ,
Хүбшэлэжэ хаябал даа.
Хаялсажа байхадаа —
Абалдаһан биеэрээ
Тамшаалгажа үзэбэ.
Нажирай сагта барихадам
Налархайхан номолши,
Үбэлэй сагта барихадам
Үнэн номо энэл ши!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Бэеын сайхан тоноё
Бэе дээрээ түхөөрбэ,
Мориноо сайхан тоное
Морин дээрээ түхөөрбэ.
Ерэн алда бэетү
Ербэ хүхэ мориндоо
Торгоноо хирхаг тохоми
Тохолдожо абаба,
Тохой мүнгэн эмээлээ
Тэүүнээ дээрэн хаяба.
Нюлуг мүнгэн худургаар
Хударгалан абаба.
Хорин астай оломгоор*
Хотойсорон татаба,
Арабан астай оломгоор
Атайсаран татаба;
Бүтүү мүнгэн бүгүлдүргөөр
Бүгүлдүрүлжэ абаба.
Мориной һайхан тоног даа.
Морин дээрэ зохибуу? гэжэ
Гэрхэн дээрээ оробо.
Оролсоһон биеэрээ
Бэйеын сайхан тоное
Бэе дээрээ түхөөрбэ.
Түхөөрөжэ абахада:
Далан бугайн араһаар
Зайжа зүйжэ оёһон,
Элигэн хара шароваараа
Ала дундаа углаба.
Тэүнээ нэгэ аянда
Загаһани араһаар
Зайжа зүйжэ оёһон
Зайдан хара сабхиие

Все эти пни
Никуда не годятся.
Все выворотились с корнями,
Сломались с верхушек!»—
Абай Гэсэр-хубун
Тогда им промолвил.
«Сюда принесите,
Что это за лук, [посмотрю я]?»
[Тот лук] принесли, ему дали.
[Тот лук] заломил он,
Согнув на коленях,
Большими могучими пальцами
Натянул тетиву и отбросил.
Отбросив,
Обратно поднял он
И пробовать стал [его силу].
Потом он воскликнул:
«Тебя брать и зимою —
Надежный ты, лук,
Тебя брать и летом —
Ты, истинный лук!»
И вскоре за этим
Надел на себя он
Свои боевые доспехи,
Красивые конские сбруи
Надел на коня своего.
Надел он
Потник свой с каймою из шелка
На лошадь свою голубую,
Что с телом [длиной] в девяносто шагов;
А сверху накинул
Тохой—серебряное седло;
Надел он [на лошадь]
Шлею из нюлуг-серебра.
Подпругу с двадцатью язычками
Он так затянул, что [конь] изгибался,
Подпругу с десятью ветвями
Он так затянул, что [конь] нагибался.
Подвею серебряно-цельную
Он [на хулэга] надел.
«Хорошая конская сбруя
Коню ведь подходит!»—промолвил
И в дом свой зашел он.
А в доме
Свое боевое оружье
Надел на себя он.
Надел он
Из черной замши шаровары,
Что скроены были
И сшиты
Из шкур семидесяти изюбрей;
А на ноги он натянул
Свои сапоги,
Что скроены были и сшиты
Из рыбьих шкурок,

* В издании 1930 г. — «олонгор».

Өһүгүйдөө үдьхэлбэ.
Дайни газар үмдэхэ
Дардам торгон дэгэли
Ээмхэн дундаа углаба.
Үүдэни шэнээн гэрэлдэ
Эрьежэл байжа хубсалба,
Тохомоо шэнээн гэрэлдэ
Тойрожо байжа хубсална бэлэйл даа.
Далан гуули тобшойоо
Эрхэйэ һайгааран —
Эмэржэ тобшолбо.
Долёобороо һайгааран
Дархалжа тобшолжо абалсаба
байбалдаа.
Бүтүү мүнгүн бэһэйи
Бэлхэнсэгтээ дүнгүбэ.
Ара уруу хуяглаба,
Булад түмүр хуягаа
Нугарһандаа шэрээбэ.
Эбэр бэеэ хуяглаба —
Сахюур түмэр хуйайи
Үбсүүндээ шэрээбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Мүнөөхи лэ хүбүүн гуай
Хэлтэгээ хээрээр хэмнэбэ.
Буудай мүнгүн һаадагаа
Баруун ташаа байлгаба.
Нарин голоор хэмнэбэ.
Нари мүнгэн хоромгүй
Зүүхэн ташаа байлгана бэлэйл даа.
Хормогодоо хударба —
Далан табан тэбхэтэ
Даньял шара номоёо
Хударжа абаба.
Ерэн табан һомые
Ерхэйсэн ахаба.
Далан табан һомые
Дархайсан ахаба
Үбэли ехэ хүйтэндэ
Үбүрээ болхоор ахабал,
Нажирай ехэ халуундал
һүүдэр болхоор ахалайл —
Түүнээ газаа биеэрэн
Дуулга мүнгүн хуяа
Хуягалан абаба.
Наран ханай барагтай
Яларсан хуяглаба,
Намшаһан барагтай
Далбалзаса хуягалжа абалсаба,
һараяа дэли сахиласа хуяглаба,
һаадагаа барагтай яларса хуягалжа
Абалсана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Бухалаа шэнээн бараатай
Бутайн шэнээн залаатай

И черные гладкие были.
На плечи накинул
Дэгэл из дардамного шелка,
Что был для войны предназначен.
Он в зеркало, с дверь высотою,
Смотрясь, одевался,
Пред зеркалом, с войлок его шириною,
Кружась, одевался.
И семьдесят пуговиц медных
С помощью пальца большого
Сноровисто он застегнул,
Указательным пальцем
Умело он застегнул.
И цельно-серебряный пояс
Надел на себя он;
Он спину бронею,
Стальною бронею

Покрыл позвонки,
И грудь он бронею,
Кремнево-железной бронею
Покрыл.
Затем
Этот парень удалый,
Просторною степью измерив,
Навесил на правом боку
Колчан из будай-серебра,
И узкой долиной измерив,
Навесил на левом боку
Изящный серебряный яркий налучник.
В налучник засунул
Свой желтый даньялский лук,
Имеющий семьдесят пять подставок.
Девяносто пять своих стрел
Торчком он навесил,
Он семьдесят пять своих стрел
Растопыря навесил.
Навесил он так,

Что в суровую зимнюю стужу согреет,[75]
Что в палящие летние дни затенит.
А сверху
Покрыл он
Броней из дулга-серебра.
Покрыл себя так он бронею,
Что солнцем блестел он,
Надел снаряженье такое,
Как будто бы листья, оно развевалось.
Броня та луною сияла,
Сверкала колчаном,—
Покрыл себя так он бронею.
И вскоре за этим
Надел он
Соболью пушистую шапку,
С копну величиною,

Булаган хиидхуур малагаяа
Орой дээрээ табибал даа.
Эритэй лэн юэмдэ даагдаха үгэеэр

Хуягалжин абаба.
Эмтэйхэн юмэдэ дарагдаха үгэеэр
Хуягалжин абаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хорин елдэл үлдэхэгүй

Хорохойлон тоһуйе
ушуун дээрээ шэнгээжэ
Абалсана бэлэйл даа.
Арбан елдэ үлдэхэгүй
Абаахайлан тоһыйе
Аман дээрээ шэнгээбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Газаахани тээшээ лэ
Гүрбэлзэсэ гэшхэлжэ
Гаралдана бэлэйл даа —
Алабхижа гарба.
Уналсаһан биеэрээ,
Гушан хоёр бахтираа
Гурба минган сэрэгээ
Һубирсара дахуулжа
Ара гэрээн баруун хани урайгша
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхилзаса дугшуулба,
Зоноо будүүн зудааран
Зуралзасан дугшуулжа
Ябаһаниин тэрэ һэн гэлэйл.

**
*

Өөрын үнэр бэлэн дайдуйе
Үнсэглэн гараба.
Хүүнээ хүйтэн дайдуйе
Хүбшэлэжил оробо.
Хүүнээ һуугаал үгэй
Хүлэр мүнгэн добуун тэндэ,
Хүлэгээ ундалаал үгэй
Элигэн хара булаг тэндэ
Тэрээн дээрээ буужа ла
Тамахи талха татаха гэжэ
Моринһоон буужа байхада болбо
Урдууран болбо — гуран хуурай хоёрын
Урилдажа ябаба.
Хангаяа хара һомыйе
Хуха татан абша
Харбажин орхибо —
Нэгэ һомоор унагааба.
— Гушан хоёр бахтиир мэни
Гурба минган сэрэг мэни

И с кисточкой с кочку.
Покрыл себя так он бронею,—
Все, что с острием, взять его не смогло бы;
Покрыл себя так он бронею,—
Любой, кто с плечами, не смог бы его одолеть.
Вслед за тем,
Чтоб лет двадцать не чувствовать голод,
Живительным* жиром
Он губы свои напитал;
Чтоб лет десять не чувствовать голод,
Он жиром сытнейшим**
Свой рот напитал.
И вскоре за этим
На улицу вышел,
Походкою плавной,
Походкою быстрою
Вышел.
Вскочив [на коня],
Тридцать два своих батора,
Три тысячи воинов
Ведя за собой вереницей,
От северной юрты своей к юго-западу он,
По ханской широкой дороге
Со звоном, рысцою,
По торной народной дороге
[Стрелой] пролетая,
Помчался [Гэсэр], говорят.
Проехал пределы
Земли своей милой,

**
*

Приехал хребтами
В чужую холодную землю,
Там холм из хулэр-серебра,
На нем человек не стоял.
Там черный, как печень, родник,
Где не утолял свою жажду хулэг.
Они на холме том
С коней своих слезли,
Чтобы табачок закурить.
И тут перед ними бежали
Гуран и хурай***.
Он, вытащив мигом стрелу,
В них выстрелил сразу
Хангайскою черной стрелою,
Одною стрелою свалил их.
«Мои тридцать два батора,
Три тысячи воинов,
Если бы коз этих красных, бежавших пред нами,
Сейчас пропустил бы,

* Букв. червячьим.
** Букв. паучьим.
*** Дикие козы — самец и самка.

Урдуураа улаан гүрөөһэни
Гаргаа ла болоо — хадаа,
Унагаагаа ла үгэй болоо хадаа,
Тэхэрхэ бэлэйл би.
Унагааһандаа урамшажа,
Энэ ехэ зугаадатнай
Ошхом гэжэ хэлэнэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
— Гушан гурбан бахтиир ни
Гурба минган сэрэгни
Галай ехээ тулиит таа.
Энэ хоёр гүрөөһэеэ
Үбшэжэ хуулажа идие,
Эндэ хоножо амарша ябае
Гэжэ хэлэбэ.
Тэрэ хоер гүрөөһэ асаржа хуулажа,
Шаран булан идеэлдэнэ бэлэйл даа.
Боро хоног шара набша боложо
Унтана бэлэйл даа.
Үглөөниин бодожо,

Үдэйн шарга наранда
Тэрэ һайхан уһанһаа уһдалажа,
Нюураа гараа зэлмэжэ
Үнөөхил гушан хоер бахтиираа
Гурба минган сэрэгээ дахуулжа

Хаанаа ханха харгуйяар
Дугшуулна бэлэйл даа —
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ.

⁂

Унаһан унаһан һайхан галдан гээшэн
Уусаяа уусаяа дүүрээр дугшалдаһай!
Уулзаһан уулзаһан һайхан бэе гээшэн
Һанаа дүүрэхээр* дугшуулаһай!..

⁂

Абай Гэсэр хүбүүн
Гушан хоер бахтиираа,
Гурба минган сэрэгээ

Һубирасан дахуулжа
Юурьүүлнэ бэлэйл даа.
Галха Нурмад хаани ла
Һүрэ харагдажа ошобо.
Адаһан идеэн хоерын
Шорой шоргоолжин дэли
Бисалажа харагдана бэлэйл даа.
Албата зонхон хоер гээшэ

Если их не свалил бы,—
Обратно б вернулся.
И радуясь я, что свалил их,
На этот ваш пир величайший
Поеду»,— сказал он.
И вскоре за этим
[Гэсэр] говорил им:
«Мои тридцать два батора,
Три тысячи воинов,
Большой вы костер разводите.
Сняв шкуры,
Двух этих косулей съедим мы
И здесь отдохнем, заночуем».
Сняв шкуры с косулей,
Изжарив, их съели.
Как желтой листвою вечерние сумерки пали,
Так спать улеглись.
А утром
С восходом прекрасного солнца
Абай Гэсэр-хубун,
Той чистой водой родниковой
Лицо свое, руки умыв, утолив свою жажду,
Ведя за собою тридцать два своих батора,
Три тысячи воинов,
По ханской широкой дороге
Отправился рысью.

⁂

Ретивый галдан[76], кого он оседлал, оседлал,
Пусть на полный свой ход рысит!
Пусть сам он, кто [с нею] встречался встречался,
С душою спокойною едет!..

⁂

Абай Гэсэр-хубун,
Ведя за собой вереницей
Тридцать два своих батора,
Три тысячи воинов,
Стремительно, с грохотом ехал [все дальше].
И вот показались дворцы и чертоги
Галхан Нурман-хана.
Его табуны и стада показались,
Они муравьями
Кишели.
Народ его, данники тут показались,
Они колыхались,
Деревьям таежным подобно,

* В рукописи Ц. Жамцарано — дурер

Ой модон дэли лэ
Хирбээжэ харагдажа байба даа.
Голи ногоон дэли ла
Халюуражил харагдажа байба ла.
Галха Нурма хаанда ла
Һүни шье орожо ялахагүй байналди,
Үдэр-шье орожо ялахагүй байналда.
Үүрээ сайхүйн уряала
Үнэгэнээ харанхуй барагта
Унтаха юумэ даа.
Тэрэ нэгэ һамбаандан
Оролсожо үзэхэл даа гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Унтана бэлээл даа,
Галхан Нурман ханхай гээшэ
Мэдээн сайндаа мэдэбэл даа,
Ухаан сайндаа ойлгожо абалдана бэлэй лэ.
Һүниин тэнхээ барагта
Хайсан харал азаргаяа
Улаан зайдаар унажа
Урдаһаан харайлгажа орхибо.
Ерэһэлэн дайсуйе
Халуу нугудаа оруулха гүйб! — гэжэ
Харайлгана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Гурба дахин хамаргажа харайлгахадаа
Хажуу дундан ерэжэ буулдажа байба ла.

Хажуу дунда буухадан
— Хаанхани хүүни
Бэеэрээ лэ ерэһэн хойно
Хара толгой бэемни
Мяхаара ла тулаха! — гэжэ лэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Ошолдоно бэлээл даа.
Хүлзэһэн бухайн дэли
Хилайлдажа ерэбэ,
Хүдөөшэһэн тэнгэршиг
Нэтүйлдэжэ золгобо.
Золголдоһон биеэрээ
Буха дэли мүргүлдэжэ тулабал даа,
Бугаяа барагтай ололдожо тулаба.
Аншаяа алдаба.
Тэргэндэ тээһээ
Тэнхэн бартай тулаба,
Тэмээндэ лэ ашаһаа
Абхан адали тулабал даа.
Яаха яахаар ядалсажа байбал даа.
Хэниин хэнээ ялахгүй
Юүниин юүгээ ялахгүй
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Атхаһан һайхан газарһаан
Атха болхо мяхайе
Түгдэ татан абша хаялдажа байбал даа.
Үнхэһэн һайхан газарһаан
Үнхэ болхо мяхала

И переливались
Травою долины.
«К Галхан Нурман-хану
Ни ночью войти мы не сможем,
Не сможем войти мы и днем.
Он перед рассветом,
Во время лишь лисьего мрака
Чуть-чуть засыпает.
Лишь в это-то время
Войти мы попробовать можем»,—
[Гэсэр] говорил им.
Затем они спать улеглись.
Галхан Нурман-хан
Умом-разумом понял
И здравым рассудком познал.
И в полночь примерно
На черного, словно котел, жеребца неоседланного
Он вскочил —
И навстречу помчался.
«В улус свой любимый
Пришедшего недруга не допущу я»,—
Сказал и помчался.
И вскоре за этим—
Лишь три [лошадиных] прыжка [три взлета на воздух].
И он доскакал до Гэсэра.
Когда доскакал он,
Абай Гэсэр-хубун,
К нему подъезжая, промолвил:
«Коль собственно, хан сам
Приехал,
Я всем существом, головою[77]
С ним на смерть обязан сражаться!».
Подобно быкам, что бодаться собрались,
Косясь друг на друга, они приближались,
Как небо, нависшее в тучах,
Нахмурившись грозно, они надвигались.
Как встретились—сразу,
Как будто быки, они бились,
Изюбрям подобные бились.
Как только могли, они бились:
Хоть кинь на телегу,—
Они с равной силою бились,
Хоть ты на верблюда навьючь их,—
Они с равной силою бились.
Друг друга никак одолеть не могли.
Ничем и никак,
Никто никого
Не мог одолеть, говорят.
И с места того, за которое брались,
Они вырывали, бросали
Куски преогромные мяса.
И с места того, где зубами хватали,
Они вырывали [зубами], бросали
Куски исполинские мяса.
И с севера вороны к ним прилетали,

Түгдэ таталдаха хаялдажа.
Хойноhоо хирээ ерлэй лэ,
Хонолгой мяхайэ абаадана бэлэй даа.
Энэ хоёр хадаа ла
Хэн-тнай хэнээ бүүхэн ялаг! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Юүн танай юүгээ бүүхэн ялаг!
Гэжэ хэлэлдэнэ бэлэйл даа.
Энэ хоёр —
Хэзээ хэбтэ
Хэтүйн яргалдаа нигэжэ байгтуй!
Хэн танай хэнээ бүүхэн ялаг!
Юүн — танай юүгээ бүүхэн ялаг! гэжэ
Үрөөр табижа ябуулбал даа.
Уряйhаа саазгай ерлэй лэ
Унталгай мяхайе абаадбал.
Энэ хоёрдоо —
Хэн танай хэнээ бүүхэн ялаг даа,
Юүн танай юүгээ бүүхэн ялаг! — гэжэ
Хэлэлдэжэ байбал даа.
Хэзээ хэбтээ
Хэтүйн ханай яргалда
Иижэ лэ энэ хоёр

Мяха гаргалдан байгтуйн — гэжэ
Үрөөр табин байба ла.
Ябуулжа байхада —
Гурабан сэгээн сүүдхэ дэ
Дайлалдабуу байбал даа.
Тэргэндэ тээhээ
Тэнхэн бартай тулалдажа байбал даа,
Тэмээндэ лэ ашаба —
Абхан адали тулалдажа байбал даа.
Табан сүүдхэ дайлалсаба.
Табан сүүдхэ дайлалсаха hаан хойшон ло
Абай Гэсэр хүбүүнил
Аруйн hайхан мяхайе
Арбан сэгээн хургаараа
Дууhад гэжэ байбал даа.
Эбэр бэеын мяхайе
Үүдэн сэгээн шүдээрээ
Дууhалдажа байбала.
Үдэр хани бэри лэ
Абай Гэсэр хүбүү лэ
Ядалдажа байба ла.
Абай Гэсэр хүбүүнhээ
Бихэн дутагша үгэйб! гэжэ
Эгээн ехэ бахтиирын
Харайлдажа орожо
Галаха Нурман хаани ла
Баруун хүлиин тэбэрбэ —
Баруун hайхан хүлөөрөө
Этэржэ орхибо —
Баahани барагтай —
Мухурижа унаба.
— Энэ хоёроо алдаг!
Хүштэй хартай! гэжэлэ

На целые сутки взяв мясо, они улетали.
«Пусть эти вот двое
Сражаются, не побеждая друг друга!» —
[Те вороны] так говорили.
«Пускай так сражаются, не одолевая
друг друга!»—
[Те вороны] так говорили.
«Пускай же вы, двое,
Во веки веков так сражайтесь,
Ничем и никак
Друг друга не побеждая!»—
Такое [те вороны] им пожелали.
А с юга сороки слетались
И, мяса схватив на ночлег, улетали.
«Пусть эти вот двое
Сражаются, не побеждая друг друга,
Не одолевая друг друга!»,—
[Сороки] сказали.
«Во веки веков же,
На вечное счастие наше
Пусть эти вот двое
Бросают нам мясо!»,—
[Сороки] такое «благопожеланье»
сказали.
[Гэсэр с Галхан Нурман-ханом]
Сражались,
Они трое суток сражались.
Хоть кинь на телегу,—
Они с равной силою бились,
Хоть ты на верблюда навьючь их,—
Они с равной силою бились.
Пять суток сражались.
Пять суток минуло в сраженьях,—
И мясо прекрасной спины
Абай Гэсэр-хубуна
Почти уж кончал [Галхан Нурман-хан]
Своими могучими пальцами.
А мясо грудное [Гэсэра]
Кончал он
Зубами передними белыми.
И с каждым же днем все труднее,
Трудней становилось
Абай Гэсэр-хубуну.
«Ничуть я не хуже
Абай Гэсэр-хубуна!»—
Сказал его батор старейший
И бросился в бой.
Схватил он за правую ногу
Галхан Нурман-хана,—
Тот правой могучей ногою
Отбросил—
И, словно шевяк, откатился
[Старейший тот батор].
«Ослепни на оба!
Силен он завидно!»—
Сказал,
Подойдя

Бодолдожо ерэжэ,
Гушан нэгэ бахтииртаа
Хэлэлдэжэ байба ла.
Тэүни удаада бахтиир
Абай Гэсэр хүбүүнһээ
Хүшээр бихэн дутагшалан үгэй бэлэйб гэжэ
Мэнэ хүүрээ хэлээд лэ
Харайлдажа оробо —
Галаха Нурман хаани ла
Зүүн хани хүли тэбэржэ унаба.
Эдьхөлхөжө орхибо —
Мориной бааһан дли ла
Мухарихажа унаба.
— Энэ хоёроо алдаг даа,
Хүштэй хартай! — гэжэ лэ
Бодолдожо ержэ,
Тэрэ байха зондоо ло
Хэлэлдэжэ байбал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Галаха Нурма ханхай гээшэ
Үлеэлдэжэ орхибо
Гурба минган сэрэеын лэ
Үнеэн шара нуурта ла
Үлеэлдэжэ оруулба.
Гушан хоёр бахтиирын
Ядаа гэжэ зогсобо,
Ядаа гэжэ зогсожо
Байхадаа болбо —
Долоон сүүдхэ дайлалсажа байгаа гэхэн юмэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Наймадхи сэгээн сүүдхэдэ
Дайлалсана бэлэйл даа.
Ара бэеын мяхайе
Арбан хургаар дууһаба л,
Эбэр бэеын мяхайе
Үүдэн шүдээр дууһаба л.
Утаһани шэнээн
Улаан голдо торсо
Абхан адали тулабал.
Аянгайяа ядаба —
— Ахай хүбүүн,
Дашин Шоохор хүбүүн,
Абар туһаш хүдыдээб?
Сайд гэмэ шүдэндээ
Ялад гэмэ нюдэндээ
Дурдана бэлэйл даа.
Дашин Шоохор ахай ла
Юһэдхэ лэ сүүдхэдэ
Ерэлсэнэ бэлэйл лэ —
Ерэлсэһэн биеэрээ,
Зүбхэн буруул үгэйеэр,
Галахан Нурма хаани ла
Ара бэеын мяхайе
Арбан сэгээн хургаараа
Түгдэл татан хаяба.

К тридцати одному батору.
И следующий батор
Промолвил:
«Я силою не уступал
Абай Гэсэр-хубуну»,
И кинулся в бой он.
Схватил он за левую ногу

Галхан Нурман-хана,—
Тот [батора] пнул,
А [батор],
Как конский шевяк, откатился.
«Ослепни на оба,
Силен он завидно!»—
Поднявшись,
Всем людям, что там находились,
Сказал он.
И вскоре за этим
Галхан Нурман-хан
Как дунул,
Так и полетели
Три тысячи воинов
В Уненское желтое море.
А тридцать два батора
Едва удержавшись на месте.
Едва удержались на месте,
Семь суток сражались.
Вот так говорят.
И вскоре за этим
Восьмые уж сутки
Они воевали.
И мясо спинное [Гэсэра]
[Галхан Нурман-хан] десятью пальцами кончил
А мясо с груди он
Зубами передними кончил.
Но [Гэсэр] все сражался и не поддавался.
Держась на спинной лишь артерии,
Что шелковой [нити] подобною стала.
«Ты, старший мой брат
Дашин Шохор-хубун,
Когда мне поможешь?»—
Так блеском зубов,
Так искрою глаз,
Теряя последние силы,
[Гэсэр] призывал.
Дашин Шохор старшой
На девятые сутки
Приехал.
Приехав,
Он мясо спинное
Галхан Нурман-хана
Тут сразу
Десятью пальцами вырвал
И бросил.
А мясо с груди его
Зубами передними вырвал

Эбэр бэеын мяхайе
Үүдэн сэгээн шудээрээ
Хадаража унагааба.
Галахан Нурман хаан ла
Арбадхи сүүдхэдэ
Ядаан гэжэ хоюуландаа байжа ла
Урда ехэ уулайе
Эдьхөлүүлжэ унагаабал,
Дэрэлүүлэн унагаабал
Хойто ехэ уулайе.
Һайн эрээн алаһан хойно
Һай мориин дээрэн сохихо!

Хайсан хара азаргайе
Дээрэн нэгэ сохибол,
Доро нэгэ дэбдэжэ орхино бэлэйл даа.
Хуурай ехэ түлеэшэ[34]
Хуха татан гульдхаба,
Нойтон ехэ түлеэшэ
Нугара татан гульдхажа
Гальалажа[35] орхибол.
Далан долоон мэшээгтэ
Яһан уһан хоерын
Гульдахажа абаша,
Гульдхажа абаша,
Һалхин тээрмэ хэбэл даа,
Һалхин һайхан тээрмээр
Тээрмэдэн абаба.
Уляаһан хүрээ сабшажа
Шара бүрүүн далайдаа
Хиидхэжэ орхибо.
Шара бүрүүн далай дээрэ
Шэгэшэ барагтай зузаан
Үрмэ болон байбал даа.
Ехэ дайе дарааб гэжэ
Ехэ мангал мангахагүй юумэ л,
Ехэ хүүе дарабаб гэжэ
Тархиен алхаха гүй юмэ-л.

Хойно, хойно хоёрой ло нэгэндэ
Эндэ ехэ бариса болжо байгаарай!
Уруу өөдөө ябаашни
Тамахи талха татагдаа!..
Мэтэр гэсэн биеэрээ

Дашин Шоохор ахайтаяа
— Энэ хани атхашиин
Һүрэ һүмэйн үзээ гэжэ орожо ябуулба.
Ябуулхада болбо —
Мэнэ ойро болбол даа.
Хангаяа хара һомойе
Һуха татан абаба.
Атхараһан шутхараһан
Аалитай ахатай юумһэмшии? гэжэ
Тэрэ байһан байсаньеын
Тала ханай дундууриин
Таһа харбан унагааба.

И бросил.
И лишь на десятые сутки
Вдвоем они еле свалили
Галхан Нурман-хана—
Упал, упираясь ногами своими
На южную гору большую,
Своей головою—
На северную гору большую.
«Коли победили мы славного мужа,
Должны тут забить мы коня дорогого!»— сказали
И черного хайсан его жеребца,
Забили над ним,
Под ним подстелили.
Сухие дрова наломали,
Собрали в огромную кучу,
Сырые дрова, вырывая,
Собрали в огромную [кучу]
И [тело] сожгли[78].
И кости его
Тут собрали
В семьдесят семь мешков.
Когда же собрали,
Они ветряную построили мельницу,
Мельницей той ветряною
Смололи [все ханские кости]
И, сделав из осины лопату, они
Рассеяли в мрачное желтое море
[Те кости],
На желтом и мрачном том море
[Те кости], как пенка,
Легли толщиною с мизинец.
«Нельзя прославлять себя слишком,
Что сильного, дескать, врага победил я,
Нельзя перешагивать голову [вражью],
Что сильного-де одолел человека.
Пускай это место когда-нибудь после
Послужит проезжим для их подношений[79].
Проезжие, вниз ли спускаясь или вверх поднимаясь,
На этом вот месте закуривать будут!»[80]—сказали.
И вскоре за этим
С Дашин Шохором-старшим братом
Поехал [Гэсэр], говоря:
«Мы этого гада
Дворцы и чертоги посмотрим».
Вечернее время уже наступало.
Хангайскую вынул
Стрелу свою черную он.
«Побитый, пропащий,
Еще ты дворцы и чертоги имеешь?»—
Сказал [он, стреляя],
По самому центру дворец тот
[Стрела] рассекла и свалила,
Жену его младшую тоже
По талии самой

Бэсэгэ лэн эзыеын
Нарин ханай матаргаяариин
Таhа харбан унагаалдажа орхибо.
Балшир хүбүүн уналай,
Бааян дүүен уйлалай л
Дашин Шоохор ахай гээшэ:
— Энэ — хаанай эзыеэр
Бихэн hуулдхам гэжэ
Орожо ерээ ханайл би —
Мини дура хараа үгэй хадаа
Энээнhээ хойшо
Огторгойн минган сагаан бурханhаа
Урам бэхэн hанаарай.
Газар дээрхи болбо,
Гагса ехэ ахаhаан
Туhа бэхэн hанаарай! гэжэ
Огторго өөдэ дэбэбэ.
— Ахай хүбүүн яалайш?
Гүдүргээ нэгэтэ эрьежэ харыш!
Энэ юүхэн түйдхэн түрээд хоерын хэбтэнүү?
Эрьежэ шье харал үгэй
Намhаа туhа бэхэн hана! гэжэ
Огторгодоо дэбэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн ла
Тэрэ ханай хүбүүйи
Бээжиин дулаан галда ла
Хаяжа ла орхибо —

Малагаари мандан шарга наранда
Бээжи л уруу ошожо,
Харалдана бэлэйл даа
Балшар ла хүбүүн гээшэ
Бааян дүүен hууба ла
— Баабай намай ямар дулаан газар
Унтуулабуу? гэжэ
Хөөгөөр шагалзажа hуулдаба гэлээ лэ
***
Туулган, туулган бүрүүн далай л бизэ
Туулхал заяан дуулдан байhай,

Тулалсаhан, тулалсаhан дайсуй
Дараха заяан дуулдан байhай! —

***

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Аянгаяа ядалдабуу...
Ядалдажа байхадаа —
Түмэр хара бумбаартан
Абаадажа хаябал даа.
Хуурай ехэ түлеэе
Хухара татан гульдхаба,
Нойтон ехэ түлеэшиин

[Стрела] рассекла и свалила.
Упал тут младенец,
Рыдая и плача.
Дашин Шохор-старшой говорил:
«Я думал жениться
На женщине этой,
Поэтому прибыл сюда я.
Коль не посчитался с любовью моею,
Так с этой поры ты
От тысячи светлых небесных бурханов
Поддержки не жди,
И от старшего брата,
Единственного в мире,
Подмоги не жди!»
И вознесся он в небо.
«Что делаешь, старший мой брат?
Хоть раз ты назад оглянись!

Да и что эти двое —
Беда и несчастье — лежат?»— [взмолился Гэсэр]
И ни разу тот не оглянулся,
На небо поднялся, промолвив:
«Подмоги не жди от меня!»
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Бросил младенца в пылающий в печке огонь.
Назавтра,
Как красное солнце дневное поднялось,
Пришел он
И в печь заглянул [и увидел]:
Тот младенец сидел там,
Рыдая и плача;
«В какое ты жаркое место,
Отец, меня спать положил!»—
Говорил, угольками играя, сидел.

***

Пусть поможет судьба переплыть
Свинцово-свинцовое мрачное море,
Пусть поможет судьба победить
В сраженьях, в сраженьях врага.
***
Абай Гэсэр-хубун
В затрудненье попал...
И попав в затруднение, выхода стал он искать.
[Младенца] он бросил
В амбар его черный железный.

Много дров он сухих
Наломал и собрал,
Много дров он сырых,
Вырывая, собрал.
И огромными кучами дров.

Нугара татан гульдхаба.
Обоо худөө болсоло
Тэрэ байха бумбаари
Тойруулажа табиба.
Дурбэн найман тээхэнһээн
Гали тулеэн орхибол.
Огторгойн юһун хурхөөрэн
Үлеэлгэнэ бэлэйл даа —
Тэрэ ехэ бумбаари
Тад улаан болсории
Улеэлгэбэ байбуу даа.
Улеэлгэжэ абаад ла
Хараа бараа хараба ла:
Тэрэ һайхан хубуун гээшэ
Тэрэ ехэ бумбаар соогоо
Энэ нэгэ буламдан[1]
Энэ нэгэ садха гэжэ,
Тэрэ нэгэ буламдан
Тэрэ нэгэ садха гэжэ
Байгаа гэхэн юмэ даа.
Харалдажа байхада ла болобо
Хүхэ утаһан хүйхэн гээшэ,
Улаан утаһан умай гээшэ
Тэрэ ехэ бумбаари
Оройл уруу орожо байгаа гэхэл юмэ лэ.
Тэрэ хүйхэн уруула
Хүйтэн булагай уһайе
Оруулжа тэрэ хүбүүнээ
Заха зайнхан уруун ла
Оруулжа байбал даа.
Заяалдаһан заяашин
Заяан сагаан тэнгэрин
Оруулдажа байба ла.
Аянгаени ядаба,
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Хангай хара һомойн даа
Онон дээрэн уншаба,
Улаан дүлэ гаргаба,
Хүбшэ дээрэн шэбшэбэ,
Хүхэ дүлэ гаргажа байбал даа.
Бүхэю хани дээрэн лэ унсара
Булхайсара таталдаба —
Зэнхэн дээрэн унсара
Зэнхээсэрэ таталдана бэлэйл даа.
— Үхүхэ лэ заяатай хадамни
Энэ хүйе даалгаал үгэеэр
Хин ханай тама ошоорой,
Ахаха ла заяатай хадамни
Энэ ехэ хүйеын лэ,
Хүхэ утаһан хүйеын лэ,
Улаан утаһан умайеын,
Таһа тудан хаяарай гэжэ
Харбажа орхилойл.
Улаан утаһан умайе
Ото харбан унагааба,

Тот амбар
Обложил он кругом.
С четырех ли, с восьми ли сторон
Стал огонь разжигать,
Девятью он мехами небес
Стал огонь раздувать.
Так огонь раздувал,
Что большой накалился амбар
Докрасна.
А затем
Заглянул он в амбар:
Тот чудесный малыш
В том амбаре большом,
То в одном уголке
Крича,
То в другом уголке
Крича,—
Из угла он в угол метался.
Тут увидел [Гэсэр]:
Проникала в амбар,
Через крышу его,
Нить из синего шелка-пупок,
Нить из красного шелка-утробная нить[81].
Через этот пупок
Проникала вода,
Ледяная вода родника,
Проникала она
Во все поры [младенца того].
Так его сотворивший творец,
Светлый Тенгрий-творец
Той водой обливал [малыша].
В затрудненьи большом
Абай Гэсэр-хубун
Стрелу тут хангайскую черную
Стал заклинать [над зарубкой ее] —
Пламя красное он вызывал,
На ее тетиве заклинал—
Пламя синее он вызывал.
До бухю натянул —
Доотказа свой лук натянул,
До зэнхэн натянул—
Доотказа свой лук натянул.
«Если мне умереть суждено,—
Не сразив человека того,
В пустоту преисподнюю[82] ты улети,
Если мне оставаться живым суждено[83],
Попади, отсеки
Нить из синего шелка-пупок,
Нить из красного шелка-утробную нить
Чародея того!»—
Так пустил он стрелу.
И [стрела] отсекла
Нить из красного шелка-утробную нить,
Отсекла [та стрела]
Нить из синего шелка-пупок,

Хухү утаһан хүйе
Таһа харбан унагаажа
Орхино бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Мүнөөхи лэ хүбүүн
— Гарахаһаан урид ла
Юһэ хоног урид лэ
Гараһанаа яахамним! гэжэ
Дайлалдахаһаа урид ла
Арабан найман хоног
Гара һанаа яахамни!
Мэнэ хүүрээ хэлэбэл даа.
Дайлалсахаһаан урид ла
Юһэ хоног урид ла
Дайлуулһанаа яахам даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Оморожо ошожо
Алдалажа унаһаниин тэрэ һэн гэлэй...

**
*

Шагаа шагаабартай турдаа бизэ
Шагналтай онтохо хэлсэнэ байнаб,

Шагнажа һууһан һайдуудаа лами...
Дууряалсара хэлсэһээб ди. —

**
*

Мэтэр гэһэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн
Хада бэтэ эши лэ

Халаадааран[36] тээлгэбэ,
Хайр бэтэ мүнгэйеы;
Пооштоорон тээлгэбэ,
Адуу идеэн хоерын
Харууараан туулгабал,
Албата зонхон хоёрын
Нойоорон туулгаба.
Арбандан хадаа нэгэ нойийи олобо,
Хориндон хоёр ноёе оложо
Байгаа гэхэн юумэл даа.

Хададан хашираг үлээн үгээр
Туулгана бэлэйл даа.
Бооридон болбо —
Буруу үлээл үгэйеэр
Туулгана бэлэй лэ,
Үтэгтэни болобо —
Үрмэһэ үлээн үгээр
Туулгана бэлэйл даа,
Хаяа дунда болобо —
Халаахай үгэй туубал даа.

Так совсем отсекла.
Вслед за тем
Тот младенец сказал:
«Что ж поделаю я,
Появившись на свет
Раньше срока на девять ночей!
Что ж поделаю я,
Появившись на свет
На восемнадцать ночей
Раньше срока сражения [с ним].
Что ж поделаю я,
Коль напал на меня он
На девять ночей
Раньше срока сражения с ним!»—
Говоря вот такие слова,
[Тот младенец], раскинувши руки свои,
Растянувшись, упал.

**
*

В доме с окнами и оконцами
Чудесную сказку я рассказываю,
Людей почтенных, что слушают сказку,
Увлечь бы рассказом своим...

**
*

А затем
Абай Гэсэр-хубун
Повелел нагрузить
[На телеги] товары, что были подобны горе,
Нагрузить
На повозки [почтовые],
Словно галька, лежавшее там серебро,
Пастухам его [ханским] угнать
Табуны и стада,
А ноенам-то [ханским] угнать
Весь народ его, данников.
Он назначил ноена на каждый десяток людей,
Двух ноенов назначил он на два десятка людей.
Так вот делал [Гэсэр], говорят.
Все угнали они,—
На холме
Не оставили даже хашарика*,
Все угнали они,—
На бугре
Не оставили даже буру**.
Все угнали они—
Не оставили даже полыни в утэге*** его;
Все угнали они —
Не оставили даже крапивы у стен,

* Хашарик (хашараг) — телок или телка 1—2 лет.
** Буру — теленок до 1 года.
*** Утэг — удобряемый луг.

Хана байха байсаниин
Хараасаран урууггшан харуулан
байбал даа,
Ханааран өөдэн харуулан орхибол.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Хандагайн байма харгааһиие
Газаан ургуулна бэлэйл даа,
Бугайни байлдама —
Бургааһай ургуулжа
Орхино бэлээ лэ.
Хара ехэ хирээй
Улуулжа орхибо,
Шара ехэ үнэгээйе
Шиншүүлэжэ орхибо.
Албата зонхон хоёроо
Адаһа идеэн хоёроо туулдажа
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гальюуулбал.
Гэрхэн дээрээ ерэлдэнэ бэлэй лэ,
Амитан зонхон хоёроо
Һуулгана бэлэй лэ.
Аряад бэрин үйлэнсүй гарган
Һуулгажа байба ла.
Адууһаар болбо
Баян хүйхэр боложо

Албатаараа болбо
Үнүр хүйхөр боложо
Суурилхажа абаба.
Һуурилхажа абахадаа —
Санхан Гоохон дүүхээдээ
Ерэлдэжэ орходоо,
Санхан Гоохон дүүхэй гээшэ
Одоо энэ бэлэй
Аян шаяа алдаба —
Һарадаа л хүрэжэ
Һаглайжа байбал даа,
Елдээ лэ хүрэжэ
Ерхээжэ байба ла —
Байхадаал болбо —
Боро хоног шара набша болбо.
Обоо зөөлэн орондоо
Ушха зөөлэн хүнжэлдөө,
Халюун зөөлэн хадуушхадаа,
Булаган зөөлэн будуушхадаа орожо
Идеэлэжэ зугаалжа унтана бэлэйл даа.

**
*

Һүни тэнхэн барагта
Эбшэлэжэ ошобо
Арын барабаан дэлдэбэ.
Араяа зойе гульдхаба,
Эбэрээ барабаан дэлдэбэ,
Эбэрээ зойе гульдхаба —
Үүрээ сайхуйе урай ла
Хүбүүн ханай гарабал даа.

И чертоги, дворцы
Они перевернули все матицей вниз,
Основанием [стенами] вверх.
А затем
Во дворах его вырастил он

Каргану, где гулять мог и лось,
И такие кустарники вырастил там,
Что гулять мог изюбрь,
Исполинского черного ворона
Оставили там голодать[84],
И лису исполинскую желтую
Оставили там горевать.
Его данников всех и народ,
Табуны и стада все с собою забрав,
Зашагали домой
И помчались к родимым местам.
Как в родные места свои прибыл [Гэсэр],
Так устроил на жительство он
Весь народ, всех людей,
И рядами их [юрты] поставить велел,
Так, чтоб улицы были.
И богатым он стал удальцом,
Табунами коней завладев.
И счастливым он стал удальцом:
Много подданных стало теперь.
И устроил на жительство их.
А устроив на жительство их,
Он отправился тут
К Санхан Гохон-духэй.
Как приехал [Гэсэр]

К Санхан Гохон-духэй,
Так обрадован был он безмерно—
Так именно было.—
[У Санхан Гохон-духэй]
Приближался уж месяц родов:
Пополнела она,
Приближалося время родов—
Округлилась она.
Как вечерние сумерки
Желтой листвою спустились,
Покушав они, побеседовав, спать
улеглись
В своей мягкой и пухлой постели
И под одеялом, как легкие, мягким,
В постели и мягкой, и теплой,
На мягкой подушке своей соболиной.

**
*

И в полночь примерно
У ней начались родовые схватки.
В барабаны ударили северные—
С севера так собирали людей.
В барабаны ударили южные—
С юга людей собирали.
Перед самой зарей

Арын хаһай албатуйе
Хүнхан сагаан толгойтой,
Хулаһан шара һабаатай
Төөдэе лэ хүүнхэн гээшэ
Эхэ лэ боложо,
Хүй ехээ хүндэжэ,
Хүбшэргэйеын зайдажа
Абалдана бэлэйл даа.
Боошхоороо хэмнэжэ
Арахи гарган зугаалуулжа байба ла,
Болдогоор хэмнэн
Мяха гарган зугаалуулан хонобол даа.
Гэртэшье мяхан,
Газаа шье мяхан,
Гэртэ шье арахи,
Газаа шье арахи...
Зугаа найраа хэжэ лэ
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Байхада болбо —
Малагаари мандан шарга наранда
Үлгыдө оруулна[37] бэлэйл даа.
Барбагайта сэмэгээйе
Үлгы дээрэ табижа,
Баруун хани шаатыйе асаржа
Оруулна бэлэйл даа.
Баабайн сагаа мүнгүн һэлмээр
Барижа оруулба.
Баруун можи тэбэрэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
— Хүбүүниим нэрэй үгытэ,
Үбэгэд һамагад хоерни! — гэжэ
Мүргэн шураган ябанал даа.
Мүргэхэжэ ябахада
Хулаһан сагаан һабаатай,
Хунхан сагаан толгойтой
Арын хаһай албатуйе
Нэгэ үбэгэн һуубал даа.
Тэрэ ехэ үбэгэн
Баруун сэгээ нюдэндээ
Барбагайн шэнээн няагуһатай,
Зүүн сэгээн нюдэндээ
Зүгэйн шэнээн няагуһатай
Үбэгэн лэ һууба ла.
Үбдэг дээрээ тулаһан
Һахалтайлан үбэгэл даа,
Үргэн дээрээ унаһан
Хоримһотой үбэгэл даа.
Тэрэ ехэ үбэгэн
Абай Гэсэр хүбүүни —
Хүүн — хадаа болбо —
— Ошор Богдо хүбүүн гэжэ
Нэрэ солын үгэбэл даа.
Эритээхэн юумэдэ

Сын родился у ней.
Повивальною бабкою стала
Та старая бабушка
Северных подданных,
Что с головой лебединою белой
Да и с камышевою тросточкой белой.
[Ребенка] она приняла,
Пуповину отрезала
И хубшэргэ натянула.
Так гуляли, что бочками тут
Арахи выносили они,
Так гуляли, что мясо горой
Выносили они.
И в домах было мясо,
На дворе было мясо,
И в домах — арахи,
На дворе — арахи...
Так гуляли они,
Пировали вот так, говорят.
Назавтра, как красное солнце взошло,
Принесли
Право-бедренную кость,
И с лодыжкой сэмгэ*
Над его колыбелью держа,
В колыбель положила ребенка она,
И меч светлый отцовский держа,
[В колыбель] положила [ребенка] она.
Абай Гэсэр-хубун,
С право-бедренной костью [в руке],
Умоляя, ходил:
«Старики и старухи мои,
Моего нареките вы сына!»
В это время сидел там старик,—
Он из северных подданных был—
С камышевою тросточкой белой,
С головой лебединою белой.
То был престарелый старик.
С лодыжку был гной
В его правом белесом глазу,
Гной с пчелу
В его левом белесом глазу,—
И такой вот старик там сидел.
У того старика
Борода доходила
До самых колен,
Доходили ресницы его
До его подбородка.
И тот престарелый старик
Сыну Абай Гэсэр-хубуна
Дал славное имя:
Ошор Богдо-хубун,
Камышевую белую трость
Он [Ошору Богдо] подарил,

* Трубчатая кость с мозгом

Даагдаха гүй үдэхэ,
Эрхээтээ юумэндэ
Диилэгдэхэ гүй түрэхэл даа! —
Хулаһан сагаан һабаяа
Гуйлгайиин үгэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Дүрбэн хара морийе
Хүллүлнэ бэлэйл даа.
Бухэ хара бахтииртаа
Боожийин барюулбал.
Тэрэ ехэ үбэгэндөө
Хара сэмэ дэгэли
Үмэдхэнэ бэлэйл даа.
Тэрэ Ханай үбэгөө лө
Һугадажа абаадбал.
Дүрбэн хара мореоро
Хүргүүлэжэ үгэбэ.
Дүрбэн хара морини
Ерэхэдэ болобо —
Үнөөхи лэ төөдээдэ
Баруун можи тэбэрүүлбэ.
Баруун бөөриин абша
Бүүбээни зэмэһэн гэжэ
Үгэлдэнэ бэлэйл даа.
Тэрэ ехэ төөдээдөө
Улаан сэм эумүдын оён үгэбэ.
Хара сэмэ дэгэли үмүдхэнэ бэлэй лэ.
Нэгэ тэбэри мяхайе
Тэбэрүүлжэ хүтэлбэл.
Абаадажа тэргэндэн һуулгажа,
Дүрбэн хара морёоро
Хүргүүлэжэ үгэлдэнэ бэлэйл даа.
Үнөөхи лэ сэмэгээ гэртээ абша,
Тэрэ байха хубсаһаа
Гэртээ тайлан орхибо.
Тэрэ-ханай хүбүүни
Ута хоногоо дүүрсэ
Адуулажа харахамни
Улаан ехэ һаяа[38] хатасаран
Һахилдажа харахамни гэжэ
Ерэлдэнэ бэлэйл даа.
Ерэлсэжэ үргэн тэбэрэн
Тэжээлдэжэ һуугаа гэхэ юмэ даа.
Юһө хонсо үргэжэ

— Ута хоногоо дүүрэбэ даа.
Улаан һаяа арилаба! — гэжэ
Үнөөхи лэ төөдээ харина бэлэй лэ.
Хариһан хойнон ло
Алтай ехэ дайдам
Алтай гүрөөһэтээ болбуу даа гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Хүйлэн хүхэ мориёо
Эмээллэжэ унажа,
Абай зангаар түхөөржэ

Говоря:
«Пусть растет он таким,
Чтоб все острое было ему нипочем,
Пусть он станет таким,
Чтобы не был никем он сражен».
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Повелел запрягать
Четырех своих черных коней,
Чтобы вожжи держал,
Управлял [четверкой коней]
Его батор могучий и сильный.
Надел
На того старика
Черно-суконный дэгэл,
Его под руку взяв,
Он повел
К повозке
С четверкою черных коней.
Он домой старика проводил.
Как четверка та черных коней
Возвратилась назад,
Так он бабушке той
Право-бедренную кость преподнес;
Почку правую взяв,
«Колыбельный подарок»[85], сказав,
Преподнес.
Старой бабушке той
Шаровары из красного дал он сукна
И одел ее в черно-суконный дэгэл,
Да и мяса охапку он ей
Преподнес,
А затем посадил
На [повозку] с четверкою черных коней
И домой проводил.
И оставила дома она
[Все подарки]: и бедренную кость,
И одежду — подарок сняла.
Возвратилась обратно она,
Говорила:
«Покуда у мальчика длинные ночи[86],
Ухаживать буду за ним
Да пока [у младенца] с лица
Краснота не сойдет,
Я за ним присмотрю».

Возвратившись, она обнимала его
И кормила его, говорят.
Девять суток прошло.
«[У младенца-то] длинные ночи прошли.
И прошла краснота!» — говоря,
Возвратилась домой.
Как отправилась бабушка та,—
Абай Гэсэр-хубун
На охоту собрался.
«На Алтае моем,—на великой земле

Алтай тайгуй абалхаяа,
Хухэй тайгуй хүбшэлхэеэ
Тухөөрэнэ бэлэй даа.
Абайн зангаар тухөөржэ
Хүйлэн хухэ мориндоо
Гарана бэлэйл даа.
Хүйлэн хухэ мориёо
Уналдажа абаба,
Алтай ехэ дайдуяа
Ара дээрэн гарба.
Хухэй ехэ дайдуяа
Хүбшэ дээрэн гарба,
Түрүүни хоморгүй табижа[39]
Ябалсана бэлэй лэ.
Асуурайн шара мангадхай
Арбан гурбан толгойто
Золгоо гэхэн юмэ лэ.
Алтай ехэ дайдундаа
Ара дунда золгобол,
Хухэй ехэ дайдуйе

Хүбшэ дундан золгобол.
Гурбалжаани гурбан харгуйн
Бэлшэр дээрэн золгобо.
— Хаа голи хаалажа ябаһан хүбүүмши?
Юү голи юулэжэ ябаһан хүбүүм ши?
Мэнэн үгэ һурабал даа.
— Адуһайн үгээ болгооб:
Бухаараа үхэши үгээ болгоод ло,
Хусаараа хониншн үгээ болгоод ло,
Азаргаараа адуудаа үгээ болгоол би,
Тэхээрээ ямааши үгэй болгоод ло
Хада бэри хараашалжа,
Хаалууд бэри һургагшалжа ябаал би.—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Али голой хүбүүм тэ?
Али омогой хүбүүм тэ? — гэжэ
Һуран суран байбал даа.
— Ара гэрээн баруун хойто тулгыйе
Эжэлэжэ түрөө би —
Зуунхан найман толгойто
Зуудаг шара мангадхайн
Отхон ооһор хүбүүн гээшэб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Таа али хаалуудай хүбүүн бэлээт?
Али улуусай хүбүүм тэ?
Һуран суран байнал даа.
Энэ ехэ дайдадаа
Эжэниин болон яргаалан байнал даа,
Хан ехэ дайдадаа
Хааниин болон яргаалан байнал би,
Олон шье бэшэ —
Оонойн ганса хүйхэр гээшэб,
Ёро хүрэһэн һамагани,
Дала хүрэһэн үбэгэни
Орой хэнзэ хүбүүн гээшэб

Наплодилось, наверное, коз и зверей»,—
Говорил,
Оседлав голубого коня своего.
По-абайски готовился он.*
Чтоб облаву устроить в Алтайской тайге,
Чтоб охоту устроить в Хухэйской тайге,
Собирался [Гэсэр],
По-абайски готовился он.
К голубому коню своему подошел,
На коня своего голубого он сел.
Он на северный выехал склон
Величайшей Алтайской земли,
На хребет
Величайшей Хухэйской земли.
Там [Гэсэр],
Свои первые ставя ловушки, ходил.
Там и встретился он
С Асурайским желтым мангадхаем,
Что имел тринадцать голов;
Там он встретился с ним,—

В середине Алтайской великой земли,
В центре северных склонов ее,
В середине Хухэйской великой земли,
В центре горной вершины ее,
Там он встретился с ним,
Где лежит перепутье дорог—
Трех дорог — гурбалжан.
«Ты в какую долину идешь, молодец?
В чью долину идешь, молодец?»—
[Мангадхая] спросил.—
«Табуны потерял:
Потерял я коровьи стада с их быками,
Потерял я овечьи стада с их баранами,
Потерял табуны лошадей с жеребцами,
Потерял я стада своих коз с их козами.
И я каждую гору осматриваю,
В каждом ханстве расспрашиваю»,—
Отвечал мангадхай.—
«Из долины какой, молодец?
Из какого же племени ты, молодец?»—
Так [Гэсэр] мангадхая спросил.—
«В нашей северной юрте родился,
У северо-западной опоры ее,
Самый младший я сын
Мангадхая кусающего желтого,
Что имеет сто восемь голов»,—
Говорил мангадхай.
«Проживаете в ханстве каком, молодец?
И живете в улусе каком, молодец?»—
Так спросил мангадхай.
«Ханом этой священной земли[87]
Я счастливо живу,
Да хозяином этой великой земли
Я счастливо живу.
У отца нас немного совсем—

* По-охотничьи, по-молодецки (?).

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэб.
Алтаяа абалаа би,
Хүхэеэ хүбшэлөөби! —
— Абай Гэсэр хүбүүн
Гарба гэхүй дуулхадаа —
Боро зүрхэн бульяа бэлэйл...
Богони хабаһан матаа бэлэйл
— Ямар бэрхэ хүүндэ лэ
Хабшагдажа хаагдажа ла ябаһан
Хүүхэн эндэ байбаш?

— Боро ехэ зүрхэнээ
Бульяжа ерхэдэ
Богони ехэ хабаһанаа
Маталзажа ерхэдэ
Үһэниин мүнөө —
Үрбэлгэ гэжэ тодоо бэлэйб.
Үеын мүнөө —
Мүнөөрэһэн гэжэ тодоол би, —
Хүдэн хани хүүе
Үһэниин үрбэлгэдэ,
Үеын хани мөөрэһэндэ бажуужа
Амтуйен таниһан байнат та? гэжэ
Һуран шоглон байбал даа.
— Шамһаа ла болохо
Буха ехэ хүзүүтэни
Булгалажа үзэһэн бие,
Буудай мүнгэн һаадаг тани
Һамаргажа үзэһэн биел!..
— Хүүнээл үрэ
Хүүнэһээ лэн үлээ үгээ юмэ,
Хүзүүнээ лэ тоором
Ергоонһоо үлээ үгээ юмэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ
Мангад хүгшөн ахай ла
Мориноо буруу тээгүүр лэ
Дэбхэрэжэ бууба ла.
Абай Гэсэр хүбүүн лэ
Мориноо зүбхэн тээгүүр
Дэбхэрэжэ буунал даа.
Дэбхэрэжэ буугаад ла,
Хүлзэһэн бухашиг
Хилайлдажа ошобо.
Хүдээшэһэн тэнгэршиг
Нэтүйлдэжэ ошобо.
Бухаяа барагтай
Мүргэлдэжэ тулабал даа,
Бугаяа барагтай
Ололдожо тулабал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Ай гэхэ бэлээ — лэ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Угзаража абхадаа
Ула дороо татаба.

У Оноя[88] единственный я удалец,
Самый поздний я сын
Шестидесятилетней старухи
И семидесятилетнего старика,
Я Абай Гэсэр-хубун,
Занимаюсь облавою я на Алтае своем,
Занимаюсь охотою я на Хухэйском хребте».
«Когда я услышал,
Что родился Абай Гэсэр-хубун,
Мое крепкое сердце забилось сильней...»—
«Человеком могучим каким
Притесняемый ты человек
Предо мною стоишь?»—
«Как могучее крепкое сердце мое
Застучало сильней
И могучие малые ребра мои
Стали гнуться, сгибаться вовсю,
Да покуда пушинка — твои волоса,
Я встречаю тебя,
И покуда суставы — хрящи,
Я встречаю тебя».—
«И скольких же людей погубили,
Покуда их волосы — пух
И суставы — хрящи,
В этом деле узнали вы вкус?»—
Ядовито спросил [мангадхая Гэсэр].—
«Да не только тебе,
Но и тем-то я шеи ломал,
Кто шеи бычачьи имел,
Побеждал я и тех,
Чьи колчаны литы из будай-серебра»—
«Не сильней человека
Дитя человечье,
Не больше шести
Позвонков ведь на шее».—
Вот такие слова говорил он, [Гэсэр].
Мангадхай
Неправильно* с лошади
Прыгнул.
Абай Гэсэр-хубун
Правильно** спрыгнул с коня своего.
Так с коней соскочив,
Друг на друга косились они,
Как быки перед тем, как бодаться;
Надвигались они,
Словно в тучах нависшее небо.
И бодались они,
Как быки;
Друг на друга бросались они,
Как изюбри.
Вслед за тем,—
Как не скажешь тут: «ай!»—
Абай Гэсэр-хубун

* Что значит: вправо.
** Что значит: влево.

Таталдажа абаба —
Тахим соогоо нугалба.
Аншаяа алдаба.
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ
Арбан хани хүүнээ
Тэбэрэжэ лэ хүрхэ гүй
Ажагар улаан шүнэһийи
Химоһаара хахалба л.
Тэрэ һайхан шүнүһэндөө
Мангад хүгшэн ахаяа
Хабшуулажа наадаба л.
Хабшуулаһан биеэрээ
Ерэн бургуй хадааһаар
Ебтэ барин хадаба л.
Далан бургуй хадааһаар
Дабхар барин хадаба л.
Ерэн табан сүхөөрэн

Ебнэнсэрэ сүхэлнэ бэлэйл даа,
Шургаара эрьюулжэ таталдажа орхибол.
Энэ ехэ шүнэһэмни
Хэзээ шье бүүхэн хуурайлаарай!
Хэзээн хэни хэбтэ
Хэтын хани яргалда
Ходо ургажа байгаарай!
Энэ ехэ мангадхайм
Хэзээн хэбтэ
Хэтын ханай яргалда
Бэхэн — ханай үхээрээш!
Утаһанай шэнээн
Улаан голдоо торожо
Улижа сохижо байгаарайл! —
Һайн эрэ дараһан хойноо

Һай мориин дээрэн сохихол!
Тэүнээ нэгэ аянда
Таар ехэ тохомиин
Хахал зүһэн хаялдалайл,
Талхи ехэ эмээлиин

Хаха дэбһэн хаябал.
Талхин хэлхээ минааен
Хуха сохин хаяба.
Ехэ дайн дарабаб гэжэ
Ехэ мангал мангаха гүй,

Ехэ хүүнээр дайлалсабаб гэжэ
Ехэ хүүрээ хэлхэ гүйл даа! —
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Алтаяа агнаба,
Хүхэйөө хүбшэлбэ.

Хүбшэлнэ бэлэй лэ —
Ойн ехэ гүрөөһии

Того дернул к себе,
Под себя затащил,
Еще раз потянул—
Под коленом согнул.
Тот совсем изнемог.
И [победное] слово сказав,
Тут ногтями [Гэсэр] расколол
Исполинскую красную лиственницу,
Что десяток людей
Обхватить не смогли бы [руками].
Той огромною лиственницею зажав
Мангадхая того,
Потешался [Гэсэр].
А затем
Девяноста гвоздями «бургуй»*
[Мангадхая Гэсэр] пригвоздил.
Семьюдесятью гвоздями «бургуй»

Второй раз он его пригвоздил,
Девяноста пятью обручами сковал,
Крепко-крепко, до звона, сковал,
Завинтил он шурупы и — так закрепил — и сказал:
«Пусть моя исполинская лиственница
Не засохнет навеки веков!
Пусть навеки веков,
Ты на вечное счастье [людей]
Беспрерывно расти!
И пускай, мангадхай-великан,
Никогда
И навеки ты не умирай!
Так рыдай ты и плачь,
Доходя до артерии спинной,
Становящейся тонкой, как шелковая нить.
Коли мужа могучего я победил,
Тут над ним я хорошую лошадь забью!»
И затем
[Мангадхая] потник широченный, как тар**,
Разорвал, раскидал
И громадных размеров его деревяшку-седло
Растоптал на куски, разбросал,
Черешок деревянный бича
Разломал, раскидал и подумал:
«Мне не следует слишком себя возносить,
Что, мол, сильного недруга я победил,
Зазнаваться не следует мне,
Что, мол, воевал с человеком большим».
Вслед за тем
На Алтае охотился он,

На Хухэе ходил по таежным хребтам.
Он охотился так,

* Бургуй хадааһаар — гвоздями — шурупами.
** Тар — волосяная дерюга.

Ой дунда сомобо,
Тайгуяа гүрөөһии
Тайга дунда сомолдоно бэлэй даа.
Морин сайхан хүлэйн
Хулмалзагша бололдобо,
Шэхэнһээн хойшоло —
Дүүрэнэ бэлээл даа.
Хондолзогшо болобо —
Уусаһаан уряагша —
Ганзагална бэлэй-лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гальюулба.
Гэрхэн дээрээ ерэжэ,
Урда ехэ ашаагаа
Уряагшин түлихэн унагаабал,
Урда уулайн барагтай
Оглойжо хэбтэбэл.
Хойто ехэ ашаагаа —
Хойшон түлихэн унагаабал.
Хойто уулайн барагтай
Оглойжо хэбтэбэл.
— Убаа үгэй
Алтай ехэ дайдамни
Антай гүрөөһэтэө байгаа даа! гэжэ
Мэнэ хүүрээ хэлэбэл даа
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн даа:
— Энэ ехэ гүрөөһүүши,
Гушан хоер бахтиир мэни,
Энэ хани гүрөөһии
Үгшэн хуулан шаны то!
Албата зонхон хоертоо
Идюулэхэ байнал би.
Ошор Богдо хүбүүнии
Түрүүнээн олзо байнал даа.
Ошор Богдо хүбүүнээ
Түрүүнээн олзо гэхэл ди —
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Арын барабаан дэлдэбэ —
Араяа зойи гульдхабал,
Эбэрээ барабаан дэлдэбэ —
Эбэрээ зоойи гульдхаба —
Зугаа найи хүүлбэ.
— Хүбүүнээ түрүүнээ олзые
Албата зонхон хоёрни
Идеэжэ тарыто! —
Албата зонхон хоёр гээшэ:
— Һайн юмээн үрэ
Мэрэгээр гараха! — гэжэ
Хэлсэжэ байбал даа.
Һайн хүүни үрэ гээшэ
Һайгаар — ла гараха юумэ,
Мэргэн хүүни үрэ
Мэргэн гараха,
Ошор Богдо хүбүмнай
Түрүүнээ олзо эдюулбэ.
Энүүнһээм хойшо ло

Что сложил в середине лесов
Много коз лесных,
Он сложил в середине тайги
Много коз таежных.
Он хулэга-коня быстроногого
Нагрузил до ушей,
Аж, косясь, конь ушами прядал.
Он навьючил [коня]
До самого крупа его,
Аж [хулэг его] крупом задвигал.
А затем
Он поехал домой,
Он помчался к родимой земле.
Когда прибыл домой,
Вперед он, толкая, свалил
Вьюк передний большой.
Наподобие южной горы
[Вьюк] лежал громоздясь.
И назад он, толкая, свалил
Задний вьюк свой большой.
Наподобие северных гор
[Вьюк] лежал громоздясь.
«Хороша же земля—
Мой великий Алтай,
Много коз [на Алтае], зверей!»—
Так [Гэсэр] говорил.
А затем
Абай Гэсэр-хубун говорил:
«Тридцать два моих брата,
С этих многих косуль,
Шкуру с этих косуль
Вы сдерите, сварите [их мясо]!
Народ, своих подданных я
Угощу.
Это первая только добыча
Моего Ошор Богдо-хубуна,—
Назовем его первой добычей
Ошор Богдо-хубуна».
Вслед за тем
И ударил он в северный свой барабан —
Свой народ собирал он с севера.
И ударил он в южный свой барабан —
Свой народ собирал он с юга,
И устроили пир и гулянье они.
«Мой народ,
Эту первую сына добычу
Поешьте!»— [Гэсэр] говорил.
Его подданные и народ
Говорят меж собой:
«У хорошего ведь—
Хороши и плоды.
У хороших людей —
Хороши и потомки.
У искусных людей —
И потомки искусны.
Наш Ошор Богдо-хубун
Своей первой добычею нас угостил.
С этих пор

Ябаһан зориһон газартаа
Яргалтайгаар ябаг даа,
Яргал заяан хоёроо
Үтэг дээрээ тэхэрюулжэ ерэг даа! —
Мэнэ хүүрээ хэлэжэ тарабал даа
Зориһон газартаа —
Золтой заятай ябаг даа,
Золхон заяан хоёроо
Үтэг дээрээ тэхэрүүлэг даа.
Үрэ бага Ошорой ло
Түрүүнээн олзо идеэбэбди! — гэжэ
Үбэгэд һамгад, үлигэртэн, ёһотон
Хэлсэжэ баярлажа харина бэлэйл даа.
Боро хоног, шара набша бололдобо —
Обоо зөөлэн орондоо,

Ушха зөөлэн хүнжэлдөө,
Халуун зөөлэн хадуушхадаа,
Булагаан зөөлэн будуушхадаа орожо
Санхан Гоохон дүүхээтэеэ

Сараа үгэй тэбэрэлдэжэ унтаһаниин тэрэ гэлэй...
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүү лэ
— Асарһан эзыһээн
Ошор Богдо хүбүүтээлэн
Болоо байнам! — гэжэ
Мэнэ хүүрээ хэлэбэл даа.
— Огторго ноён баабайда байхадаа,
Барууни табин табан тэнгэридэ байхадаа,
Огторгоороо гэрлэхэ ёһотой ло бэлэйл би.

Үлгэндэ буухадаа — шамай олжо асарааһам...
— Намаһаа ла болхожо
Үргэхэ үрэ ядаад бэдэрэхэ юмүүш?!
Намаа ла болжо —
Хүбүү ядаад бэдэрэжэ байнууш? — гэжэ
Һуран суран байнал даа
— Санхан Гоохон дүүхээ!
(аян-шаяа алдаба)
Заяанаа шара хэнние
Гаргажа үзэхэмни,
Захаяа гурбайе[40]
Дуудажа үзэхэмни.
Алта мүнгү шэрээе дээрээ
Ошоно бэлэйл даа.
Илэгээ хахалбал
Эрээн хэнииг гаргаба.
Маньялаяа хахалбал,
Заяани шара хэнние
Захайни гурбайе
Удалжа абаба.
Алта мүнгүн шэрээн дээрээ
Һуулдана бэлэйл даа:

По какой бы земле ни ходил,
Пусть шагает со счастием он,
Пусть он счастье свое и судьбу
Возвращает в родимый улус!»
Вот такие слова говоря, расходились они.
«И куда б ни направился он,
Пусть счастливым он будет,
Пусть и счастье свое и судьбу
Возвращает в родимый улус!
Своей первой добычею нас угостил
Наш младенец Ошор!»—так говоря,
Благодарные все расходились:
Улигершины, старики и старухи, обрядов хранители.
Пали сумерки желтой листвой—
В свою мягкую пухлую лег он постель,
Под свое одеяло, что было, как легкие, мягким
В свою теплую, мягкую лег он постель,
На подушки свои соболиные мягкие.
С Санхан Гохон-духэй в обнимку уснул,
Как ни в чем не бывало...
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Говорил:
«От жены, что привез,
Я имею сынка

Ошор Богдо.
Я, на небе живя, у ноена-отца,
У пятидесяти пяти тенгриев моих находясь,
Должен был там, на небе, жениться,
А на землю спустившись, тебя я нашел и привез...»
[Санхан Гохон-духэй] спросила его:
Неужели же будешь [жену] ты искать,
Чтоб [потомство] растить, от меня, будто, нету потомства.
«Неужели же будешь [жену] ты искать,
От меня сына будто бы нет у тебя?!»—
«Санхан Гохон-духэй!
[Та в смятении была]
Я судьбы моей желтую книгу[89]
Возьму, посмотрю,
Три те книги, что с краю [лежат],
Я хочу прочитать».
И к престолу, что злато-серебряным был,
Подошел,
Свою печень раскрыл[139]—
Книгу пеструю взял
И свой лоб он раскрыл—
И судьбы своей желтую книгу,
Три ближние
Вынул, достал,
На свой злато-серебряный сел
На престол,
И сидел так, читал и прочитывал он.

Дуудан дорлин һуубала;
Һүни хани болходо
Зулайн гэрэлээр дуудаба.
Үдэр хани болбо —
Нарани гэрэлээр дуудана бэлэй лэ.
Дуудхадаа болобо,
Нэгэ зарима газарта
Уяржа дуудаба,
Нэгэ зарима газартан
Инеэн наадан дуудабал.
Тэрэ холо дайдуда ла
Хайшин гэжэ хүрхэ бэлээ,
Яашин гэжэ хүрхэ бэлээ? гэжэ
Ехэ гайхал гайхажа
Ехэ тагнал тагнажа
Һуугаа гэхэн юумэл даа.
Һуухадаа ла болобо — тоол үгэй
Хүйтэй сүйтэй хүүдээ
Хүрхэ ёһотой байнал би,
Хүрөөл үгээ хадаа
Хүмэрхэ ёһотой лон байнал би.
Заяалдаһан заяабариһаан
Эбхэн нэгэ бэлэй би.
Галта Улаан тэнгэрнин
Гагуурай Ногоон дүүхэйтээ
Эсхэлдэһэн эсхэбэриһээн хамта,
бэлэйл ди.
Эхэ эсэгэ хоер мнай
Барбагатай сэмэгэйе
Андалдажа идеэ байнал,
Тагша соохи архийе
Андалдажа уугаа байнал.
Дааһан соохи тамахяа
Андалдажа татаһан байнал.
Баабай ибии хоёр мнай
Худа анда хэлсэһэн байна ла —
Эсэгэ Малаан баабайһаа
Тоонто ло хамта нэгэ бэлэй,
Эхэ Юүрэн ибиһээн
Зэлгэ мнай хамта бэлэйл
Тэрэ һайхан басагайе
Орхёол үгэй нэкхэмни!..
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Мүнөөхи лэ Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Хүйлэн хүхэ морьёо
Эмээллэн хазаарлан унабал даа.
Уналсажа ябхадаа —
Хадам бэдэрхэ гэжэ-лэ
Ара гэрээн зүүгшээ лэ хатаржа ябаба.
Ябхадан **боло**бо
Үбдэг дээрээ унаһан
Һахалтайхан үбэгэн,
Үргэн дээрээ унаһан
Һоримһотой үбэгэн,
Баруун сэгээн нюдэндээ
Барбагайн шэнээн няагаһатай,

Когда ночь подошла,
Стал читать он при свете свечи,
Когда день подошел,
Он при солнечном свете читал.
И когда он читал,
Временами рыдал,
Временами смеясь,
Он читал,
Как доехать до той
До далекой земли,
Как добраться дотуда?—
Удивляясь весьма,
Изумляясь весьма[90],
Он сидел, говорят.
И пока так сидел, [он решил]:
«Несмотря ни на что,
Обязательно должен я ехать
К невесте той, суженой мне;
Не поеду туда,—
Так мне смерть суждена,
От рожденья судьбою моей
Воедино с ней связан,
С Гагурай Ногон-духэй
Галта Улан тенгрия,—
Вместе созданы, скроены мы.
Наши матери, наши отцы,
Обмениваясь, ели
Кость с мозгом, с лодыжкой.

Обмениваясь чаркою,
Пили они арахи.
Обмениваясь трубками, курили.
Наши матери, наши отцы,
Стали сватами ведь.
От Эсэгэ Малана-отца—
От рожденья едины мы с ней[91]
И от матери нашей Эхэ Юрен
Мы имеем единое благословенье[92].
Ту красивую девушку я,
Несмотря ни на что, разыщу!...»
Вслед за тем
Он, Абай Гэсэр-хубун,
Голубого коня своего
Обуздал, оседлал.
И вскочил на него,
Чтоб невесту искать,
Зарысил на восток он от северной юрты.
Когда ехал он так,
Повстречался старик,
Борода старика
Доходила до самых колен,
Подбородок его
Закрывали ресницы,
В глазу его правом белесом
С лодышку был гной,
А в глазу его левом белесом
С пчелу был гной.

Зүүн сэгээн нюдэндээ
Зүгэйн шэнээн няагаһатай,
Гойрхон сагаан моритой
Үбэгэни золгобо.
— Одоо энэ бэлэй даа:
— Хүбүүн, хүбүүн гэнэлби
Хаа голи хаалажа ябаһан
Хүбүүн ханай байнаш таа?
Юү голи юүлэжэ ябаһан
Хүбүүн ханай байнаш? гэжэ
Һуран суран байнал даа.
— Галта Улаак тэнгэриин
Гагуурай Ногоон дүүхэйдэ
Хүргэлэхэ мни гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Үлгэн замби дайда дээгүүр
Тэрэ холо дайдада
Хайшин гэжэ... Хүрхэ гүйлши!
Шамаһаа — ла болохо
Бихэн хүрэжэ ядаһа юүмэб. —
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Тамахи талха золгоһон газартаа
Таталдайи гэжэ мүнөөхи лэ үбэгэн
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Үбэгэлэн хүүни золгоһон хойно
Тамахи татхада үбаа үгэй гэжэ
Хариин шэнээн дааһанда
Хансуйн шэнээн хүдэһэнһээ
Багса улаан тамхашии[41]
Утхажа байбал даа.
Зурууp мүнгэн хэтэдээр
Зуран сахин аһаалдажа татаба.
Аһаалдажа татаһан биеэрээ
Хоюуландаа нэгэдэжэ зугаалжа
Тэрүүнһээн сааша ябалсана бэлэйл даа
Дааһатайхан тамхияа таталдажа
Үнөөхи лэ үбэгэн дааһаа алдан ябаад ла
Унагаажа орхёо ло.
— Басага мэни буужа ла[42]
Дааһайм абша асыш таа.
Мори харан дээрээ гараха
Үтэлһэн хүүндэ бэрхэ! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ лэ
— Үбгэн хүүни зараһалан хойно
Яажа зүрхэ алдхаб — гэжэ
Моринһоон дэбхэрэжэ буугаад ла,
Тэрэ дааһайе үргэжэ абаши
Үгэлдэнэ бэлэй лэ.
Үбдэгтөө тулсараа
Газарта багса орсороо
Ядаа гэжэ үргэжэ,
Арай гэжэ абалсажа үгөө лө.
Тэрээнһээн сааша мэнхэнээ нэгэдээд
Хошуу холбон зугаалжа
Ябалсана бэлээ лэ.

На коне захудалом и белом [он ехал].
«Вот теперь, наконец,
Сын, сынок, говорю,
По долинам каким и куда
Направляешься, сын?
По долинам каким и куда
Отправляешься, сын?»—
Так спросил [Гэсэра старик].
«Направляюсь жениться
На Гагурай Ногон-духэй
Галта Улан-тенгрия»,—
Так ответил [Гэсэр].
«По широкой земле ты Замби,
До земли той далекой такой
Каким образом... Ты не доедешь!
Не только что ты,
Даже я ведь доехать не смог».
Вслед за тем—
«Коли встретились мы,
Так закурим давай»,—
Говорил тот старик.
«Коли встретился старый со мной человек,
Закурить мне не плохо»,—сказал,
С кость берцовую трубкой своей
Черпал красный табак
Из кисета
С рукав;
И огнивом с узорами из серебра
Высекая огонь, закурили они.
Закурив,
От души тут беседу они завели,
И поехали вместе они.
Свою трубку куря,
Свою трубку старик
Уронил.
«Мой сынок, ты слезай
И подай-ка мне трубку мою,
Тяжело старику
На коня своего залезать»,—
Говорил так старик.
«Раз старик говорит,
Как мне можно лениться»,—сказал он,
С коня соскочив,
Поднял трубку его
И подал [старику],—
Еле-еле поднял он ее,
Еле-еле подал.
И пока поднимал, подавал,
До колена он в землю ушел.
И опять они вместе
Поехали дальше,
Беседуя дружно.
На коне [старика]—
Навьючены два чемодана.

Морин дээрээ ашаа ла,
Хоёр шумдаан ашажа ла ябаа ла.
Баруун хажуугай шумдаана
Унагаажа орхёо ло.
— Басагам ши буухаяа зүрхэ алданалби.
Энээниим буугаад абша асыш.
— Яажа зүрхэ алдахаб даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Буулдана бэлэйл даа.
Тэрэ ехэ шумдааниин
Үргэнэ бэлэй лэ, —
Яаха яахаар даажа ядажа
Үмдэнөө хирэмдэ тулса
Газарта багса орожо,
Ядаа гэжэ хоер биршоог
Газарhаа дээшэ үндылгэжэ
Байгаа гээшэн юумэ лэ.
Яаха яахаар ядажа байхада,
Түмэр ехэ hабаатай,
Түмэр ехэ hабаагаар
Шумдаангаа үргэн абша
Мориноо баруун хажууда
Үлгэжэ орхибо.
— Басага мэни убааш үгэй
Шэнээтээ болооши.
Дааhан мэни болходо
Даажа абша үгөөш!
Убааш үгээ хүштээ болhо юумэш!
Шумдаан мни болходоо,
Баруун хажууйим шумдаан
Дайдуйн гурбан шээбтүн[43] байха юмэ.
Энэ hайха морёоро
Энэ тэнгэрдэ гарша ялаха-гүй юмэл ши,
Энэ мори хубилгыш —
Мангад сахюур болгыш,
Халааhандаа хаяыш,
Энэ бэеэ хубилыш —
Огторгойн боро хара
Харабсарла болыш,
Оёор сагаан тэнгэрьеэ
Оёдолоорон ошхолш —
Онгон хирбээг дайдуяа
hүлдээн hүлдээн барин гархалш.

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Одоо энэ бэлэй лэ —
Морин сайхан хүлүйе
Хубилгажа хаяба.
Мангад сахюур болгожо
Халааhандаа хэбэл даа.
Огторгойн боро хара
Харабсарла боложо
Огторгодоо дэбихэйн уряаханда
— Шамай заяаhан бурхан шэни бихэм,

На землю упал
Чемодан тот, что справа висел.
«Мой сынок, неохота слезать мне
[с коня].
Слезь-ка ты и подай мне его».—
«Мне лениться нельзя!»,—
Так промолвил [Гэсэр]
И с коня соскочил.
Чемодан, [что упал],
Стал [Гэсэр] поднимать,
Еле-еле поднял
Его на два вершка от земли,
И пока поднимал,
Ушел в землю [Гэсэр]
До шнура шароваров своих.
И пока так [Гэсэр] поднимал,
[Тот старик]
Своим прутом железным большим
Чемодан свой поднял
И повесил его
На лошадке, на правом боку.
«Мой сынок,
Накопил много сил.
Мою трубку поднять,
Передать мне ты смог!
Сил немало сумел накопить!
Чемодан этот мой,
Чемодан мой, что справа висит,—
Три четверти [веса] земли.
И на этом своем,
Пусть хорошем коне
Ты не сможешь подняться до неба того.
Ты коня видоизмени,
В мангадский кремень преврати
И в карман положи.
Ты сам изменись—
Превратись
В темно-серого сокола неба,
В белодонное небо
Подниматься ты будешь по самому шву.
Онгон Хирбэг земли
Держа душу[93],
Подниматься ты будешь»,—
[старик говорил].
Вслед за тем,
Было именно так,
Своего он хулэга-коня
Видоизменил,
В мангадский кремень превратил
И в карман положил.
И перед тем, как ему
Превратиться в темно-серого сокола
неба,
Подняться на небо,
Старик говорил:
«Я — бурхан, тебя сотворивший.
С этих пор

Энүүнһээ хойшо —
Заяалдаһан заяашам гэжэ дурдаарай,
Зарилаг сагаан үбэгэн гэжэ
Дурдаад ябаарайш
Айһан эшэһэн газартаа!

Мэнэн хүүрээ хэлэһэн биеэрээ
Үгээ болон ошобо.
Яаха яахаар хаража ядабал даа.
Огторгохони өөдэ дэбэрхэлнэ бэлэй лэ.
Долоон сүүдхэ дэбээд лэ
Яаха яахаар хүрэжэ ядаад ла
Юумээн зайхан ябаһан юмүү! — гэжэ
Хараалдажа ябаа ла.
Хараалдажа ябахада

Гойрохон сагаан морёороо
Горхон горхон хатаржа
Хажуу дундан ерэбэ лэ.
— Басаган, ямар охор һанаабши?
Үйтэн сээжэ сээжэлээбши?
Юһүн сүүдхээ ябаал үгэй — аад ла,
Юһүн сэгээн сүүдхэ
Дэбээн үгээ аад ла,
Оёор сагаан тэнгэриин
Оёдолдон хүрхэм гэжэ
Яажа ла һаналайш.
Мэнии — ханай хойноһоо
Шангалажа дэбирхэ лэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Урайн хани оробо.
Гойрхон сагаан морёороо
Горхон горхон дугшуулжа
Арилана бэлэйл даа.
Халтагай сүүдхэ ябсара
Хараайин хараад яббал даа
— Энээхэн һайхан мориин даа
Мориндоо ашан ябаа хада[44]
Тээбэрлэхэб гэжэ һанаа үгээ ханайб.
Ямар хубилһан хубхай ябадалтай
Морин бэлээ?
Бихэн ханай дэбэхэдээ
Сажин соогоо дэбэнэ хам ним.
Тэрэ морин дугшахадаа
Халтагай сажингаһаа үлүү
Хүлөө — татаа үгээ юумэ байнал!
Оёор сагаан тэнгэриин
Оёдолдон хүрхээ болобо хам ним.
Юһэн сүүдхэ дэббэ хам ним.
Дайдуйм юһүн шолмуйндаа
Аха шолмон ерэжэ,
Намай наадан шоглон ябануу даа?
Тиижэ лэ яажа ябахадан
Мэнхэн хэмээ хажуудан
Гойрхон сагаа морёороо
Горхон-горхон хатаргажа
Хажуу дундан ерэбэ лэ.

Призывай меня так: сотворивший
творец,
Светлый старец Зарлиг,
Призывай меня так,
Когда страх овладеет тобой!»
[И старик] удалился, исчез.
А [Гэсэр] все глазами искал [старика],
Не нашел.
Подниматься на небо он стал.
Поднимался семь суток,
До неба никак долететь он не мог.
«Какой черт здесь бывал?!»—
Так ругаясь, летел.
Когда так он, ругаясь, летел,
[Тот старик] тут под'ехал к нему
На коне захудалом и белом своем
Мелкой рысью-рысцой,
И такие слова он сказал:
«Сын, как думаешь недальновидно!
Почему затеснило в груди у тебя?
Как ты думал до шва
Белодонного неба того
Долететь,
Девять суток еще не летев,
Девять суток еще
Не поднявшись?

Ты за мною быстрей
Поднимайся туда!»—
Говорил,
Вперед выехав, он
На коне захудалом и белом своем,
Мелкой рысью-рысцой
Удалился [старик].
И полсуток за ним поднимаясь, [Гэсэр]
Чуть из виду его не терял.
«Если этого чудо-коня
Навалю на коня моего, то мой конь
Не почувствует тяжести даже, я думал.
Что за дивная ходкая
Лошадь она?
Поднимаясь вверх,
Сажень целую враз я беру.
А рыся, та лошадка
Не дальше, чем на половину сажени
Закидывает ноги свои!
Долететь уже должен до шва
Белодонного неба того.
Девять суток уже поднимаюсь я.
Девяти ли шолмусов земли
Самый старший шолмус[94]
Издевается тут надо мной?»—
И пока поднимался, то так рассуждал;
[Тот старик]
На коне захудалом и белом своем
Мелкой рысью-рысцой
Приближался к нему, говоря:

— Үдүй һанаа һанахаад ла
Ехэ тэнгэри холо гэжэ һанахашняаб?
Ебэр дали һулдаа гэхэшняаб?
Басага мэни гэнэл би
Имэ охор һанаа һанажа ябанхаар

Энэ мориием унаад ла
Огторго өөдөө дугшуулыш.
Энэ хани үдү ебэрээ
Намдаа ханин асыш. —
Тэрэ хани Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Тэрэ һайхан морие
Уналдана бэлэйл даа.
Һодон ебэр хоёроо
Тэрэ ханай үргэндөө
Үгэлсэбэ байбал даа.
Уналсажа хатархадаа
Алтал мүнгүн дугуйяар
Ханхинсара дугшаба.
Оёор сагаан тэнгэрьеэ
Оёдолоорон гарша
Ужам сагаан харгуяаран
Ханхинсара дугшуулна бэлэйл даа.
Ужам сагаан харгуяаран
Юрьюүлхэжэ ябахадаа —
Мүнөөхи лэ үбэгэн гээшэ

Урайн хани гарша
Харгуй дээрэн һуугаа гэхэн юмэ?
Мүнөө хани болсоро...
Морниим эсээ хада
Үгээ болон ошоогши?!
Худы ханай болсо шамай
Хүүхэн хүлеэжэ лэ һууха юмэ!
Мэнэ хара шүдхэрээ
Хоёр ханай шэхэйн
Хуухан татан абша,
Хоёр гартан барюулжа орхёо хада
Баруунии табин табан тэнгэридэ
ошолдожо
Энэ хоёр шэхээ яһуулажа[1] ерхэдээ
Нэгэ һанаа абахаш! —
— Заяалдаһан заяаша мэни яалайш таа?
Зарлиг Сагаан үбэгэ-мни яалайш?
— Яба минии хойноһоо
Морёо уна, үтэр түргэн хатар!
Мэнэн хүүрээ хэлнэ бэлэйл даа.
Ерэн алда бэетэ

Ербээ хүхэ морие гаргажа
Мэнхэн түлдэн оруулба.
Оруулаһан биеэрээ —
Ара гэрээн баруулжа
Зарлиг Сагаан үбэгэтэеэ

«Коли много так думаешь ты,
Лучше думай же, как далеко до
великого неба того.
И скажи ты, что крылья ослабли твои.
Мой сынок, говорю,
Чем себя недалекою думой терзать,
Ты садись на коня моего,
К тому небу езжай,
Эти перья свои
Дай сюда».
Он, Абай Гэсэр-хубун.,
На коня
На чудесного сел.
Перья крыльев своих
Передал старику.
Когда сел [на коня], поскакал,
То по мостику злато-серебряному
[Конь] со звоном скакал.
И поднявшись по шву
Белоденного неба того,
По широкой и светлой дороге его
Он со звоном скакал.
Когда с грохотом звонким так ехал
[Гэсэр],
Тот старик
Перед ним
На дороге сидел.
«До сих пор...
Не устал ли мой конь,
Если долго ты так пропадал?!
Сколько времени можно сидеть,
Ждать тебя, мой сынок?
Оба уха твои
Оторвав,
В обе руки твои передав,
К пятидесяти пяти западным тенгриям
Послать тебя что ли,
Такого чертенка,[95], тебя,
Чтоб исправили уши твои?
Ты тогда б поумнел!»—
«Сотворивший творец, что с тобой?
Светлый старец Зарлиг, что с тобой?»—

«За мною езжай!
На коня своего ты садись и быстрее
скачи!»—
Повелел [тот старик].
[Из кармана] тут вынул [Гэсэр]
Голубого коня своего,
Что длиной в девяносто шагов,
В прежний вид обернул.
Обернув в прежний вид,
Он со светлым тем старцем Зарлигом
От северной юрты на запад

Хатаржа арилба.
Хатаржа ябхадан,
Зарлиг сагаан үбэгэн гээшэ,
Гойр сагаан морёороо
Горхон-горхон дугшуулаад
Үшөө урайн орожо
Дугшуулхажа яббал даа.
Энэ ханай мориие
Ашажа ябахадаа —
Илагтахаб гэжэ һанаа үгээ хамнайб даа.
Энэ ханай үбэгэйе
Һугабшалан ябаа хадаа
Ашаарахаб гэжэ һанаа үгээ ханайб даа..
Аян шаяа алдаба
Һанаан шэни бардам даа.
Хүүни зуужа ябаһан дааһайе
Үргэжэ үхэдөө
Үбдэгтөө орсо
Шабардажа байхадаа
Юун гэжэ шүүгээһэмши? гэжэ
Үнөөхи үбэгэн —
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Мэнхэн бэеэ бэслэжэ золгоо хадам,
Мэхэрээн шарай шарайлажа золгоо хадам
Хүды шэнээн хүбүүмши?
Хүды шэнээн моритой юумэбши?
— Зарлиг Сагаан үбэгэн яалайш?
Хархадам бага — ханай морин яббал
Хархадам болбо —
Бишяахан үтэлһэн үбэгэн байбалши.
Одоо энэ бэлэй
Нэгэ багтай талда ла
Мэнхэн бэеэ бэелжэ
Намдаа харагдыш,
Мэхэрээн шараяа шарайлажа үзэгдыш.
— Энэ зангаараа ябажа
Эсхэбэрьеэ сагаан бурхандаа
Орол даа саанаа!—
Түрүүнһээн саашаа ла
Гойрхон сагаа мориноо
Баруун амайн угзарба —
Эрээн хасар мируулба,
Баруун гараар сохибо —
Можиин сэгээ тулгаад ла
Юухэн балай үгээ болжо ошобол даа.
Тэрүүнһээн сааша
Баруунаа табин табан тэнгэридээ
Ошхом гэжэ дугшуулажа ябхадан
Огторгойн хүхэ моритой,
Хүбүүн бэшэ хүдэри
Эрэ бэшэ эдэри
Хойноһоон хүсэн хатаран ерэбэл даа.
Хунхан сагаан толгойтой
Хулаһан ехэ һабаатай
Сагаан улаан шарайтай
Сарайн дли нюдэтэй

Отправился рысью.
Когда рысью так ехал [Гэсэр],
Светлый старец Зарлиг
На коне захудалом и белом своем
Мелкой рысью-рысцой
Выезжает вперед,
Едет дальше рысцой.
«Я не думал, что если
Навьючу такого коня,
То [мой конь] не подымет его.
Я не думал, что если
Подмышку возьму старика,
То почувствую тяжесть с того».
Удивлялся, стоял,
Что таким горделивым он был.
«Когда в грязь уходил
До колен,
Мою трубку [с земли] поднимая
И мне подавая ее,
Что ты думал—решал?»—
Его старец спросил.
А затем он сказал:
«Если б в подлинном виде своем.
В своем образе подлинном встретил тебя,
Ты каким бы ничтожеством был!
И куда бы годился твой конь?»—
«Светлый старец Зарлиг, что с тобой?
Посмотрел [на коня твоего],
Так конек небольшой он шагал,
Посмотрел [на тебя],—
Небольшой престарелый старик ты стоял
В подходящее время
Свой подлинный образ приняв,
Покажися ты мне,
Прежний вид свой приняв, ты явись».—
«Таким образом дальше езжай,
Явись к светлому богу,
Что жизненный путь твой скроил!»—
[Говорил тот старик]. А затем
Правым поводом он
Дернул белую клячу свою—
Дернул правой щекой [его конь],
[Старец] правой ударил рукой—
И в бедро его правое он угодил—
И как не было [старца]—исчез.
Ехал дальше рысцою [Гэсэр],
Собираясь доехать
До западных пятидесяти пяти тенгриев
Догонял тут его
На небесном коне голубом, на рысях,
То не парень, а добрый храбрец-удалец
Не мужчина-сокровище.
А догнал же [Гэсэра]
Старик
С камышевою тростью большой,
С головой лебединою белой,
С глазами с луну,

Мөөриин шэнээн һиихэтэй
Мухүрөөн улаан шарайтай
Үбэгэниин ерэнэл даа
Хүсэлдэжэ ерэжэ
— Али голой үлгэни бэдхэб ши? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Барууни табин табан тэнгэриин
Отхон ооһор хүбүүн гээшэб.
Таа али голой үбэгэн бэлэйт?
Али тэнгэриин үбэгэн бэлэйт?
— Сэгээн Сэбдэг тэнэгэриин
Сэлмэндээ Сагаан хүбүүн гээшэб.
Ямар ямар аргааран
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Зүһэлжэ ядаба.
Одоо энэ бэлээ
— Хүүгээ ханай таниха гуй аадал
Хүүгээр яахуй хубила гэжэ хэлнэт таа.
Эдүй хабтай угайдаһаа...
Ойгоо эрьеһэн атхаш!
— Зарлиг Сагаан үбэгэн ялалйш?
Зэмэ намда байнал — даа
Заяалдаһан заяаншаяа —
Гомойлгохуй байнал би.
Зарлиг Солбон хоёртоо
Залаагаа мүргэн байхалби!
Мэтэр гэһэн биеэрээ:
Баруунаа табин табан тэнгэридэ
Ханьин долоон дархан дээрэ

Абаадана бэлэй лэ.
— Энэ ханай хүбүүнээ
Ойниин ехэ эрьеэ лэ,
Ооһориин ехэ наридаа ла.—
Ханьин долоон дархан гээшэ
Хатаалдажа үзыт.
Шэньин долоон дархан гээшэм
Шэрээлдэжэ үзыт.
Абай Гэсэр хүбүүн танай
Ойгоо ехээ эрьеэ лэ,
Ооһороо ехэ наридаа ла —
Галха Нурма хаатай
Дайлалсаһаар болобо —
Тархин эрьюү болоо ло,
Шуһаниин бэлиитэй ошоо! гэжэ
Хэлэн хүүнэн байбал даа.
Одоо эйлэ бэлээ —
Ханьим долоон дархан
Хатаалдажа үхэл тэ,
Шэньин долоон дархан
Шэрээлдэжэ үгыт!
Хэлэн хүүнэн һуунал даа.
Хяһа руугаа хаялдана бэлэй
Хилайлгажа наадаба,

Хүрхэ уруу хаябал даа
Хүгжүүлэжэ наадаба,
Шэньин долоон дархан гээшэ

И с серьгами, будто колеса,
С лицом светлокрасным.
«Из какой ты долины,

Такая земная напасть?»—
Он [Гэсэра] спросил.
«Самый младший я сын
Западных пятидесяти пяти тенгриев.
Вы какой же долины, старик?
И какого тенгрия, старик?» —
«Я Сэлмэндэ Саган—сын
Сэгэн Сэбдэг тенгрия».
Как Абай Гэсэр-хубун
Не пытался узнать,—
[Старика] не узнал.
Было именно так.
«Коль не в силах узнать,—
Почему говорил: свой вид измени.
Всего столько-то сил...
Помешавшийся черт!»—
«Белый старец Зарлиг, что с тобой?
Виноват,
Я творца, что меня сотворил,
Обижать не могу.
И Зарлигу, Солбону своим
Поклоняться же буду я кисточкой
[шапки].»

Вслед за тем
Его [старец] повел
К западным пятидесяти пяти тенгриям,
К ханьинским семи кузнецам.
«Голова закружилась
У этого парня,
И воля ослабла его.[96]
Ханьинские семь кузнецов,
Попытайтесь его закалить.
Шеньинские семь кузнецов,
Попытайтесь его запаять.
Ваш Абай Гэсэр-хубун
С ума спятил немало,
И воля ослабла его.
На войне
С Галхан Нурма-ханом
Его голова бестолковою стала
И кровь запеклась»,—
Говорил так [старик].
Поговаривая именно так:
«Ханьинские семь кузнецов,
Закалите его,
Шеньинские семь кузнецов,
Запаяйте его!» —
Говоря так, сидел.
Играючи будто, его обжигали,
В горнило бросая,
Играючи будто, его накаляли,
В кузнечные кинув меха.
Шеньинские семь кузнецов
Закалили его,

Шэрээлдэжэ абаба —
Шэрээлдэжэ абахадаа,
Булад түмэр барагтай
Ханхинсаран шэрээбэ.
Буха шулуунай барагтай
Ябхан байса шэрээжэ
Абалдана бэлэйл даа. —
Ханьин долоон дарханда
Абаадалдан байбал даа.
Хяһаа дээрээ хаяба —
Хиляалгажа наадаба,
Хүрхэ дээрээ хаяба,
Хөөлгэжэ наадаба.
Һүнхэн шара далайяар
Хатаахажа абаба,
Һүмэр ехэ уулаараа
Шэрээхэжэн абаба.
Ширээхэ ехэ бэтэ лэ
Шижтэй болгон заяаба,
Айха ехэ бэтэ лэ
Абатай болгон заяажа
Табина бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн
Хүйтэ сүйтэ хүүгээ
Бэдэржэ ошо!— гэжэ
Табижа орхибо.

***

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Оёор сагаан тэнгэри тээшээ
Юррюулэжэ үзэбэ —
Хүйлэн хүхэ морин гээшэ
Хатаржа ябахадаа
Холо байһан юмэйе
Ойро болгон хатарба.
Хоёр байһан ялгайндаа
Нэгэн гэжэ хатарба,
Ара гэрээн зүүгшэ лэ
Оёор сагаан тэнгэрьеэ
Ходо ханай гарша
Хатаржа арилба.
Хурта баян тэнгэридээ
Хүрэн гэжэ ошобо.
Хурта баян тэнгэри
Гурбан сүүдхэ ябажа
Уһан хөөгөөр урдажа
Ядаа гэжэ гарба.
Тэрүүнһээ сааша ла —
Мантан ехэ огторгодо
Хүрэлдэжэ ошобо. —
Манта баян тэнгэри лэ
Харгуйе олжо ядажа
Гурбан сэгээн сүүдхэдэ
Төөрэ төөрэһөө ядаа гэжэ
Саада биедэн гарбал даа.
Тэрүүнһээн сааша ла
Харанхуй бүрүнхүй тэнгэри
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Эгээн хойто харгуйдаа —

Они так закалили его,
Что он, будто булатный,
Звенел.
Они так закалили [Гэсэра],
Что твердым он стал,
Как громада-гранит.
А потом повели
К ханьинским семи кузнецам.
Там играючи будто, его обжигали,
В горнило бросая,
Играючи будто, его накаляли,
В кузнечные кинув меха.
И в море Молочном и Желтом
Его проварили,
В горе исполинской
Его закалили.
Закаляя его,
Волшебством одарили,
Магической страшною силой
Его одарив,
Отпустили.
«Абай Гэсэр-хубун,
Отправляйся искать
Ты невесту свою!»—
Говоря, отпустили.

***

Вслед за тем
К светлодонному небу
[Гэсэр] поскакал.
Голубой его конь
Так рысил,
Что далекое
Он приближал.
Как одну, две пади
Перескакивал он.
И от северной юрты
К востоку [скакал],
Мимо неба светлодонного он
Проскакал.
И до неба, дождями богатого,
Он доскакал.
Трое суток по небу дождливому
Ехал [Гэсэр],
И из водных потоков
Он вылез едва.
А затем
До туманно-великого неба
Доехал.
А на небе туманном
Дорогу ища,
Трое суток блуждал,
Так блуждая, едва
Он проехал его.
После этого
Мрачное темное небо
Попалось ему.
«Дорога, что крайняя с севера,

Албани юумэйн харгуй ла.
Түүни удаада харгуй ла
Зууха найман толгойто
Зуудаг Шара мангадхайн
Харгуй ханай гэжэ лэ
Дуудана бэлэйл даа.
Эгээн урда захайн харгуй
Галта улаан тэнгэриин харгуй гэжэ
Мэнэн хүурээ хэлэжэ дуудана бэлэй лэ.
Гурбан ехэ харгуйнгуаа
Бэлшэр думдан ургаба —

Алта мүнгүн уляаһан
Сагаа мүнгөөр намалажа
Тэрэ ехэ дайдада
Ургажа байбал даа.
Тэрэ ехэ уляаһани
Урда биедэн —
Алаг эрээн бэшэг
Зураатай ла байбал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гуаа
Эгээн урда харгуяар
Барижа хатарба,
Хатаржа ябхадаа —
Харгуяа алдахаяаа һанан һанан
Ядаа гэжэ саада биедэн гарабал даа.

Гурбан суудхэ ябажа
Ядажа гэжэ гарша
Ошолдоно бэлэй лэ —
Галта Улаан тэнгэри лэ
Һүрэ һүмэ гээшэ лэ
Тэнгэридэ хүрэлсэмэ
Тэбхэр сагаан байсаньеын
Ербээжэ байба ла —
Доодо биеэр болбо —
Долоо минган шагаабар
Долоон үнсэг дайдуяа
Шагаалгаһан шагаабар,
Дээдэ биеэр шагаабар
Дэмээ олон шагаабар
Юһүн гүрэм тэнгэри
Шагаалгажа гаргаһан —
Шагаабар лэ байбал даа.
Галта Улаан тэнгэридээ
Хүрэлдэжэ ошобо —
Оролдоно бэлэйл даа.
Хадам баабай гэжэ
Мэндэшэлэн байбал даа
— Үлгэни хара бэдьхээд ла
Намда хайшин гэжэ
Хүргэлжэ ерхэ юм ши?
— Заяалдаһан заяаши хамта байнал.
Зарлиг Солбон хоёр мни эбхэн байнал.
Барууниин табин табан тэнгэри байнал.
Ахалажа түрэһэн байнал

Дорога альбинов,
За нею—
Дорога
Кусающего желтого мангадхая
Со ста восемью головами»,—
Прочитал там [Гэсэр].
«А дорога, что крайняя с юга,—
Дорога Галта Улан тенгрия»,—
Прочитал он такие слова.
На осине громадной такой,
На великих прекрасных трех этих дорогах,
На их перепутье
Стояла осина из золота и серебра,
И серебряно-белой листвой
Покрывалась она.
На осине громадной такой,
На передней ее стороне
Полосатые, пестрые буквы[97]
Начертаны были.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун прекрасный
Дорогою самою южной
Отправился рысью.
Когда рысью так ехал,
Дорогу чуть-чуть не теряя,
Он [мрачное, темное небо] проехал с трудом.

Трое суток скача,
Еле-еле проехал
И прибыл туда...
Доходя до небес,
Возвышаясь, стояли
Чертоги, хоромы,
Квадратный и белый дворец
Галта Улан-тенгрия.
[Во дворце], в этажах его нижних,—
Семь тысяч окошек,
Те окна смотрели
На семь направлений земли.
В этажах его верхних—
Огромное множество окон,
И сделаны были те окна,
Так, чтобы смотрели
На девять гурум-тенгриев.
Доехал [Гэсэр]
До Галта Улан-тэнгрия,
К нему он зашел.
«Тесть-отец!» говоря,
Поздоровался с ним.
«Земли черный желвак![98]
Как же смеешь ты зятем
Приехать ко мне?!»—
«Сотворивший творец мой со мной.
Мой Зарлиг и Солбон—они вместе со мной.

Ханхан Хормос тэнгэри
Ханхан Хормос тэнгэриин
Отхон ооhор хүбүүн гээшэ байнал би.
Манай хани баабайтай
Барбагайтай hайхан сэмэгэйе
Андалдажа идеэ гэхэдэ,
Тагша соохи арахийе
Андалдажа ууhан юмэ гэхэдэ
Хүргэлхэжэ ерээл би —
Дааhан соохи тамахийе
Андалдажа татаhан юумэ гэхүй дуулаад,—
Худайн ёho хэлсэhэн юумэ гэхүй дуулааби.
Гагуурай Ногоон дүүхээтэй
Хоёр толгой холбохо ёhотой гэхэдэ ерээб ди.
Энэ hайхан хүүри мни
Хадам баабай шихэн мэдэ лаа![45]
— Хараhалан хүүгээ даа
Хадам гэhэн юухэн ербэш?
Үзэhэлэн хүүгээ лэ
Эши[46] гэжэ ерэhэн хэнхэн ербэш?
— Басагатай ла хада шни

Наймалан хариhаан
Наартай хүбүүд гульдхал даа.
Долоон ханай хариhаа
Дуратай хүбүүшиин ерхэл даа
Басага ла үгээ —
Бахантай хүрээтээ байхадаш
— Энэ хэнии аалиб?—гэжэ
Нэгэ зарима хүбүүд
Хэлсээш үгээ хатархал!
— Хүбүүн, хүбүүн гэнэл би —

Далан долоон таhалгайн
Саа биедэ hуугаа ла
Гагуурай Гоохон дүүхээ лэ.
Тэрүүнээрээ орожо
Хүйтэ сүйтэ хүүнээрээ
Хэлсэжэ мэдэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Далан долоон таhалгайн
Саада биедэн гэшхэлбэ.
Нэгэ дүнгөөр —
Далан долоон таhалгай
Инеэлдэжэ оробо
Үбдэгөө hайгааран, түльхэлэн инеэбэ,
Үhүгүйёө hайгааран, эдьхүлөжэ хаабал даа.
Далан долоон таhалгайн
Саа биедэ орходо
Хоолёороо болобо —

Есть западные пятьдесят пять тенгриев,
А старшим родился средь них
Ханхан Хормос тенгрий.
Самый младший я сын
Ханхан Хормос тенгрия.
Говорили, что вы и отец мой,
Обмениваясь, кушали
[Мясо] с берцовых костей и лодыжек—

Да из чашек своих арахи
Вы с ним пили, обмениваясь,
Да из трубки табак
Вы курили, обмениваясь,
И я слышал, что сватами стать

Был у вас уговор,—
Потому-то я зятем приехал.
Приехал, услышав, что с Гагурай Ногон-духэй
Свои головы соединить мы должны.
Тесть-отец, ты пойми мои эти слова!»—

«Кто такой ты, что только увидев меня,
Называешь ты тестем своим?
Кто такой ты, что только услышав про дочь,
К ней приехал, как будто к жене?»[99]—
«Коль имеешь ты дочь,—
Из восьми чужих стран
Соберутся пригожие парни сюда,
Из семи чужих стран
К ней влюбленные парни приедут.
Если б дочь не имел,
Со столбами ограду имел бы,
То парни иные
Проехали б мимо,
Не стали бы спрашивать даже, чьи эти строения! —
«Сын, сынок, говорю,
Гагурай Гохон-духэй
Сидит
За семьюдесятью семью комнатами.
К ней зайди
И с невестой своей
Побеседуй, узнай».
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Зашагал
За семьдесят семь комнат
И порывом одним
Он открыл
Семьдесят семь комнат:
Открывал он, толкая коленями сильными,
Закрывал, пиная сильными пятками.

И когда
Семьдесят семь комнат прошел,
То она там сидела,

һарайн һуунаг татаба,
Хоолзуураараа болобо —
Наранай суунаг татажа
Суугаа гэхэн юмэ лэ.
Баруун хасарайн толондо
Баруунай лэ амитан
Үүрэйн сайгаа, үдэриин гэйгээ! гэжэ
Үчээ гүүгээ һаажа байгаа гэхэ юмэ лэ.
Зүүн хасарай толондо
Зүүнэй лэ амитан
Үүрээн сайгаа, үдэриин гэйгээ гэжэ
Үнеэ гүүгээ һаажа ла
Байгаа гэхэ юмэл даа.
Эрээн мүнгүн остоолдоо
Идеэн сайн табиба,
Улаан мүнгүн остоолдоо
Ундан сайяа табиба.
Татахада һунаха —
Табихада агшалдаха
Тарли эрээн остоолдоо
Далан зөөлэн идеэни
Дабхар зөөлүйн табиба —
Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлүйн табиба.
Эбэл зэбэл идеэлнэ бэлэйл даа,
Эхир хэхир зугаалбал.
Хара ехэ уһан дээрэ

Үрмэ байсан зугаалба,
Хабтагайхан шулуун дээрэ
Ногоо ургуулан зугаалбал.
— Хүйтэ сүйтэ хүүхэн! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Унталгай яһан асыш.
Ута ехэ харгуйдаа
Уядаа ла байнал би,
Уран зөөлэн аяндаа
Нугураа ла байнал би...
Обоо зөөлэн орондоо ло
Оруулжа унтуулба,
Халуун зөөлэн хадуушхадаа,
Булаган зөөлэн будуушхаада орожо,
Гагуурай Ногоон дүүхээтээ
Тэбэрлэлдэжэ хоюуландаа унтажа лан ошолой.
— Үглөөни үдэйн шарга нарани
Үрөөлүе булталжа
Үрөөлүее үдүйдө
Галта Улаан тэнгэри гээшэ
Хаахиргуйе табиба.
— Хадамаа ла басаганһаа
Хахасажа ядабуу даа?
Халуун зөөлэн хадуушхаһаан
Бодожо ядабуу даа?— гэжэ
Хаахиргуй табиба.
Булаган зөөлэн будуушхадаа
Бодолдожо ядабуу даа?

Сиянье луны
Своим горлышком—[песней] пленяя,
Сияние солнца
Пленяя гортанною [песней] своей.
При сиянии правой щеки
Люди правого края
Доили коров, кобылиц,
То [сиянье] считая зарей.
При сиянии левой щеки
Люди левого края
Доили коров, кобылиц.
То [сиянье] считая зарей.
И поставила лучшие яства
На пестро-серебряный стол
Да на красно-серебряный стол
Из напитков поставила лучшие.
На свой пестрый да крапчатый стол,—
Что потянешь—растянется,
Отпустишь—сожмется,—
Поставила дважды приятные яства
Из семидесяти приятнейших [яств]
Да поставила самые вкусные яства
Из девяноста приятнейших яств.
И покушали дружно они,
Задушевно беседу вели.
И беседу вели они так, что на чистой и полой воде
Появлялася пенка
И на камне широком и плоском
Растили траву.
«Ты невеста моя!—
Говорил он.—
Постели мне постель,
Утомился
От длинной дороги большой,
Ослабел
От приятной поездки моей...»
На постель свою мягкую, пухлую тут
Пригласила она,
На постель ее мягкую, теплую лег,
На подушку ее соболиную мягкую лег,
С Гагурай Ногон-духэй
Он в обнимку уснул.
Когда красное солнце утра
Половиной своею взошло,
Галта Улан-тенгрий
Закричал:

«С невестой своей
Разлучиться не может он что ль?
Иль с теплой и мягкой постели
Подняться не может?—
Кричал.—
С соболиной мягкой подушки
Подняться не может?
Не может расстаться

Болзорто һайхан һамаганһаан
Һалжа ядан байнуу даа?
Үттэр түргэн гарша ерхү! гэжэ
Хаахиргүй табибал.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Дэгэл үгээ урбаахяар,
Годоһо үгээ оймоһоор
Гүйн харайн гарна бэлэйл даа.
Гаралсаһан биеэрээ:
Хадам баабай гэнэл би
Юүгээ хэлэн хүүрхэшниб?
Хүүгээ хэлэн юүрхэшниб?
— Харайха ехэ хүлхэн мэни байна ла
Можи һүүжэ болоо хани байна ла,
Хараха ехэ нюдэ мнил
Бүлхэ болон[47] ошоо ло,
Зураха ехэ гарха мэни

Һалага болон ошоо ханай байна ла.
Эндэ урай Ханхан хэрдиг шубуун биихэн
Ханхан Хэрдиг шубуунай
Хотиго ло үдүйе асаржа асыш
Гуураһайе хэжэ лэ саараһайе зурахам нил.
— Хэлшэ үгээ хүүрээ лэ
Һайя мүнөө хэлэбэш даа,
Амалша үгээ юумэйе,
Һая мүнөө амалбаш таа!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ,
Хубсаһаа ла үмдэхэмни,
Идеэлэжэ зорихом нялам!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Гагуурай Ногоон дүүхээдээ
Ороложо ошобо.
Далан долоон таһалгайн
Саада биеэдэ оробо.
Гагуурай Ногоон дүүхээ лэ
Идихэ ехэ идеэын
Бэлдэжэ байбал даа.
— Хадам хани баабай шэни
Юүгээ хэлэн юүлэбэ,
Хүүгээ хэлэн хүүрэбэ?[48]
— Амалша үгээ юмэ
Һая мүнөө амалба байна ла,
Хэлшэ үгээ юумэйи
Һая мүнөө хэлэбэ лэ!— гэжэ
Хэлэн хүүнэн байна ла.
— Хариин хүбүүн харииш саашаа.
Наймалан хариһаа

Наартай юүмэ олхол ши,
Долоон ханай хариһаа
Дуртай һамага олхол ши.
Хариин хүбүүн харииш саашаа — гэжэ,
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Байгаа гэхэн юүхэн бэ,
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ:

С прекрасной женой своей суженой он?
Пусть сейчас же он выйдет!»—
Кричал.
Абай Гэсэр-хубун
Вышел-выбежал тут
Без дэгэла—в рубахе,
В чулках—без унтов.
Когда выскочил,
Так он спросил:
«Тесть-отец, говорю,
Что хотел ты сказать?
Что хотел ты спросить?»—
«От ног моих сильных, чем должен скакать,
Одни бедра остались.
Глаза мои острые, чем я хотел бы смотреть,
Постарели, опухли.
Искусные руки, чем должен писать,
[Постарели], дрожат.
Есть на юге, вот там, Ханхан Хэрдиг-птица.[100]
Ханхан Хэрдиг-птицы
Нож-перо принеси.
Я, сделав перо, писать на бумаге хочу».
А [Гэсэр] говорит:
«Сейчас ты такое сказал,
Что ранее ты не сказал бы.
Сейчас ты такое промолвил,
Что сказать невозможно.
Пойду я оденусь,
Покушаю и соберусь»,—
Он сказал
И зашел
К Гагурай Ногон-духэй,
За семьдесят семь комнат
Зашел.
Гагурай Ногон-духей
Приготовила
Вкусную пищу ему.
«Тесть-отец твой
Что молвил-сказал,
Что сказал-говорил?»— [спросила она].
Ей ответил:
«Сегодня промолвил такое,
Что промолвить нельзя,
Сегодня такое сказал,
Что сказать невозможно!»—
Сказал он.
«Чужеродец ты парень, домой возвращайся.
В восьми же чужих племенах
Ты пригожую встретишь [жену]
И в семи же чужих племенах
Ты любимую встретишь жену»,—
Говорила она.
Абай Гэсэр-хубун [ей ответил]:
«Мужчина обязан достичь

— Эрэ хүүхэн зорихо лон байна даа,
Зориһондоо хүрхэ лэн байна ла.
Эрэ хүүхэн зориһондо,
Эзы хүүхэн эсхэһэндээ байна ла.
Эсхэһэндээ хүрээ үгээ хадаа даа
Эрхээ хурагаа отолхо.
Шоно хадаа болобо,
Гурабан үлдээ үлдэхэл,
Хүсээ үгээ хадаа ла
Гуринхалан унахал даа.
Эрэ хүүхэн байхадаа
Зориһондоо хүрээ үгээ хадаа,
Зуураа хүмөрөн унахал даа!—
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ
Нюурхан гархан хоёроо
Боошхо болхо уһааран
Зэлмээжэ хаяна бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Эрээ мүнгэн остоолдоо
Идеэн ехэ сайдан даа
Һуугаа гэхэн юумэ лэ.
Идеэлжэ зугаалжа һуубал даа.
— Шамаһаа ла болохо юумэ лэ
Ханхан хэрдиг шубууни
Хотиго үдэ асараа үгээ юумэ лэ.
Шамай хардахаа тиигээ лэ.
Үттэр түргэн хариин хүбүүн
Хариш саашаа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн лэ
— Тоо үгээ зорихомни!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Хубсалаһан биеэрээ
Газаа тээшээ гүрбэлзэсэ гэшхэлжэ
Гаралдажа ошобол.
Хүйлэн Хүхэ мориндоо
Алабхижа аһажа
Ара гэрээн урайгша
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхалзаса дугшуулана бэлэй
Зоноо зудаан харгуяар
Зуралзаса дугшуулана бэлэй.

**
*

Уналдаһан галданиин даа
Усаяа дүүрээр дугшуулаһай!
Уулзаһан һайхан бэе гээшэн
Һанаагаа дүүрэн дугшуулаһайл!

**
*

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Ара гэрээн урайгша
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхилзаса хатарба,
Зоноо бүдүүн зудааран

Своей цели,—поставленной им,
К своей цели—мужчина,
А женщина—к кройке своей.
Если [скроенную вещь] не дошьет,
Она пальцы большие отрежет свои.
Волк в погоню пойдет,—
Он три раза повторит,
Не догонит—
Так с голоду свалится он.
Коль мужчина
До цели своей не дойдет,—
Он в пути упадет обессиленный!»
Так [Гэсэр] говорил.
Он помыл
Свои руки, лицо
[Целой] бочкой воды.
Вслед за тем
Они сели
За пестро-серебряный стол,
Чтоб вкусные яства покушать.
Сидели, беседуя, кушая так.
«Даже те, кто могучей тебя,
Нож-перо Ханхан Хэрдиг-птицы
Доставить сюда не могли.
Посылает тебя, чтоб предать.
Чужеродец, ты, парень,
Домой возвращайся быстрей!»—
Говорила она.
Абай Гэсэр-хубун —
«Я поеду во что бы ни стало!» —
Сказал.
Оделся,
И плавно шагая,
На улицу вышел [Гэсэр].
На коня своего голубого
Вскочил
И от северной юрты он к югу
По ханской широкой дороге
Скакал, громыхая,
По торной народной дороге,
Мелькая, скакал.

**
*

Да пусть конь его резвый, на ком он сидит.
Скачет на полный свой ход!
Да пусть сам после встречи [с женою]
С душою спокойною едет!

**
*

Абай Гэсэр-хубун
К югу от северной юрты
По ханской широкой дороге
Скакал, громыхая,
По торной, народной дороге,
Мелькая, скакал.

Уралзасан дугшуулба.
Тэнгэридэ хүрэмэ
Тэбхэр сагаан байсанда
Хүрэлдэнэ бэлэй даа,
Огторгодо хүрэмэ
Одон сагаан байсандаа
Хүрэлдэнэ бэлэйл даа.
Хүрэлдэжэ ошожо
Морин сайхан хүлэгөө
Уяха газар ядабал даа.
Хангай хара һомойе
Һуха татан абба ла,
Газарта багса ёборбо
Ута мүнгүн ёлооёо
Онон дээрэн уяжа
Орхино бэлэйл даа.
Тэрэ һайхан һүмөёө
Уруун шье зайбал даа —
Орохо үүдэйн ядабал даа,
Өөдүн шье зайбал даа —
Гарха үүдэйн ядажа зайбал даа.
Баруун хойто хэршээһээрэн
Үүдэн тэндэ байбал даа
Тэрэ ехэ үүдэйе
Инеэлдэжэ оробо.
Аянга хэбэр үгээ
Һайхан басаган
Алаабхи[49] дээрэ һуужа ла
Уйлажа һууба ла[50].
Түүнээ дээрэ хархада
Нэгэ ханай басаган
Дуулажа һууба ла.
Түүни дээрэ хархада
Нэгэ ханай басаган
Инеэн наадан һуубал даа.
— Энэ гурбан басаган

Али омогой басагад байнат?
Али голой басгад байнат? гэжэ
Һуран суран байна ла.
— Ханхан Хэрдиг шубуунай
Гурбалан басаган байнал ди,
Мүнөө үдэр идюүлхэ басага манай
Уйлажа һуунал — даа.
Малагаар идёүлхэ басага манай
Дуулажа һууна ла,
Нүгөө үдэр идюүлхэ басага манай
Инеэн наадан һуунал даа...
Ханхан Хэрдиг баабай манай
Хортол шара могойтой
Юһүн елээ дайлалсаа,
Арбадахи елдээ лэ
Харайлдажа ожиржо
Атхажа гархам гэжэ
Далияа ла орёолгожо
Баруун далаа[51] хухаржа ошходоо,

И доехал [Гэсэр] до дворца,
До квадратного белого,
Что до небес доставал.
Доехал [Гэсэр] до дворца,
Что звездою сиял,
До небес доставал,
И, доехав,
Не мог он найти
Коновязь, чтоб привязать
Удалого хулэга-коня своего.
И Хангайскую черную
Вынул стрелу
И воткнул ее в землю.
Свой длинный серебряный повод
За зарубки [стрелы]
Привязал.
По дворцу тому чудному
Вверх поднимался,
Но двери входные не мог он найти,
Вниз спускался—
Для выхода двери не смог он найти.
Оказалась дверь
В право-задних пазах угловых.
Ту огромную дверь
Он открыл и зашел.
На полу там сидела
И плакала
Девушка
Чудной красы.
Когда вверх посмотрел,—
Там другая сидела
И пела.
Он выше еще посмотрел,—
Третья девушка там,
И смеясь и играя, сидела.
«Три девушки,
Рода какого же, девушки, вы?
Из какой же долины вы, девушки?»—
Спрашивал он и расспрашивал так.
«Ханхан Хэрдиг-птицы
Три дочери мы.
Та, что съедена будет сегодня же,—

Плачет сидит.
Та, что с песней сидит,—
Будет съедена завтра,
Та девушка, что послезавтра съедят
И смеясь и играя, сидит.
Наш отец Ханхан Хэрдиг
С ядовитым и желтым змеем
Девять лет воевал,
На десятый год змей
Прискакал.
И когда [наш отец] собирался схватить
[того змея]
Змей плечо обхватил
И плечо его правое [змей] раздавил.

Гурба дүрбэн хоногоор
Гурбан басагаа үгөө лэ...
Дүрбэн хоногой талайн гүйлдэжэ,
Гурбан басага үгэнэ бэлэйл даа!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Басагад, тэрэ танай
Хаанаһаа ерхэ юмэ!— гэжэ
Һуран суран һууба ла.
— Хара бүрүүн далай сооһоо
Гарша ерхэ юмэ.
Хара далайн хашалгаар
Хатан уулайн хормойгоор
Гаширжа идеэхэ юмэ —
Үдэр тэнхээ барагта гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Бихэн ошожо харбажа үзэхэмни
Басагад, бүхэн уйлалдагтүй,—
Зол манай мэдүүжэл!— гэжэ
Мэнэн үгэ хэлэбэл даа.
— Хариин хүбүүн харгуяараа ябыш!
Хүүнээ түлөө хүүнээ лэ дайдада
Хүмөрөжө бүхэн уныш!
Хариин хүбүүн харгуяараан ябыш! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мүнөөхи лэ хүбүүн гуаа
Гаралдажа ошоходо:
— Тархияа тэгхэн дунда
Тадхан улаан нюдэтэй юм.
Тэрэ һайхан нюдүйен
Тэһэ бала харбаһан хүүхэн
Дайлаха ла, дараха ла ёһотой юм!
Абай Гэсэр хүбүү лэ
Орохо ехэ ялгайн
Узуурааран ошобо,
Гараха ехэ ялгайн
Гаралсааран ошобол.
Хараа бараа хаража ябана бэлэйл даа.
Харагуй дээрэн болобо
Үмэхэй суурахан боложо
Ургажа гэтэбэл даа.
Хара бүрүн далай гээшэ
Оёроһоон урбабал,
Худөөһөө лэн хүрьебэ —
Ороошо бусалхайн барагтай
Бусална бэлэй лэ.
Тадхан улаан нюдэтэй
Хорото шара могой гээшэ
Гаралдажа ерэбэ.
Гурбан ялгайн саана ла
Хорголожо байбал даа
Абай Гэсэр хүбүү лэ.
Хангай хара һомойин
Һухалажа абаад ла
Оно дээрэн уншаба —
Улаан дүлэ гаргаба,
Хүбшэ дээрэн хэбшэбэ —
Хүхэ дүлэ гаргабал:
— Үхэхэ лэ заяатай хада мэни

Уводимый тем [змеем] отец
На трое иль четверо суток
Отдал ему трех дочерей!...
На четверо суток лишь вымолив [жизнь],
Он отдал своих трех дочерей!»
Вслед за тем он спросил:
«Девушки!
Откуда приходит [тот змей]?»—
Те отвечали:
«Из Мрачного черного моря
Приходит сюда.
По теснинам же черного моря,
По подножию Ханши-горы
Он приходит [людей] пожирать
С наступлением полдня».—
Им сказал он:
«Пойду да попробую я пострелять.
Да не плачьте же, девушки, вы.
Наше счастие не подведет!»—
А ему говорили они:
«Иноземец ты юный, иди по дороге своей!
На земле-то чужой за людей
Себе гибели ты не ищи!
Иноземец ты юный, иди по дороге своей!»
Перед тем, как уйти
Ему, парню-красавцу сказали они:
«На средине своей головы
С ярко-красным он глазом.
Кто выстрелит, выбьет
Такой его глаз,
[Змея] тот победит!»
Абай Гэсэр-хубун
Поехал он с устья той пади,
Где должен был ехать,
И выехал в выход той пади,
Где выехать должен он был.
И вокруг озираясь, он ехал.
[За змеем] следил,
Превратившись в гнилой стебелек,
На дороге растущий.
Тут Мрачное черное море
Взбурлило до дна,
И сверху оно зашумело,
Зерно так вскипает [в воде],
Как вскипело оно
С ярко-красным глазом
Тот змей ядовитый и желтый
[Из моря] поднялся.
Абай Гэсэр-хубун
Спрятался
За три долины.
Хангайскую черную
Вынул стрелу,
На зарубке ее заклинал,
Из нее вызывая тем красное пламя,
На ее тетиве заклинал,
Из нее вызывая тем синее пламя.
«Коли мне умереть суждено,—

Үйхэн таһа ошооройш,
Ахан ябаха заяатай хадам
Тархини тэгхэн дунда
Тад улаа нюдүйен
Тэһэ һамна харбаарайл.
Үбэһэни үзүүрээр
Үрээдэжэ хаяарайш,
Хулаһани үзүүрээр
Хубаахажа хаяарайш!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хорон зүүрэн хоёрын
Хара бүрүн далайндаа
Хайрааран шудараарайл
Хатан ехэ уулаяа
Хормоёорон шудараарай,
Хорёон дээрээ ерэжэ
Хонхиножо ороорой,
Һаадагтаа ерэжэ
Һабинажа ороорой!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Бухюу дээрэн унаса
Булхайсаран татабал,
Зэнхэн дээрэн унаса
Зэлхээсэрэн татабал,
Табяалсажа орхёбо.
Хандагайн зэбэ гээшэ
Харьяжа арилба,
Бугайн бүхюү гээшэ
Бурьяжа арилба —
Тархиин тэгхэн дундхи
Тад улаан нюдэйе
Тэһэ һамна тудаба,
Амар ехэ голиин даа
Хаха бала тудаба.
Атхаал сэгээн сэмэгэйн даа
Бута һамна тудабал.
Үбэһэнээ үзүүрээр
Үрээдэжэ хаяба,
Хулаһанаа үзүүрээр
Хубаахажа хаябал.
Хаялдаһан биеэрээ
Хара бүрүн далаяа
Хайрааран шударба,
Хатан ехэл уулаяа
Хормоёор шударжа
Хорёон дээрэ хорьёбо,
Һаадаг дээрэ һабинба.
Хашай шинээн
Хара шуһан үлдэжэ
Баруун һайхан хасарта
Шабхан гэжэ няалдажа ошобол даа...
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ

Ты мимо него пролети,
Коли мне еще жить суждено,—
Прострели
Его глаз ярко-красный
На самой средине его головы,
Раскидай
По головкам травы,
Разбросай
По вершкам камышей!»
Вслед за тем
Он сказал:
«Разметай
Его яд и отраву
По камешкам Мрачного черного моря!
Разметай по подножию
Ханши-горы величайшей!
Обратно к себе возвратясь,
Залезай в свой колчан ты со звоном,
Шумя,
В свой колчан залезай!»
И так он натянул до бухю*,
Что аж [лук] выдувался,
Так он натянул до зэнхэн,
Что аж [лук] удлинялся,
Затем отпустил.
И зэбэ** для сохатого
С шумом ушло,
И бухю для изюбря
Со свистом ушло.
Прострелила [стрела]
Ярко-красный [змеиный] тот глаз,
Что был на средине его головы,
Становую огромную жилу его
Разорвала [стрела]
И [змеиную] кость плечевую
Стрела раздробила.
Раскидала она
По головкам травы,
Разбросала она
По концам камышей,
А затем
Разметала по камешкам
Мрачного черного моря.
Разметала [стрела] по подножию
Ханши-горы величайшей,
Примчалась обратно
И с шумом залезла в колчан.
И [змеиная] черная кровь,
Ее капля с клеща величиной
На щеку его правую брызнула тут
И прилипла [к щеке]!...
Абай Гэсэр-хубун,

* Костяной наконечник стрелы.
** Металлическое острие стрелы.

Алдалажа унаба,
Алхалажа хэбтэбэл.
— Амин дээрээ байлгаһан хойноо
Энэ һайхан нүхүрөө
Яажа ла алаха байнамди! гэжэ
Эгээн ехэ басаган,
Доодо захада уйлажа һууһан басаган,
Хэлэн хүүнөн байбал даа.
Хара ёрнууд! абархагүй яаха?
Хариин хүбүүн мани түлөө ханьярба...
Бэди абархуй яаха һэмди?! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Юһүн булае уһааран
Угаалдажа абаба
Ехэ тайгуйн арсааран
Арюулажа абаба.
Мүнхүйн хара уһандаа
Бэсэгэ лэн басагайе
Дэбүүлнэ бэлэйл даа.
Мүнхэеө хара уһайе
Абалдажа ерэхэдэн,
Улаан халамгай боложо
Иишэ тиишээ һуйбаржа
Абай Гэсэр хүбүүн
Һуугаа гээшэн юмэ даа.
Аян шаяа алдаба,
Ехэ тайгуйн арсааран
Арюулажа байжа ла —
Юһэн булае уһааран
Угаахажа байжа ла
Мүнхүйн хара уһайе
Уулгана бэлэйл даа.
Мүнөөхи лэ хүбүүн гээшэ
Мэнхэн бэеэ бэелбэ,
Мэхэрээн шарай шарайлба.
Угаанайхиһаан болобо
Улам үлүү болжо,
Эртэнээхиһээн байна ла
Энхэ үлүү болжо
Бодолдожо һуугаа гэхэн юмэ лэ,
Бодолсожо ябхадаа
Алта мүнгүн байсандан
Ошолдоно бэлэй лэ.
Далан зөөлэн идеэнээ лэ
Дабхар зөөлэн табилдабуу,
Ерэн зөөлэн идеэнээ лэ
Ехэ зөөлүйн табилдажа
Идеэлүүлжэ зугаалуулжа байбал даа.
Зугаалажа байхада —
Ханхан хэрдэг баабай ла
Хүрэлдэжэ ербэл даа
Одоо энэ бэлэй лэ:
— Басагании мэни амин дээрэ
Таа байгаа юмүү та?— гэжэ

Сразу навзничь упал,
Растянувшись, лежал...
«Он сражался за нас
И хорошего нашего друга
Не можем мы так погубить!—
Говорила
Та самая старшая девушка,
Что плача сидела внизу.—
Недостойные, черные, вы! Не спасете вы что ль?
Чужеземный тот парень погиб ведь за нас...
Неужели его не спасем?»—
Говорила она.
Вслед за тем
Обмывали [Гэсэра]
Водой девяти родников,
Можжевельником необозримой тайги
Освящали его.
За живою водою
Отправили
Младшую дочь.
И когда принесла
Она воду живую.
Абай [Гэсэр-хубун],
Как будто бы пьяный,
Качаясь,
Сидел.
Всполошились они,
Можжевельником необозримой тайги
Освящали его
И водой девяти родников
Обмывали его,
И чистейшей живою водою
Поили его.
Этот парень [затем]
Настоящий свой облик обрел
И лицом округлился своим.
Лучше прежнего став он
Гораздо,
Лучше прошлого став
Несравненно,
Поднявшись, сидел, говорят.
И когда он поднялся,
Пошел
Во дворец золотой и серебряный их.
Его там угощали,
Поставив ему дважды вкусные яства
Из семидесяти приятнейших [яств]
И самые вкусные яства
Из девяноста приятнейших [яств].
И когда угощали его,
Ханхан Хэрдиг-отец
Подошел.
Было именно так.
«За жизнь дочерей моих
Вы постояли?»—

Һуран суран байбал даа.
— Галтаа Улаан тэнгэриин

Гагуурай Ногоон духээдэ
Хүргэлэжэ ерээ лэ бэлэйл би,
Бэдэржэ байгаа бэлэй би
Тани хотиго үдүйе
Эрүүлэнэ бэлэйл даа.
— Минии гуурһайе барижа
Зураха тэрэ ашада шэни
Хэзээнээ шэнээтээ болооб?! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Минии гуурһай дааха
Шэнээтээ лэн болоог даа?..
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ
Басагадаа амин дээрэ байлгаһан хойно
Хотиго ханай үдүн юүнэй хайра болхон бэ?
Ходолжо үгэбэ.
Морин дээрээ гарша
Ябалсана бэлэй лэ.
Ходолжо үгэһэниин
Морин дээрээ барижа ла
Ара гэрээн хойгшоо ло
Дугшуулхаяа байхадаа,
Арбан сэгээн ели
Анда гэжэ һалабал даа,
Табан сэгээн ели
Танил гэжэ һалабал даа.

**
*

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Морин дээрээ барижа,
Гэрхэн тээшэн гэшхүүлнэ,
Газар тээшэн гальюулна бэлэй даа.
Ойн ута улаан
Шэнүһэшиг юмээ барижа
Юурьюүлнэ бэлэй даа,
Мүнөөхи лэ хүбүүн-гуай
Гэртэн ойро боложо
Ябхада болобо
Намай хадам гэжэ
Һанаа хани болоо хадаа
Тэрэ үдэйн тэхэрүүлэтгэйг!—
Хадам гэжэ һанаал үгээ хадаа
Асаржа алта мүнгүн байсандам
Түшүүлэжэ даража алатгайг! гэжэ
Хоёр улаан хүбүүши
Ильгээлдэжэ хүүнүүлнэ бэлэйл.
Тэрэ үдэнһөөм айха ла байжа
Хүүе яахуй түлгөөһэ лэ юмаа бэ?

Тэндэ ханай үгөө хада
Таа абша шадаха юмүүт?— гэжэ
Һуран суран байбал даа.
Мориндоо шье ширээ хада-мнай
Мори манай даахгүй лэ,
Шинии бүүргэ дээрээ бариһан үдэйе

Так спрашивал он и расспрашивал так.—
«Я приехал, чтоб сватать
Гагурай Ногон-духэй
Галта Улан-тенгрия.
Нож-перо ваше
Требует он.
[За пером этим] прибыл сюда».
Тот [Гэсэра] спросил:
«Когда же ничтожество это твое
Обрело столько сил,
Чтоб писать моим этим пером?—
Говорил.—
Накопил столько сил,
Чтоб поднять мое это перо?—говорил.—
Коли жизнь дочерей моих ты отстоял,
Тут чего мне жалеть нож-перо!»—
Так сказал он

И, вынув, отдал [нож-перо].
Сел [Гэсэр] на коня своего.
И [перо], что тот, вынув, отдал,
Он держал на коне,
Выезжая
От северной юрты на север,
Простился его побратимом
На целых лет десять,
Знакомым —
На пять целых лет.

Абай Гэсэр-хубун,
Держа на коне [то перо],
Возвращался обратно
И мчался назад.
И с грохотом ехал таким,
Будто длинную красную
Лиственницу тайги он держал.
Когда этот парень-красавец
Уже приближался
К дворцу [Галта Улан-тенгрия],
[Галта Улан-тенгрий] отправил навстречу
Двух рослых здоровых парней, говоря:
«Коль за тестя считает меня,—
Пусть обратно вернет
То перо!
Коль за тестя меня не считает.—
Так пусть во дворце моем злато-серебряном
Он прислонит [то перо] и погубит [меня]!»
А [Гэсэр] их спросил:
«Коль пера того так он боится,—
Зачем меня мучил?
Если дать вам [перо],—
Увезти его сможете вы?»—
Говорили [те парни]:
«То перо, что на луке седла ты привез,
Если даже привяжем к коням,

Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Юрьулэжэ ерэбэ.
Алта мүнгүн байсаньын
Баруун урда хэршээһэндэ
Түшүүлнэ бэлэй даа.
Алта мүнгүн байсаньеын
Зүүн хани хойшоо ло
Хэлтээсэн даруулбал.
Даруулжа байхада
Абай Гэсэр хүбүү лэ оролдоно бэлэйл даа:
— Хадам хани баабай,
Эриһэн юумэйш асарба байнал би
Гарша ла асаржа гуурайе хэлдэжэ абышэ!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Харахам нил гэжэ
Гарна бэлэй лэ.
Хараанһаан халтаржа,
Һүрдэжэ байбала,
Алта мүнгүн хэрэнсии лэн дээрээ
Харанхалан унабал даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Гүйн харайн гаширжа
Галта улаан тэнгэри
Дугтаража голхон оруулжа,
Гэртэн ханай хүтэлжэ
Оруулхажин орхибо.
Далан долоон таһалгайн
Саа биедэ оролсоно бэлэйл даа.
Гүрбэлзэсэ гэшхэлжэ,
Далан долоон таһалгайн
Саада биедэ орходо
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайяа табижа,
Гагуурай Ногоон дүүхээ лэ
Гүрбэлзэжэ байба ла.
Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Тарли эрээн остоолдоо
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табилдаба.
Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлэйн табилдажа.
Абай Гэсэр хүбүүгээ
Баруу улаан һугаһаан
Һугадажа асаржа
Һуулгаба байбал даа.
Үбэгэ һамаган хоёр ло
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэлнэ бэлэйл даа.
Идеэлэжэ һуухадаа —
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байса зугаалба.
Хабтагайхан шулуун дээрэ
Ногоойин ургуулан зугаашана бэлэйл

Наши кони его не потащат!»
Он с грохотом прибыл;
И к право-передним пазам угловым
Хорома из золота и серебра
[То перо] прислонил—
И дворец тот из золота и серебра
Покосился
На северо-восток.
Так поставив [перо],
Абай Гэсэр-хубун
Зашел и сказал:
«Тесть-отец,
Что просил ты,—привез,
Ты иди, занеси да и сделай перо!»

Вслед за тем,
«Посмотрю я»,— промолвил
И вышел [Галта Улан-тенгрий].
И только увидел,—
Страшась лишь вида [пера],
На крыльце своем злато-серебряном
В обморок [сразу] упал.
Абай Гэсэр-хубун
Выскочил тут
И тряся Галта Улан-тенгрия
В сознанье привел,
Во дворец
Его под руку ввел.
А [затем] он
За семьдесят семь комнат зашел.
Когда плавно шагая,
За семьдесят семь комнат
Зашел,
Гагурай Ногон-духэй,
Плавно двигаясь,
Пестро-серебряный стол
Накрывала приятнейшей пищей.
И поставила
Дважды приятные [яства]
Из семидесяти приятнейших яств
На серебряно-крапчатый стол,
На такой, что потянешь—растянется,
Отпустишь—сжимается.
Из девяноста приятнейших яств
Наилучшие [яства] поставив,
Абай Гэсэр-хубуна
Под правую руку она привела,
Посадила [за стол].
Вдвоем кушали,
Муж и жена,
За серебряно-пестрым столом.
Когда кушали, сидя, беседу вели они так,
Что на чистой и полой воде
Появлялася пенка

И на камне [широком] и плоском
Растили траву.

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Боро хоног шара намша болбол даа.
Обоо зөөлэн орондоо
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө
Оролсожо унтана бэлэй даа,
Гагуурай Ногоон дүүхэйтэеэ
Тэбэрэлдэжэ унтана бэлэй лэ.

*
**

Үглөөни үдэйн шарга наранай
Үрөөлүёө бултайжа
Үрөөлёүө үдүйдэ
Бодон харайн байбал даа.
Боошхо болхо уһаар
Нюураа гараа зэлмээбэ.
Зэлмээжэ абша
Эрээн мүнгүн остоолдо
Идеэлэнэ бэлэйл даа,
Улаан мүнгүн остоолдоо
Ундан саяа табижа
Идеэлэжэ зугаалажа,
Эбэл зэбэл идеэлэжэ
Эхир хэхир зугаалаһаниин тэрэ гэлэйл.
Зугаалажа һуухада
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байлган зугаалба байбал даа.
Хабтагайхан шулуун дээрээ
Ногоо ургуулан зугаалба бэлэй,
Урданай байһан юумэйе
Удан татан зугаалба,
Эртэнээ байһан юумэйе
Эблүүлжэ зугаалжа һуубал даа.
— Үрээ гүүнээ унагал даа.
Газар дайдаяа һанабал даа,
Ибии баабайн хүбүүн гээшэ
Үтүг нютагаа һанабал даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ,
Абай Гэсэр хүбүүн
Газаа тээшээ гэшхэлнэ бэлэй лэ,
Хадам хани баабайдаа оролдоно бэлэй даа.
— Галта Улаан, хадам баабай! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэлдэжэ байба ла.
Үрээ гүүнээ унага ла
Газар дайдуяа һанаба байбал.
Ибии баабайн хүбүү лэн
Үтүгөө нютугөө һанаа хани байнал би!..
Мэнэн хүүрээ хэлэлдэнэ бэлэйл.
— Наада ехээ нахилгыш!— гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
— Энэ ехэ үдүйе
Эжэн дээрэн хүргэжэ ерыш,
Энэ байха байсаньеым
Бүхэн даруулжа унагаайеш!
Абаадаһан хойно шэни лэ
Хуримай болзор гаргаха! гэжэ

Вслед за тем
Пали сумерки желтой листвой.
На постель свою пухлую, мягкую,
Под одеяло, как легкие, мягкое
Легли они спать,
С Гагурай Ногон-духэй
Он в обнимку уснул.

**
*

А назавтра, как только лишь красное солнышко дня
Половиной одною взошло,
Соскочили они
И помыли тут бочкой воды
Свои руки, лицо.
А умывшись,
За пестро-серебряный стол
Сели кушать они.
И на красно-серебряный стол
Из напитков поставили лучшие,
Ели, беседу вели,
И со вкусом поели
И приятно беседу вели.
И беседу вели они так,
Что на чистой и полой воде
Образовывали пенку,
Да на камне широком и плоском
Растили траву;
Подымая былое,
Беседу вели,
Вспоминая, что в древности было,
Беседу вели.
«Жеребенок от резвой кобылы
По выгону-лугу родному тоскует,
И матери сын и отца
По улусу, по дому родному тоскует!»—
Такие слова говорил
Абай Гэсэр-хубун,
[А затем] зашагал он на выход,
Отправился к тестю-отцу.
«Галта Улан, тесть-отец! —
Говорил так [Гэсэр].—
Жеребенок от резвой кобылы
По выгону-лугу родному тоскует,
Я, матери сын и отца,
По улусу, по дому родному тоскую! —
Такие слова говорил.—
А ты игры большие устрой!»—
Вот такие слова говоря,
Абай Гэсэр-хубун там сидел.
«Исполинское это перо
Возврати же хозяину,
Им не свали
Мой дворец!
А когда ты его возвратишь,
Вот тогда и назначу я свадебный срок!»—

Мэнэн үгэ хэлэбэл.
Абай Гэсэр хүбүүн даа:
— Хадам хани баабайдаа,
Намда хайшин гэжэ
Эрхэлэжэ байнаш таа?
Намай юундэ зобоообоши,
Намай яахуй түлгөөбэш?
Эндэ гэртээ...
Энэ гуураһаар зураха үгээд лэ
Намай яахуй түлгөөбэш?—
Мэнхэн хүүрээ хэлэбэ.
Хадам хани баабайн даа
Хэлэһэлэн хойно ло —
Хүүрэһээн яажа гархамним...
Абаадажа үхэл даа
Энэ ехэ гуураһай,
Юү ехэ болохонһам!
Хадам баабайн хүүрһээ
Хайшин гэжэ гархаб даа?
Тоол үгээ зорихом! гэжэ
Газаа тээшээ гэшхэлжэ
Гаралсана бэлэйл даа.
Гаралсаһан биеэрээ
Үнөөхи лэ Хүйлэн Хүхэ мориёо
Уналсажа ошожо,
Үнөөхи лэ ехэ үдүйе
Эмээлээ урда барижа ла үргэжэ,
Ара гэрээн урайгшан
Гэшхүүлэһэниин тэрэ гэлэй.
Юрьюүлэжэ ошобо —
Тэнгэридэ хүрэлдэхэ
Тэбхэр сагаан байсандаа
Хүрэлдэжэ байба ла.
Тэрэ ехэ байсаньеын
Баруун урда хэршээһэндэ
Түшүүлэжэ орхибо —
Алта мүнгүн байсандан
Ороно бэлээ лэ.
Эсэгэйн гурбан басаган

Эрээн мүнгүн остоол дээрээ
Зуралдажа һуубала.
Эрээн саарһа барижа
— Амин дээрэ байһан хүбүүм манай
Одоо юундэ ербэш?— гэжэ
Бодон харайн ержэ,
Баруун гариин барижа
Баруун хасариин озолдожо байбал даа.
— Хадам хани баабай ла
Абаадажа ошходо —
Гуураһа дааха гүйб!— гэжэ:
Абаада!..— гэжэ хэлэбэл даа.
Эжэндээ хэрэгтээ зөөри байнуу — гэжэ
Асаржа үгөө байнам гэжэ
Хэлэн хүүнэн байна ла.

Говорил [Галта Улан].
Абай Гэсэр-хубун
Отвечал:
«Тесть-отец,
Как изволишь
Капризничать мне?
Так зачем же ты мучил меня
И зачем ты заставил страдать?
Дома здесь...
Коли этим пером ты не будешь писать,
Так зачем же ты мучил меня?
Если мне говорит
Тесть-отец,
Не могу же не слушаться я...
Мне придется обратно везти и отдать
Исполинское это перо,
Что я важничать буду!
Да как можно не слушаться
Тестя-отца?
Непременно поеду!»—сказав,
Он на улицу
Вышел.
На улицу выйдя,
Он сел
На того ж голубого коня,
И держа на седле
То большое перо,
Он поехал
От северной юрты на юг, говорят.
Громыхая, он ехал,
Приехал к дворцу,
Что, квадратный и белый,
Небес достигал.
И к право-передним пазам угловым
Того же большого дворца,
Прислонив, он поставил [перо].
И зашел
Во дворец золотой да серебряный тот.
Там отца-то три дочери, сидя
За серебряным пестрым столом,
На пестрой бумаге
Писали.
«Ты, парень, нам жизнь отстоявший,
Опять почему же пришел?»—
Говоря так, вскочили,

И правую руку держа,
Они в правую щеку его целовали.
«Тесть-отец мой,
Когда я привез [то перо],
Мне сказал: «Не смогу я поднять.
Отвези!»—повелел.
Я подумал: хозяину нужная вещь,
И обратно привез [то перо]».—

— Баабай тэрэ нэгэ үдөөр
Дутахауй юм байгаа даа...
Нэгэл абаадаһан хойноо
Газарта хаян хаяар гэжэ
Асаржа үгөө бэшии даа?— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэжэ
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
Эрээ мүнгэн остоолдоо
Идеэлтын һайе табиба,
Улаа мүнгэн остоолдоо
Ундан саяа табижа
Идеэлэжэ зугаалсажа
Һуугаа гэхэн юмэ лэ,
Сайлажа зугаалжа байхада
Ханхан Хэрдиг шубуун баабай
Ерэлсэбэ байбала.

— Басагашии мни амин дээрэ байһан хүбүүн
Баһаа юугээ ирэбэ байна ши?
Баһаа юугээ һуралсаба байна ши?
Һуран суран байнал даа.
—Би юухэн шье ирээл үгээ байнал би
Тани хани баруун хотиго үдүйе
Асаржа үгөө байналби!— гэжэ
Хэлэн хүүнэн байба ла.
Амида ханай яһанһаа,
Амида ханай мяханһаа
Нэгэ ханай гоожожо
Нэгэ ханай үдүн ургагша байнал даа
Энээни юундэ дахин һөөргөн шэрэжэ
Зобоо хүүхэн гээшэб шэ?
Мэнэн хүүрээ хэлнэ.
Асаржа үгэһэн хойно-шни
Яахаяа хаяахамним даа,
Һөөрэгшөөнэ шаажа ла
Далидаа зохёохо болоһон юме,
Хадалгажа орхихо— гэжэ
Ханхан хэрдиг шубуун даа
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Һууган гэнэ юмэ лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ;
— Тоо үгээ хариха даа,— гэжэ
— Арбан елээ анда
Табан елээ танил
Ханхан хэрдиг шубуун баабай, мэндэ!
— Арбан елээ анда ороһон зүбхэн даа,

Табан елээ танил ороһон зүбхэн даа,
Абай Гэсэр хүбүүм ни
Зориһолон газартаа
Золтой заяатай ябыш таа,
Золхон заяан хоёроо

Говорил им [Гэсэр].—
«Отец наш едва ли нуждается
В этом пере-то одном.
Коль его увезли,—
Вы обратно его привезли,
Чтоб не бросить на землю?»—
[Те девушки]
Так говорят.
И на пестро-серебряный стол
Наилучшие яства поставив,
На красно-серебряный стол
Чай, напитки поставив,
Его угощали,
Беседу вели.
И когда угощали его, с ним беседу вели,
Их отец
Ханхан Хэрдиг-птица пришел.
«Ты, парень, что спас дочерей моих жизнь,
Что просить ты приехал опять?
Иль о чем-то спросить ты желаешь?»—
Сказал-говорил.—
«Ничего не прошу.
Нож-перо ваше правое
Я возвращаю!» —
Ответил [Гэсэр].—
«На живых ведь костях
И на мясе живом
Выпадают одни,
Вырастают другие же перья.
Зачем же обратно ты, мучаясь,
Это перо приволок?—
Говорил.—
Коль обратно привез,
Я не брошу его,
Сохраню,
Чтобы после, как надо,
Воткнуть мне обратно в крыло».
Говоря вот такие слова,
Ханхан Хэрдиг-птица
Сидел.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун [говорил]:
«Я должен вернуться домой.
Лет на десять друзья,
Лет на пять мы приятели с вами,
Ханхан Хэрдиг-птица, бывайте здоровы!»
Ответил отец
Ханхан Хэрдиг-птица:
«Да, правда, что лет на десяток приятели мы.
Да, правда, что лет на пяток-то знакомые мы.
Абай Гэсэр, сынок мой,
Ты, к цели своей направляясь,

Үтүг дээрээ тэхэрүүлжэ хариш таа!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Хаанхан хэрдиг шубуун баабай
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ:
— Хэлсэһэн һайхан хүүрхэм най
Хэбтэ тулжа байһай даа,
Хэлгэйн бурханай хэлһэн хүүрхэн гээшэ,
Маньялай дээрэм тогтоһой даа!

Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
— Бихэн танай харихам!— гэжэ
Гурбахан дүүхэн хүбүүд мэни
Хүүнэй шэнээн хүүхэн бологтуй даа,
Зоной шэнээн зонхон болуй та!— гэжэ
Үрөөр хэлэн газаа тээшээ
Гэшхэлэнэ бэлэй,
Манай ханай
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Эртэдэжэ абаа хадаа
Намай абааша бэрэ хээрээ,
Оройтожо абаа хадаа
Минии гаргаһан басагаар
Бэрэ хэжэ абаарай
Абай Гэсэр хүбүүн! гэжэ
Эгээн ехэ басаган
Инеэн наадан гаргажа орхибол.
Хүйлэн хүхэ морёо ло уналсажа
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлжэ,
Хаанаа бүдүүн харгуяаран
Ханхилзаса дугшуулба,
Зоноо бүдүүн зодоорон
Зуралзаса дугшуулһанийн тэрэ һэн гэлэй...
Хадам баабай дээрэ
Ерэлдэнэ бэлэй лэ.
— Хадам-ханай баабай ла,
Үрээ гүүнээ унагандаа
Газар дайдуй ханаба даа,
Ибии баабайн хүбүүн даа
Үтүг нютага һанабал даа!
Наадайн нахиилгыш,
Хуримайн хотойлгыш!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Һуулсана бэлэйл даа.
Одоо ээлэ бэлэй —
Аруйн барабаан дэлдэлдэбэ,
Араяа зойе гульдхалдаба;
Эбэрээ барабаан дэлдэлдэбэ —
Эбэрээ зойе гульдхалдаба —
Боошхоороо хэмнэжэ
Арахи гарган табиба,
Болдогоор хэмнэжэ
Мяхайи гарган табилдаба —

Со счастьем, с удачей ее достигай.
И с удачей, со счастием ты
Возвращайся домой!»
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун

Говорил:
«Пусть же сбудутся
Эти хорошие наши слова,
И слова те, что сказаны богом-творцом,
Надо лбом закрепятся моим.

Уезжаю!
Три младшие сестры мои,
Вы достойными станьте людьми
И достойным вы станьте народом!»
Такое сказав пожеланье,
На улицу вышел
Наш Абай Гэсэр-хубун.
Вслед за тем
Говорила со смехом и шуткою
Самая старшая девушка:
«Если желаешь ты рано жениться,
Бери меня в жены,
А если желаешь ты поздно жениться,
То дочь мою
В жены бери,

Абай Гэсэр-хубун!»
Он сел на коня своего голубого,
Поехал домой,
Громыхая, он ехал
По ханской широкой дороге,
По торной народной дороге,
Мелькая, он ехал,
Доехал
До тестя-отца.
«Тесть-отец,

Жеребенок от резвой кобылы
По выгону-лугу родному тоскует,
И матери сын и отца
По улусу, по дому родному тоскует!
Ты надан устрой же,
Ты свадьбу [скорей] назначай!»—
Говоря вот такие слова,
Он сидел.
Наконец,
Загремел барабан, что на севере,
Северный люд собирали они,
Загремел барабан, что на юге,
Так южных людей собирали.
И поставили там арахи,
Вынося его бочками,
Мясо они выносили,
Холмами свалили.
И подданные и народ

Албата зонхон хоёрын
Үдэршье арахи,
Һүнишье арахи боложо,
Һүнишье мяхан,
Үдэршье мяхан болжо,
Арахидажа зугаалаһаниин тэрэ гэлэй...
Хадам баабай гээшэн лэ!
— Хүригэ мэни,
Алтайим *гарша*
Абалажа ерыш.
Наада ехэ наадуулааб,
Хурим ехэ хотойлгооб —
Ши хүригэ мэни,
Алтайе мэни абалажа ерыш,
Хүхүйе — мэни хүбшэлэжэ ерыш,—
Алтай дайдам
Антай гүрөөһэтээ гэлдэнэл!—

Мэнэн хүүрээ хэлэбэ лэ.
— Энэ ехэ наадандаа
Минии зугаалаа үгээ хада
Ямар зугаа байха юм!
Минии наадаа үгээдэ
Ямар наадан байха юм?
Хадам баабай яагаабша?— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Үнөө ханай үдэр
Арахи амитан зонхон хоёр
Ужа ла байхан адали,
Үнөө үдэр абалажа ерхэдээ
Нэгэ шье һаатах үгээ байнал ши!
Үнөө ханай үдэр лэ
Шинии энэ нааданда
Байһан шэни шье,
Үгээ шэни шье адали!—гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа.
— Эсэгэ хүүгээ гомойлгожо орхиходо
Һүмэр уула шэргэхэ,
Эхэ хүүгээ гомойлгожо орхёо хада
Һүн далай шэргэхэ ёһотой —
Үнөө үдэр шинии хүүри дуулажа,
Алтай дайда гарша,
Абахалам! гэжэ
Газаа тээшээ гарна бэлэйл даа.
Алтай ехэ дайдуйе
Абалажа ерэхэм даа,
Хүхүй ехэ дайдуйе
Хүбшэлэжэ ерхэм даа —
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Хүйлэн хүхү мориёо
Алабхижа унажа,
Ара — гэрээн хойшоо ло
Арилаһаниин тэрэ гэлэй лэ.
Хаана ханха харгуяараан
Ханхинасара дугшуулнал,

И днем арахи,
И ночью арахи они пили,
И днем они мясо,
И ночью мясо все ели,
Да пили, гуляли...
Тесть-отец
Говорил:
«Мой зять,
Поезжай на Алтай,
Поохотиться там.
[Тебе] надан большой я устроил
И свадьбу большую созвал.
Мой зять,
На Алтае моем поохоться-ка ты,
На Хухэе моем по таежным хребтам
походи.
На Алтае-земле
Много стало зверей и косуль,
говорят!»—
«Коль на надане этом большом
Я не буду гулять,
Что за гуляние может тут быть?
Если мне не гулять,—
Что за гуляние будет?
Что с тобой, тесть-отец?»—
Он промолвил такие слова,
Говорят.
«Полагаю, сегодня
Народ будет пить
Арахи.
Коль сегодня займешься охотой,
Помехи тут нет никакой!
Все равно,
Что на надане этом
Ты есть
Или нету тебя!»—
[Галта Улан] говорил.—
«Коль обидишь отца,
То провалятся горы Һүмэр,
Коль обидишь ты мать,—
Испарится Молочное море.
Я сегодня исполню твое повеленье
И съезжу на землю Алтай,
Поохочусь!»—сказав,
Он на улицу вышел.
«На Алтае-великой земле
Поохочусь я.
На Хухэе-великой земле
По таежным хребтам похожу»,—сказал
Абай Гэсэр-хубун,
На коня своего голубого
Вскочил,
И от северной юрты на север
Отправился он, говорят.
И по ханской широкой дороге
Со звоном скакал,
И по торной народной дороге,

Зоноо зудан харгуяар
Зоруулзаса дугшуулаһаниин
Тэрэ гэлэй юу?..
Алтай ехэ дайдуйндаа арааран
Эртээрээ хоморгүй табижа
Арилана бэлэй лэ.
— Юүхэн балайл үзээл үгээ,
Хулганайн хамарһаа
Шуһа дуһагаа үгэйэр
Абажа ябаба ла. —
Түүни хойто хоморгүй
Табилдажа ошобо —
Юүн шье үгээ лэ.
Хорон хооһон байба ла...
Ай гэхэ бэлээ.
Энэ ехэ дайда
Анда харуу дайда байна,
Хүхүй ехэ дайдада гарха!— гэжэ
Хүхүй ехэ дайдуйе
Хүбшэлэжэ оробо.
Хүхүй дайдуй хүбшэдэ
Дархи хонгор азаргатай,
Таар ехэ тохомтой,
Талхи ехэ эмээлтэй,
Талхин хэлин минаатай,
Сарил сагаан толгойтой,
Самсаалхан хушуутай,
Ооши ханай дунда даа
Гагсахан шүдэтэй
Һамаган хүүхэн лэ
Золгоо гэхэн юумэ лэ
Минган алда
Митан сагаан хэдэргэтэй
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Али голой хүбүүм ши?
Али омогой хүбүүм ши?
Һуран суран байбала.
Одоо ээлэ бэлэй лэ
Аян шаяа алдаба...
Ай гэхэ бэлэй[52]
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа:
Баруунай ла табин табан тэнгэри
Ахалажа түрүһэн
Ханхан Хормос тэнгэриин
Отхон оохор хүбүүн гээшэб,
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Таа али омойе һамагамта,
Али голи һамагам та?
Хаа голи хаалажа ябаһан
Юү голи юүлэжэ ябаһан һамагам та?— гэжэ
Һуран суран байнал даа.
— Хара ехэ далаяа,
Хашалаг дундан үдэһэн һамагам би,
Хатан ехэ уулаяа

Мелькая, скакал он.
Не так ли?...
На северных склонах Алтая-великой земли
Ранним утром ловушки
Поставил.
Охотился так.
Что не встретил он там никого,
И даже из носа мышиного
Капельки крови не пролил.
И снова ловушки
Он ставил,—
Но нет никого,
[Все ловушки] пустые...
Что это за диво!
«Великая эта земля —
На зверей, знать, скупая земля.
Я поеду на землю большую Хухэй!»
Говоря так, на великую землю Хухэй,
На лесные хребты подниматься он стал.
На Хухэе-земле, на хребте ее
Встретил он женщину,—
Что с жеребцом светлорыжим,
С дерюжным большим потником,
С деревянным огромным седлом
И с кнутом из замши
С кнутовищем из дерева,
С ярко-седой головою
И с острым лицом,
С одним зубом
Во рту,
С кожемялкою белою
В тысячу шагов по длине,—
Вот такая стояла.
«Из какой же долины ты, парень?
Из какого же рода ты, парень?»—
Спросила она.
Растерялся
Он здесь...
Как не скажешь тут: «Ай!»
И ответил он так:
«Самый младший я сын
Ханхан Хормос-тенгрия,
Что старшим родился
Средь западных
Пятидесяти пяти тенгриев.
Я зовусь Абай Гэсэр-хубун!—
Так ответил [Гэсэр]. —
Из какого же рода вы, женщина?
Из какой же долины вы, женщина?
И в какие места вы направились,
В какие долины отправилась, женщина?»—
Спрашивал он.—
«В середине теснины великого Черного моря
Я, женщина, выросла,
На подножии Ханши-горы величайшей

Хормой дээрэ үдэһэн һамаган байнал би.
Галта Улаан тэнгэриин
Гагуурай Ногоон дүүхэйе
Ехэ ханай хүбүүндээ
Асаржа үхэм гэжэ
Үлгэйтээһээн хойшо
Үнсүлэжэ ябаалби,
Мансуйтаһаан хойшо ло
Манажа ла ябаал би.
Юһэн елһээ наашал даа
Зүбөө нэгээ хэлэжэ байһан юм!
Галта Улаан тэнгэритээ,
Гагуурай Ногоон дүүхээгээ
Хэлсэжэ ябаһан бэе! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Таа хаа голи хаалбата,
Юу голи юулэжэ ябаа
Хүбүүн гээшэ байнат! гэжэ
Һуран суран байба ла.
Биди хадаа болобо
Гараа үдүй байхада
Ханхан Хормос тэнгэри
Манай баабай байһа юумэ:
Барбагатай сэмэгэйе
Андалдажа идеэһэ юмэ,
Тагша соохи арахийе
Андалдаха ууһа юмэ!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Даахан соохи тамахийе
Андалдажа татаһа юмэ...
Галта Улаан тэнгэридэ
Агуй Ногоон дүүхэн биихэн гэжэ[53]
Хүригэлэжэ ябаһан хүбүүн гээшэл би.
Хадамдаа айшалжа ерхэдэм
Алтай ехэ дайда мэни
Антай гэжэ гаргаал даа,
Хүхүй ехэ дайда мэни

Гүрөөһэтээ гэжэ гаргал даа.
Таа хэнээ һамаган
Хэнхэн гээшэ бэлэй,
Юунээ һамаган
Юугэн гэшит? — гэжэ
Һуран суран байбал даа.
— Зуу найман толгойто
Зуудаг шара мангадхайтай
Эбэлжэ һууһан юумэ байналби —
Баруунай ло табин тэнгэриин

Таряабли дунда үдэһэн[54]
Табан зуухан толгойто,
Таби һургааг эбэртэй,
Газар боро моритэй,

Мангад хүгшэн гахайн

Я, женщина, выросла.
Я отправилась, чтоб привести
К сыну старшему [в жены]
Гагурай Ногон-духэй
Галта Улан-тенгрия.
Для этого нянчила я
С колыбели ее
И в пеленки ее
Пеленала.
Лет девять назад
Мне согласие было дано!
Я сама говорила
С Галта Улан-тенгрием,
С Гагурай Ногон-духэй!—
Говорила она.—
В какую долину,
В какие места
Вы отправились, парень?»—
Спросила она.—
«Когда я
Не родился еще [на земле],
То отцом моим был
Ханхан Хормос-тенгрий.
Он, обмениваясь, кушал
Берцовые кости с лодыжками,
Обмениваясь чаркою,
Пил арахи!—
Так [Гэсэр] отвечал.—
Обмениваясь трубкой,
Табак он курил...
И я парень, что съездил как зять
К Галта Улан-тенгрию
[Сватать] Агу Ногон-духэй.
Когда в гости приехал я к тестю,
Меня он послал на великую землю Алтай,
Что-де много зверей там,
Послал на великую землю Хухэй,
Что-де много косуль там.
Вы чья же супруга
И кто вы такая?
Вы чья же жена,
Кто такая вы есть?»—
Ее спрашивал так.—
«Я в согласье живу
С мангадхаем Кусающим желтым;
Сто восемь голов он имеет
Я младшая дочь, избалованная,

Старика Мангад Гахая,
Который родился [и рос] средь владений
Западных пятидесяти* тенгриев;
Пятьсот он имеет голов,
Пятьдесят, словно жерди, рогов он имеет,
Коня серого, словно земля,

* Вероятно, «пятидесяти пяти».

Эрэхэ Тайжа басаган гээшэл би.
Зуухан найман толгойто
Зуудаг шара мангадхайтай
Эбэлэжэ, хоёр толгой холбожо,

Һууһан хүүхэн гээшэб!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Ши ханай төөдээ харгуйяараа,
Би — шини Алтай дайдаяа абалахам,
Хүхүй дайдуяа хүбшэлэхэм! гэжэ

Хойтойн хойно, хоерой нэгэндэ
Орхеол үгээ ургатай болхо байнал ди!
— гэжэ

Хоер тээшээ һалхажа
Арилһаниин тэрэ гэлээл.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн
Хүхүй ехэ дайдуйн
Ардан ороно бэлэйл даа.
Орожо ошходо
Хүхүй ехэ дайдуйн аңхан гээшэ
Хүхүй ехэ дайда гэжэ
Багтажа бэлшэжэ байгаа гэхэн юмэ?
Хүхүй дайдуйн гүрөөһүй
Хүхүй дундан сомобо,
Алтай дайдуйн аньи

Алтай дундан соможо абаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Ашалдана бэлэйл даа —
Хүйлэн хүхү мориноо
Хулмалзагша болобо —
Шэхэнһээн хойшоо ло
Дүүрэнэ бэлэй лэ.
Хондолзогшо болобо —
Уусаһаан уряагша
Ганзагална бэлэй лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гальюулжа
Ерэлдэбэ байбал даа.
Тэрэ наадан дээрээ ерэжэ
Урда ехэ ашаагаа
Уряагшан түльхэн унагааба,
Хойто ехэ ашаагаа
Хойшон түльхэн унагааба.
Урда ехэ ашаан гээшэ
Урда уулайн барагтай
Оглойжо хэбтэбэ,
Хойто ехэ ашаан гээшэ
Хойто уулайн барагтай
Оглойжо хэбтэбэ.
Албата зонхон хоер гээшэ:

Козью доху—гахай*
Я женщина та, что живет
В согласии, две головы соединив,
С мангадхаем Кусающим желтым,

Который имеет сто восемь голов»,—
Так сказала она.
«Ты, бабушка, дальше свой путь продолжай,
На Алтае-земле я охотой займусь,
На Хухэе-земле по таежным хребтам похожу!
И когда-нибудь после
Мы с вами должны породниться!»— [сказал он].
И разъехались
В разные стороны, так говорят.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
На северный выехал склон
Хухэя-великой земли.
Когда выехал он,
То зверей на Хухэе-великой земле
Было столько [так много], что лишь
На Хухэе-великой земле-то вмещаясь, паслись!
Коз Хухэя-земли
В середине Хухэя сложил,
И зверей он Алтая-земли
В середине Алтая сложил.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Их навьючивать стал
На коня своего голубого;
Когда он навьючил
До самых ушей,—
[Конь] косился, ушами прядал;
А когда он навьючил
До самого крупа,
То крупом покачивал [конь].
Вслед за тем
Он поехал обратно,
Помчался к местам [дорогим]
И доехал до них.
И приехав на надан тот самый,
Вперед он, толкая, свалил
Тот огромный передний свой вьюк,
А огромный вьюк задний
Назад он, толкая, свалил.
И передний огромный тот вьюк,
Словно южные горы,
Лежал громоздясь.
А задний огромный тот вьюк,
Наподобие северных гор
Громоздяся лежал.
А народ там и подданные,

* Гахай — кабан; кабанья в буквальном смысле.

— Тугаар эртээр тараһан хүбүүн
Энэ хани гүрөөһэни
Аргамжатай байһан гүрөөһэши
Алажа ла асарбуу?..
Ямар бараг үгээ олзотой юмэ
бэлэй! — гэжэ
Ехээ гайхал гайхажа байба,
Ехэ тагнал тагнажа байба.
Хадам хани баабай ла

Анхай гүрөөһэйн асарааб! — гэжэ
Гэртэни орожо
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ бэлэйл.
— Агнаха тагнахаяа болишхоод...
Урай залуу ябхадаа
Анда обтой бэлээл би.
Мүнөө ангай мяха һанахадаа
Тэрэ обтоо
Басагандаа[55] агнуулжа
Идеэһэн хүүхэн ямар һайн ха
бэлэй! гэжэ
Гаргаа ханай бэлэйл би.
Мэтэр гэсэн биеэрээ.
— Хадам баабай
Хурима-хани хүрыш — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ лэ.
— Найман һүни наадуулжа,
Юһүн һүни юрьюүлэжэ,
Ехэ зугаа хүүлжэ
Ошохо ло байнал би.
Мүнөө хани болобо
Табан сүүдхэеэ наадаа ла байнал та.
Басаган — мни, далан долоон таһалгаяа
Саа биеэдэ ошожо
Гагуурай Ногоон дүүхээдээ
Сай уһан бусалгуулжа
Ужа ла унтыш таа...
Унтаха ехэ нойрхон үгээ ябанал ши,
Идеэхэ ехэ хоолой үгээ
Басагам, ябаа байнаш таа! — гэжэ
Мэнэ хүүрээ хэлэжэ
Табяа гэхэн байна.
Далан долоон таһалгай
Үбдэгөө һайгаар ла
Түльхэжэ инеэжэ,
Үһүгыйе һайгаар ла
Үдхэлэжэ хаажа ла,
Нэгэ дүнгөөр инеэжэ лэ
Нэгэ дүнгөөр хаажа,
Саа биедэн сараа гүйеэр
Ороо гэхэн юмэ лэ.

**
*

Далан долоон таһалгайн саана оржо

Удивляясь весьма,
Поражаясь весьма, говорили:
«Сегодня лишь утречком выехал парень,
А сколько косуль он убил и привез,
Как будто они аргамжою привязаны
были!
Какой несравненно
Удачливый [парень]!»

**
*

«Тесть-отец мой,
Зверей и косуль я привез!»—
Заходя в его дом,
Говорил так [Гэсэр].—
«На охоту ходить я уже перестал...
А вот раньше, когда был еще молодым,
Я охоту любил.
Из-за этой любви,
Предвкушая приятную пищу,
Охотиться
Сына послал»,—

[Говорил Галта Улан].
Вслед за тем
Так [Гэсэр] говорил:
«Тесть-отец мой,
Со свадебным поездом ты приезжай!»—
«Я поеду к тебе,
Когда восемь ночей поиграют
И девять ночей погуляют,
Большое гуляние — пир проведу.
А сегодня же
Пятые сутки играют [гуляют].
Мой сынок,
Ты за семьдесят семь комнат зайди.
Пускай Гагурай Ногон-духэй
Вскипятит тебе чай,
С нею чаю попей и ложись отдыхать...
Мой сынок,
Спать ты сна не имеешь
И есть ты еды не имеешь*!»—
Сказав,
Отпустил его [тесть].
Семьдесят семь комнат
Открывал он,
Толкая коленями сильными,
Силою пяток,
Пинком закрывая,—
Он приемом одним открывая,
Приемом одним закрывая,
[За семьдесят семь комнат]
Зашел, не оставив следа.

**
*

Когда он за семьдесят семь комнат
зашел,

* Идиоматическое выражение, означающее: спать не спишь, кушать не кушаешь».

Далан зөөлэн идеэни
Дабхар зөөлэйн табюулба,
Ерэн зөөлэн идеэни
Ехэ зөөлэйн табюулба
Эбэл зэбэл идеэлбэ,
Эхир хэхир зугаалба.
Гагуурай Ногоон дүүхээ гээшэ
— Тугаар эртээр гараһаар
Хаана — хаанай ошожо
Бэри үзэгдээ харагдаа үгээ байбаш? гэжэ
Мэнэн үгэ хэлэбэл даа.
— Шинии баабайн һанаае
Хүүн хайшин гэжэ дүүргэхэб даа.
Алтай ехэ дайдуйм
Абал гэжэ гаргаал даа,
Ан ехээ асар гэжэ үлдээл даа!
Аянгаяа ядажа
Алтай ла арада
Хүхүй лэ хүбшэдэ

Гараа ла бэлэйл би.
Алтай ехэ дайдан даа
Андаа харуу юмэ байнал даа.
Хүхүй ехэ дайдаяа
Хойто биедэн гараал би.
Аньин олон тэндэл даа —
Мориноо холдозогшо
Уусаһаан уряагша
Ганзагалжа асараалби,

Хулмалзагша шэхэнһээн хойшо ло
Дүүрэжэ асараал би.
Наадани зонхон дээрэ
Буулгаа байнам.
Урдахи ашаагаа

Уряагшан түльхэжэ унагаабаб:
Урда уулайн барагтай
Оглойжо хэбтэбэ.
Хойто ехэ ашаагаа
Хойшон түльхэн унагаагааб,
Хойто уулайн барагтай
Оглойжо хэбтээ лэ. —
Одоо эйлэ бэлэй лэ.
Наадан дээрэ буулгаал би,
Наадани зонхон даа
Ехэ гайхан байнал даа.
— Тугаар эртээр гараһан хүүхэн
Энэ ехэ гүрөөһүй
Хайшин гэжэ бариба байна?
Аргамжатай гүрөөһүй
Асар гэжэ гаргаа — хадаа
Иимэ олон
Иимэ олон гүрөөһүй
Асаржа ялахуйл —
Ямар ехэ олзотой! гэжэ
Гайхалдажа байнал даа... —

Ему дважды приятные яства поставили
Из семидесяти приятнейших [яств]
И очень приятные яства поставили
Из девяноста приятнейших [яств].
И со вкусом поели.
И приятно беседу вели.
Гагурай Ногон-духэй
Так спросила его:
«Рано утром сегодня
Куда ты ушел?
Тебя не было видно совсем».—
«Необъятны
Желанья отца твоего.
На великую землю Алтай,
На охоту меня он послал,
Он погнал меня много зверей привезти!
Что же было мне делать?
Я поехал тогда
На Алтай, его северный склон,
На Хухей, на лесные хребты.
Но большая земля-то Алтай
На зверей оказалась скупа.
И поехал на северный склон я
Хухэя-великой земли.
Вот где много зверей!
Я привез, на коня их навьючив
До самого крупа,
Аж крупом покачивал [конь],
Я привез, [на коня] их навьючив
До самых ушей.
Так что [конь мой] косился, ушами прядал.
Я те [вьюки] свалил
Там, где надан проходит.
Вперед я, толкая, свалил
Вьюк передний,—
Как южные горы.
Он лег громоздясь.
А огромный вьюк задний
Назад я, толкая, свалил,—
Наподобие северных гор
Он лег громоздясь.
Вот я так-то свалил их
На надане том.
Люди надана очень
Тому удивлялись.
«Сегодня лишь утречком выехал он.
Но как добыл
Он столько косуль?
Даже если послать привезти
Аргамжою привязанных коз,
То не смогут так много косуль
Привезти.
Да весьма он удачлив!»
Вот так удивлялись они»,—

Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Эрээ мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайаа табюулжа,
Улаан мүнгэн остоолдоо
Ундан сайгаа табюулжа,
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табюулжа,
Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлэйн табижа,
Эбэл зэбэл идеэлжэ,
Эхир хэхир зугаалба.
Хара ехэ уһанда
Үрмэ байса зугаалба,
Хабтагайхан шулуунһаа
Ногоон ургаса зугаалжа,

Боро хоног шара намша болжо,
Обоо зөөлэн орондоо
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө,
Халуун зөөлэн хадуушхадаа
Булаган зөөлэн будуушхадаа оржо,
Бурьяжа харьяжа нойршоһониин
Тэрэ һэн гэлэй. —

***

Үглөөни үдэйн шарга наранн
Үрөөлүйе бултайжа —
Үрөөлүйо үдүйдө
Бодон харайн байбал даа.
Боошхо болхо уһаар
Нюураа гараа зэлмэжэ
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайн табюулба.
Улаа мүгнэн остоолдоо
Ундан сайн табюулжа,
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табюулжа,
Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлэй табюулаад
Эбэл зэбэл идеэлбэ,
Эхир хэхир зугаалжа
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Хадам хани баабайдаа
Гараха гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Гаралдана бэлэй лэ.
— Хадам хани баабай
Ёргоо сүүдхэ наадаал ши,
Ёһото хуримаа хүрхэш —
Үрээ гүүнээ унаган даа
Газар дайдуй һанаа ла,
Иибни баабайн хүбүүн даа,
Үтүгөө нютүгөө һанаа ла!
Төөл үгээ ёргоон сүүдхэ наадабал ши
Намайе харюулыш!
-- Ёргоо долоо хонсо хүлеэһэлэн хойноо
Гурбан хани сүүдхэ юундэ лэ
Хүлеэжэ ядаа байнаш таа?

Говорил ей [Гэсэр].
Тут поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол
Да поставили чай и напитки
На красно-серебряный стол,
Да поставили дважды приятные [яства]
Из семидесяти приятнейших яств,
Да поставили самые лучшие [яства]
Из девяноста приятнейших яств,
И со вкусом поели,
И приятно беседу вели.
Так беседу вели, что на чистой и полой воде
Появлялась пенка,
Что камень [широкий] и плоский
Травой зарастал.
И спустилися сумерки желтой листвой.
В своей мягкой и пухлой постели
И под одеялом, как легкие, мягким,
И в теплой да мягкой постели своей,
Да на мягкой подушке своей соболиной
И сладко и крепко уснули они,
Говорят.

***

Когда красное солнце утра
Половиной своею взошло,
Половиной другой еще не взошло,--
Он вскочил
И помыл свои руки, лицо свое
Бочкой воды.
Тут поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол,
Да поставили чай и напитки
На красно-серебряный стол,
Да поставили дважды приятные [яства]
Из семидесяти приятнейших яств,
Да поставили самые лучшие [яства]
Из девяноста приятнейших яств,
Да вкусно поели,
Да приятно
Беседу вели.
Чтоб отправиться
К тестю-отцу,
Абай Гэсэр-хубун
На улицу вышел.
«Тесть-отец,
Продолжается надан шесть суток уже.
Собирайся со свадебным поездом ты.
Жеребенок от резвой кобылы
По выгону-лугу родному тоскует,
И матери сын и отца
По улусу, по дому родному тоскует!
Шесть суток уж надан идет—
Ты меня отпусти!»—
«Шесть-семь суток прождав,
Отчего же не можешь прождать
Трое суток еще?

Энэ минии нэрэ түрэ
Хаана ла багтаха бэлэй...
Юһэн сүүдхээ наадуулаа үгээ!...
Галта Улаан тэнгэри ялагтажа
Табан сүүдхэ наадаад ла
Ёргоодохи сүүдхэдэ хурим ошоо гэжэ
Хэлсэхэл даа! гэжэ
Тоо үгээ юһүн сүүдхэ хүлеэжэ ошхо! гэжэ
Галта улаан тэнгэри
Хэлэн хүүнэн байнал даа.

— Хадам баабай гэнэл би
Гурбан сүүдхэйш хүлеэхэм
Гурбан ели барагтай
Һанагдана байнал даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Үдэршье мяхан,
Һүнишье мяхан
Үдэршье арахи,
Һүнишье арахи
Байгаа гэхэ юмэ лэ,
Газааншье мяхан,
Гэртэншье мяха ла
Байгаа гэхэн юмэ лэ —
Уряаһаан саазгай ерээд лэ
Унталгай мяхай абаадажа байба ла.
— Энэ сагаан түрэ лэ
Хэзэйн хэбтэ
Хэтүйн ханай яргалда,
Иижэ лэ нааша байтагай,
Энэ мяха шүлэ гаргажа
Иижэ лэ —
Энэ албата зонхон хоерын
Хэзээн хэни хэбтэ
Хэтүйн ханай яргалда
Иижэ лэ зугаалажа архи тамхияа уужа
Зугаалажа байтагай! гэжэ
Үрөөр хэлэжэ ябалдана бэлэй лэ.
Найман һүни наадуулба,
Юһэн һүни юрьюулбэ,
Ехэ зугаа наадаба
— Хадам баабай —
Хариин хүбүүн хариха болобо —
Хуримаа — ла хотойлго тэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Тоо үгээ түхөөрхэ байна гэжэ
Гагуурай Ногоон дүүхэйе
Хубсалуулан байнал даа.
Хубсалуулан байхада:
— Баабай намда юугээ үхэ юмшэ? гэжэ
Эрин, суран байбал даа.
Наян алда бэетээ лэ
Найман дэли шэхэтээ лэ
Нарихан шарга мориие
Эмээлэжэ хазаарлажа үгэлдэнэ бэлэй.
— Иибии намда юугээ үхэ юмши? гэжэ
Эрин суран байбал даа —
Байхадаа ла болбо

И куда же я денусь
Со славой моей?...
Не позволил гулять девять суток!
Прогуляв всего только пять суток,
На шестые-то сутки
Галта Улан-тенгрий, обедневший
Со свадебным поездом выехал, скажут»,—
Вот так говоря,
Галта Улан-тенгрий настаивал,
Чтобы [Гэсэр]девять суток гулял.
«Тесть-отец, говорю,
Трое суток прождать—
Для меня все равно,
Что три года прождать!»—
Отвечал он, [Гэсэр].
И днем было мясо,
И ночью все мясо,
И днем арахи,
И ночью опять арахи
Было там, говорят.
На дворе было мясо,
Во дворцах было мясо,
Вот так говорят.
Прилетевшая с юга сорока
Себе на ночлег уносила мясо,
Пожеланье такое сказав:
«Пусть эта-то светлая свадьба
Во веки веков
И на вечное счастье
Продлится
И мясом-супами
Вот так угощает!
Пусть подданные и народ
И во веки веков
И на вечное счастье
Гуляют и пьют арахи,
И табак [они курят]!»
И восемь ночей веселились,
И девять ночей все гуляли—
Большое гуляние было.
«Тесть-отец,
Чужеземному парню пора возвращаться,
И свадьбе пора выезжать»,—
Говорил так [Гэсэр].
Обязательно выехать надо, решили,
Потому одевали
Гагурай Ногон-духэй.
«Мой отец, что даешь мне?»—
Спросила-просила она.
Дал [отец],
Оседлав, обуздав,
Изящную лошадь соловую
Восьмидесятишаговой длины
И с ушами-то в восемь шагов.
«Моя мать, что даешь мне?»—
Спросила-просила она.
Дала ножницы [мать]

Эндэхи тэндэхи юмэйе
Эблүүлэжэ хайшалха
Алта мүнгүн хайшиие
Абалдажа үгэбэ.
— Ахай намда юүеэ үхэ байнаш? гэжэ
Эрин суран байба ла.
Үхэлдэмэ юүмэйе
Бодхолдожо абаха,
Үгээрэһэн юүмэйе
Баяжуулажа бодхохо,
Сагаан торгон булааши
Үгэлдэнэ бэлэйл даа.
— Ахайн эзы, намда юүгээ үхэ юүм шл? гэжэ
Эрин суран һууба ла.
Холо байһан юүмэйе
Хоруйлажа абаха ла
Сагаан мүнгүн хообшиие
Абалдажа үгэбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Морин дээрээ гаралдана бэлэй лэ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
— Тоо зураһан газартам
Ябаха байнал та, —
Түхэрөө зураһан газартам
Хонолгоёо барихал та,
Хоримой минии зонхон! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Мүнөөхи лэ —
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Арбан хүүнээ тэбэржэ хүрхэүй
Ажигар улаан шунүһэй
Мориноо ло һүүлһээ шэрэжэ
Хатарна бэлэй.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Харанхуй бүрүнхүй тэнгэридээ
Хүрүлдэнэ бэлэй,
Хатарана бэлэй —
Гагуурай Ногоон дүүхээтэйэ
Хатарна бэлэй
Харанхуй бүрүнхүй тэнгэри
Сараал үгээ ходо гарша
Ерэлдэбэ байба даа —
Манта ехэ огторгодо ержэ
Ороно бэлэй лэ,
Юүрьюулнэ бэлэй лэ.
Манта ехэ огторгодоо
Гурбан сүүдхэ ябажа
Ядан гэжэ гарабал даа.
Хурата баян тэнгэридээ
Хүрэн гэжэ ерэбэ.
Хурата баян огторго
Уһан хөөгөөр урдалайл.
Тэрээн соогуур гэшхүүлхэдэ,
Арбан хүүнээ атхажа хүрхэ — гүй
Ажигар улаан шунүһэйи

[Да такие],
Что были из золота и серебра
И разрезать могли и кроить,
Что угодно.
«Ты старший мой брат, что даешь мне?»—
Спросила-просила она.
Дал он ей
Из белого шелка платок,
Поднимающий
Мертвых
И обогащающий
Бедных [людей].
«Жена старшего брата, мне что ты даешь?»—
Спросила-просила она.
А [невестка] дала ей
Бело-серебряный ковш,
Что далекое,
Благословляя,
Берет.
Вслед за тем
На коней они сели.
Абай Гэсэр-хубун
Говорил:
«Народ мой, что едет на свадьбу,
Езжайте по тем вы местам,
Где поставлю я цифры,
Ночуйте на тех вы местах,
Где поставлю кружочки».
И он,
Абай Гэсэр-хубун
Отправился рысью,
На конском хвосте волоча
Исполинскую красную лиственницу,
Что десяток людей не обхватят.
Вслед за тем
Он до темного, мрачного неба
Доехал,
И ехал он рысью,
Он ехал все рысью
С Гагурой Ногон-духэй.
Беспрепятственно
Темное, мрачное небо
Проехав,
Доехали тут
До туманно-великого неба,
Там с грохотом мчались они.
По туманно-великому небу
Они трое суток так ехали.
Еле проехав его,
До дождливого неба
Доехали.
Дождями богатое небо
Поплыло в потоках воды.
Когда ехали там,
За собой волоча
Исполинскую красную лиственницу,

Шэрэлдэжэ ябаһан газарһаан
Уһаниин тээгээр урдажа
Нэгэ голхон боложо
Мэлгэрэжэ ябаба —
Гурбан сэгээн сүүдхэдэ
Тэрэ уһан хойноһоон урдажа
Ябаа гэхэн юмэлэ.
Уянгайеын ядаба —
Тэрэ ехэ уһайе
Шулуун хабсагай тотхожо,
Хоёр тээшэн урадхажа орхижо,
Тэүнһээн сааша

Хуушан хэмдээ орожо
Дугшуулһаниин тэрэһэн гэлэй..
Оёор сагаан тэнгэри
Оёдол дундан ерэбэ —
Уужам дардам харгуйдаа
Орожо дугшана бэлэйл даа.
Тэбхэйн үндэр хада дээгүүр
Алта мүнгүн дугуйяар
Дамжуулажа буубалдаа —
Дамжуулажа буухадаа
Зоноо зудан харгуяар
Зорулзуулан ерэбэ,
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхалзуулан ерээ гэхэ юумэ — даа.
Гэрхэн дээрээ ерхэдэ
Гэртээ лэ орходо
Ошор Богдо хүбүүн гээшэ
Таняал үгээ байба ла.
— Арбан гурбан хаани
Абатаниин түргэдэжэ,
Далан гурбан хэлийе
Үзүүрдээшэн түргэдэжэ ербүү?
гэжэ һууба ла.
Санхан Гоохон дүүхээ гээшэ
Бихэн яара урай байһа юумэ
Арба найматай шихэн байнаш?
Арба найман елдэ ябажа
Энэ һамага асарба байна ла!
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Зүби нэгэ хүүриин даа.
Зүбхэн дээрэ тохобо,
Зүргэ нэгэ байхадан
Харгуй дээрэ тохожо
Абалдана бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Араяа барабаан дэлдэбэ —
Араяа зайи гульдхаба,
Эбэрээ барабаан дэлдэбэ —
Эбэрээ зойн гульдхажа
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Боошхоороо хэмнэжэ
Арахи гарган зугаа болбо —
Болдогоор хэмнэжэ

Что десяток людей не обхватят.—
За ними вода, устремляясь,
Рекою текла
С переливом.
За ними
Текла та вода
Трое суток.
Уйти от воды не могли....
[На пути ее] скалы из камня воздвигнув,
Ту воду большую
По двум направленьям они развели.
Так ее отведя от себя,
Как до этого
Рысью поехали дальше...
До самого шва белодонного неба
Доехав,
По гладкой широкой дороге
Рысцою поехали дальше.
Спустились
По злато-серебряным мостикам,
Через высокую гору Тэбхэ.
Спустившись,
Они по народной дороге прямой
Прискакали, мелькая,
По ханской широкой дороге
Примчались, звеня.
И когда же приехав,
Зашел он домой,
То [отца]
Не узнал Ошор Богдо-хубун.
«Не пришли ли, разгневавшись,
Маги тринадцати ханов,
Или, озлобившись,
Владыки семидесяти трех языков?»—
Говоря так, сидел.
«Моя жизнь с Санхан Гохон-духэй—
Давнишнее дело.

Тебе восемнадцать уж лет!
Восемнадцать-то лет проведя в дороге,
Вот эту жену я привез!»—
Так [Гэсэр] говорил.
И правдивое слово
За правду сочтя
Да тропинку
Дорогой сочтя,
С одобрением приняли [слово Гэсэра].
Абай Гэсэр-хубун
Ударил тут в северный свой барабан—
Народ с севера он собирал,
В барабан свой ударил он южный—
И с юга народ собирал,
Говорят.
И бочками меряя тут,
Арахи выпивали, гуляли.
Холмами тут меряя,

Мяхай гарган зугаа болбо —
Найр зугаа хүүлбэ.
Хуримай ла зонхон ерэжэ
Хуушач түрэеэ хэжэ
Зугаашана бэлэй лэ.
Юһүн һүни ехэ зугаа хэбэл даа,
Найман ханай үдэр-лэ наартай зугаа
хэбэ лэ.

Хуримай ла зойе харюулжа орхибо.
— Алта мүнгүн байсандаа,
Бихэн гурбан хүбүүтэе болоо байнам,
Абай Гэсэр хүбүүн,
Ондоо байсан барижа
Залуу эмэтэеэ һуу! гэжэ
Санхан Гоохон дүүхээ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Үнөө һүни уридаар[56]
Намай хонуулыт! гэжэ

Абай Гэсэр хүбүүн
Инеэн наадан байбал даа.
— Шамай ямар һайхан таһалгадаа
Унтуулха гээбшэ?
Тэндэ зүүхэн хойто буландаа
Хашхам! гэжэ
Санхан Гоохон дүүхээ
Хэлэн хүүнэн байбал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Зугаа найраа хэжэ лэ,
Боро хоног шара намша болжо,
Абай Гэсэр хүбүүгээ
Баруун урда тулгадаа[57]
Унтуулажа орхиһониин тэрэ гэлэй лэ.
Боро хоног шара намша болжо,

Обоо зөөлэн орондоо
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө оролдожо,
Баруун урда таһалгандаа
Унтана бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ,
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Үглөөни үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйе үдүйдэ
Үрөөлүйе гархада
Бодон харайн байбалдаа.
Нюурхан гархан хоёроо
Зэлмээжэ абаба —
Боошхо болхо уһаараа!..
Зэлмэжэ абша
Хоёр хани һамагатаяа,
Гурбан хани хүбүүнтэеэ
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайаа табюулжа,
Улаан мүнгүн остоолдоо
Ундан сайа табюулжа,
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табюулжа,

Мясо съедали, гуляли—
Веселое гуляние было.
И свадебный поезд тут прибыл,
Гуляли
На свадьбе по-старому,
Девять ночей то гуляние было большое,
Дней восемь приятное было гулянье.

Обратно отправился свадебный поезд.
«Я в злато-серебряном нашем дворце
Трех детей родила.
Абай Гэсэр-хубун,
Построй ты отдельный дворец,
С молодой своей бабою в нем и
живи!»—
Санхан Гохон-духэй
Говорила такие слова.—
«Хотя б в эту лишь ночь
Ночевать мне позвольте взаймы!»—
Так, смеясь, шутил
Абай Гэсэр-хубун.—
«Тебя-то в какую хорошую комнату
Спать я пущу?
В лево-заднем углу
Уж запру!»—
Говорила
Санхан Гохон-духэй.
Вслед за тем
Пир-гуляние было.
Спустилися сумерки желтой листвой.
Абай Гэсэр-хубуна
У право-передней опоры
Спать положили.
Спустилися сумерки желтой листвой.
Абай Гэсэр-хубун
В своей мягкой и пухлой постели
И под одеялом, как легкие, мягким,
В той право-передней-то комнате
Спал, говорят.

Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун,
Когда красное солнце утра
Половиной своею взошло,
Половиной еще не взошло,
Тогда встал, соскочил,
Свои руки, лицо свое
Бочкой воды
Он помыл.
И, умывшись, велел он поставить
На пестро-серебряный стол
Наилучшие яства,
На красно-серебряный стол
Из питья наилучшее,
Дважды приятные [яства]
Из семидесяти приятнейших яств,
Наилучшие [яства]
Из девяноста приятнейших яств.

Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлэйн табюулжа,
Эбэл зэбэл идеэлэжэ һууһаниин тэрэ гэлээ.
Урданай байһан юумэйе
Удан татан зугаалба,
Эртэнээ байһан юумэйе
Эблүүлэжэ зугаалба.
Хара ехэ үһан дээрэ
Үрмэ байлган зугаална бэлээ,
Хабтагайхан шулуун дээрэ
Ногоойи ургуулан зугаална бэлээл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн лэ
Хадайн ехэ шулууйе
Ханьялахам гэжэ лэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Боориин ехэ шулууйе
Буталуулхам гэжэ лэ
Басагадаа шье аали бариха
Өөрэ үгээ байна гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Һуухадана бэлээл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн
Сайлаһан биеэрээ
Айлаһаа гульдхаба —
Арбан хүбүү гульдхаба,
Хоринһоон гульдхаба —
Хорин хүбүү гульдхана бэлэй лэ.
Хадайн хара шулууйи
Ханьялуулан байбал даа.
Боориин боро шулууе
Бутулуулан байба ла.
Айлаһаа гульдхаба —
Арбан дархай гульдхаба,
Хоринһоон гульдхаба —
Хорин дархай гульдхажа
Суурилаха гэжэ лэ
Хурса һүхээ барюулжа
Оруулна бэлэйл даа.
Хараангааран хэмнэбэ —
Хаяайин гарган һуурилбуу байба,
Харабшаараа хэмнэбэ —
Хэршээһээн гарган һуурилна бэлэй даа.
Уран ханай гарааран
Сабшуулна бэлэйл,
Нарин ханай гарааран
Эмхүүлнэ бэлэй лэ.
Суурилуулан барижа
Абалсана бэлэй лэ —
Тэрэ ехэ байсаниие
Барюулажа байба ла.
Тэнгэридэ хүрэсэ
Тэбхээсэрэн барюулжа,
Огторгодо туласа
Оглойсорон борюулжа
Байгаа гээшэн юумэлэ.
Доодо ханай биеэрэн

[А затем] с двумя женами он
И с тремя сыновьями
Сидел, с удовольствием кушал.
[И тут], подымая былое,
Беседу вели,
Собирая, что в древности было,
Беседу вели.

И беседу вели они так,
Что на чистой и полой воде
Образовывали пенку .
И на камне [широком] и плоском
Растили траву.
Абай Гэсэр-хубун
Говорил:
«Разломаю я
Камни громадные гор,
Разобью я
Громадные камни бугров,
Все равно сыновьям
Надо строить дома»,—
Говорил он.
Абай Гэсэр-хубун,
Как чаю попил,
Так с улусов собрал—
Десять парней он собрал,
С двадцати [домов] он собрал—
Двадцать парней он собрал.
И черные горные камни
Ломали они,
Да бурые камни бугров
Разбивали они.
С улусов собрал он—
Десять собрал мастеров,
С двадцати [домов] он собрал—
Двадцать собрал мастеров.
Им острые дал топоры
И послал,
Чтоб они возвели основанье,
Верстами измерили —
Нижние стены они возвели
Да измерили тут на глазок,—
Вырубая углы, возвели основанье.
Рубили
Руками умелыми,
Кроили
Руками искусными,
И так
Возвели основанье:
Дворец квадратный
Они строили,
До самых небес
Достигающий строили,
Под небеса
Подведя, громоздя, его строили,—
Строили так, говорят.
И в нижних его этажах

Шагаабар гаргуулан барюулна
бэлэйл даа.
Долоо минган шагаабар
Гаргана бэлэй даа. —
Дээдэ биеэрэн болобо
Дэмээ олон шагаабар
Гаргуулжа суурилба —
Гаргуулжа суурилжа
Юһүн гүрэм тэнгэрии
Шагаалгажа гаргаба —
Доодо биеэр шагаабар —
Долоон минган шагаабар
Долоон үнсүэг дайдуйе
Шагаалгажа гаргажа
Абалсаба байбал даа.
Абалсаһан биеэрээ
Тэрэ ехэ байсанье
Хотогой мүнгүн хёосоороо
Хушалдажа абаба —
Хобол мүнгүн ёолбоор
Даралдажа абаба —
Түүнээ нэгэ аянда
Газаа биеэеы дуйлаба —
Сагаан мүнгөөр сардабал,
Осоо биөеын дуйлаба —
Алта мүнгөөр дуйлаба.
Наран ханай барагтай
Яларса дуйлаба,
Намшаһан барагтай
Далбалзаса дуйлажа
Абаа гэхэн юмэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тэрэ ехэ байсандаа
Нахилзаса гэшхэлмэ
Налуур мүнгүн алаабхи
Дэлгэлдэжэ абаба, —
Хотолзосо гүшхэлмэ
Хотогой мүнгүн алаабхи
Дэлгэжэ абаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Дабаархажа* оролмо
Дардам мүнгүн хэрэнсээ
Гаргажа абуулба.
Шургалан оролсохо
Шутхамал мүнгүн хэрэнсээ
Гаргажин абалсаба —
Эржин ехэ тоногоор

Эрхим гарган абаба,
Боржин ехэ тоногоор
Боһогойн гарган абаба,
Торжин ехэ тоногоор
Тотогойеын хэбэл даа,
Элиис шара гууляараа
Үүдээе хэбэл даа.

Вырубали окошки.
Семь тысяч окошек
Они вырубали
Да в верхних его этажах
Беспредельное множество окон
Они вырубали,
Они вырубали их так,
Что смотрели [те окна]
На девять гурэм-тенгриев.
Окошки, что были внизу,—
Семь тысяч окошек
Смотрели
На семь направлений земли.
А затем
Тот огромный дворец
Покрывали
Серебряным тесом изогнутым,
Из серебра желобами[101]
Его придавили.
И белым покрыли они серебром
[Его стены] снаружи,
И золотом да серебром
Изнутри-то покрыли.
И так они сделали это,
Что солнцем [дворец тот] сверкал
И подобно листве
Развевался,—
Вот сделали так.
Вслед за тем
В том огромном дворце
Настилали полы
Из налур-серебра.
[Те полы] прогибались,
Когда ты шагаешь по ним,
Настилали полы они гнутые —
Из серебра,
Что качались,
Когда ты шагаешь по ним.
Вслед за тем
Возвели
И крыльцо из дардам-серебра,
На которое надо взбираться, как на
перевал.
Возвели
И крыльцо из литого они серебра,
По которому надо ходить нагибаясь...
Они инструментом большим
перламутровым[102]
Сделали притолоки [дверные].
Большим инструментом гранитным
Пороги они прорубили.
Большим инструментом чеканным
Приделали там косяки.
И сделали двери они
Из листов желтой бронзы.

* В издании 1930 г. — дабархожи.

Тэрэ ехэ байсандаа
Дотор дундан суурилба,
Далан долоон таhалгай
Таhалуулан абаба.
Тэрэ ехэ байсанда
Далан хани мэлүүн шулуун бээжиие
Барюулана бэлэйл даа.
Барюулжа абаад ла,
Унтарша үгээ лэ
Уляаhан hайхан түлеэе
Оруулжа түлибэл,
Далан шарга түлеэйе
Халаадааран оруулжа
Түлилсэжэ абаба.

**
*

Балай хара унин гээшэ
Огторгодоо тулабал даа —
Огторгоhоон хитараба
Үлгэн замби дайдадаа
Уняар болон байба ла —
Ойн ехэ анхан гээшэ
Инзаганhаан төөрэбэл,
Огторгойн ехэ шубуухай
Зулзаганhаан төөрэбэ.

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гагса хүүнил унинда
Бүхэли замби дайда
Багтаажа ядаха юмэ байбуу? гэжэ
Ехээ гайхан гайхабал.

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Огторгойн юhэн хүрхэшэндэ
Алаг хани саазгайи
hуугаашье үгэйеэр
Баруун хойто огторгой,
Юhэн хүрхүшни
Баруун захайн хүрхүйн
Табюлажа ерыш! —
Алаг ехэ саазгай гээшэ
Ара гэрээн баруун хойшо

Дэбэрхэлнэ бэлэйл даа.
Хоёр сэгээн сүүдхэдэ
Ядаан гэжэ хүрэбэл даа.
Баруун захайн хүрхүйе
Табюулана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хара бүрүүн далайда
Хара манан болгожо
Үлеэлгэнэ бэлэй лэ.
Хатан уулайн толгойдо
Үүлэн болгон тархаалдажа орхибо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тэрэ ехэ байсандаа

В том огромном дворце,
В середине его,
Они сделали
Семьдесят семь комнат.
В том огромном дворце
Они сделали
Семьдесят печей из камня-мэлун.
Когда сделали [печи],
Они затопили
Дровами осиновыми,
Что, не угасая, горят.
И охапками [в печи]
Кидали дрова,
На семидесяти санях привезенные.

**
*

Черно-черный дым
Поднимался до неба,
От неба обратно спускаясь.

Широкую землю
Он мглой застилал.
[Во мгле той] теряли детенышей
Много таежных зверей
И небесные птицы
Теряли птенцов.
Вслед за тем
Удивлялись весьма:
Неужели же дым [из дворца] одного человека
Не может вместить
Вся земля?
Вслед за тем
Была послана
За девятью хурхешинами* неба
Белобока-сорока [с наказом],
Чтоб без остановки она долетела
До северо-западного неба
И чтобы поставили там
Крайне-западный мех девяти хурхешинов.
Исполин-белобока-сорока
От северной юрты на северо-запад
Отправилась [в путь].
Двое суток [летела]—
Едва долетела —
И поставили там
Крайне-западный мех.
Вслед за тем
[Дым, мехом] сдуваемый,
В черный туман превратился
На Сумрачном черном море,
На Ханше-горе, на вершине,
Он тучами стал.
Вслед за тем говорил так [Гэсэр]:
«Молодые вы люди,

* Хурхешин—тот, кто работает у кузнечных мехов.

— Залуу ханай улуд ла
Эхэтэеэ ошогтуй.
Баабай тнай болобо
Залуудаа бариһан һүрэдөө
Бихэн танай һуухам! — гэнэл.
Ошор Богдо хүбүүн гээшэ:
— Баабайн барижал үгэһэн хойно
Ошжо тэндэ һууйи гэжэ
Санхан Гоохон дүүхэйе
Хэлэн хүүнэн байба ла.
Зүби нэгэ хүүриин
Зүбхэн дээрэн тохожо,
Зүргэ нэгэ байхада харгүй дээрэн тохожо
Санхан Гоохон дүүхээ
Ошолдоно бэлэйл-даа.

***

Малагаари мандан шарга наранда:
— Алтай ехэ дайда мэни
Антай гүрөөһэтэй болоо байна —
Абалажа ерхэмни...
Гүрөөһэтэй болоо байна.
Гагуурай Ногоон дүүхээм
Бихэн шэни абалажа ерхэм гэжэ
(Түрүүнээ сай дээрээ)
Мэнэн хүүрээ хэдэнэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн лэ

Абайн тоное,
Сайлажа бодоод ло,
Түхөөрэнэ бэлэйл даа.
Хубсаһална бэлэйл лэ.
Абайн зангаар хубсалжа
Абалдаба байбал даа:
Бүтүү мүнгүн бэһэеэ
Бэлхэнсэгтээ дүнгүбэ,
Хэлтэгээ хээрээр хэмнэбэ —
Буудай мүнгүн һаадае
Баруун ташаа байлгаба.
Нарин голоор хэмнэбэ —
Нари мүнгүн хоромгойе
Зүүхэн ташаа байлгаба.
Хоромгодоо хударба
Далан табан тэбхэтэй
Даньял шара номоёо
Хоромгодо хударба.
Түүнээ нэгэ аянда
Одоо эйлэ бэлэй:
Ерэн табан һомоёо
Ерхээсэн ахаба.
Далан табан һомойе
Дархайсаран ахаба —
Бутайн шэнээн залаатай,
Бухали шэнээн бараатай
Булган хиидхүүр малагайн
Орой дээрээ табижа,

Идите же с матерью вместе
В тот [новый] огромный дворец
Я, отец ваш, останусь
В [старом] дворце,
Что построил я в [годы] свои молодые»,—
Ошор Богдо-хубун
Говорил:
«Санхан Гохон-духэй!
Коль отец мой построил,—
Пойдем мы туда».
Слово истины
Правдой считая,
Тропинку
Дорогой считая,
Санхан Гохон-духэй
Перешла [в тот дворец].

***

А назавтра, как красное солнце взошло,
Говорил так [Гэсэр],
(Когда утренний чай они пили):
«На Алтае моем, на великой земле
Стало много зверей и косуль.
Я охотиться съезжу туда...
Стало много косуль.
Гагурай Ногон-духэй моя,
Я охотиться съезжу туда».
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун,

Когда чаю попил,
Для охоты оружие
Он приготовил,
Оделся.
Оделся он так,
Как обычай охоты велит.
Так цельно-серебряный пояс
Надел на себя
И измерил покатою степью—
Повесил на правый свой бок
Свой колчан из будай-серебра,
И измерил долиною узкой—
Налучник изящно-серебряный свой
Он повесил на левый свой бок.
И засунул в налучник
Лук желтый даньяльский,
Что семьдесят пять подставок имеет,—
В налучник его и засунул.
А после,
Так именно было:
Навесил торчком на себя
Девяносто пять своих стрел,
На себя он навесил громоздкие
Семьдесят пять своих стрел.
И надел он на голову
Шапку свою соболиную и развевающуюся,
Что, словно копна,

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ лэ
Ара гэрээн хойшо ло
Юрьюулэжэ гараба.
Алтай ехэ дайдуяа
Ара дунда гараба.
Хухүй ехэ дайдуйяа
Хүбшэлэжэн оробо —
Түрүүни хоморгой табина бэлэй.
Юухэн балай үгээ лэ байба даа —
Түүнээ хойто хоморгуй
Табижа арилба —
Юухэншье үгээ
Хооһон балай байба ла.
Гурбадахи хоморгой табина:
Хулганайншье хамарһаа
Шуһа гаргаа үгэйээр
Хонолгойе барина бэлэйл даа.

***

Хүү унтаха барагта
Гагуурай Ногоон дүүхээдэ
Сарил сагаан толгойтой
Самсаал сагаан хушуутай
Һамаганиин ерэжэ
Оролдоно бэлэйл даа.
Ороһоор болбо
Гагуурай Ногоон дүүхэйе
Баруун гариин барибал даа,
Бата хүүрээ хэлсэжэ
Һуугаа гэхэн юмэ даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гагуурай Ногоон дүүхээ — лэ
Үүдээ шэбхэдээд
Үнөөхи лэ һамаганда
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайн табиба,
Улаан мүнгэн остоолдоо
Ундан сайяа табилдаба.
Далан зөөлэн идеэнээ
Дабхар зөөлэйн табиба,
Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлэйн табиба.
Эрээн мүнгүн остоолдон
Идеэлэбэ байбал даа.
— Гагуурай Ногоон дүүхээ ялайш? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ:
— Хүүни хойно ябаһан хүүхэн
Ходо хүлэһэншэ ябака юмэл.
Хүүнээ урда эзы лэ
Хатан дэли һууха юмэл...
Гурбан хани хүбүүтээ лэ эзы
Шамай хани бозо нэгэ уухада!
гэжэ сохихол,
Буруу хара! гэжэ үлдэхэл.
Боен хама! гэжэ сохихол.
Борбито хүлөөлэ

С кисточкой с кочку.
[Затем] Абай Гэсэр-хубун
От северной юрты на север,
Гремя, поскакал.
И на северный склон он приехал
Алтая-великой земли.
На Хухэе-великой земле
На таежный хребет он поднялся.
Ловушки поставил он первые,
Но оказались пустые.
Вторично поставив ловушки,
Ушел,
[А затем их проверил]—
Никто не попал.
В третий раз он поставил ловушки—
Ушел на ночлег,
Из мышиного носика даже
Не пролив и капельки крови.

***

В ту пору, как люди отходят ко сну,
Подошла и зашла
К Гагурай Ногон-духэй
Та старуха,
Что с белым и острым лицом,
С головой сверкающе-белой.
Зашла
И за правую руку взяла
Гагурай Ногон-духэй,
И уверенно молвя слова,
Там сидела она.
Вслед за тем
Гагурай Ногон-духэй,
Заложив свою дверь,
На пестро-серебряный стол
Той старухе
Поставила вкусные яства,
На красно-серебряный стол
Поставила чай и питье.
И поставила дважды приятные [яства]
Из семидесяти приятнейших яств,
Да поставила самые вкусные [яства]
Из девяноста вкуснейших яств.
И за пестро-серебряным сидя столом,
Угощалась [старуха].
«Гагурай Ногон-духэй, что с тобой?—
Говорила она.—
Если будешь второю [женой],
То служанкою вечною будешь.
А ежели первою будешь женою,
То ханшею будешь...
А баба с тремя-то детьми
Станет бить тебя, чтобы бардой ты
питалась!
Выгонять тебя станет — смотреть
за телятами!
Станет бить тебя, чтобы ты мусор мела!
Ты, ноги в коленах сгибая,

Бохид гэжэ һуухал гүйш!..
Үлгэнээ басаган бэшэ хашам,
Үндэр сэгээн тэнгэриин басаган ха шам!
Яахадаа энэ гурбан хүбүүтээ
Үтэлэһэн хүүндэ ерээбши?
Үйнш хэриинш хүүхэн лэ
Минии хүбүүн байна хьям.
Энэ хани Абай Гэсэртэ,
Энэ хани Гэсэртэ

Хайшинш гэжэ зохихуйл ши!
Миниие хани хүбүүндэ ошожо
Бод! гэжэ борбиин сохижо,
Һуу! гэжэ һуудлиин сохижо,
Өөрьеө мэдэлдэ һуухал ши...

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Хайшин гэжэ һалаха бэлэйб? гэжэ
Хайшин гэжэ мултарха бэлэйб!... гэжэ
Нэгэл гэжэ ерээ ханайб!..
Мэнэн хүүрээ хэлнэ.
— Ямар юумэйн ядаабши?
Гушан гурбан базаари
Гурбан хани шулуун алаабхи
Эрьежэ ерэхэм гэхаа бэзэ —
Ямар юумэйн тэндэ ошхошниб даа!
Уряанаһаан нааша
Эрдэмтээ бэлигтэйб! — гэжэ
Юу ханай намдаа һайрхагша һам ши?
Нэгэ эрдэмэйш харһуу! гэжэ һураарайл даа гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Мэтэр гэсэн бэнеэрээ
Эрдэмээ намда үзүүлхэш хьяб?
Дүшэн алда бэетээ
Дүньёо зээрдэ морин болжо асал даа..
Тэрни нэгэ аянда
Абай Гэсэр хүбүүгээ
Улам хани уряанхиһаа
Уриханаар угтаарайш,
Уряанхиһаан болоһоо
Угаа инагаар абаарайш.
Би харихамни,
Арга үгээ үүр сайхан
Үдэр гэйхэн! гэжэ
Амитан зонхон хаража ла орхихон! — гэжэ
Үнөөхи лэ эзы газаа тээн лэ гарша
Арилана бэлэй.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тэрэ ханай
Гагуурай Ногоон дүүхэйе
Мэхэлэһэн биеэрээ
Алта мүнгэн байсанье
Баруун урда хэршээһэндэ
Үен болон шургажа,
Хэбтэнэ бэлэйл даа.

Ни разу не сядешь!...
Не дочь ты земли,
Ты же дочь ведь высокого светлого неба!
И вышла зачем же
За старого ты человека с тремя сыновьями?
Ведь есть же мой сын—
Твой сверстник-ровесник!
Ты с этим Абаем Гэсэром,
Ты с этим Гэсэром
Как сможешь ужиться?
А если за сына пошла б моего,—
По колену ударив его, говорила бы: «Встань!»
И ударив его по спине, говорила бы: «Сядь».
Так жила, как хотела бы ты...»
Вслед за тем
[Гагурай Ногон] говорила:
«Когда уж сюда я приехала,
Как же я с ним разведусь,
Как уйду от него?»
[А старуха] сказала:
«Чего же здесь трудного?
Скажет, пойду, посмотрю я
Три каменных лавки
Тридцати трех базаров.
Тогда ему скажешь: Зачем же туда ты пойдешь?
Чего же ты хвастал,
Что можешь творить чудеса?
Посмотреть бы хотя на одно твое чудо![103]
Скажи ему так,— поучала старуха,
Затем [продолжала].—
Ты мне покажи волшебные силы свои!
Превратись в светлорыжую лошадь,
Что сорок шагов по длине...
Для того-то
Абай Гэсэр-хубуна
Так нежно встречай,
Как еще не встречала,
Как можно любезнее прежнего
Ты принимай!
Я пойду.
Приближается день!
Уж рассвет наступает,
Не увидели б люди меня!»
Так сказала та баба,

На улицу вышла, ушла.
Вслед за тем,
Обманув
Гагурай Ногон-духэй,
Обернулась она в горностая
И в право-передних
Пазах угловых
Злато-серебряного дворца
Залегла.

***

Ай гэхэ бэлэй —
Одоо эйлэ бэлэй:
Мүнөөхи лэ Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Эртээрээ хоморгой табижа
Арилана бэлэйл даа.
Ойн ехэ гүрөөһэйе

Ой дундаа сомобо,
Тайгуяа гүрөөһэйе
Тайга дунда сомоно бэлэйл даа.
Гульдхажа абаба —
Морин һайхан хүлэгтөө лэ
Хулмалзагша шэхэнһээн хойшо
Дүүрэжэ абаба,
Хондолзогши уусаһаан уряагша
Ашалдажа абаба
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Толгоёороо адали болсо
Гүрөөһэйе ашан дүүрэжэ,
Гэрэхэн тээшээ гэшхүүлжэ,
Газар тээшээ гальюулаа бэлэй.
Гэрхэн дээрээ ерэбэл даа.
Урда ехэ ашаагаа
Уряатшан түльхэн унагааба,
Урда уулайн барагтай
Оглойжо хэбтэбэл.
Хойто ехэ ашаайе
Хойшон түльхэн унагаабал,
Хойто уулайн барагтай
Оглойжо хэбтээ гэхэн юумэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гагуурай Ногоон дүүхээ—лэ
Гүйн харайн гаширбал:
— Хэрхэн һайса
Алтайяа абалажа ербэб ши,
Үбэгэн минии гэнэлби?
Хухүй ехэ дайдаяа
Хэрхэн һайса
Абалажа ербэб ши? гэжэ
Һуран суран байнал даа.
Морин сайхан хүлэйи,
— Алтайдаа бэлшэ даа,
Атар таргай таргал даа;
Хухүйдээ бэлшэ даа —
Хэсүү таргүй таргал даа! — гэжэ
Табижал орхибол.
Дабархажа оролсомо
Дардам мүнгэн хэрэнсээ лэ өөдөө
Алхалдажа оролдоно бэлэйл даа.
Гэртээлэн орходоо
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайяа табиба,
Улаа мүнгэн остоолдоо
Ундан сайяа табиба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Ерэн зөөлэн идеэни

***

Как не скажешь тут: «Ай!»
В это самое время-то
Он, Абай Гэсэр-хубун,
Уходил,
Рано утром поставив ловушки.
Лесных много коз

В середине лесной он сложил
И таежных косуль
В середине тайги он сложил.
На коня он навьючил
До самых ушей,
Чем прядал тот, косясь.
Он навьючил
До самого крупа [коня],
Чем покачивал [конь].
Абай Гэсэр-хубун
Вплоть до головы [лошадиной]
Навьючил косуль
И домой зашагал,
И помчался к родимой земле.
И приехав домой,
Вьюк передний огромный,
Толкая вперед, он свалил,
[Вьюк], как южные горы,
Лежал громоздясь.
Да огромный вьюк задний,
Толкая назад, он свалил,
Наподобие северных гор
[Вьюк] лежал громоздясь.
Вслед за тем
Гагурай Ногон-духэй
Прибежала.
«Ну как, хорошо
На Алтае охотился ты,
Мой старик, говорю?
На Хухэе-великой земле
Хорошо ли
Охотился ты?»—
Так спросила она.
Он хулэга-коня своего
Отпустил, говоря:
«На Алтае пасясь,
Набирай ты обильного жиру себе,
На Хухэе пасясь,
Ты побольше нагуливай жиру себе!»
На крыльцо из дардам-серебра
Он поднялся, шагая,
Как будто бы на перевал.
И когда он вошел во дворец,
Там поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол
И на красно-серебряный стол
Из напитков поставили лучшие.
Вслед за тем,
Тут поставив приятные самые

Ехэ зөөлэйн табижа,
Далан зөөлэн идеэни
Дабхар зөөлэйн табиба.
Эбэл зэбэл идеэлжэ
Эхир хэхир зугаалба.
Гагуурай Ногоон дүүхээтэеэ
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байса зугаалбал,
Хабтагай ехэ шулуун дээрээ
Ногоо ургуулан зугаална бэлэйл.
Үдэшэни боро хоног
Шара намша болно бэлэйл даа.
Обоо зөөлэн орондоо,
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө
Халуун зөөлэн хадуушхадаа
Булаган зөөлэн будуушхадаа,

Хоюуландаа оролдожо тэбэрэлдэжэ,
Харьяса бурьяса унтана бэлээл даа.
Орон согоо зугаашана бэлээл даа:
— Абай Гэсэр хүбүүн
Арбан гурбан абатайб! гэжэ

Намда юүгээ хани хэлээ һэм ши?
Ширээхэ ехэ бэтэ
Шижэтээб гэжэ намдаа
Юү хани хэлээ һэм ши?
Малагаар хани эртээр
Намдаа лэ нэгэтэ хубилжа үхэшняаб?
Эрдимииш харжа үзэхэмнил.
— Ямар эрдэм намһаа эрээб ши? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн гуай
Хэбтэнэ бэлээл даа.
— Намда ла болбо —
Дүшэн алда бэетэй
Дүйөө зээрдэ[58] морин болжо
Үйлсэ — худураа — хатаража асал даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Яаханшье яаха һам даа
Һамаганаа дуранда,
Малагаар нэгэ багтай талда
Хубилажа морин болжо
Хатаража үзхэдэ яахан һам гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Үглөөнээ үдэйн шарга наранда
Газаа хани гаржа
Дүшэн алда бэетэ

Дүйөө зээрдэ морин бололсожо үгэбэ.
Үйлэнсэдэ гаржа
Гурба хани дахин
Эрьежэ хатарба.
Тамшиин сагаан хээрэ гаржа,
Ташиганма добуундаа гаржа,
Ногоо идеэжэ наадажа байна бэлээ лэ.
Наадажа байхадаа — үнөөхи лэ

Из девяноста приятнейших яств,
Поставили вдвое приятные
Из семидесяти приятнейших яств.
Да и вместе с Гагурай Ногон-духэй
Он покушал со вкусом,
Приятно беседовал с ней.
Так беседовал с ней,
Что на чистой и полой воде
Образовывали пенку,
На камне [широком] и плоском
Растили траву.
И спустились вечерние сумерки желтой листвой.
И в мягкой и пухлой постели,
И под одеялом, как легкие, мягким,
И в теплой, и мягкой постели своей,
Да на мягкой подушке своей соболиной
В обнимку вдвоем они спали
И крепко и сладко.
[Перед сном-то] такой разговор у них был:

«Абай Гэсэр-хубун,
Говорил,
Что имеешь тринадцать ты чар?
Говорил, что имеешь
Великие чары
Ковать, [создавать и перевоплощаться]?
Ты утречком завтра
Разочек перевоплотись для меня.
Я желаю на чары твои посмотреть».—
«О каких моих чарах ты мне говоришь?»
Вопрошая,
Лежал
Абай Гэсэр-хубун.
Она отвечала:
«Превратись для меня
В светлорыжую лошадь,
Что сорок шагов по длине,

И по улице ты поскачи!»—
Он сказал:
«Так-то так, [я согласен].
В угоду жене,
Я завтра, в свободное время,
В коня превращусь,
Поскачу, это можно».
И завтра, при солнышке красном дневном,
Он, на улицу выйдя,
В коня светлорыжего,
В сорок шагов по длине,
Превратился.
В три круга
По улице он поскакал.
На Тамшинскую белую степь выходя,
На грохочущий холм выходя,
Он резвился, пасясь на траве.
И когда так резвился,

Сарил сагаан толгойто
Самсаал сагаан үргэтэй
hамагалан гээшэ болбо —
Ошхон ханай эhэгийн[59]
Намнажан орхибо.
Намнажа орхиходо
Бурхидажа
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Байhалан газарhаа хүдэлхэйөө болижо
Байлдажа үгүлээ...
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Дүйөө зээрдэ морийн хүтэлжэ
Сарил сагаан толгойто
Самсаал сагаан үргүтэ
hамагалан хүтэлжэ
Ара гэрээн зүүлжэ лэ
Хатаража арилба...
Хүтэлжэ ошожо:
— Дарша үгэй юумэйи
hайи мүнөө дарабаб — даа,
Дайлша үгээ юумэйи
hайи мүнөө дайлааби! — гэжэ

Ёрон долоон толгойто
Ёргоо hүргааг эбэртэй
Ёбсоголдой[60] шара мангадхайдаа,
— Энэ хани морёо хүлэжэ
Душэн дүшэнэг газар
Сүүдхэдээл хахалаал үгээ хадашни
Тохоног шэни минаагай,
Толгой шэни газарай! — гэжэ
Үгэнэ бэлээл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Ёбосоголдой шара мангадхай
Газараа ехээ хахалжа
Байгаа гэхэн юумэ лэ.
Сүүдхэ осоо хахална бэлэйл даа.
Душэн дүшэнэг газари —
Шэнэ газар хахалжа абана!
— Морёо гартаа барибаалби,
Хойштоо hүни бэриеэ асархам...
Мүнөө ханай hүни тэнхэн барагта
Гагуурай Ногоон дүүхэйи
Хулуулдажа ерхэмни.
Энэ муухан эрэ юушье шадхуй,
Төөрэжэ ошохо!—гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Гурбан ханай хүбүүндэл мэдүүлэл үгэеэр
Бүдүүн hайхан үбүhээйе
Бүхүд ханай гэүүлэгүй
Маряалдажа орхо юмэ
Нарихан hайхан үбүhээйи
Нахид-ханай гэүүлэн үгэйэр
Маряалдажа орхо юумэ.

Старуха,
Что с белым и острым подбородком,
С головой яркобелой,
Махнула
Искрящимся войлоком.
Только махнула она,—
Осквернился
Абай Гэсэр-хубун
И с места не мог он сойти,
И поймать себя дал...
Вслед за тем,
Светлорыжую лошадь ведя за собой,
Та старуха,
Что с белым и острым подбородком,
От северной юрты к востоку...
С головой яркобелой,
Поехала рысью
Когда привела,
Передала [коня]
Своему Иобсоголдою желтому мангадхаю,
Который имеет шестьдесят семь голов,
Да и шесть, словно жерди, рогов.
Она говорила ему:
«Непобедимое я
Победила сегодня,
Что было нельзя одолеть,—
Одолела сегодня.
Его запряги.
Коли в сутки не вспашешь
Ты сорок десятин земли,—
Твои локти—кнуту,
И земле—голова!»
Вслед за тем
Иобсоголдой желтый мангадхай
Земли очень много пахал,
Говорят.
В сутки сорок десятин целины
Поднимал!
«Я взяла в свои руки коня.
Приведу этой ночью невестку.
Сегодня я в полночь
Гагурай Ногон-духэй
Украду.
Ничего он не сделает, этот негодник-мой муж.
Он заблудится!—
Так говорила [старуха].—
Крадучись, так надо пройти [во дворец],
Чтоб меня не заметили три его сына,
Чтоб толстые стройные травы
Ничуть не сгибались.
Чтоб тонкие стройные травы
Ничуть не качались.
Ведь ханский потомок,

Хаан хүүни үрэ
Хаашаг хани байха юмэ
Бурхан хүүнэй үрэ
Бурхан ханай байха...

Болгоожо нарилжа ябаал үгээ хада
Тахимаа — шье таһа татуулхаяа
мэдэхэгүй! гэж
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Үдэшэни боро хоног болхолоор
Үнөөхи лэ эзы
Дархи хонгор азаргаяа
Уналдаһан биеэрээ,
Ара гэрээн баруугша
Баруун амайн угзарша,

Эрээн хасар мируулжа,
Баруун гараар сохибо.
Можиин сэгээ тулгажа
Харайлгажа орхибо гэнэл.
Мэнэ ойро болходоо
Дархи хонгор азаргай
Хубилгажа хаяба.
Шагайн шинээн
Шара шулуун болгожо
Халааһандаа хэбэл даа.
Биеэйни хубилба —
Үлүгшэн шара һолонголон болжо
Харайлдана бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүнээ
Газаа хани хүрэжэ
Байгаа тэхэн юмэ лэ.
Үүдэндэни ошожо
Үүдээйен һабардажа байба ла.
Гагуурай Ногоон дүүхээ гээшэ
Харайлдажа ерэжэ
Үүдэлэн неэбэл даа.
Гэртэ нэгэ ожиржо
Өөһэниин болбо —
Үен болгон абаба.
Үен һолонго хоер болжо
Үүдээйин хуушааран хаажа
Байлгаһан биеэрээ
Ара гэрээн биеэрээ
Гүйлдэжэ арилба.

***

Малагаари эртээрээ
Мандан шарга наранда
Ошор Богдо хүбүү лэ
Бодолдожо газаа гаран байба даа.
— Баабайтан ямар орой болсо
Унтаахани байна даа.
Униншье гарна үгээ! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа.
Санхан Гоохон дүүхээ лэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл даа:

Что хан,
А божий потомок,
Что бог...
Коли не осторожно пройти,—

Не заметишь ты, как подколенки они
оторвут!»
Говорила она.
Вслед за тем,
Как вечерние сумерки пали,
Так эта-то баба,
На светлорыжего сев жеребца своего,
Поскакала
На запад от северной юрты.
За правый дернула повод [старуха]—
И пестрою правой щекой осклабилась
[лошадь],
Ударила правой рукой
По бедру [жеребца].
Так скакала она.
Доезжая [до места того],
Превратила она
Своего жеребца светлорыжего
В желтый камень
С лодыжку,
В карман положила его.
А сама изменилась.—
И желтым голодным хорьком
Став она,
Побежала.
Забежала
Во двор
Абай Гэсэр-хубуна.
До двери она добежала,
Царапала дверь.
Гагурай Ногон-духэй
Прибежала,
Открыла тут дверь.
Забежала [старуха-хорек]
Во дворец,
Превратила ее в горностая.
Хорек с горностаем,
По-прежнему
Двери закрыв,
Побежали
К востоку от северной юрты.

***

Назавтра же рано,
Как красное солнце взошло,
Ошор Богдо-хубун
Поднялся, на улицу вышел.
Он так говорил:
«Почему же так спит
Мой отец допоздна?
Не идет даже дым».
Санхан Гохон-духэй
Говорила:

Эсэгэ шэни
Хаана арилан ошобааб даа?
Гагуурай Ногоон дүүхээ лэ
Орой болсо унтаалам! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Баабайтандал ошожо үзээжэ бихэн ерхэмни!... гэжэ
Ошор Богдо хүбүүн лэ
Гаржал арилба.
Ерэлсэжэ эсэгэеэ үүдэйе
Түльхэжэ оробо.
Орходон болбо —
Юүхэншье үгээ
Хобхон хооhон байгаа гэхэн юмэ лэ.
Аянгаяа ядаба.
Гэрхэн дээрээ ошожо
Санхан Гоохон дүүхээhээн
Шүүбэриен hурана.
— Эсэгэ хаана ошхо бэлэй?
Эзын хаана ошхо бэлэйл?
Эхэ юугээ мэдэhэмши? — гэжэ
Мэнэн хүүрээ hурабал даа.
— Би юүхэн мэдэхэм ним.
Ондоо hүрэ барижа
Ондоо эмэ асаржа
hууhалан хүүе

Бихэн юүйин мэдхэм ним!—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ —
Уряанхи зангаараа hуугаа гэжэ hанааламби,
Би юүгээ мэдхэм ним! — гэжэ
Эхэн мэнэн хүүрээ хэлэжэ
hуугаа гэхэн юмэ лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Эсэгээ — лэ бэдэрхэ — гэжэ
Ошор Богдо хүбүүниин
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Хүлөөр ошоhон юмэ
Тэхэрэхү юм,
Хүндэлөөр ошоhон юмэ
Үхэхэ лэ юмэ! — гэжэ
Санхан Гоохон дүүхээ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Орхино бэлэйл даа.
Табан елдэ орхижо
Байгаа гэхэн юүмэл даа.
Табан ели дүүргээд
Байхадаа болбо —
Ошор Богдо хүбүү — лэ
— Эсэгээ табан елдэ үгээ болсони
Орхибо байналби.
Табан елдэ — хаана ошхо юмэ бэ?
Мүнөөхи лэ эмэн
Хардажилан алажхоод,
Харашье тама руу

«Куда же исчез
Твой отец?
Гагурай Ногон-духэй,
Разумеется, спит допоздна»
Так сказала она.
Вслед за тем
Ошор Богдо-хубун,
Уходя, говорил:
«Я к отцу побегу, посмотрю!...»
Подошел он туда
И отцовские двери толкнул, и зашел.

И когда он зашел,
Никого не застал,
Было пусто кругом.
Растерялся,
Обратно вернулся
Совета спросить
У Санхан Гохон-духэй.
«Куда ж мог деваться отец?
И куда его баба деваться могла?
Ты не ведаешь, мать?»—
Так [у матери] спрашивал он.—
«Что знать я могу.
Не могу же я знать что-нибудь о таком человеке,
Что бабу другую привел
И построил отдельный дворец,
И живет [в том дворце]! —
Говорила она.—
Я считала: живут, как до этого жили они.
И что знать я могу!»
Говорила вот так

Его мать.
Вслед за тем
Ошор Богдо-хубун
Говорил:
«Я отца своего поищу!»—
Санхан Гохон-духэй
Отвечала ему:
«Кто ушел на своих-то ногах,
Тот вернется,
Кто ушел по болезни—[104]
Тот не вернется!»
Вслед за тем
Он решил не искать,
И пять лет
Не искал он [отца].
Вот прошло уж
Пять лет—
Ошор Богдо-хубун
Говорил:
«Вот прошло уж пять лет,
А отца-то все нет.
Я его не ищу.
Где же он пропадает пять лет?
Все возможно, та баба

Мухуруулжа тўльхэшэхоод,
Ўгээ болон арилаа шье бэзэ! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ
— Хаанаhаа ,басагам мини
Олохо ханай байна ши.
Абай Гэсэр хүбүүн
Амида хадаа
Тэхэржэ ерхэгүй hаннуу?
Үхөө хани болоо хадаа
Шоройдолон даруулжа хэбтхэн тэрэ
боло аалам! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Ошор Богдо хүбүүн лэ:
— Эрээн яhан эбэртэл,
Агтайн яhан харгандал байнал даа.
Эсэгэйн сагаан яhайе
Бэдэржэ үзэхэм нил — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Басаган минии гэнэм
Үhэн шинии үрбэлгэ,
Үе шини мөөрэhэн...
Би нэгэ багтай газарта
Ябажа ерхэм.
Ши хадаа болбо
Оложо ялахгүй байнал ши.
Би шинии болбо
Үрээ багаhаан хойшо
Үнэр шэнгэлдэhэн хүүхэн байнал би.
Үнэриинше абахадаа
Таниха байнам! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Ши хадаа болбо —
Гэрээ ехэ hахи,
Гэнэн зангаараа hуугаарай! гэжэ
хэлээд лэ
Хэлэлсэhэн биеэрээ
Алтахан ерьеэхээ болобол даа.
Алта мүнгэн байсангаа
Орой дээрэн дэбэрхэлэн гараба.
Ёолоб дээрэн hуужи ла,
Хайша хайшаа
Хараашалан hууба ла.
Алтахан ерьеэхээ
Дэбэлдэнэ бэлэйл даа,
Ара гэрээн зүүгшэ лэ.
Ошолдобо байба —
Зуу найман толгойто
Зуудаг-ханай мангадхайн
Газаа — хани хүрэбэ.
Түлеэн дээрэн hуужи ла
Ерьежэ hууба ла.
Дүшэн алда бэетэ
Дүйөө зээрдэ морин гээшэ
Голхон дээрээ болбо
Гурбан даари гаража,
Гохиихожо байбал даа...
— Ибии, ямар hайхан шубуухай
Энэ түлеэн дээрэмнай hууна? гэжэ

Злодейски убила его,
И столкнув в преисподнюю черную,
Скрылась она».
[Санхан Гохон-духэй] возражала:
«Сынок мой, ты где же
Разыщешь его?
Неужели Абай Гэсэр-хубун,
Если жив,
Не вернется сюда?
Коль погиб,
То землею засыпан лежит!»—

Ошор Богдо-хубун
Возразил [своей матери]:
«Кости мужчины—на солнечных склонах,
В кустарнике—кости коня.
Поискать я попробую
Белые кости отца моего».
[Санхан Гохон-духэй] возражала:
«Мой сын, говорю.
Еще твои волосы—пух
И суставы твои—еще хрящ...
По земле
Я немного поезжу.
Ты его
Не найдешь.
Его запахи с детства
В себя пропитала.
Узнаю его я
По запаху даже,—
Сказала,—
А ты же
Свой дом хорошо стереги
И спокойно, как раньше, живи!»
Так сказав,
Золотым она жаворонком стала,
Взлетела на крышу дворца,

Что из золота и серебра.
Там на желобе сидя,
Туда и сюда
Озиралась.
И жаворонок золотой
Полетел тут
От северной юрты к востоку.
И он
Долетел до двора
Мангадхая кусающего,
Что имеет сто восемь голов.
На дровах его сидя,
Он звонко чирикал.
Яркорыжая лошадь,
Что сорок шагов по длине,
С тремя ссадинами на спине,
Согнувшись, стояла
В долине...
«Мать, какая красивая птичка
Сидит на тех наших дровах!»—

Ёрон долоон толгойто,
Ёргоо һургааг эбэртэй
Ёбсоголдой шара мангадхай
Шагаабараараа хаража
Шагаалдажа байгаа гэһэн юумэ лэ.
— Ибии, ямар һайхан шубуухай
Энэ газаа манай ерээб? гэжэ
Һуран суран байба ла.
— Арбан гурбан хаани
Абатаниин түргэдээ,
Далан гурбан хэлини
Үзүүрдээшни түргэдээ...
Хүбүүн, тээгээр яахатанайб! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлнэ бэлэйл даа.
Бихэн харахам гэжэ лэ
Ёгноголдой шара мангадхай
Газаа гүйгөөд гарабал даа.
Гаралдаһан биеэрээ
Болгоожо харахам гэхэлээр,
Атха болхо шоройе
Урайһаа лан бурд байса
Хаяжа орхибол.
Баруун һайхан нюдүйеын
Шабажа ла орхибол.
Баруу нюдөө атхаад ла
Гэртээ ханай оробо.
Гагуурай Ногоон дүүхээ,
Энэ нюдэнээ шорой абыш! гэжэ
Ошоно бэлэйл даа.
Нюдүй шэни тэһэ намнан арилаа! гэжэ
Шоройиин ядаа гэжэ унагаажа
Байлдаба гэхэ лэ.
Түүни малгаар эртээр
Улам урда ерьеэхээһээн
Улам һайхан ерьеэхээ боложо,
Түлеэн дээрэн ошожо
Ережэ наадажа
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
— Баһа ямар үсхэдэрхиһээн һайхан шубуухай
Газаа манай һуунаб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Үнөөхи лэ эхэн лэ—
Арбан гурбан хаани
Абатаниин түргэдээ.
Баһаа хэһээл үгээ
Үсэгэлдэрхиһээ лэ һайхан гэжэ
Газаа тээшээ юундэ гүйгээб? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Газаа баһаа гүйгээд
Гаралсана бэлэйл даа.
Зүүн хара нюдүйе
Атха болхо шороёор
Тэһэ бала шабалдажа орхибо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Ара гэрээн баруулжа
Дэбэрхэлэн арилба.

Заглянувши в окно,
Говорил
Иобсоголдой желтый мангадхай,
Имеющий шесть, словно жерди, рогов,
Шестьдесят семь голов.
«Мать, какая красивая птичка
В наш двор прилетела?»—
Так спрашивал он.
«Взбунтовалися маги
Тринадцати ханов,
Взбунтовались верхушки
Семидесяти трех языков...
Сынок, это незачем вам!»—
[Его мать] говорила.—
«Посмотрю я»,—сказав,
Йогноголдой желтый мангадхай
На улицу выбежал.
Посмотреть осторожно собрался,
Но кинула спереди
[Птичка]
В него
Горсть земли,
Залепила
Весь глаз его правый красивый.
Закрыв правый глаз,
Он домой забежал.
«Гагурай Ногон-духэй,
Ты вытащи землю из этого глаза!»—
Подойдя к ней, сказал.—
«Совсем выбит твой глаз!»—
Говоря, еле-еле ту землю
Она вынимала.
А завтра же рано
Прекраснее прежнего
Пела [та птичка].
На тех же дровах
Она, сидя,
Играла и пела.
«Опять вот какая-то птичка,
Прекрасней вчерашней сидит во дворе!»

Говорил [мангадхай].—
Отвечала так мать:
«Взбунтовалися маги
Тринадцати ханов.
Еще не отучен,
Чего же на улицу хочешь бежать,
Говоря так:
«Прекрасней вчерашней!»?
И снова на улицу выбежал
[Тот мангадхай].
[Птичка] горстью земли
Залепила и выбила
Левый глаз его черный.
Вслед за тем
Улетела [та птичка]
На запад от северной юрты.

Мангад хүгшэн ахай гээшэ,
Ёгноголдой шара мангадхай
Хана хаяая тэбэржэ
Һабарда һабардаһаар
Үүдэ хани ядаан гэжэ оложо
Орожо ло ошобо.
Турдаа ла орожо
— Гагуурай Ногоон дүүхээ
Баһаа хойто нюдүйем
Шабажа ла орхёохьям.
Энэ шоройм гаргыш! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Нюдүйш баһаа тэһэ намнашхёол шоройоороо
Бута бала намнашхёол!..
Юүн шье үгээ лэ!
Тэрэ һайхан нюдэн соохи шоройнин
Ядаа гэжэ гаргана бэлэйл даа.
Хүйтэн булагаа уһаар ла
Угаан байжа абана бэлэйл даа.
Газар дайда дээрэ
Гамби замби хоёрто
Юүн хани бии юүмаа би?
Арбан гурбан хаани
Аха ехэ доогторын
Аргалаха байнаби? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэнэл.

***

Абай Гэсэр хүбүүн
Морин хани болоһоор
Арбан сэгээн елхэн болоо байна ла.
Түүни малагааршани эртээр
Тажа эрээн эрьеэхэ
Бололдожо ошоно бэлэйл даа.
Газаа түлеэн дээрэ һуужа ла
Ерьежэ һууна ла.
Гагуурай Ногоон дүүхээ лэ
Шагаабараараа харабал.
— Ямар һайхан эрьеэхээ би?
Түлеэн дээрэ манай ерьежэ һууна даа!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.—
Хадам эхэ, хара лаа! гэжэ
Дуудана бэлээ лэ.
— Арбан гурбан хаанай ла
Абатаниин түргэдээ—
Далан гурбан хэлиниин лэ
Үзүүрдээшин түргэдээ!—
Адхараһаниин болбо
Хүзүүйин таһа сохихо! гэжэ
Мянган алда болхо
Митан сагаан хэдэргээ
Барилдажа гарна бэлэйл даа.
Гаралдана бэлэй лэ —
Үлү харагша боложо
Саашала хаража
Наадажа һууба ла.
Наадажа һууһанаа —

Мангадхай-молодец,
Иогноголдой желтый мангадхай,
Обратно вернулся,
Углы обнимая,
Царапая, щупая стены
И двери едва находя.
Зайдя в свой дом,
Он говорил:
«Гагурай Ногон-духэй,
Второй уж мой глаз
Залепила [та птичка].
Ты вытащи землю [из глаза]!»—
«Совсем она выбила глаз твой землей!
Ничего не осталось [от глаза-то]!

Выбито все!»—
[Говорила] она, вынимая из глаза
Ту землю едва.
Родниковой холодной водою
Промыла [тот глаз].
«А что есть
На земле,
На гамби и замби?..
Разве вылечит
Старший великий-то доктор
Тринадцати ханов?»—
Они говорили.

***

С тех пор, как Абай Гэсэр-хубун
Превратился в коня,
Уж прошло целых десять лет.
Назавтра же рано [Санхан Гохон],
Пестро-пестрою пташкою став,
Прилетела опять.
На дворе на дрова она села,
Запела.
Гагурай Ногон-духэй
Заглянула в окно
И сказала:
«Какая красивая пташка!
Сидит и щебечет на наших дровах!
Посмотри-ка ты, матушка-теща!»—
Позвала [Гагурай Ногон].
«Взбунтовалися маги
Тринадцати ханов.
Взбунтовались владыки
Семидесяти трех языков!
Провались же она!
Отсеку я ей шею!»—
[Старуха] вскричала,
На улицу вышла она,
Свою белую взяв кожемялку
Что тысяча шагов длиной.
[Та пташка], играя,
Как будто бы не замечая ее,
Отвернувшись сидела.
Потом

Анжаран газарта буугаад ла
Идеэлхэджэ һууба ла.
Сарил сагаан толгойтой
Самсаалан хушуутай
Һамага лан болобо.
Будүүн ехэ үбүһээйи
Бүхүд гэүүлэн үгээ,
Марайлдана бэлэйл даа.
Нарин һайхан үбүһэээ
Нахид гэүүлэн үгээ
Маряалдана бэлэй лэ.
Мэнэн далайжа —
Нарин хүзүү таһа сохиҳом!— гэжэ
Далайлсана бэлэйл даа.
Сохихын тэрэ хирэндэ
Хоёр ханинай һабартаа
Шорой дүүртээр атхаад ла
Хоёр нюдэйн шабабал
Юүн зайхан шубуугаа харха бэлэйб.
Хоёр нюдэйм абаа!— гэжэ
Үнөөхи лэ эзы
Хана хаяа һабардажа байбал даа.
Аян шаяа алдаба.

Мүнөөхи лэ яраһаа ла болбуу даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Үүдэйээ-шье олохоёо,
Үрхэйээ-шье олохоёо
Болижо байбал даа.

— Үнөөхи лэ яраһаа болоо ханим!
Арбан хоёр елдэ лэ
Абай Гэсэр хүбүүе
Морин ханай болгожо
Хүлөө лэ ханайб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Гагуурай Ногоон дүүхээ
Хүтэлжэ абша
Гэртээ лэ оруулна бэлэйл даа.
Тэрэ нэгэ һамбаандаа

Душэн алда бээтэ
Дүньеөө ээрдэ мориёо хүтэлжэ
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлжэ
Газархан тээшээ гальюулһаниин тэрэ гэлэйл.

***

Гэрхэн дээрээ асарна бэлэйл даа.
Юһүн булайе уһаараи
Угаалдажа абаба,
Ехэ тайгуйн арсааран
Арюулажа абаба.
Үдүрээ гурба идеэндэ
Угаалдажа байбал даа.
Гурбан сэгээн үдэр лэ
Юһэн булагаа уһааран
Угаалдана бэлэй лэ,

Она быстро на землю слетела
И есть она стала.
А старуха,
Что с острым лицом,
С головой яркобелой,
Покрадывалась,
Ничуть не пригибая
Большие и толстые травы;
Подкрадывалась,
Ничуть не нагибая
Большие и тонкие травы.
Замахнулась она,
Чтобы тонкую шею [той пташки]
Отсечь.
В это самое время
[Та пташка]
Когтями схватила земли
И [старухе] глаза залепила.
«Что за птицу-чертовку увидела я!
Что за птицу-чертиху увидела я!
Оба глаза моих отняла!»—
Говорила та баба,
Царапая стены, забор,
Из себя выходила она.
«Из-за этой-то язвы, наверное, так получилось?»—
Говорила она.
И стояла, найти не могла
Ни дверей,
Ни трубы.
«Из-за этой-то язвы все так получилось!
Абай Гэсэр-хубуна
В коня превратив,
На нем езжу
Двенадцать я лет!»—
Говорила она.
Гагурай Ногон-духэй
Повела [ту старуху]
И в дом завела.
Между тем, [Санхан Гохон] яркорыжую лошадь,
Что сорок шагов по длине,
За собою ведя,
Зашагала домой
И помчала к родимым местам, говорят.

***

Приведя так домой,
Омывала
Водой девяти родников,
Освящала его
Можжевельником светлой тайги
Ежнедневно три раза, к еде приурочив,
Его омывала.
И целых три дня
Омывала
Водой девяти родников,

Ехэ тайгуйн арсааран
Арюулалдан байбал даа.
Гурбан сэгээн үдэр лэ
Үдэрээ гурба дахи угаажа
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Үдэрээ гурба арсадабал.
Мэтэр гэсэн биеэрээ;
Улаан халамгай
Уһан дүйё болжо
Һуугаа гэхэн юмэ.
Мэнхэн бэеэ бэелээд,
Мэхэрээн толгой толгойлоод...
Аян шаяа алдаба.
— Энэ иимэ һуухан хаям!
Хайшин гэхэ бэлэй?
Мүнхэйн хара уһан
Ара гэрээн зүүхэн тээ
Биихэн гэхүй дуулаа би.—
Ошор Богдо хүйхэр гээшэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Бихэн тэрээни оложо асарахам! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Тэбхэйн үндэр хада ла
Тэнгэридэ хүрхэ юмэ.
Тэрээн дээрэ хайшинн гэжэ гарха юм шэ? гэжэ
Санхан Гоохон дүүхээ лэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Тэрэ ехэ хада дээрэ
Шамаһаа болхо юмэ
Гараал үгээ юмэ.
Араатайн яһан-нэгэ сомоо хэбтэхэ юумэ
Адууһанай яһан — нэгэ сомоо хэбтэхэ юмэ.
Тэрэ хада дээрэ
Шамаһаа болхо юмэ
Гараал үгээ юмэл...
Юһүн сэгээн үдэр лэ
Угаалдажа абаха ла,
Юһэн сэгээн үдэр лэ
Арюулажа абаха ла —
Юһүн булае уһан даа
Арюун юумэ байнал даа.
Ехэ тайгуйн арсал даа
Һайхан юумэ байнал даа.
Бурхигдаһан юумэйн
Угаалдажа абхада
Өөдөө болхогүй яаха һам!?
Мүнхүйн хара уһал даа
Нэгэшье абар үгээ...
Юһэн булайе уһан гээшэ
Ехэшье арюу юмэ,
Ехэшье һайха юмэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэн хүүнэн һууба ла.
Юһэн булагаа уһаар ла
Үдэрөө гурбан идеэндэ
Угаалдажа байбал даа.
Юһэн сэгээн сүүдхэдэ

Освящала его
Можжевельником светлой тайги.
И в течение трех дней,
Ежедневно три раза
Его омывала,
Три раза его освящала.
Вслед за тем
Он, [Гэсэр], словно пьяный,
Отупелый,
Сидел, говорят.
Прежний образ бы принял,—
Округлой своей головой просветлел...
Растерялись они.
Ошор Богдо-молодец
Говорил:
«Так и будет сидеть он!
Что делать?
Я слышал,
К востоку от северной юрты
Живая вода [протекает].
Ее разыщу, привезу!»—
Говорил.
Санхан Гохон-духэй
Отвечала:
«Высокие горы Тэбхэ
Достигают небес.

Как взберешься на них?
Ведь не только-то ты,
Но никто на те горы
Еще не взбирался.
Там кучи звериных костей,
Да и кучи костей лошадиных!
Ведь не только-то ты,
Но никто на те горы
Еще не взбирался...
Омывать

Девять дней его надо,
Освящать
Девять дней его надо.
Священна
Вода девяти родников.
И прекрасен
Великой тайги можжевельник.
И если омыть оскверненного
[Водами теми],—
Неужто не встанет?!.
Живая вода
Не поможет нисколько...
Чиста и священна
Вода девяти родников,
И прекрасна она!»—
Говорила [Санхан Гохон].
Ежедневно к еде приурочив,
Водой девяти родников
Омывали его.
Девять суток подряд

Угаа угааһаар абаба.
Мэпхэн бэеэ
Бэелэжэ һуубал даа,
Мэхэрээн толгой
Толгойложо һуубал даа.
Оройё хара үһэйе
Орболзуулан һуубал даа
Оошоёо сагаан шүүдэйе
Ханхинуулан һуубал даа.
Морин сайхан хүлэг

Хаана бэлэй гэжэ
Агдараяа уудалаа.
Арбан гурбан аянгата
Атаган урам абаба,
Хорин гурбан хухалгата
Хотогон урам абалдаба байнал даа.
Хобтоёо неэжэ
Арбан гурбан аянгата
Атаган урам абаад ла
Алтай ехэ дайда тээшээ
Харуулһан биеэрээ,
Алта мүнгэн сэрэгэээ
Узуур дунда ошожо
Арбан гурбан аянгааран
Аянгалжа урамдажа орхилойл.
Бэлир мүнгүн сэрэгээл
Узууртал байжа
Хорин гурбан хухалгата
Хотогон урам абша.
Ара хойшон харуулжа
Хорин гурбан хухалгайе
Хухалажа урамдана бэлэйл даа.
Мэтэн гэсэн биеэрээ:
Хүйлэн хүхэ морин гээшэ
Мэдээн сайн даа мэдэбэл,
Ухаан сайн даа ойлгобол,
Тамшиин тала дунда
Зоо шаран хэбтэһэнээ
Бодон харайн байна ла.
Гурбан дүшэнэг газари
Бала тиирэн бодожо
Нэгэ дэлим шэхээрээ
Үлгэнээр шагнаба,
Нэгэ дэлим шэхээрээ
Үндэр тэнгэрээр шагнаба.
— *Минии эжэн абай хүйхэрни*
Холын ехэ дайсуйн
Шэхэнээ һонороор дуулабуу даа?
Нюдэнээ хурсаар харабуу даа?

Эжэн абай хүйхүри
Таталаһан хойно
Эндэ байжа арга ла үгээ юмэ —
Арын арбан гурбан һогоон
Алтайдаа *бэлшэгтүй!*

Омывали.
И прежний свой образ приняв,
Он сидел.
И округлой своей головой
Просветлев, он сидел.
Свои черные волосы на голове взъерошив,
Сидел.
И зубами-то белыми
Скрежеща, он сидел.
«Где мой конь, мой прекрасный хүлэг?»—
Он спросил
И открыл свой сундук.
И достал он манок-«атаган»,[105]
Что имеет тринадцать свойств
Да достал он манок-«хотогон»,
Что имеет двадцать три сгиба.
Открыв свой сундук
И достав он манок-«атаган»,
Что имеет тринадцать свойств,
Он направил его
На великую землю Алтая.
Подойдя к основанию
Злато-серебряной коновязи,
Поманил мелодично манком,
Его всеми тринадцатью свойствами.
Стоя у основания
Коновязи из бэлир-серебра,
Взял манок-«хотогон».
Что имеет двадцать три сгиба,
Направив на север,
На двадцать три сгиба сгибая [манок],
Поманил.
Вслед за тем
Голубой его конь
Своим острым умом угадал,
Своим ясным рассудком узнал.
И вскочил он, лежавший,
Седалищный грея свой нерв,
В середине Тамшинских степей.
И вскочил, разбросав он [копытами]
Три десятины земли.
И к земле он прислушался
Ухом, что восемь шагов по длине,
И к высокому небу прислушался
Ухом другим, что восемь шагов по длине.
«Мой хозяин Абай-удалец
Не врага ли далекого сильного
Чутким-то слухом услышал?
Врага ли он близкого сильного
Зрением острым увидел?
Коль зовет
Мой хозяин абай-удалец,
Не могу оставаться я здесь.
Вы, тринадцать һогонов*, что с северных склонов,

* һогон—самка марала.

Атар таргуй таргалагтуй!
Хүхүйдөө бэлшэгтүй,
Хүштээ таргуй таргалыт!
Би танай болбо —
Солбони заяаһан унаган байнам,
Хүүнээ унаха галдан байнам
Ямар шанга татабаб даа!
Арын арбан гурбан һогоон даа
Атар таргуй таргалагтуй!
Арга үгээ шангалаха гэжэ,

Гэрхэн тээшээ гэшхэлбэ,
Газар тээшээ гальялба.
Арын арбан гурбан һогоон
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ:
Шамаһаа ла һалаһан хойно

Ямар анхан болхомнайһам,
Ямар зөөрэ болхомнайһам?
Шамалаар ябажа үхэйе гэжэ
Гүйлдэнэ бэлэйл.
— Арбан гурбан һогоон,

Минии хойноһоо дахажа
Голдолон ороо болоо хадат най
Һүүлтээ лэ нохойн
Угзаража идеэхэл,
Һүүл үгээ хүүниин лэ
Харбажа унагаахал.
Алтайда амарааран бэлшиит.
Минии тнай амида мэндэ ябаа хада
Алтайм аршим ногоо ло[61]
Алда дүүрээр ургахал.
Тэрэ һайха ногоон соогоо
Бэлшэжэ ябаарайгтун даа!
Минии — тнай амида мэндэ ябаа хада
Хүхүйм хүйтэн булаг ла
Улам дүүрээр дэбэлхэл.
Минии танай үхэжэл, үгээ болжо ошоо хада,
Оёортоо шэргэхэл,
Хайратай хатаха!..
Тэрүүн дээрһээн болжо
Алтайн арбан гурбан һогоон
Алтайдаа бэлшэжэ
Арилана бэлэйл даа!
Ерэн алда бэетэ
Ербээ хүхэ морин гээшэ
Мондогорхон толгоёо
Мундаа дээрээ табиба,
Монсолзогшо һүүлээ лэ
Ташаа дээрээ хатхаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Айлаар айлаар харайба,
Аягайн шинээн дэгэнһүй
Хараан тэндэ хаялба,
Түргэ түргээр харайба —

Пасясь на Алтае своем,
Набирайте привольного жиру!
Пасясь на Хухэе своем,
Набирайте могучего жиру!
А я—жеребенок,
Зачатый Солбоном,
Я конь,—чтоб ездил на мне человек.
Как он сильно зовет!
Вы, тринадцать һогонов, что с северных склонов,
Набирайте привольного жиру!
Я должен спешить»,—говоря,
Зашагал он домой,
Поскакал он к родимым местам.
А тринадцать һогонов, что с северных склонов,
Сказали [коню]:
«Разлучившись с тобою,
Какие же звери мы будем,
Какую же ценность мы можем представить?
Погибнем мы лучше с тобой!»—говоря,
Побежали за ним.—
«Тринадцать һогонов,
За мной побежав,
Вы в долину сойдете,—
Собака с хвостом
Разорвет вас и съест,
Человек без хвоста
Расстреляет и свалит.
На Алтае своем вы спокойно паситесь.
Покуда я жив и здоров,
Аршинные травы Алтая
До живота дорастут.
На такой вот хорошей траве
Вы, пасясь, и живите!
Покуда я жив и здоров,
Хухэя холодный родник
Полнее все будет бурлить.
Коль помру, пропаду,—
То иссохнет до дна,
Испарится до гальки!»
И с ним согласившись,
Тринадцацать һогонов Алтая,

Пастись на Алтае
Ушли.
Стройный конь голубой,
В девяносто шагов по длине,
На холку свою положил
Свою голову славную,
К боку прижал
Округлившийся хвост.
Вслед за тем
Он слегка поскакал—
И дерно, что с тарелку,
Отбрасывая на расстоянье, чуть видное глазу.

Түбтээрээ шинээн дэгэнһүй
Хараан тэндэ хаялдана бэлээл даа.

Урда хоёр хүлһөөн
Улаан нурмай татабал,
Хойто хоёр хүлһөөн
Уһан хёое татажа
Унтаргаажа харайба.

Дүрбэн хара түрүүнһаа
Галхай гарса харайжа,
Дүшэн сагаан һобойһоон
Дүлэ гарса харайжа
Бэлиг мүнгэн сэргээ
Узуур дундан ерэжэ
Зогсожо байһаниин тэрэ гэлэй.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Мүнөөхилэ хүйлэн хүхэ морин
Найман тээшээ һалаатай,
Наян найман түдүгэтэй,
Бэлир мүнгэн сэргээ
Узуур дундан зогсоһон биеэрээ,
Бэлир мүнгэн сэргэйн
Эгээн дээдэ һалаадан
Толгоёо дундүйжэ
Инсагаана бэлэйл даа.
Эжэн абай хүйхэр лэ
Дэгэл үгээ урбаахаар,
Годоһо үгээ оймоһоор
Гүйн харайн гаширба.
Хасабша мүнгэн ногтоороо
Ногтоложо абаба,
Хабаһа мүнгэн хазаараар
Хазаарлан абаба.
Наян найман түдүгээ лэ
Эгээн дээдэ түдүгэһээн
Ута мүнгэн ёолоёо
Хүбэ татахаар уябал.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:

Торгоноо хирхаг тохоми
Тохолсожо абаба,
Тохой мүнгэн эмээлээ
Түүни дээрэ хаяба,
Нюлүг мүнгэн худургаар

Худургалан абаба.
Хорин хэльтээ олонгоор
Хотойсорон татаба.
Арбан хэлтээ олонгоор
Атайсаран татаба.

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Бэеын тоног түхээрхэ гэжэ
Гэртээлэн гүйлдэжэ ороно бэлэйл даа.
Гэртээлэн харайлдажа орожо
Далан бугайн араһаар
Зайжа зүйжэ оёһон,

Он быстро и быстро скакал—
И дерно он, с котельную крышку,
Отбрасывал на расстоянье, чуть видное глазу.
И красное пламя слетало[106]
С передних двух ног,
А из задних двух ног его,
Пенясь, вода выбивалась, тушила [то пламя].
Из-под четырех его черных копыт
Вылетали огни,
Из сорока его белых зубов
Вырывалося пламя,—
Так он прискакал к основанию
Коновязи из бэлир-серебра,
Было так, говорят...
Вслед за тем
Голубой этот конь
Стал у коновязи из бэлир-серебра,
Имеющей восемь ветвей
На восьми сторонах
Да восемьдесят восемь скоб,
И заржал,
Положив свою голову
На самую верхнюю ветку
Той коновязи
Из бэлир-серебра.
А хозяин абай-удалец
Без дэгэла—в рубахе,
Без унтов—лишь в чулках
[На улицу] выбежал, выскочил.
И надел [на коня] он
Серебряный свой недоуздок с ремнями,
Уздою ребристо-серебряной
Он обуздал.
Привязал [коня] так, чтоб было легко отвязать,
Своим длинным серебряным поводом
За самую верхнюю скобу
Из восьмидесяти восьми скоб.
Вслед за тем
[На коня] наложил
Свой потник, что с каймою из шелка,
Седло деревянно-серебряное,
Сверху набросил
Шлею из нюлуг-серебра,

Он надел [на коня]
И подпругу, что двадцать имеет ветвей,
Затянул он да так, что [хулэг] изгибался;
Подпругу, что десять имеет ветвей,
Затянул он да так, что [хулэг] нагибался.

Вслед за тем
Забежал он домой,
Чтоб доспехи надеть.
Забежав он домой,
Шаровары надел,
Что из черной замши

Элигэн хара шарабаараа
Угална бэлэйл даа.
Загаһани араһаар
Зайжа зүйжэ оёһон,
Зайдан хара сабахияа
Үһгүйдээ үдьхүлбэ
— Һуун ханай шээхэ лэ
Эзын наадан болбол би,
Байн ханай шээхэ лэ
Эрээн наадан болбол даа!
Ороёо хара үһэе
Орболзуулан уурлаба,
Оошоёо сагаан шүдэйе
Ханхинуулан байбал даа.
Хубсалажа байхадаа,
Уурхан сухал хоёроо
Багтаажа ядаад ла
Хэлэн хүүнээн байбал даа.
Дайни газар үмдэхэ
Дардам торгон дэгэлээ
Ээмхэн дундаа угалбал.
Далан гуули тобшын даа
Эрхээ һайгааран
Эмэржэ тобшолбо —
Долёобори һайгааран
Дархалжа тобшолбо.
Мүнөөхи лэ хүбүүн гээшэ
Бүтүү мүнгэн бэһээ
Бэлхэнсэгтээ дүнгэбэ.

Ара бэеэ хуягалбал —
Булад түмэр хуйяги
Нугараһандаа ширээбэ.
Эбэр бэеэ хуягалба —
Сахюур түмэрөөр хуягалбал.
Сахюур түмүр хуяе
Сээжэдээ ширээбэл.
Эрэтээ лэ юмэдэ
Даагдахал үгэеэр ширээбэ,
Ээмтээл юумэдэ
Даруулхал үгээйээр ширээжэ
Абалдана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хэлтэгээ хээрээр хэмнэбэ —
Буудай мүнгэн һаадагаа
Баруун ташаадаа байлгаба,
Ерэн табан һомойе
Ерхээсэн ахабал.
Далан табан һомойе
Дархайсан ахаба.
Нарин голоор хэмнэбэ —
Нари мүнгэн хоромгүй
Зүүн ташаа байлгаба;
Хоромгодоо хударба —
Далан табан тэбхэтэ
Даньял шара номоёо
Хударижан абаба.
Түүни газаа биеэрэн

Да скроены, сшиты
Из шкур семидесяти изюбрей.
На пятки свои
Натянул сапоги,
Что черные были, как будто сандал,
Да скроены, сшиты из рыбьих шкур.
«Для бабы, что мочится сидя,
Предметом насмешки я стал,
Для мужчины, что мочится стоя,
Предметом насмешки я стал!»—
Головы своей черные волосы
Вздыбя сердился,
Зубами-то белыми он
Скрежетал.
Одеваясь,
От гнева и злости
Вскипая,
Бранился, ругался.
На плечи накинул
Дэгэл свой из шелка дардам,
Что, идя на войну, надевают.
И семьдесят бронзовых пуговиц
Он застегнул, перебирая
Большими искусными пальцами,
Натягивая
Указательными искусными пальцами.
Молодец этот
Цельно-серебряный пояс
Надел на себя.

Свою спину покрыл он бронею,
Он к мозгу спинному
Булатную сталь припаял.
Он бронею покрыл грудь свою,
Кремневым железом покрыл
И железо кремневое
К груди своей припаял.
И бронею покрыл себя так,
Что острому он не поддастся,
И никто, с плечами,
Его не возьмет,—
Так бронею покрыл он себя.
Вслед за тем
Он, измерив покатою степью,
Навесил на правый свой бок
Свой колчан из будай-серебра,
Девяносто пять своих стрел
[На себя], ощетиня, навесил,
И семьдесят пять своих стрел
[На себя], громоздя, он навесил.
Измерив долиною узкой
Налучник изящный-серебряный свой
Он навесил на левый свой бок,
И вложил он в налучник
Желтый даньяльский свой лук,
Имеющий семьдесят пять подставок,
Вложил.
Еще сверху покрыл себя он

Дуулга мүнгэн хуягаа
Хуягалан абаба.
Наран ханай барагтай
Яларса хуягалабал,
Намшаhанаа барагтай
Далбалзаса хуягалбал,
hараяа барагтай
Сахиласа хуягалба,
hаадагаа адали
Яларса хуягалжа
Абалсана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Бухали шинжэн бараатай,
Бутайн шинээн залаатай
Булаган хиидхүүр малагайе
Орой дээрээ табилдабал.
Арбан елдэ үлдэхэгүй
Абаахаяа тоhиие
Аман дээрээ шэнгээбэл,
Хорин елдэ үлдэхэгүй
Хорохоёо тоhийе
Хошуун дээрээ шэнгээжэ

Абалсана бэлэйл даа.
Эритэ лэ юүмэдэ
Даагдаха үгэйеэр
Хуяғалан абаба,
Ээмтээ лэ юүмэдэ
Диилүүлхэл үгэйеэр
Хуягалан абаба.
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Үүдэнээ шинээн гэрэлдэл
Эрьежэ байжа харабал.
Тохомоо шинээн гэрэлдэ
Тойрон байжа хараад ла —
Газаа — хани тээшээ даа
Гүрбэлзээсэ гэшхэжэ
Гаралсана бэлэй лэ.
Хүйлэн хүхэ морини
Ута мүнгэн ёлоое
Хүбэ татан абаба.
Хүйлэн хүхэ мориндоо
Алабхажа аhалба.
Уналсаhан биеэрээ
Хүйлэн хүхэ морини
Баруун амайн угзарба.
Эрээн хасар мираба.
hухай эштээ ташуураар
Баруун гараар сохибо—
Можиин сэгээ тулгаабал.
Арал гэрээн зүүгшэ лэ
Хии бэтэ хиидхэбэ,
Хэрмэн бэтэ дүүлүүлбэ.
Үндэр hайхан хадаяа
Эрмийн барин харайлгаба.

Броней
Из дулга-серебра.
Он бронею покрыл себя так,
Что [броня], словно солнце, блестела,
Как листья,
Она развевалась,
Как месяц,
Сверкала она
И, подобно колчану,
Блестела она—
Так бронею покрыл себя он.
Вслед за тем
Надел он на голову
Шапку свою соболиную и развевающуюся,
Величиною с копну
И с кисточкой с кочку
Свой рот пропитал
Чудодейственным маслом таким,
От чего десять лет не почувствуешь голод.
И губы свои пропитал
Чудодейственным маслом таким,
От чего двадцать лет
Не почувствуешь голод.
Бронею покрыл себя так,
Что острому
Он не поддастся.
Бронею покрыл себя так,
Что никто, с плечами,
Не сможет его одолеть.
Абай Гэсэр-хубун
В зеркало с дверь,
Поворачиваясь, смотрелся
И в зеркало, что с потник,
Кругом себя осмотрел.
На улицу вышел,
Шагая
И плавно и твердо.
И выдернул
Длинный серебряный повод
Коня голубого.
Вскочил
На коня голубого.
Вскочивши,
За правый повод он дернул
Коня голубого,—
[Конь] пестрою дернул щекою.
Свой кнут с кнутовищем из ивы
Взяв в правую руку,
Ударил [коня] по бедру.
И от северной юрты к востоку
Он бросился белкой,
Помчался он вихрем.
По гребням высоких прекраснейших гор
Поскакал,

Үзүүртэ гэхэ модони
Орой дээгүүр хиидхэбэ,
Огторгойн һэмэжэ эрээн үүлэйе
Малагайн һайхан залаагаар
Зада — л сохин харайлгажа
Арилаба гэлэй лэ...

***

Үнэгэни — үнэгэни хурдайн даа
Үлдэжэ *яажа хүсхэ юумаалам*,
Үлигэрил утайе
Хэлэ-хэлэ захадха юумаалам.
Ай-дан зы!

***

Абай Гэсэр хүбүүн лэ
Ороёо *хара* үһэйе
Орболзуулан гүйлгэбэ,
Оошоёо сагаан шүдэйе
Ханхинуулан гүйлгэбэл.
Зуу найман толгойтол
Зуудаг Шара мангадхайе

Газаа хани хүрэлдэбэ —
Хүрэлсэһэн биеэрээ
Морёо уяха юумээ ядаад ла
Хангайн хара һомые
Һуха татан абша
Газарта багса ёборно бэлэйл даа.
Тэрээн дээрээ ута мүнгэн ёлоёо
Уян татан онон дээрэн орхибо.
Мангад хүгшэн ахайдаа
Гүйн харайн оробол даа.
Гагуурай Ногоон дүүхээ лэ
Идеэ угаан хоёрын табилдажа
Нюдү үгээ хоёртоо
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Үгүлсэжэ байһан хүүйеын
— Энэ ханай эмэ
Энээ уруу шамай юүхэн асарбуу?! гэжэ
Гагуурай ногоон дүүхэйе
Гэзэгээн ёборон абаба.
Ёбороһон биеэрээ
Газаашан туугаад яббал даа.
Хара бүрүүн далайда
Туулдажа арилба.
Хаймал модон онгостоо
Һуулгана бэлэйл даа.
Һэлбүүршье үгээ
Юүшье үгээ улаа мухараар һуулгаба.
Һуулгажа түльхээ байхадан
— Абай Гэсэр хүбүүн яалайш?
Хүүнээ хүүртэ орожо

Ерээ хани байнам даа.
Харихажал һүүеы ло гэртээ лэн гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Иигээд харижа ябадаа! гэжэ

Полетел
По вершинам деревьев,
Красивою кисточкой шапки своей
Разрезая
Пеpисто-пестрое облако неба,
Летел, удалялся...

***

За лисою-лисой быстроногой
Гоняясь, как бы догнать,
Улигер самый длинный
Рассказывая, как бы его досказать.
Ай-дан-зы!...

***

Абай Гэсэр-хубун,
Головы своей волосы черные
Вздыбя, скакал,
И зубами-то белыми
Скрежеща, он скакал.
Доскакал до двора
Мангадхая кусающего желтого,

Что имеет сто восемь голов.
Доскакав,
Не нашел он, куда бы коня привязать,
И *стрелу свою вынув*
Хангайскую, черную,
В землю воткнул.
И [коня] привязал за зарубку стрелы
Своим длинным серебряным поводом
И к молодцу-мангадхаю
Забежал.
Гагурай Ногон-духэй
Ставила
Пищу, питье
Двум слепым, говорят.
И спросил он ее:
«Тебя, женщина,
Кто же сюда приволок?»
И в затылок он ткнул
Гагурай Ногон-духэй,
И на улицу сразу
Повел он ее.
И к Черному мрачному морю
Привел,
Посадил
В деревянную лодку тесовую.
Без весел[107]
Да без ничего посадил.
Посадив, собирался он [лодку] толкнуть..
«Что с тобой Абай Гэсэр-хубун?
Обольстили чужие слова,
Потому я попала сюда.
Возвратимся домой, чтобы вместе пожить»,—
Говорила она.—

Хара бүрүн далай уруу
Хоохон онгосдо һуулгажа
Түльхэжэ орхибо.
Хара бүрүн далайн тэгэнсэрэ
Түльхэжэ орхино бэлэйл даа.
Һөөрөгшөөни оробо —
Ёрон долоон толгойто
Ёргоон һургааг эбэртээ
Йобсоголдой шара мангадхайе
Гэзэгээн һүгэн гаргаба.
Хүүнэйхидэ хүртэһэн хүүхэн
Хүртэһэндээ шамарлаһан хүүхэн
Энээн соогоо байха юмэ!
Түмүр хара боошходо
Оруулһан биеэрээ,
Ерэн түмэр сүхөөрэн
Сүхэлэһэн биеэрээ,
Хара бүрүн далайдаа
Мухарюулжа орхиһониин
Тэрэ һэн гэлэйү!..
Зуу найман толгойто
Зуудаг шара мангадхайе
Гэзэгээйин һүгэлдэжэ
Туулдана бэлэйл даа.
Мүнөөшье үкхөө һанаһан
Үбэгэ лэн байнал би.

Хүбүүн намайе яахашниб?
Ядаа хани гэжэ лэ
Утаһани шинээн
Улаан голдоо тороһон юүмэл би!—
— Һайн гэри шамда олжо үхэм! гэжэ

Туулдажа абша гаралдана бэлэйл даа.
Тамшиин сагаан талда
Таба малагай нараһанда абаадажа,
Арбан хүүнээ тэбэржэ хүрхэгүй
Ажагар улаан шүүнһэндэ

Абаадажа хадаба,
Ерэн боргы хадааһаар
Дабхар барин хадаба,
Ерэн табан шурагаар
Эрьюүлэжэ хадажа орхино бэлэйл даа.
Сээжэ дээрэн хадхаба,
Мохуу хотигүй хадхаба:
— Эрэ хүүхэн ерээ хадаа
Энэ мангад ахайн мяханһаа
Нэгэтэ зууха мяхайе
Отоложо абтагайг!
Энэ боошхо осоо мэни
Хаяхажа орхитогой!—
Эзы хүүхэн ерээ хадаа
Энэ һайхан хайшаараа
Нэгэтэ зууха мяхайи отолжо
Энэ боошхо осоон

«Отправляйся вот так»!—
Он ответил
И в Черное мрачное море
Толкнул [ее лодку].
Толкнул ее до середины
Черного мрачного моря.
Обратно вернулся —
Ударом в затылок [на улицу] вышиб
Иобсоголдоя желтого мангадхая,
Имеющего шестьдесят семь голов
Да и шесть, словно жерди, рогов.
«Захватчик чужого,
Захваченным тем недовольный,
Пусть здесь он сидит!»—
И в железную черную бочку
[Гэсэр] затолкал [мангадхая],
[Затем] заковал
Девяноста железными обручами
И в Мрачное черное море
Скатил,
Говорят!...
И ударив в затылок,
Погнал
Мангадхая кусающего желтого,
Что имеет сто восемь голов.
«Я — старик,
Своей смерти я жду ежедневно.

Что делать со мной собираешься, парень?
Едва я держусь
Лишь на жиле своей становой,
Что шелковой нити подобна [теперь]!»—
говорил мангадхай.
«Тебе дом я хороший найду!»—говоря,
[Мангадхая на улицу] вывел [Гэсэр]
И, пригнав на Тамшинскую белую степь,
Где пять сосен, похожих на шапки, [растут,]
Пригвоздил [мангадхая]
К раскидистой красной лиственнице,
Что десяток людей не обхватят.
Еще винтовыми гвоздями
Его пригвоздил,
Девяноста пятью шурупами
Он завинтил,
В его грудь он воткнул,
Тупой нож он воткнул.
«Коль мужчина придет,
То пусть от мангадхая вот этого
Мяса отрезав кусок,
В эту бочку
Он бросит.
А если придет сюда баба,—
Пусть, ножницами
Мяса отрезав кусок,
В эту бочку
Пускай она бросит!»—сказавши,

Хаяжа орхитогой! гэжэ
Бүхү дээрэн мохой хайшийн
Хадхажа орхино бэлэй.
Тэрэ ехэ шэнүһэни
Урда биеэдэн зураба:
Энэ мангайдхайн хайрлажа
Отолоо үгээ хүүхэн

Энээнээ зангаар загнуулха,
Энээнээ хууляар хуулялуулха! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Орхино бэлэйл даа.
Энэ ехэ шүнһэмни
Хээзэйн хэни хэбтэ лэ,
Хэтүйн хани яргалда
Үмхэрөөл үгээ ургаарайш!—
Энэ мангад ахай мэни
Хээзээ хэбтэ,
Хэтүйн яргалда
Үхээл үгээ байгаарай!..

**
*

Һөөрөгшөө тэхэржэ
Сарил сагаан хошуутай,
Самсаал ехэ үргэтэй,
Орой ханай дундаа ла
Гагсаха нюдэтээ,
Оошо ханай дундаа ла
Гагсахан шүдэтээ,
Сарил сагаан толгойтой,
Самсаалхан үргэтээ
Эзыеэ болбо — хүтэлжэ гарбал.
Абаадаһан биеэрээ
Хобхо татан абаба,
Урда ехэ уулайе
Огло татан абаба —
Бүхы бэеын дараба,
Дархажа —
Хойто уулайн хогнолжо
Сээжэ бэеын дарахаар
Байхада ла болобо —
— Намай шье дараба даа
Баруунийн табин табан тэнгэриһээ
Тарбали болон үдэһэн,
Табан зуухан толгойто,
Табин һургааг эбэртэ,
Газар боро морито,
Гахай ямаан дахата
Эсэгые минии дархагүйш таа!
— Юүмээм түрээд эмэ
Эндэ шихэн байха юүмэш!

Юумээм зайхан эмэ
Энддэ шихэн байха юүмэш!—
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ
Хойто уулаяа табижал орхибол.
— Энэ эмэ гээл би.

Тупые он ножницы
В зад [мангадхая]
Воткнул.
На громадной той лиственнице,
На передней ее стороне написал:
«Тот, кто пожалеет его, мангадхая,
И [мясо его] не отрежет,
Таким же путем, по закону такому ж
Он будет наказан!»
Так он написал.
[Еще так говорил]:
«Да пусть эта громадная лиственница
Все растет, не гниёт,
Во веки веков
И на вечное счастье!...
Пусть ты, мангадхай,
И во веки веков
И на вечное счастие

[В муках] живи!...»

**
*

Обратно вернувшись,
Он вывел из дома ту бабу,
Что белую и острую морду имеет
И острый большой подбородок,
Единственный глаз
На макушке,
Во рту-то
Единственный зуб,
Яркобелую голову,
Острый имеет она подбородок.
На место ее приведя,
Он рывком притянул ее, сбил,
Оторвав большую скалу, что на юге,
Он [той женщине] зад придавил.
А затем он,
Оторвав скалу,
Что на севере,
Грудь придавить
Уж хотел...
«Пускай ты меня победил...
Победить ты не сможешь отца моего,
Что из рода
Пятидесяти пяти западных тенгриев,
Что имеет пятьсот-то голов,
Пятьдесят, словно жерди, рогов,
Коня серого, цвета земли,
И козлиную доху-«гахай»,—
[говорила она].
«Ты, баба,— несчастье людское!
Вот здесь твое место!
Ты, баба,—людская беда,
Твое место вот здесь!»—
Говорил он такие слова,
И скалу, что на севере, он навалил
на нее.
«Ты, баба, пускай же

Хээзэйн хэбтэ,
Хэтүйн ханай яргалда
Бүхэн ханай үхээрээл,
Нажирай ехэ халуунда
Мөөрөөр харгуйлуулан дууһаарайш!

Эбүли хүйтэн сагта ла
Шаргайн үргэндэ таһара татуулаарайш!
Тиихэдээ мэнэл эмэ
Һанаа оржо хэбтэхэл ши!—
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гэрхэн дээрэн ерэбэл даа
Хайр бэтэ мүнгэйн даа
Халаадааран тээлгэбэл,
Хада бэтэ эшиин даа
Халаадааран тээлгэбэ,
Халюу булаган хоёрын
Зүһээрин тээлгэбэ.
Хададани болбо —
Хашарагайн үлээлгээл үгэйер
Туулгана бэлэйл даа.
Бооридон болбо —
Буруу үлээлгээл үгэйеэр туулгабал.
Бэшэгтэл зурабал даа,
Бэлеэтээ лэ дарабал даа.
Энэ байха зөөрийе
Таа тээгээт гэжэ лэ
Барни нэриин хэжэ лэ
Абалдана бэлэй лэ.
Барани нэриин зуража
Бэшэгтэ лэ хэжэ

Бэлеэтэ лэ бэшэжэ
Халааһандаа хаяһаниин тэрэ гэлэй.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хана байһан байсаньеын
Хараасааран уруугшаа
Ханааран өөдэн харуулжа орхибо.
Орхиһон биеэрээ
Хандагайн ехэ байха
Харгаһайеын ургуулба,
Бугайни байха ла —

Бургааһайеын ургуулба.
Хара ехэ хирээйе
Хяахируулан орхибо,
Шара ехэ үнэгээйе
Шэншүүлэжэ орхибо —
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Газар дээрээ ерэжэ
Баран байха зөөрийе
Багсалажа абша
Тэрэ байха адаһайе,
Тэрэ байха зөөрийе
Барни абша,
Адуун идеэн хоёрын
Харуурта оруулба,
Албата зонхон хоёрын

Во веки веков
И на вечное счастие
Мучайся здесь,
И в жару нестерпимую лета
Пусть колесами тебя по дороге
растащат [постепенно]
В холодное зимнее время
Пусть полозьями саней разрывают тебя!
Вот тогда-то ты, баба,
Умнея, здесь будешь лежать!»
Вслед за тем
Возвратился в их дом.
Серебро их, подобное гальке,
Нагрузили тюками, как он повелел.
Их товары, что были подобны горе,
Нагрузили тюками, как он повелел.
И [меха] соболей и выдр
По сортам нагрузили, как он повелел.
На горах не оставив теленка двухлетнего,
[Весь скот их] погнали,
Как он повелел.
На буграх не оставив теленка до года,
[Весь скот их] погнали, как он повелел.
На бумаге своей записал,
На билете своем надавил:
«Все это богатство

Нагружено вами», сказав,
Записал
Имена.
Записав имена
На бумаге своей,
На билете своем,
Он засунул в карман.
Вслед за тем
Их дворец перекинул
Он матицей вниз,
Основанием вверх.
После этого
Вырастил там, [во дворе их],
Кустарник, где могут привольно жить
лоси,
Вырастил [там же]
Кустарник, где могут изюбри гулять.
Там ворон огромный и черный
Стал каркать,
Лисица там желтая
Стала метаться [в поисках пищи].
Вслед за тем
Он приехал на землю родную.
Богатство, какое они привезли,
Подытожив, он принял.
И скот, табуны,
Все богатство
Он принял.
Он скот, табуны
Передал пастухам.
И народ их и данников их

Ноёндоо оруулбал.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Үдэшэни боро хоног
Шара набша боложо
Обоо зөөлэн орондоо
Уушха зөөлэн хүнжэлдөө
Санхан Гоохон дүүхээтэеэ
Сараал үгөө тэбэрэлдэжэ,
Унтаћаниин тэрэ гэлэйл!

**
*

Үглөөни үдэйн шарга наранда
Бодолдоно бэлэй лэ.
Боошхо болхо уһаараа
Нюураа гараа зэлмээбэл.
Эрээ мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайи табижа,
Улаа мүнгэн остоолдоо
Ундан сайи табижа,
Табуулаңдаа һуужа
Идеэлнэ зугаална бэлэйл даа.
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байлган зугаалба,
Хабтагай ехэ шулуун дээрэ
Ногоо ургуулан зугаалба.

**
*

Сэгээ нуурай шубуухай гээшэ
Сэгээ нууртаа зорёод байнал,
Сэгтэ байһан Гэсэр гээшэн
Дайгаа түхөөрхөөд һэдээд байнал.
Зориһон газартаа
Золтой заяатай ябаһай даа,
Золхон заяан хоёроо
Ошор Богдодоо буулгаһай даа!
Ай-дуун-зээ! ай-зэ...

**
*

Үглөөн үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйи бултайжа үрөөлүйн үдүйдэ
Алаг ехэ саазгай
Шаханана бэлэйл даа...
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Мэдээн сайнда мэдэлдэбэ,
Ухаан сайнда ойлгобол.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Баруун ехэ шихээрээ
Алаг саазгайн дууе
Шаганана бэлэйл даа.
Алта мүнгүн шэрээ дээрээ ошожо
Һуун байжа шаганаа.
Гурбан хухүй эгэши:
Абай Гэсэр хүбүүмнай
Гэртээ биихэн үү? Үгээ үү? гэжэ
Хэлэжэ байбал даа:
Ара гэрээн баруун тээһээ

Передал он ноёнам.
Вслед за тем уж
Спустились вечерние сумерки
Желтой листвой.
В своей мягкой и пухлой постели
И под одеялом, как легкие, мягким
В обнимку
С Санхан Гохон-духэй
Безмятежно уснул, говорят.

**
*

Назавтра, как красное солнце взглянуло,
Он встал
И умыл свои руки, лицо свое
Бочкой воды.
И на пестро-серебряный стол
Наилучшие яства поставив,
На красно-серебряный стол
Из питья наилучшие ставя,
Садясь впятером, они вместе
Поели, беседу вели.
И беседу вели они так,
Что на чистой и полой воде образовывали пенку,
Беседу вели они так,
Что на широком огромном камне растили траву.

**
*

Птица озера голубого
На голубое озеро свое стремится.
И спокойный, степенный Гэсэр
На войну собираться задумал.
Пусть к цели своей направляясь,
Счастливым, удачливым будет,
Пусть счастье свое и удачу
Ошору Богдо своему приведет!
Ай-дун-зэ! ай-зэ...

**
*

А утром, как красное солнце
Взошло половиной, другой половиной еще не взошло,
Стрекотала
Сорока огромная и белобокая...
Абай Гэсэр-хубун
Своим ясным умом угадал,
Своим светлым рассудком узнал.
Вслед за тем
К стрекотанию той белобокой сороки
Он правым и чутким
Прислушался ухом своим.
Он слушал, садясь временами
На злато-серебряный стул.
Три старших сестры хухы
Говорили:
«Абай Гэсэр-хубун наш
Дома иль нет?
Прийти собирается

Минга найман толгойтой
Митуурайн шара мангадхай
Ерэхэ лэ юмэ байна.
Энэ ехэ дайе ла
Халуу нугадаа оруулаал үгээ
Тодожо[62] ошоо хадаа,
Даралсаха байнал даа.
Халуу нугадаа оруулбал даа
Арга үгээ ялагдаха юмэл!..
Айха ехэ бэтэ даа
Абатайлан юумэ байна,
Ширээхэ ехэ бэтэ лэ
Шижитээлэн юумэ байнал.
Ехэ шара үүдхэеэ
Һэргээжэ байна!—гэжэ

Гурбан хүхүй эгэшэ гээшэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Санхан Гоохон дүүхээн даа
Энэ һайхан хүүри манай
Абай Гэсэр хүбүүндэ
Дуулгахал гэжэ хэлсэнэл.

**
*

— *Баабайтнай бихэн*
Газар дайда хоёри
Эрьежэ ябахамни,
Гамби замби хоёри
Тойруулжа үзэхэмни.
Арбан гурбан хаани
Абатаниин түргэдээ,
Далан гурбан хэлни мни
Үэүүрдээшэн түргэдээл! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Идеэлжэ абаһан биеэрээ
Бэеин сайхан тонойе
Бэе дээрээ түхөөрбэ.
Ошор Богдо хүбүүе
Мориим эмээллэ! гэжэ
Гаргажа орхибо.
Дайни газар үмдэхэ
Дардам торгон дэгэли
Ээмхэн дундаа углаба,
Бүтүү мүнгэн бэһээе
Бэлхэнсэгтээ дүнгэбэ.
Хэлтэгээ хээрээр хэмнэбэ
Буудай мүнгүн һаадайн
Баруун ташаа байлгабал,
Ерэн табан һомые
Ерхээсэн ахаба,
Далан табан һомоо даа
Дархайсан ахаба —
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Нарин голоор хэмнэбэ
Нари мүнгүн хоромгүй
Зүүхэн ташаа байлгабал.
Далан табаһ тэбхэтэ

Митурайский желтый мангадхай,
Имеющий тысячу восемь голов.
Победить врага этого сильного
Можно, лишь встретив,

Пока не ступил он
На милую землю [Гэсэра].
А если на милую землю подпустит его,
То не сможет [Гэсэр] победить!...
Он великий и страшный
Колдун-разрушитель.
Он великий
И маг-созидатель.
И большую
Стрелу свою желтую держит всегда наготове!—
Говорили
Три старшие сестры хухы.—
Пусть Санхан Гохон-духэй
Хорошие наши слова
Передаст
Абай Гэсэр-хубуну»,—вот так говорили они.
«Я, *отец ваш,*
Поеду смотреть
Свою землю,
Объеду Гамби и Замби,
Чтобы их посмотреть.
Взбунтовалися маги
Тринадцати ханов.
Взбунтовалась верхушка
Семидесяти трех языков!»—
Говорил так [Гэсэр].
Вслед за тем
Он, покушав,
Надел на себя
Дорогие доспехи,
Послал
Ошор Богдо-сына
Коня оседлать.
И надел он на плечи
Дэгэл свой из шелка дардам,
Что, идя на войну, надевают,
И цельно-серебряный пояс
Надел на себя,
Он, измерив покатою степью,
Навесил на правый свой бок
Свой колчан из будай-серебра,
Девяносто пять своих стрел
[На себя], ощетиня, навесил
И семьдесят пять своих стрел
Громоздя, [на себя] он навесил.
Вслед за тем
Он, измерив долиною узкой,
Налучник изящный серебряный свой
Он навесил на левый свой бок,
И вложил он в налучник

Даньял шара номоёо
Хоромгодоо хударба
Гүнээ газаа биедэн
Дуулга мүнгэн хуягаа
Хуягалан абаба.
Арбан елдэ үлдэхгүй
Абаахай лан тоһиие
Аман дээрээ шэнгээбэ,
Хорин елдэ үлдэхэгүйл
Хорхоёо тоһиие

Хушуундаа ла шингээбэ:
Бухали шинээн бараатай,
Бутайн шинээн залаатай
Булган хиидхүүр малгаяа
Орой дээрээ табибал.

Үүдэни шинээн гэрэлдэ
Эрьежэ харалдаба,
Тохомоо шинээн гэрэлдэ
Тойрон байжа харабал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Газаа тээшээ гэшхүүлбэ.
Ошор Богдо хүбүүниин:
— Дайда эрьен ошхом гэнэ — хашам
Нэгэ тэндэг мандаа үхэшняаб?
Үхэжэ хэбтэһэйш мэдхүүг ди?
Ябажа ябаһайш мэдхүүг ди?
— Зүбөө нэгэ хүүриин
Зүб дээрэ тохобол даа
Зүргэ нэгэ байхадан
Харгуй дээрэ тохобо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Баруун гари нэрээ хани хүүлэһэн
Алтан ханай биһэлгээ
Ходолжо абаба.
Ходолжо абша:
— Ошор Богдо хүбүүн,
Хуригаа наашан зала! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Ошор Богдо хүбүүниин
Хуригаа залан үгэбэ.
Баруун хани гари ла
Долёобортон дүрэжэ
Үгөө гэхэн юмэ лэ.
— Баабайнш алтан биһэлиг лэ
Улан бэри һайхан болхол
Ажа мэндэ ябаа хадам.
Дайнда ла дарагдаа хадам
Үнгэртэжэ ошохо ло,
Дархан ехэ солоёо
Мангуулажа ошоо хадам
Таһаржа унахал даа.—
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Газаа хани тээшээ
Гүрбэлзээсэ гэшхэлэн

Желтый даньяльский свой лук,
Имеющий семьдесят пять подставок,
А сверху покрыл он
Броней
Из дулга-серебра,
Он свой рот напитал
Чудодейственным маслом таким,
От чего десять лет не почувствуешь голод,
И губы свои напитал
Чудодейственным маслом таким,
От чего двадцать лет не почувствуешь голод.
Надел он на голову
Шапку свою соболиную и развевающуюся,
Величиною с копну
И с кисточкой с кочку,
И в зеркало с дверь,
Поворачиваясь, смотрелся,
И в зеркало, что с потник,
Оборачиваясь, смотрелся.
Вслед за тем
Он на улицу вышел.
Ошор Богдо, его сын, [говорил]:
«Ты, «землю объеду», сказал,
Так оставь что-нибудь для приметы
Как иначе узнаем о смерти твоей?
Как иначе узнаем о жизни твоей?»
Правдивое слово
За правду он счел,
И тропинку
Дорогою счел.
Вслед за тем
Снял он с правой руки
Золотое кольцо
Именное.
А потом он сказал:
«Ошор Богдо, мой сын,
Дай мне палец!»
Тогда
Ошор Богдо-хубун
Ему палец свой дал.
И на палец его указательный
Правой руки
Он, [Гэсэр, то кольцо именное] надел.
«Если буду я жив,—
Золотое кольцо отца твоего
Блестеть будет ярче, красивей,
А если погибну в бою—
То поблекнет оно.
Коль великую славу дархана
Вознесу,
Тогда разорвется оно, упадет»,—сказал.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
На улицу вышел,

Гаралдана бэлэй лэ.
Ошор Богдо хүбүүниин
Гүйн харайн гаралдана бэлэй.
Хүйлэн хүхэ мориниин,
Ута мүнгүн ёлоое
Хүбэ татан абша
Эсэгээ морин дээрээн гаргажа
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хүйлэн хүхэ морёо ло
Унаһан ла биеэрээ
Ара гэрээн баруугшаа
Хаанай ханха харгуяар
Ханхилзаса дугшуулалай.
Зоной бүдүүн зудааран
Зуралзуулан дугшуулба.
Өөрын үнүр дайдуйн
Үнсэг дээрэн гарабал даа,
Хүүнээ хүйтэн дайдуйн
Хүбшэ дээрэ хүрэбэ даа.
Хүрэлсэжэ —
Хүүнээ лэ һууга үгээ
Хүлэр мүнгүн добуун дээрэ,
Хүлэгээ лэ зогсоо үгээ
Элигэн хара булаг дээрэ
Зогосожо,
Тамахи талха татаха! гэжэ
Харнин шинээн даһандаа
Хансуйн шинээн хүдүһэнһөө
Багса улаан тамахийе
Утхана бэлэйл даа.
Зүүн улаан һугадаа
Хабшуулажа орхибо.
Орхиһон биеэрээ
Зуруур мүнгүн хэтэйе
Гаргана бэлэйл лэ.
Дээдэ юһүн гүрүм тэнгэри
Ошоороо һабан сахибал,
Доодо долоон үнсүг дайдуйе
Дүлөөрөө һабан сахижа
Аһаалдажа абабал.
Абалсаһан биеэрээ
Дээшэ доошон барижа
Таталдана бэлэйл даа.
— Баруунийм табин табан тэнгэри,
Огторгойм минган сагаан бурхан,
Орой дээрэм харагтүй!
Эсэгэ Малаан баабаймни,
Эхэ Юүрэн ибиим ни,
Ээлгээрээ харыт!
Хүхэдээ мэргэн баабайм ни,
Хүлтээ хатан ибиим нил,
Һүрэ һүлдээрээ хараарайгтүй!
Морин минии заяагаа
Хуаа Солбон хүбүүн,
Бэйи минии заяагаа
Зарлиг сагаан үбэгэмни!
Гойр сагаа мори ло

Красиво так, плавно шагая.
Ошор-Богдо, его сын,
[За отцом] побежал,
У коня голубого
Он выдернул
Длинный серебряный повод его
И отца посадил
На коня, говорят.
Вслед за тем,
Когда сел
На коня своего голубого,
От северной юрты на запад
По ханской широкой дороге
Со звоном скакал,
По народной дороге прямой
Он, мелькая, поехал.
Приехал на край
Благодатной родимой земли.
Доехал до горной вершины
Чужой и холодной земли.
И доехал [Гэсэр]
До холма из хулэр-серебра,
На котором никто не сидел,
И до черного, как печень, ключа,
Где хулэг еще не останавливался.
Чтобы там
Закурить свой табак,
Набивал
Свою трубку с берцовую кость
Табаком крепко-красным
Из кисета с рукав.
Он под мышкою левой
Зажал [кошелек].
После этого
Вынул
Огниво с резным украшением из серебра.
Так [огонь] высекал он,
Что билися искры
О верхние девять гурум-тенгриев,
Билося пламя [огня]
О подземный мир о семи углах.
А зажегши [огонь],
Он курил [свою трубку],
То вниз опуская, то вверх поднимая.
«Западные пятьдесят пять тенгриев,
Небесные тысяча светлых бурханов мои,
Вы сверху следите за мной!
Мой отец Эсэгэ Малан,
Моя мать Эхэ Юрэн,
Благословляя, следите [за мной]!
Мой отец Хухэдэй-мэргэн,
Моя мать Хултэй-хатан,
Душою и телом следите за мной!
И коня моего сотворивший
Хуа Солбон-хубун,
А меня самого сотворивший
Ты, светлый мой старец Зарлиг!
На коне своем белом захудалом ты сидя,

Уналдаhаар харыш!
Хоёр ехэ шумдаангаа
Орихёол үгээ ашыш!
Заяалдаhан заяашам
Зарлиг сагаан үбүгэм! гэжэ
Мэтэр хүүрээ хэлэжэ,—
Шууясара hорожо
Бааясара үлеэлдэнэ бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Ара эрээн баруулжа
Юурьюулнэ бэлэйл даа.
Юурьюулэжэ ябхада
Урдаhаан болобо —
Арбан hайхан мориной
Түбэргөөн гарна бэлэй,
Арбан hайхан хүбүүнээ
Ахилагаан гарна бэлэй.
Түрүүнhээн сааша ла
Арбан hайхан мориной
Түбэргөөн гаргалдан,
Арбан hайхан хүбүүнэй
Ахилагаа гарган
Юрьюулнэ бэлэйл даа.
Урдаhаан далан долоон толгойтой
Даньял шара мангадхай
Дархи хонгор азаргатай,
Таар ехэ тохомтой,
Талхи ехэ эмээлтээ,
Талхин хэлихэн минаатай...
Угзар угзарhаар болобо,
Дархи хонгор азаргайн
Хоёр hайхан забжууриин
Шанаадан тулха болсоро
Хаха угзаран ябабал.
Дархи хонгор азаргайн
Эмэрэ эмэрhээр болбо,
Хоёр улаан hугааран
Уушхайн сагаан хүлхэйе
Билталзуулан хатаржа
Золголдоно бэлэйл даа.
Тэүүнээ нэгэ аянда
Талхиин хэлхээ минаагаар
Сохи сохиhоор болбо,
Можын сэгээн болууе
Булталзуулан хатаржа
Золгоно бэлэйл даа.
Сой мүнгэн дүрөөдөө
Соо бала харгуйлалдаа,
Сохом улаан шарайяал
Ханья хэгзэ харгуйлалдан
Ходо ханай гаралсана бэлэйл даа.
Ходо ханай гарша
Эрьежэ ерэжэ,
Мэндээ hайгааран
Мэндэшэлэн золгобо,

За мною следи!
Два своих чемодана великих
Навьючивай, не оставляя!
Меня сотворивший
Ты, светлый мой старец Зарлиг!»—
Говоря вот такие слова,
С шумом втягивал [дым],
Выдувал его клубом.
Абай Гэсэр-хубун
От северной юрты на запад
Отправился с грохотом.
В это-то время
Послышался топот
Десятка ретивых коней,
Что навстречу [бежали],
Раздалось пыхтенье
Десятка могучих парней.
И далее,
Ехали с грохотом,
С топотом,
Шумно дыша,
Десять мощных парней
На десятке ретивых коней.
Навстречу Даньяльский желтый мангадхай,
Имеющий семьдесят семь голов,
[Мангадхай] с жеребцом яркорыжым,
С дерюжным большим потником
И с большим деревянным седлом
Да с кнутом из замши, [с кнутовищем] из дерева.
Ехал он, дергая все
[За поводья],
Додергал до скул
Углы рта
Жеребца яркорыжего;
Он жеребца яркорыжего
Так ударял,
Что из голых подмышек его
Колыхалися
Белые бронхи,—
Так рысью скакал [мангадхай].
Между тем
Он кнутом своим кожаным
Бил [жеребца] до того,
Что концами
Берцовые кости его
Показались,— так встретился он.
Так столкнулись они,
Что разбились совсем стремена их из сой-серебра.
Так столкнулись они,
Что здоровые красные лица свои
Отодрали. Разъехались так.
Как разъехались,—
Сразу назад повернули.
Горячим приветом
Друг друга приветствуют тут

Дорообой ло hайгааран
Дорообшолон золгожо
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
— Али голой хубүүн ханай байнаб ши?
Али омогой хубүүн ханай байнаши? гэжэ
hуран суран байбал даа.
— Зүүнээ зүгтэ лэ
Түрэлдөө лэ бэлэл би,
Шургалжан Баян ханайла
Шурагта Тайжа хубүүн гээшэб.
— Хаа голи хаалхаяа ябааб та?
Юу-хани голи юулхэеэ ябааб та?

— Төөдээ баян хаанда ла
Толи Гоохон дүүхээ
Гараа гэхүй дуулхадаа
Хуригэлжэ ябааб!— гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Таа али голой хубүүн байнат
Таа али омогой хубүүн байнат? гэжэ
hуран суран байна ла.
— Ара гэрээн баруунтээ
Түрөө гараа байнал би,
Ара гэрээн зүүхэнтээ
Шургалжан Баян хаани
Шураг Тайжа хубүүн
Гараа гэхүй дуулхадаа,
Боро зүрхэм бульялай,
Богони хабаhам маталзаа!
Нарай мүнөө гэжэ лэ
Низалхаяа ябаа би,
Бага мүнөө гэжэ лэ
Балалахаар ябаал би.
— Хүдэн — ханай хүүе лэ
Багадани балалбаш?
Хүдэн ханай хүүе лэ
Нарайдани низалбаш?—
— Шамаhаа ла болхо

Буха ехэ хүзүүтэни
Булгалhан бэе мэни,
Буудай мүнгэн haадагтани
Ханьялаhан бэе мэни гэжэ
Хэлэн хүүнэн байба даа.
— Хүүнээ лэ үрэ
Хүүнhээ үлшэ үгээ юмэ,
Хүзүүнээ тоором
Ёргоонhоо үлэхгүй юмэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ даа.
Тэүнээ нэгэ аянда
Мүнөөхи лэ мангад хүгшэн ахай
— Одоо мүнөө
Үе шини мөөрэhэхэн байна ла,
Үhэн-шини болбо
Үрбэлгэхэн байна даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ даа.

И здорованьем теплым
Здороваются тут,
Говорят.
«Из какой же долины ты, парень?
Из рода какого ты, парень?»—
Спросил он [Гэсэра]—
«В восточном краю
Я родился.
Я — Шурагта Тайжа,
Сын Шургалжан Баян-хана».—
«В какую долину, зачем вы
отправились?
В чью вы долину, что делать
отправились?»—
«Свататься еду,
Услышав,
Что у Тодой Баян-хана
Толи Гохон-духэй родилась!»—
Так ответил [Гэсэр].
«А вы, молодец, из какой же долины?
Из рода какого же вы, молодец?»—
Так спросил [мангадхая Гэсэр].
«Я родился
От северной юрты на запад...
Когда услышал о том,
Что к востоку от северной юрты
Родился у Шургалжан Баян-хана
Сын Шураг Тайжа,
Мое крепкое сердце восстало,
И малое ребрышко стало сгибаться!
Раздавить его ехал,
Пока он младенец,
Разбить его ехал,
Пока он дитя»,—]говорил мангадхай[.—
«И сколько же ты
Раздавил так младенцев?
Сколько же ты
Погубил так детей?—спросил так
[Гэсэр].—
«Не только тебе,
Но и тем, кто с бычачьими шеями,
Шеи ломал
И расстреливал тех,
Кто имеет колчан из будай-серебра»,—
Говорил [мангадхай]
«Не сильней человека
Дитя человечье,
Не больше шести
Позвонков есть на шее!»—
Говорил так [Гэсэр].
Между тем
Мангадхай-молодец —
«Сейчас у тебя-то
Суставы — хрящи,
А волосы — пух!»—
Говорил.
Вслед за тем

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Ээмэйлэн хүшээр лэ
Тулалдажа үзэхэмнай уу?
Эрхэеэ шангаар ла,
Һомоноо хурсаар ла,
Мориноо хурдаар ла
Туршалдахамнай уу? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Ямар юумэйн
— Эсэһэн тулаһан моритой хүүхэн
Шамалаар ямар хүүхэн
Хоёр уулда гарша зоболдохо юумэ?!
Эндэш таһа татша орхихольби!... гэжэ
Мориноо буруу тээгүүрэн
Дэбхэрлэлдэн бууба ла.
Абай Гэсэр хүбүүн
Хоёр һайхан хормоёо
Һуйбадажа хаяба,
Хоёр һайхан хансуйе
Шамажа ла орхёобо.
Ошолдоно бэлэй.
Бухайни барагтай
Мүргэлдэжэ тулаба,
Бугайн барагтай
Ололдожо тулаба.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Хоёр хани гараараа
Нарин һайхан хүзүүе
Тэбэржэ абаад ла,
Хоёр хани тохоногоор
Нарин ханай хүзүүгээр
Хабшаһан биеэрээ
Эрьюүшэлжэ наадажа байнал даа.
Эрьюүшэлжэ байхада
— Алаха хадаа —
Үтэр түргэн алыш,
Абарха хадаа —
Үтэр түргэн абарыш!

Арбан гурбан хааниим ла
Абатаниин түргэдээ,
Далан гурбан хэлиим мни
Үзүүрдээшэн түргэдээ.
Шорголжон Баян хаани
Шурагта Тайжи хүбүүнээ
Гархан бэшэ байна! гэжэ
Сашхана бэлэйл даа.
Арбан хүүнээ тэбэржэ хүрхэ гүй
Ажагар улаан шүнэһэн
Тэндэ ургажа байгаа ла.
Эрьюушэлжэ байхадаа,
Тэрэ ханай шүнэһэйе
Нарин ханай матаргаяаран
Сохино бэлэйл даа.
Хоёр болон унаад ла,
Бүхэл ханай бэеын
Ибиидээ хэлхэм гэжэ,
Газар доро орожо

[Мангадхая] спросил так [Гэсэр]:
«Сразимся мы
Мощью плеча?
Иль сразимся мы
Силою пальцев больших,
Остротой наших стрел,
Быстротою коней?»—
«Кто еще
На усталом коне,
Кто же мучиться будет,
С тобой поднимаясь
На две горы?
Тебя здесь разорву!»... — говоря так,
Неправильно [вправо],
С коня соскочил [мангадхай].
Абай Гэсэр-хубун
Красивые полы [дэгэла]
[За пояс] заткнул,
Рукава свои чудные
Он засучил,
Подошел [к мангадхаю],—
И стали бодаться,
Подобно быкам,
И друг друга подбрасывать,
Словно изюбри.
Абай Гэсэр-хубун
Руками обеими
Тут обхватил
[Мангадхаеву] шею точеную,
Шею точеную ту
Он локтями зажал
И поворачивал,
Будто играя.
Когда поворачивал так,—
[Мангадхай] закричал:
«Если хочешь убить,
Так скорее убей,
Если хочешь спасти,

Так скорее спаси!
Взбунтовалися маги
Тринадцати ханов моих,
Взбунтовалась верхушка
Семидесяти трех наречий моих.
Ведь это не руки
Шурагта Тайжи,
Сына Шургалжан Баян-хана!»
Там росла
Исполинская красная лиственница,
Что десяток людей не обхватит.
Поворачивая так,
[Мангадхаем] ударил
По лиственнице,
По самой талии пришелся удар,
Пополам [мангадхай] разорвался,
И задняя часть его
В землю ушла,
Говоря:

Үгээ болон ошобо.
Сээжэ һайхан бэе
Мултаржа ядаба
Бүдүүн һайхан шүнэһэ лэ
Химурааһан хахалжа
Хабшуулажа орхибо.
Тэрэ ехэ шүнэһэйе
Ерэн түмүр сүхөөр лэ
Сүхэлэжэ абаба.
Ерэн боргуй хадааһаар
Ебтэ барин хадаба,

Далан боргуй хадааһаар
Дабхар барин хадажа
Орхино бэлэйл даа.
Һайн эрэ дараһан хойноо
Һайл мориин дээрэн сохихол байна.
Дээрэн нэгэ сохибо,
Дорон нэгэ дэбдэбэ —
Таар ехэ тохомиин
Хаха зүһэн хаяба,
Талхи ехэ эмээлиин
Хаха дэбһэн хаяба,
Талхиин хэлихэн минааеын
Хуха ла сохин хаяба.
Түрүүнһээн сааша ла
Хаанаа бүдүүн харгуяар

Ханхалзуулан ябаба,
Зоноо бүдүүн зудааран
Зуралзуулан ябуулба.
Ябхада болбо
Урдаһаан болбо —
Нарин зээрдэ моритой,
Минган алда хэдэргэтэй,
Митан сагаан хэдэргэтэй,
Уляаханил шинээн
Ута шара эзы
Мориноо уряй хойноһоон
Сохижо уурлажа ерэбэ.
Золголдоһон биеэрээ:
— Хүүнээ хани отхон ооһор хүбүү
Алажа орхёод ло,
Хаана хүрхэм гэжэ
Арбайлгажа ябааб ши?—
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Минган алда
Митан сагаан хэдэргээр
Нарин сэгээн хүзүүн дээгүүр
Буулгажа абаба.
Булад түмүр дали ла
Ханхан гэжэ байба ла,
Буха шулуун дали
Ябхан гэжэ байбал даа.
Түүни хойтоо —
Баһаа сохихоо ябхадан,
Минган алда болхо
Митан сагаан хэдэргүй

«Я скажу моей матери»;
Вырваться тут не могла
Его верхняя часть.
И зажал [его грудь]
Той могучею толстою лиственницею,
Ногтями ее расщепив.

Ту могучую лиственницу
Девяноста обручами железными
Он оковал.
И насквозь он забил
Девяносто гвоздей винтовых,
И вторично забил
Семьдесят гвоздей винтовых.
«Коли я победил молодца удалого,
Над ним коня лучшего должен забить»,—
[Говоря так], забил он [коня],
А его же дерюжный огромный потник.
Разорвав,
Разбросал он
Внизу.
И большое седло деревянное
Он, растоптав, раскидал.
Его замшевый кнут [с кнутовищем] из дерева
Он, разломав, разбросал,
А затем он
По ханской широкой дороге
Со звоном скакал,
По своей по народной дороге прямой
Он, мелькая, скакал.
И когда он так ехал,—
Навстречу,
Коня своего погоняя со злостью
То сзади, то спереди,
Ехала длинная рыжая баба,
Что [ростом] с осину,
На тонком и рыжем коне,
С яркобелой своей кожемялкой,
Что тысяча шагов длиной.
[Закричала] при встрече [с Гэсэром]
«Куда же, растрепа,
Ты денешься
После того, как убил ты
Меньшого сынка моего?..»
Вслед за тем
По изящной шее [Гэсэра]
Ударила тут
Яркобелой своей кожемялкой,
Что тысяча шагов длиной.
Зазвенела лишь сталью булатною
[Шея Гэсэра]
И не поддалася,
Как будто бы камень-гранит.
А когда
Собиралась ударить вторично,
Абай Гэсэр-хубун
Схватил

Хабхашалан атхаба.
Абай Гэсэр хүбүүн
Ходо татан абаба.
— Өөрэй лө тоног
Бэедээ харьяд гэхгүй дуулаа бэлэйб!
Минган алда
Митан сагаан хэдэргэйн
Үлгүн дайда уужам гэжэ
Шэндэгэйдэн далайба,
Үндэр тэнгэри холо гэжэ
Һарбайжа далайбал.
Сабшалдана бэлээ,
Тархи ханай уруун,
Хаха сабшан —
Хоёр болгон унагааба.
Тэрэ ехэ эзы гээшэ
Хоёр — ханай гараараа
Хоёр тээһээн хашаад ла
Мэнхэн түлдөө оробо ла.
Түүни хойто сабшабал.
Нарин ханай матаргаяар
Таһа сабшан унагаабал.
Хоёр тээһээн эблүүлээд,
Мэнхэн хэмээ золгуулаад
Мэнхэн хэмээ байба ла.
— Энэ һайхан эмээе
Хайшин гэхэ бэлэйб,
Яашин гэжэ дарха бэлэйб? гэжэ
Ехээ гайхал гайхаба.
Ехээ тагнал тагнабал.
Эрэ хүүхэн зорихол даа,—
Гурба дахин зорихол даа.
Зориһондоо хүрээл үгээ хадаа
Зуураа ла хүмэрхэ! гэжэ
Нарин һайхан хүзүүеын
Таһа сохин унагааба,
Наймаан сэгээн сэмэгэйн даа
Хуха сохин унагаалайл.
Үбэһэни үзүүрһээ,
Эблэхээр тэмүүлбэ,
Хулаһани үзүүрээр
Холбохоор тэмүүлбэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хоор найман сэмэгэйн даа[63]
Хухара сохин дууһаба,
Хорин ёргоон хабаһайн даа
Мурааһаан мулта сохибол.
— Энэ ехэ эмээн
Һүнэһэ сүлдээн бэдэржэ
Баряал үгээ хүүхэн
Хайшан шье гэжэ
Дарахагүй юумэ байна! гэжэ,
Энэ эзые дараһан хойно,
Һайн хүүе дараһан хойно
Дээрэн мориин сохихо! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэлдэнэ бэлэйл даа.
Шуһан зээрдэ мориие
Дээрэн нэгээ сохибо,

Яркобелую ту кожемялку,
Что тысяча шагов длиной,
И вырвал ее.
[И сказал он]: «Я слышал, оружье
Вреда не приносит хозяину»,—
И размахнулся
На всю ширину безграничной земли
Яркобелою той кожемялкой,
Что тысяча шагов длиной,
Размахнулся на всю вышину
Безгранично далекого неба.
[Затем] он ударил,—
И голову ей
Пополам
Расколол и свалил.
А та баба-колдунья
Руками обеими
Голову тут собрала
И прижала с обеих сторон,—
Прежний облик она приняла.
[И тогда] он вторично ударил
По талии ее,
Пополам разрубил и свалил.
[Ее части] сошлися с обеих сторон,
И опять
Прежний облик она приняла.
«Что делать мне
С этою бабой-колдуньей?
Как ее победить?»—[так Гэсэр]
Удивлялся весьма,
Поражался весьма.
«Своего-то мужчина обязан добиться.
И он добиваться обязан три раза.
А ежели он не добьется,—
В дороге погибнет!»,—сказав,
Он красивую тонкую шею ее отрубил,
Целых восемь костей ее трубчатых
Он перешиб и наземь свалил.
Верхушками трав
Срастить [свои кости] пыталась она
Да концами камышей
Их связать попыталась она.
Вслед за тем
Ее восемь костей пустотелых
Разбил, разломал,
Двадцать шесть ее ребер[108]
Ударом он выбил из гнезд.
«Нельзя победить
Эту бабу-колдунью,
Покудова не разыщу
Ее душу,
Ее не поймаю!
Коль я человека большого осилил,
Коль я эту бабу осилил,
Над нею забью я коня!»—
Говорил так [Гэсэр].
И забил он над ней
Яркорыжую лошадь ее,

Доро нэгэ дэбдэбэл,
Таар ехэ тохомиин
Хаха татан хаяба,
Талхи ехэ эмээлиин
Хаха дэбһэн хаяна бэлэйл даа.
Талхиин хэлихэн минаае
Хухал сохин хаяба.

— Дараша үгээ юмэйе
Һайи мүнөө дарабаб даа,
Дайлша үгээ юмэйе
Һаял мүнөө дайлабал би.
Энэ ехэ эмээе
Һүнэһээн бэдэрээл үгээ
Арга үгээ гэжэ,
Болдогтой боро түхэми[64]
Хуу татан абша
Тэрэ ехэ эзые
Даража орхибо —
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Энэ хани эмээн
Һүнһэ сүлдэн хаана бэлэй? гэжэ
Элигээ хахалба,
Эрээн хэниг гаргабал,
Маньялаяа хахалба
Майдарайн шара хэниигэ
Гаргана бэлэй лэ.
Заяанай шара хэниигийе
Гаргажа абаба —
Захаяа гурбай уудалжа гаргаба.
Дуудан дорлин байбал даа.
Энэ эмээн һүнһэн сүлдэн
Хаана бэлэй? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Дуудана бэлэй лэ:
— Энэ баруун тээхэнэ мнай
Эньин шара нуурхан байнал,
Эньин шара нуурхан соо
Гунан үхэрээ шинээн
Гунан хара баха тэндэ,
Аминай алтан тооно
Гунан хара бахайе
Хотойн оёортол.
Тэүүнээ нэгэ зарьма һүнһэниин
Энэ урай шэни лэ
Һүнхэн шара далай ла.
Һүнхэн шара далай соо
Холхи ибиин тэндэ лэ.
Холхи ибиин хобтодо
Хорин ёргоон бүдүнэ
Тэндэ ханай байна ла!
Тэрэ хани хобтойе
Хайшин гэжэ абаха бэлэй?
Яашин гэжэ абаха бэлэй? гэжэ

Под нее подстелил,
А дерюжный огромный потник,
Разорвав, раскидал,
И большое седло деревянное
Он, растоптав, разбросал,
Ее кнут из замши, [с кнутовищем] из дерева
Он, разломав, раскидал.
«Непобедимое
Победил я сегодня,
Неодолимое
Одолел я сегодня.
Обязательно должен
Пойти я искать
Душу бабы-колдуньи такой.
Болдогтуйские серые скалы
Оторвав,
Придавил ими
Ту бабу-колдунью.
Вслед за тем он сказал:
«Где душа
Этой бабы?»
Он свою печень разрезал
И пеструю книгу достал.
Он разрезал свой лоб
И Майдара желтую книгу[109]
Достал,
И судьбы своей желтые книги
Достал—
Три крайние книги достал
И читал—перечитывал он.
«Где душа
Этой бабы?»—
Так спрашивал он.
И читал:
«Там, направо,
Эньинское желтое озеро есть,
В этом озере желтом Эньинском
Есть черная жаба-трехлетка
С трехлетку-бычка.
Зерно* золотое души [той колдуньи]
В желудке
Той черной трехлетней-то жабы [лежит].
Часть души [той колдуньи]...
На юге, вот здесь,
Есть Молочное желтое море.
В том море Молочном и желтом
Ее Холхи-мать** [проживает].
В сундуке Холхи-матери там
Двадцать шесть перепелок
Имеется!»—
«Как же сундук тот
Достать?
Каким способом взять?»—

* Тооно—это зернышко сорняка—куколя, растущего среди злаков.
* Бабушка по матери.

Ехэ гайхал гайхажа,
Ехэ тагнал тагнажа
Байгаа гээшэн юмэ лэ.
Түүнээ нэгэ аянда
Аян шаяа алдаба,
Аянгаяа ядхадаа
Нарихан зээрдэ морин болгон
Ерэн алда бэетээ
Ербээ хүхэ морёо
Болгоно бэлэйл даа.
Бэени хубилба —
Уруушье табиһаа
Уляаһани шинээн
Ута шара эзы болоно бэлэйл даа.
Шуһан зээрдэ морёо ло унажа ошожо
— Холхи ибии, үүдэеэ инеэгыш? гэжэ
Дуудана бэлэйл даа.
— Басагамни яагааб ши? гэжэ
Үүдээ үрхэеэ юундэ олхоёо болёоб ши? гэжэ
Дуудана бэлэйл даа.
Дуудхада болбо
— Холхи иибии яалайб ши?
Баруунай табин табан тэнгэри
Ахалажа түрэһэн
Ханхан хормос тэнгэриин
Отхон ооһор хүбүүтээ,
Абай Гэсэр хүбүүтээ
Тулалдана бэлээл би.
Арга тала үгээ
Ялагтаха болходоо
Морёо унан тэрьелээб!...
Аян шаяа алдаба,
— үттэр түргэн моритоёо наашаа ерэ! гэжэ
Дуудана бэлэйл даа.
Моритоёо гүйлгэжэ ошолдожо оробо
— Холхи ибии яалайш?
Юһүн сэгээн һарда
Тэрэ ехэ түрөөдээр
Дайлалсаа ла байнал би.
Дарагтахаяа һанахадаа
Амяа тэрьелэн ерээл би.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Юү хани ирээб ши
Холхи ибииһээн? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Уурагаа хүхөө болоо хадаа
Нэгэн бага убаа үгээ тулаха! гэжэ
Ерээ ханай байнам —
Холхи ханай ибии гээшэ
Сарил сагаан толгойтой,
Самсаал ехэ үргэтээ һамаган
Баруун үбдэг дээрээ абша
Таалажа хүхүүлбэл,
Балшартан оросо таалана бэлэйл.

[Так Гэсэр] удивлялся весьма,
Поражался весьма,
Говорят.
Отчего
Он в большом затруднении был.
Не найдя ничего другого,
Он коня своего голубого,
Длиной в девяносто шагов.
Превратил
В тонко-рыжую лошадь [той бабы].
Себя превратил—
Хоть поставь вверх ногами—
В ту рыжую бабу,
Что ростом с осину.
Приехал туда на коне яркорыжем.
«Холхи-моя матушка, двери открой!»—
Закричал.
«Моя дочь[110], что с тобой?
Почему свои двери-трубу
Находить перестала?»—спросила она.
И когда так спросила она:
«Холхи-моя мать, что с тобой?
Я сражалась
С Абай Гэсэр-хубуном,
С самым младшим-то сыном
Хан Хормос-тенгрия,
Что старшим родился
Над западными пятидесятью пятью тенгриями.
Неизбежно уж было
Мое пораженье,
Поэтому села на лошадь свою, ускакала!...»
Растерялась [ее Холхи-мать],
Позвала:
«Сюда ты скорее с конем!»
К ней галопом заехал [Гэсэр].
«Холхи-моя мать, что с тобой?
Я сражалась
С проклятым, могучим таким
Девять месяцев целых.
И чуя свое пораженье,
Спасаясь, сюда прискакала».
Вслед за тем,
«От Холхи-своей матери
Что же ты просишь?»
Спросила Холхи-мать.—
«Коль молозиво я пососу,
То я с ним посражаюсь еще!
Потому прискакала сюда».
Холхи-мать, та старуха,
Что с острым большим подбородком
Да и с головой яркобелой,
На правое взяв на колено,
Ласкала его до того,
Что младенцем почувствовал он,

Зүүн үбүдүг дээрэ абан таалана бэлэй-лэ.
Зүрмэһэндэн, оросо таалана бэлэй-лэ.
Хоёр һайхан хүхээе
Хордосон урилан байжа, хүхүбэл.
Ай гэхэ бэлэй.
— Басаган, басаган!
Хүгкэш ямар ондооби
Уринхиһаан? гэжэ
Мэнэн хүүрээ, хэлэбэл даа.
Юһэн елдэ дайлалсаһан хүүхэн

Юу үлэхэ гэжэ һанаш даа?
Холхи иибии яалайш?
Үшөө хани хүгкэ байналби —
Гүзээ мини юүшье үгээ байнал! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Хоёр сүүдхэ хүхүүлбэл.
Гурбадхи сүүдхэдээ
Хоёр уушхайн хүлхэйе
Хоёр һайхан хүхөөрэн
Ходо һорон абалдаба л.
— Мэхэлээшэндээ мэхэлүүлээб,
Мэргэшүүлдээ харбуулбаб? гэжэ
Минган алда
Митан сагаан хэдэргэдээ —
Таһа сохихо гэжэ лэ

Бэдэргээ унахайн тэрэ хирэндэ
Минган алда
Митан сагаан хэдэргэйн
Хуха сохин орхибо.

Хухал сохин орхиходоо
Һуха татан абаад ла
Мүнөөхи лэ эзы лэ
Утаһани шинээн
Улаан голдоо торжо
Мухарижа хэбтэбэ.
Хухархай һайхан хэдэргээрэн
Нарин һайхан хүзүүеын
Таһа сабшан орхибо.
— Дарша үгээ юумээе
Һая мүнөө даралсабаб!
Дайлша үгээ юумэе
Һая мүнөө дайлабаб! —
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Холхи ибиин хобтодо
Сагаа мүнгүн хобтодо
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Сагаа мүнгүн хобтойе
Бута бала дэбһэнэ бэлэйл.
Бута һамна дэбһэхэдэ
Алтан хобто гарабал даа.
Алта ехэ хобтойе
Бута һамна дэбһэбэ.
Хорин ергоон бүдүнэ лэ
Огторго өөдөө дэбэлдэбэ

И на левое взяв на колено,
Ласкала его до того, что размяк он.
Поочередно, до боли,
Сосал обе груди ее.
Как не скажешь тут «Ай!»
«Моя доченька, дочка,
Как это сосанье твое
Не похоже на прежнее?»—
Так говорила она.
«Ты думала, что человек девять лет воевавший,
Оставит что-либо?
Холхи-моя мать, что с тобой?
Я еще пососу,
Ничего нет в желудке моем!»—
Говорил так [Гэсэр].
Двое суток сосал,
А на третьи-то сутки
Он высосал
Бронхи из легких
Через ее груди.
«Обманщик меня обманул,
Прострелил меня меткий стрелок!»—
Говоря так, подалась назад.
Чтоб [схватить] кожемялку свою яркобелую,
Что тысяча шагов длиной,
И ею [Гэсэра] рассечь,
Но он яркобелую ту кожемялку,
Что тысяча шагов длиной,
[Из рук] ее выдернул
И разломал.
И когда разломал [кожемялку],
Та баба
Лежала, валяясь,
И еле держась на артерии,
Ставшей, подобною шелковой нити.

Он сломанной той кожемялкой чудесной
Отсек
Ее тонкую шею.
«Непобедимое
Победил я сегодня,
Неодолимое
Одолел я сегодня!»— [сказал].
Вслед за тем
[Обнаружил] сундук Холхи-матери,
Белый, серебряный,
Где находилась [душа].
И сундук ее белый, серебряный
Вдребезги он растоптал.
Когда вдребезги он растоптал,—
Золотой оказался там ящик,
И вдребезги он растоптал
Золотой чародейский тот ящик —
Двадцать шесть перепелок
Тут к небу взлетели.

Ядаан гэжэ гурбай ни баряад
Хосорно бэлэйл даа.
Огторгойн боро-хүхэ харсага болжо
Нюдаржа арилба.
Нюдар нюдараһаар болбо
Арбан гурбандан оруулбал.

Арбан гурбан бүдүнэ
Үлгэн замби дайда дээрэ буугаад
Арбан гурбан гүрөөһэн болжо
Ой өөдөө гүйбэ лэ
Огторгойн юһэн хүхэ шоно болжо

Үлдэжэ арилба.
Юһэн гүрөөһэйн барижа
Ерхэдэ болбо
Дүрбэн ханай гүрөөһэн
Хашагдажа ербэл даа.
Мэнэ бариха болоод ерхэдэн.
Юһэн дүшэнэг
Улаан будаа тарян болжо
Атхаража унаа бэлэйл,
Юһүн дүшэнэг улаан будаа тарайе
Юһүн солдаад боложо[65]
Юһүн тээһээн орожо
Хадалдажа арилба.
Мэнэ барихүйи тэрэ хирэндэ
Огторго өөдөө
Арбан гурбан бүдүнэ болон
Дэбэрхэлнэ бэлэйл даа.
Нюдара нюдараһаар болбо даа.
Гагсахайин үлээбэл даа.
Һүнхэн шара далайдаа

Яраахай болжо атхаража унаба.
Юһэн сурхай болобол даа.
Үзүүрэһээн үнхэбэ,
Захаһаан зальябал —
Нэгэйн мини үлээжэ ерхэдэ
Арбан гурбан бүдүнэ болжо
Огторго өөдөө дэбэжэ орхилэйл.
Аянгайин ядабалдаа.
Хүйлэн хүхэ морини
Мундаа дээрэ аргамжабуу —

Нарани туяа барижа
Аргамжана бэлээл даа.
Һарайн туяа барилдаба —
Мориноо ууса дээрэ
Аргамжажа абаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тэрэ хани хүбүүн гуай
Шуһан хурайн оруулба,
Шулуун мэндэр сохюулба.
Арбан гурбан бүдүнэ
Нарани ехэ туяанда ержэ,
Арга үгээ ягаажа унажа
Үгөө гэхэн юмэл даа.

Троих [перепелок]
Едва он поймал.
В серосизого коршуна неба он тут превратился
И начал их бить,
Ударять-ударять,—
И тринадцать осталося их.
Перепелок тринадцать
На землю-раздолье спустились,
В тринадцать косуль превратились,
И в лес убежали они.
В девять серых небесных волков превратился,
Погнался за ними [Гэсэр].
Когда девять косуль
Он поймал,—
Остальных четверых,
Окружив,
Он ловил,
Но они превратилися в просо,
Рассыпались
На девяти десятинах [земли].
Он в девять солдат превратился,
То просо
Стал жать
С девяти-то сторон.
И почти уж кончал,—
Улетели тут в небо они,
Превратившись
В тринадцать [опять] перепёлок.
[Став коршуном], начал он бить,—
И всего оставалась одна.
На Молочное желтое море спустилась она.
Превратившись в рыбешки-мальки.
В девять щук превратился,
С конца [тех рыбешек] кусал он
И с краю глотал.
Оставалась одна лишь [рыбешка],
В тринадцать [опять] перепелок
Она превратилась,—и в небо взлетели они.
Что делать и как же поймать?
Лучи солнца поймал,
Аргамжой привязал их
На холке
Коня своего голубого.
Сиянье луны он поймал,
Аргамжою его привязал он
На крупе коня.
Вслед за тем
[По веленью] того молодца,
Дождь кровавый полился
И каменный град захлестал.
И тогда-то
Тринадцать перепелок
На теплые солнца лучи прилетели
И греться легли.

Ягаалдажа хэбтхэдэн —
Һарбад гэжэ барижа,
Бутара һамнара
Эмэржэ хаяна бэлэйл.
Дарша үгээ юумэеэ
Һая мүнөө дарабаб даа,
Дайлаша үгээ юмэеэ
Һая мүнөө дайлабаб даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Ехэ дайсуй дарабаб гэжэ
Ехэ мангал мангахгүйл,
Ехэ хүүнээр хэлсээб гэжэ,
Тархиин нэгэтэ алхахгүйб! гэжэ
Садхан мүнгүн даагандаа
Хирмай улаан тамахие
Хариин шинээн даађаараа
Хансуйн шинээн хүдэһэнһөө
Багса улаан тамахийе
Утхалдажа аббал даа.
Зуруур мүнгэн хэтээрээ
Зуран сахин аһааба,
Дээшэ доошон бариба.

— Заяалдаһан заяаша,
Зарлиг Сагаан үбүгүмни,
Хуаа ехэ Солбо-мни,
Хотогор ехэ Майлга-мни,
Огторгойм минган сагаан бурхан
Орой хэнээ Гэсэрээ
Орхеол үгээ харыт-таа!

**
*

Мондогой хяаеын ургаа юмаа да!
Мориной мориной бахай дараһан юмэ.
Мондогой хэли эрьюулхэжэ
Онтохоноо сэе дараха юмаа лам...
Ай-дун-зэй...

**
*

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Гунан үхэрээ шинээн
Гунан хара бахада
Хайшин гэжэ орохо бэлэй
Абахан шижэ хоёрын
Баран эндэ байнал! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Хангайн хара һомойе
Һуха татан абалдана бэлэйл даа,
Абалсаһан биеэрээ
Одоо эйлэ бэлэй —
Онон дээрэн уншана бэлэй лэ,
Улаан дүлүй гаргана бэлэй лэ.
Хүбшэ дээрэн хэбшэбэл.
Хүхэ дүлүй гаргабал.
— Үхэхэлэ заяатай — хадам
Үйхэн таһа ошооройл.
Ахан ябаха заяатай хадам
Гунан үхэрээ шинээн

Когда так лежали и грелись,
[Руками] схватил [перепелок]
И смял, раздавил их
И бросил.
«Непобедимое
Только теперь победил.
Неодолимое
Только теперь одолел!—
Говорил так [Гэсэр].—
И мне слишком нельзя зазнаваться,
Большого врага победив,
Перешагивать голову [вражью] нельзя,
Поговорив с человеком большим!»
Латунно-серебряной трубкой,
С берцовую кость,
Стал он черпать
Свой крошеный красный табак,
Крепко-красный табак
Из кисета с рукав,
И огнивом с резным серебром
Высекая [огонь], он зажег,
То вниз опуская, то вверх поднимая, [курил].

«Творец, сотворивший меня,
Светлый старец Зарлиг,
Мой великий Хуа Солбон,
Изогнутая и великая Майлга моя,
Мои тысяча светлых небесных бурханов,
Неусыпно следите
За вашим Гэсэром, что поздно родился!»

**
*

Обтесанный кругло аркан
Страсть коня, [страсть]коня подавил.
И ворочая круглый язык,
Свою сказку приводят к концу...
Ай-дун-зэй...

**
*

Абай Гэсэр-хубун говорил:
«Каким образом мне подступиться
К той черной-то жабе трехлетней,
Что будет с трехлетку-бычка?
Здесь и кроется
Все колдовство, волшебство!»
И стрелу свою вынул
Хангайскую черную он.
Когда выдернул—
Именно тут!—
На зарубке [стрелы] заклинал,
Вызывая тем красное пламя.
И на тетиве заклинал
Вызывая тем синее пламя.
«Коль мне умереть суждено,—
Пролети ты в пространство, мимо.
Коль мне еще жить суждено,
То, пройдя через пасть
Жабы черной трехлетней,

Гунан хара бахайн даа
Амааран орооройш,
Хотой ни оёорһоо
Шагайн шинээн шара шулуу
Онодоо хабшин ерээрээ!
Тиигээн биеэрээ:
Бүхюү дээрэн унаса
Булхайсаран татажа,
Зэнхэн дээрэн унаса
Зэлхээсэрэн татажа
Эниин шара нуурхан уруу
Харбажа орхибо.
Эниин шара нуурай ла
Хүдёөгөөриин хүрьесэ бэдэржэ
Харайлдана бэлэй лэ.
Ан-шаяа алдаба —
Бэдэр бэдэрһээр ошожо
Тэрэ ехэ нуури ла
Тэгхэн дундан үзэбэл даа.
Амааран оробо ло
Алааран гархадаа,
Шагайн шинээн
Шара ехэ шулууе
Онондоо хабшуулан гараба.

Абан гэжэ ербэ.
Эжэн дээрээ ерэжэ,
Хороон дунда хорьебо,
Һаадагта һабиба.
Тэрэ ехэ аминайни алтан тооной
Халааһандаа хаяжа орхино бэлээл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Арал гэрээн хойшо ло
Юрьюулхэжэ ябуулба —
Ябхада болбо —
Тэнгэридээ хүрэмэ
Гүмэр хара һүмэ лэ
Ербээжэ байба ла.
Одоо яаха бэлэйб:
Намаһаа ла болхо
Буха ехэ хүзүүтэни
Булгалаһан дайда эндэ,
Буудай мүнгүн һаадагтани
Ханьялаһан дайда эндэ.

Газаан хани хархада
Долоо мориной тологой
Зүхээтээ лэ байбал даа.
Долоон хүбүүнээ һаадаг хормого хоёр.
Үлгээтээ лэ байба ла.
Аянгаяа ядалдаба,
Морёо нэгэ хубилгана бэлэйл даа.
Бохигор боро даагалан болгоно бэлэй лэ.
Бэеэл нэгээ хубилгана бэлэй
Үбдэг дээрээ оросор —
Һахалтайхан болобол,
Үргэн дээрээ бололсобо —

Что будет с трехлетку-бычка,
Ты в зарубку свою захвати
Желтый камень с лодыжку
Из желудка, со дна,
И назад прилети!»—говорил так Гэсэр.
А затем
До бухю натянул
Так, что [лук] надувался,
До зэнхэн натянул
Так, что [лук] раздувался,
И пустил тут [стрелу] он
В Энинское желтое озеро.
В озере желтом Энинском
[Стрела], по краям пролетая с раскатами,
[Жабу] искала.
Найти не могла.
Все искала, искала,
[Нашла] в середине
Того величайшего озера;
В пасть залетела,
[В желудке стрела] захватила в зарубку
Тот желтый магический камень с лодыжку
И, выйдя меж ног,
Прилетела назад.
Прилетела к хозяину,
В колчан залетела,
Зажурчала она.
Зерно золотое
Души [колдовской]
Он в карман положил.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун,
Громыхая, поехал
На север от северной юрты.
Когда он так ехал,
Красуясь, стоял на пути
Достигающий неба
Железный да черный дворец.
«Что же делать теперь?
Это место, где шеи ломали
Не только-то мне,
Но имеющим шею быка,
Это место, где жизни лишали
И тех, кто имеет колчан из будай-серебра.
На дворе,
На шестах
Семь голов лошадиных торчали[111];
Висели
Колчаны семи молодцов.
Он терялся в догадках.
Коня своего превратил
В жеребенка двухлетнего сгорбленного.
А себя превратил [в старика]
С бородой
До колен,
С доходящими

Уналдажа байха ла
hоримhотой болобо.
Баруун hайха нюдэндөө
Барбагайн шинээн няагаhуй
Бархайсаран ахаба,
Зүүн hайхан нюдэндээ
Зүгүйн шинээн няагаhуй
Бархайса няажа ла
Байхада ла болбо.
Бохир боро морёо-ло
Урда хүлиин сохёобо —
Дохолгожо наадаба,
Хойто хүлиин сохибо
hээзэргэжэ наадажа...
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Бохир боро унагаа
Уналсажа ябуулна бэлэйл даа.
Тэрэ ехэ байсанда
Хүрэлдэнэ бэлэйл даа.
Газаан хани буубал даа.
Морин сайхан хүлэйи
Баруун ург[illegible] хэршээhэндэн
Уян тата[illegible]рхибо.
Тэрэ ехэ *байсанийи*
Баруун хойто хэршээhээр
(Үүдэниин тээгүүр байбал даа)
Оролсоно бэлэй лэ.
Орходо болбо —
Урда ехэ хаяагаар
Зуу найман толгойто
Зуудаг шара мангадхай
Унтажал хэбтэбэ.
Баруун hайхан оошоороо
Улаан дүлөөр амилба,
Зүүн hайхан *ошоороо*
Хүхэл дүлөөр амилба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
hэрэгшихэн боложо
Мангад хүгшэн ахай ла
Бодолдоно бэлэйл даа.
Бодолсоhон биеэрээ:
— Нэгэл зарима хүүхэн даа.
Үдэртөө бодон бодон агнажа,
Хулганайн хамарhаа
Шуhа дуhаал үгээ агнаха,
Минии золтой хүүнээ гэртэ
Зууха мяхан бэеэрээ ерхэ! —
Мэнэн хүүрээ хэлэhэн биеэрээ
Наян алда эритээ
Тарбагай сагаан hүхээ
Ханаhаа ла абаhан биеэрээ
Хадайн хара шулуугаар
Хабиража *орхибо*,
Боориин боро шулуугаар
Булуудэнэ бэлэйл даа.

До подбородка
Ресницами,
С гноем с лодыжку,
В красивом глазу—
Своем правом
И с гноем с пчелу
В своем левом
Красивом глазу —
Так себя изменил.
Коня серого сгорбленного
По передней ноге он ударил
И, словно играя, заставил хромать.
И *по задней ноге он ударил*—
И, словно играя, заставил [коня] припадать...
Вслед за тем
Он поехал
На сгорбленном сером своем жеребенке,
Приехал к тому он
Большому дворцу.
Слез [с коня] во дворе.
И к право-передним пазам угловым
Привязал он
Хулэга-коня своего.
В тот огромный дворец
Через северо-западный угол
Вошел:
(Там были [дворцовые] двери).
Когда он вошел,
То у нижнего края передней стены
Возлежал и дремал
Кусающий желтый мангадхай,
Что имеет сто восемь голов.
Через правый огромный свой угол рта
Пламя красное он выдыхал.
Через левый огромный свой угол рта
Пламя синее он выдыхал.
Вслед за тем
Мангадхай исполинский
Проснулся
И встал.
И когда он поднялся,—
Сказал:
«Есть люди такие,
Что каждое утро идут на охоту,
Но даже из носа мышиного
Крови они не прольют,
А ко мне ж, человеку счастливому,
На дом явилося мясо, чтоб мне покусать!»
И он снял со стены
Широченный свой белый топор
С острием в восемьдесят шагов,
Черным камнем горы
[Тот топор] наточил,
Серым камнем холма
Он направил его.

***

Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Арбан гурбан хаани ла
Аха ехэ доогтор гээшэб.
Һорог байһан юумэйе
Эбэрлүүлэн ябаалби,
Һохор байһан юумэйе,
Нюдэлүүлэн ябаал би!
Энэ минии баруун һайхан нюдэн
Гурбан елээ зобообо ло байнал даа.
Юун зайхан түйхэн һүхэеэ
Үрэжэ һуулайб! гэжэ
Мэнэн һүхэеэ урда ханай ханадаа
Хадажа сабшажа орхибол,
Үбэгэн, үбэгэн ержэ үзыш таа! гэжэ
Гэдэргээ харша хэбтэжэ ла үгэбэ.
Ошожо татажа ла үзэбэл даа.
Татан харан байхада:

— Ара гэрээн зүүхэн даа
Түрэһэн гараһан юумэ хами.
Нарин хүзүүн Гүлдэмээ лэ гээшэ
Түрэһэн гараһан юмэ хаям.
Тэрэ хүбүүнээ һомойн үзүүр
Эндэш хухарша байнал.
— Үнэн шье һаа бэзэ.
Уряа дайлалсаһан байхадам
Һомоо һүргэжэ орхиһон юм һэн,
Энэ һайхан нюдэн минии
Эмнэжэ эдгээжэ шадахаш бэзэш?
— Шадхыншье шадха байнам,
Иимэ ехэ үбэгэйе
Эмнэжин үзээл гүйб
Бархидаш болбо
Барилга болхогүй байналби,
Зальяжалан орхиходош
Хоолойи шинии үрбэгэнүүлээш үгээ
Орохо байнам!
Зажилажа орхиходош
Шүдэни шэгшэбши болхогүй юумэ байнам
— Эндэхи ерэн алда
Ехэ түмэр аргамжи ла
Юүн туужа түрэжэ ошооһом! гэжэ
Бэдэржэ ошобол.

Бээжиеэ саанһаа хонхинсоро
Шэрэжэ лэ гашарбал.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Турайн дүрбэн хэршээһэндэ
Дүрбэн түмүр горьеые
Оруулана бэлэй даа.
Шурагааран эрьюулжэ,
Мангад хүгшэн ахаяа
Турайн түгхэн дунда ла
Хэбтүүлжэ орхёод ло,

***

Абай Гэсэр-хубун
Говорил:
«Самый главный я доктор
Тринадцати ханов.
Коль рога чьи поломаны,—
Новые делаю я,
А ослепших я
Делаю зрячими!»—
«Этот мой правый прекрасный-то глаз
Меня мучает [целых] три года.
И точить-то мне незачем
Этот злосчастный топор!»—
Говорил он, топор свой
В переднюю стену вонзая.
«Старик, старик, подойди, посмотри!»—
Говоря так, он на спину лег.
И [Гэсэр] подошел [к нему], вывернул вски,
Сказал:
«На востоке от северной юрты
Появился-родился
Нарин Хубун Гулдэмэ,
Появился-родился он там.
У тебя здесь застрял
Самый кончик стрелы того парня».—
«Возможно, и правда.
Когда я сражался с ним прежде,—
Мне [в глаз] он стрелял.
Сумеешь ли вылечить-выходить
Этот мой глаз заболевший?»—
«Суметь-то сумею,
Но только еще не лечил
Старика-великана такого.
И если ты схватишь меня,
То и сразу раздавишь,
А если проглотишь,
То в горле своем
Не почувствуешь даже!
Коль станешь жевать,—
Для зубов-то твоих не гожусь в зубочистки».—
«Здесь длинный железный канат мой [лежал],
Что длиной в девяносто шагов,
Но унес-утащил его кто-то!»—
Сказав так, искал [мангадхай].
Из-за печи он вытащил
С грохотом.
Вслед за тем
К четырем-то дворцовым пазам угловым
Он четыре железные кольца
Прибил
И шурупами он завинтил.
Тут [Гэсэр] положил
В середине дворца
Мангадхая того

Дурбэн тээшэн татажа,
Тэртээсэрэн татажа,
Хүлилдэжэ байбал даа.
Дурбэн тээшэн татажа
Хүлилдэжэ байхадаа
— Үбэгэн, үбэгэн!
Барихаш яагаа хатуу бэ? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Хүбүүн, хүбүүн! гэнэл би
Муугаар хүлижэ орхео хадам
Нэгэшье гараал
Ходо татан абаа хадаа
Намай-ла баряа хадаа
Баса барин орхихол ши.
Нэгэшье хүлөө лэ
Ходолжо абаа хадаа,
Эдхэлжэ орхео хада
Тэһэ ханай эдхэлжэ,
Унагааха байнал ши.
Эмхэн домхон хоёрни
Хоротой зүрэтээ юүмэ лэ
Энэ ехэ нюдэн шини
Хорхойтой шабахатай болоо ло...
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Юһэн тамагайн тогоогоор
Үхэр хара туулгани
Бусалгажа орхибо.
— Эрхээдээлэн эрдэмтэй лэн бэлэйб,
Хуригандаа хубитай бэлэйб.
Хоёр гари хирэйе
Тэрэ нюдэн уруун
Хюһажа оруулжа байбал даа.
Юһэн тамагайн тогоото
Халажа ербэл даа.
— Хүбүүн, хүбүүн! гэнэл би.
Элүүр һайха нюдөөрөө
Огторгой минган сагаа мэшиие
Тоолон томирон хэбтыш,
Эбшэн һайхан нюдөөрөө
Энэ һайхан тураяа
Үһээ алаабхиин тоолыш!
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ,
Газаа хани гарша,
Үхэр хара туулгаа
Худхажа, хубхажа
Үргэжэ ерэжэ
Болгоожо тоолыш таа!
Нэгэ шье хадхамал
Дуһаа хан хадаа бараг үгээ юмэ? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл лэ.
Юһүн тамагайн тогоото
Үхэр хара туулагаяа
Нюдэ уруу сальядхаһан биеэрээ
Газаа тээшээ харайбал.
Газаа тээшээ харайхадан
Гурбан ханай дабхараар
Бархаг хара хилуусаар
Үүдээ хилуулһан байгаал даа.

И [к углам] четырем
Привязал туго-туго [канатом],
[Затем] и связал.
Когда делал
Все это [Гэсэр],
[Мангадхай] говорил:
«Старик, старик!
У тебя что-то очень уж крепкая хватка!»—
«Сынок, сынок, говорю,
Если плохо свяжу
И ты вытащишь руку — одну хоть!—
И схватишь меня,
То раздавишь совсем,
Если вытащив ногу — одну хоть!—
Ты пнешь меня ею,
То этим пинком
Разнесешь меня вдребезги,
Свалишь совсем.
Очень сильную боль причиняют
Целебные средства-лекарства мои.
Этот глаз твой большой
Очервивел совсем,
Загрязнился...»
Вслед за тем
В девятиведёрном клейменом котле
Расплавлял
Свинец черный.
«Целебен мой палец большой,
Мои пальцы счастливы»,— сказал.
Он, грязь своих рук
Соскоблив,
Насыпал в его глаз.
И расплавился тут [и свинец]
В девятиведерном клейменом котле.
«Сынок, сынок! говорю я.
Ты лежа смотри и считай
Своим глазом здоровым, прекрасным
Тысячу светлых небесных звезд,
Своим глазом больным
Потолочные и половые [тесины]
Красивого этого дома считай!»—
Говорил так [Гэсэр],
И на улицу выйдя,
Тот черный свинец
Помешал-размешал
И занес.
«Не сбиваясь считай!
Если капля кольнет,—
Не беда!»—
Говорил так [Гэсэр].
Затем черный свинец
Из девятиведерного клейменого котла
Он в глаза его выплескал.
К выходу он побежал.
Но замкнуты были тут двери
В три ряда
Замками
Громоздкими черными.

Гурба дахин сухарижа эдхэлэхэдээ
Гурбан дахин һорбойин
Ходо эдхэлэн гарана бэлэйл даа.
Газаа ханай гархадан
Аян шаяа алдаба,
Түмэр хара шэбээгээр
Бэрхэгэлэн байбал даа.
Аянгаяа ядаба.
Шара хэдэгэнэ боложо
Дэбэлдэнэ бэлэйл даа.
Дэбэлдэжэ байхада,
Мангад хүгшэн ахай
Гурба дахин тэршэлбэл
Гунан ехэ дайдаяа
Доһолсорон тэршэлбэл,
Дүрбэ дахин тэршэлбэ
Дүнэн ехэ дайдуяа
Доһолсоро тэршэлбэ,
Гурбан дабхар
Түмэр хара аргамжаа
Таһа ханай тиирэжэ
Газаа тээшээ гүйбэл даа.
Гаралсаһан биеэрээ
Хана ехэ хаяаяа
Мүргэн, мүргэн унажа
Байгаа гэхэн юмэл даа.
Энэ нэгэ ханаяа
Тэрэ нэгэ һабардажа бэдэржэ
Тэрэ нэгэ һабардажа бэдэржэ.
Гүйнэ бэлэй лэ.
Уналсажа ябана —
Баруун урда тулгааран
Хурига багтаха нүхүеын
Ололдоно бэлээл даа.
Тэхэршэ
Һөөрөгшөө ерһэн биеэрээ
Баруун һайхан хасарын
Шабхан байса хатхаба.
— Һай! үтүгөө хата!
Гэһэн биеэрээ,
Баруун һайхан хасараа
Нядхан байса ташажа
Байгаа гэхэн юмэ лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Баруун хани урда
Хурига багтаха нүхээрээ
Шара хэдэгэнэ газаа хани
Гаралдана бэлэйл даа.
Газаа биедээ гараад ла
— Үбгэн, нюурхан шэни
Ямар бэ? гэжэ
Һуран суран байбал даа.
Нэгэ багтай онгойлгохо бартай
байнал даа.

С разбегу три раза он пнул
И задвижки в три ряда
Сорвал он и вышел.
Когда он на улицу вышел,
В отчаянии был:
Частокол окружал его,
Черный железный.
Что делать, не знал он.
Став желтой осой,
Полетел.
И когда он летел,
Мангадхай тот могучий
Три раза пытался подняться,
Так бился при том,
Что великая гунан*-земля содрогалась,
Четыре он раза пытался подняться,
Так бился при том,
Что великая дунэн*-земля содрогалась.
Разорвав
Тот железный и черный канат,
Что в три ряда,
Пытался на улицу выбежать он.
И пытаясь на улицу выбежать,
Стукался он, ударялся
Об стены
И падал.
И стены ощупывая,—
То одну, то другую,—
Он [выход] искал,
[Суетился] и бегал,
И падал.
Дыру, куда палец пролезет,
Нашел тут [Гэсэр]
У право-передних столбов.
И, вернувшись
Обратно,
В щеку его правую
Сильно ужалил [Гэсэр].
«Ой, отсохнет язык твой!»—
Вскричал [мангадхай],
По щеке своей правой
Он шлепнул себя,
Говорят.
Вслед за тем
В ту дыру,
Куда палец пролезет,
Что в право-передней [стене],
Оса желтая вылетела.
На улицу вылетев,
Спрашивать стал [мангадхая Гэсэр].
«Старик,
Твое личико как?»—
«Можно немного его ** приоткрыть.

* Гунан, дунэн—буквально: трехлетняя, четырехлетняя.

** Очевидно, глаз мангадхая.

Хүбүүн, байиш, мэнэсээ абыш!—
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Наян алда эритээ
Тарбагай сагаан һүхээ асаржа,

Мэнсээ аба! гэжэ
Хаяжа ла үгбэл даа.
— Турайн урда ханада
Багса ханай хадажа
Орхино бэлэйл.
Газаа хани байһан хүүхэн —
— Хойноо хойно, хоери нэгэндэ
Эндэ ехэ бариса болжо байгааарай!
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Газаан хани болбо
Ороһон ехэ саһайн даа
Сууглуулаа үгээ орхибо,
Ургаһан ехэ ногооеын
Хухулуулаа үгээ орхибо.
Хара ехэ хирээе
Хаахируулан байлгаба,
Шара ехэ үнэгээе
Шэншүүлэжэ орхибо.
Хандагайни байха ла
Харгааһайин ургуулба,
Бугайни байха —
Бургааһайни ургуулжа
Орхиһониин тэрэһэн гэлэй.

***

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хара ехэ хирээеэ
Хаахиргуулжа арилба,
Шара ехэ унэгэйи
Шэншүүлэжэ ябуулна бэлэйл даа.
Ара — гэрээн баруун хойшо
Юрьюулбэ байба даа.
Юүрьюлэжэ ябхадаа,
Ёргоон зуухан толгойтол,
Ёрон һургааг эбэртээ
Газар боро моритой,
Гахай яман дахатай
Мангад хүгшэн ахай ла
Мэнэн айсуй
Ахилгажа ерэбэ.
Ерхэдээ болбо:
— Эхээ минии алажхоод,
Эсэгээ минии алажхоод,
Үри-л бага дүүйим алаад...
Шамшаг барийн хүбүүн даа
Хаана хүрхэм гэжэ ябаабша?
Үһэн ехэ толгойн даа

Үйэржэ унсара
Орхёол үгээ шамай нэгхэб!
Яһан ехэ толгоёо
Ярьяса нэхээд ябааб!

Подожди-ка, сынок, получи свою плату!»—
Сказал [мангадхай]
И принес
Широченный свой белый топор,
С острием в восемьдесят шагов;
И вонзил [тот топор]
В переднюю стену дворца,
Говоря:
«Бери свою плату!»
А [Гэсэр], что на улице был,
Говорил:
«Когда-нибудь в будущем здесь
Будет место даров, подношений!»
[Гэсэр] на дворе [мангадхая]
Оставил нетронутым
Выпавший снег,
Он оставил, не тронув,
Растущие травы.
Огромного черного ворона
Каркать оставил,
Лисицу огромную желтую
Рыскать оставил,
Такие кустарники вырастил там,
Что лоси могли находиться;
Такие кустарники вырастил там,
Что изюбри могли находиться.
Оставил вот так, говорят.

***

Вслед за тем
Он отправился, каркать заставив
Огромного черного ворона,
Рыскать заставив
Лисицу огромную желтую,
На северо-запад от северной юрты
Отправился с грохотом он.
И когда он так ехал,
Навстречу к нему
Приближался, дыша тяжело,
Мангадхай удалой,
Что имел шестьсот-то голов,
Шестьдесят, словно жерди, рогов
И коня сероватого, цвета земли,
И козлиную доху-гахай
И когда он подъехал, [сказал]:
«Умертвив мою мать,
Умертвив и отца моего,
Умертвив моего дорогого меньшого братишку,
Куда собираешься деться
Такой человечек, как ты?
Я преследовать буду тебя,
Пока волосы на голове исполинской моей
Не сгниют и не выпадут [вовсе],
Преследовать буду,

Мэнэ амида шамайи
Таһал татажа хаяхаб даа,
Уур мни харха гүйл даа.
— Үлгүн замби дайда дээрхи
Адаһан албата хоёри
Тани иднхэ гэжэ лэ
Хэн хэлэхэн юм аа би?
— Шамаһаа болхо юмээе
Зальяһан бэемни,
Шамаһаа болхо юмээе
Зажалаһан бэемнил.
Шамшаг барайи хүбүүн даа
Намалаар үзүүрхэлдээш үгээ байхашняаб!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Аман дээрэһээн абалдаба,
Аһалдажа байбал даа.
Хэлин дээрэһээн абан
Хэбшэлдэбэ бэлэй лэ.
Мориноо хоер тээгүүр лэ
Дэбхэрэлдэн буунал даа.
Хүлзэһэн бухашаг
Хилайлдажа ошобо,
Хүдээшэһэн тэнгэршэг
Нэтүйлдэжэ оробо.
Буга-дли ололдоно бэлэйл даа.
Буухайн-дли мүргэлдэжэ тулалдаба.
Алалдажа унабал даа —
Алалдаһан газар гээшээн
Адуунай тиирггэнээ барагтай
Бурьяжа хэбтэбэл...
Ара бэеэ мяхаши
Арбаад хуригаар дууһалдажа байбал даа.
Эбэр бэеэ мяхайе
Үүдэн сэгээн шүдээрэ
Хадаралдан байбал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ
Абай Гэсэр хүбүүн даа,
Ара бэйин мяхайе
Арбан хуригаар дууһабал,
Эбэр бэйе мяхайе
Үүдэн шүдээр дууһаба.
Гурбан сэгээн сүүдхэдэл
Дайлалсана бэлэйл даа.
Мангад хүгшэн ахай ла
Ойниин ехэ эрьебэ,
Ооһорын ехэ наридабал,
Дүрбэдэхи сүүдхэдээ

Покудова кости моей головы исполинской
Не будут ломить!
Негодяя тебя разорву я на части.
Мой гнев беспределен!»—
«Кто вам повелел
Пожирать
И стада и людей
На широкой земле?»—
«Это я,
Что глотал не только тебя,
Это я,
Что жевал не только тебя.
И лучше со мной не тягайся
Такой человечек, как ты!»
Вслед за тем,
Так со ртов начиная*,
Сцеплялись они,
С языков начиная,
Сражались они.
Соскочили с коней,
Один влево, а вправо — другой.
Как быки перед тем, как бодаться,
Косясь, наступали,
Как небо в ненастье,
Нахмурясь, они наступали.
Изюбрям подобно, бросали друг друга.
Бодали друг друга, подобно быкам
Друг друга сбивали.
На месте, где бились,
Такая клубилася пыль,
Что как будто топтались, лягались стада...
И мясо со спин
Вырывали руками,
А мясо с груди
Зубами передними белыми
Рвали.
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Со спины его мясо
Руками все вырвал,
А с груди его мясо
Зубами все вырвал.
Трое суток
Сражались они.
Помутился
Рассудок того мангадхая,
И воля его ослабела**.
На четвертые сутки свалил [мангадхая Гэсэр].

* Идиоматическое выражение, означающее словесную схватку.

** Буквально: шнурок, тесьма, веревочка тонкой стала.

Урда ехэ уулайеын
Эдхэлүүлэн унагаабал,
Хойто ехэ уулайе
Дэрлүүлэн унагаабал.
Дарша үгээ юумэээ
Һая мүнөө дараа байнам,
Дайлша үгээ юумэээ
Һая мүнөө дайлаал байнам.
Һайн эрээ дараа байнам —
Һайл мориин дээрэн сохихо! —
Морин тээшэн ябуулна бэлэйл даа.
Газар боро морин гээшэ
Эжээшье алуулба,
Энэ ханай бэеые
Гурба дахин отолхоор
Шамда ханай баригдахагүйб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Хүйлэн хүхэ морин даа
— Хоёр ялгай шамай
Гаргахайгүй байнал даа —
Хоёр хойто хүлхэн дээрэш
Буулдана бэзэб даа!
Дүрбэн ялгайл гаргал үгээ
Дүрбэн хүлхэн дээрэш бууна бэзэб!
Табадахи ялгаяа гаргаал үгээ
Тахимииш таһа хибэнаа бэзэб,
Ергоодохи лэ ялгадаа
Елоойиш буруу тээгүүри шүүрэжэ
Хүтэлжэ ерэнэ бэзэб! гэжэ
Үлдэжэ арилабал.
Үлдэ үлдэһээр ошобо —
Хоёрдохи ла ялгада
Хоёр хүлхэн дээрэн даа
Дэбхэрэлдэн буулайл даа.
Дүрбэдхэлэн ялгадаа
Дүрбэн хүлхэн дээрэн
Дэбхэрэжэ бууба ла.
Табадахи ла ялгадаа
Уруулаад — хани үгэеэр
Тахимиин таһа хибэбэл.
Ергоодохи ялгадал хүргэл үгээ
Елоойин буруу тээһээ зуужа ла
Хүтэлжэ ербэл даа.
Ерэлсхэдэн болбо —

Абай Гэсэр хүбүүн даа
Тодолдожо абаба.
Газар боро мориин даа
Дээрэн нэгээ сохибо,
Дорон нэгээ дэбдэбэл.
Таар ехэ тохомиин
Хаха зүһэн хаяба,
Галхи ехэ эмээлиин
Хаха бала дэбһэбэл,
Талхиин хэлихэн минааеын

Хуха бала дэбһэлээ —

Тот упал, упираясь ногами
На южные горы большие,
Упал, головой упираясь
На северные горы большие.
«Непобедимое
Только теперь победил.
Неодолимое
Только теперь одолел.
Молодца победил—
И хорошую лошадь над ним я забью!».
И к коню [мангадхая] направился он.
Но, цвета земли, сероватая лошадь
Сказала:
«Хотя мой хозяин убит,—
На три части меня разрубить
Не удастся:
Тебе я не дамся!»—
А конь голубой [говорил]:
«Пересечь не успеешь
Две пади,
Как я наступлю
На две задние ноги твои!
Пересечь не успеешь четыре ты пади,
Как я наступлю на четыре ноги!
Пересечь не успеешь ты пятую падь, —
Изгрызу подколенки твои!
А вот в пади шестой
Захвачу я поводья не с той стороны
И тебя приведу!» Говоря так,
Он погнался за ним.
И гонялся-гонялся —
И в пади второй
Наступил
На две [задние] ноги,
А в пади четвертой он
Наступил
На четыре ноги.
И еще не спустился тот
В пятую падь,—
Как изгрыз подколенки ему.
Не успел добежать тот до пади шестой,
Как схватил он зубами поводья того не с той стороны—
И повел.
И когда он привел,
Абай Гэсэр-хубун
Вышел навстречу и принял.
И цвета земли, сероватую лошадь
Он над [мангадхаем] забил
И под низ подложил.
А дерюжный огромный потник
Разорвал он и бросил.
Большое седло деревянное
Он растоптал и разбил.
Его замшевый кнут [с кнутовищем] деревянным
[Гэсэр] разломал, растоптал.

Мэтэр гэсэн биеэрээ
Ехэ дайн дарабаб гэжэ,
Ехэ мангал мангахагүй,
Ехэ хүүнээр дайлалсааб гэжэ
Тархиин алхахагүй байна!
Хээрэ хэбтхэ яһан байна!
Хэлсэжэ ябаха нэрэ байна!
Энэл ханай хүбүүе
Арга үгээ хадалгаха байна...

Урда уулайн оглолбо —
Бүхэ бэеын даралдабал,
Хойто уулайн хогнолбо —
Сээжэ бэйин даралдаба.
Хоорондууран бололсобо
Хаани ханха харгүй болгоо,
Зоной зудан харгүй болгоол!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Ехэ хүүнээр дайлалсабаб гэжэ,
Ехэ хүүрээ хэлхэгүйл даа,

Ехэ дайе дарааб гэжэ,
Ехэ мангал мангахагүйл!
Хойно хойно хоерой нэгэндэ
Энэ ханай харгүй дээрэ байжа ла
Амитан тамахи талхай тататгайг!
Эндэ ехэ бариса бололсожо байгаарайш!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлхэ,
Газар тээшээ гальюулхал...
Газар тээшээ гальюулжа,

Гэрхэн тээшээ гэшхүүлжэ
Ябхада болбо.
Хойноһоон болбол —
Шүнэһэнээ шинээн даа
Бүдүүн улаан үүдхэтэйл,
Минга найман толгойтойл
Митурайн шара мангадхай
Шуһан зээрдэ моритой,
Айха бэтэ абатайл,
Ширээхэ ехэ шэжэтээ
Мангад хүгшэн ахай гээшэ,
Дээдэ ехэ үргээрээ
Үндэр сагаан тэнгэриин
Хизаарааараан шударбал,
Доодо ехэ үргээрээ
Үлгүн замби дайдуяа
Хүриһөөрэн шударжа
Һоробхилон үлдэбэл.
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Аянгаяа ядаба.
Хүйлэн хүхэ морининн
Нэгэ ханай газарһаан
Дабхан гэхэеэ болижо,
Гагсахан газар дэбхэрбэл.

Вслед за тем [говорил он, Гэсэр]:
«Нельзя зазнаваться,
Что, дескать, лихого врага победил,
И лихого врага одолев,
Мне нельзя перешагивать голову [вражью]!
И место костям его — поле!
Поминать будут имя его.
Его, молодца,
Хоронить я обязан...»
И южную гору [Гэсэр] отломил,—
Его заднюю часть придавил,
И северную гору [Гэсэр] оторвал,—
Грудную его часть придавил.
Превратил он его середину
В дорогу широкую ханскую,
Превратил он в дорогу прямую народную.
Вслед за тем [говорил так Гэсэр]:
«Нельзя мне бросаться словами,
Что, дескать, сражался с большим человеком.
Нельзя зазнаваться,
Что, дескать, лихого врага победил!
Пусть когда-нибудь в будущем,
Стоя на этой дороге,
Проезжие курят табак!
Пусть место даров, подношений здесь будет!»
Вслед за тем
Зашагал он домой
И помчался к родимым местам...
И когда так домой он шагал
И на родину мчался [Гэсэр],
Догонял его сзади
Митурайский желтый мангадхай
С толстою красной стрелой,
Подобною лиственнице,
Имеющий тысячу восемь голов,
Яркорыжую лошадь
И страх наводящую магию,
Чары великие.
Страшный такой мангадхай
Бороздил
Своей челюстью верхней
Высокого светлого неба края,
Исполинскою челюстью нижней
Широкую землю,
По дерну ее, бороздил,
[Проглотить собираясь Гэсэра],
Так втягивал воздух в себя,
Что Абай Гэсэр-хубун
Еле-еле держался,
А конь голубой
Продвигаться вперед
Перестал
И топтался на месте,

Морин дээрээ һууһан биеэ
Мухарижа унахаар тэмүүлбэл...
Аянгаяа ядаба.
Морин сайхан хүлэе
Хубилгажа хаяба,
Мангад сахюур болгобол,
Халааһандаа хаяба
Бэеэни хубилба —
Үхэрээ шинээн буха хара
Шулуун болжо
Мухарижа тэхэрһэниин
Тэрэ һэн гэлэйл...

***

Туулган, туулган бүрүн далайдал бизэ[66]
Туулаха, туулаха заяан дуулдан байһай!
Тулал, тулалсаһан дайсуйяа даа
Дарха, дарха заяаниин дуулдаад байһай!

***

Мухарижа ошобо
Аман хэлин хоёртон
Оролдожо ошобо.
Мангад хүгшэн ахай гээшэ
Зальяжин үзэбэ —
Хэлиин түбэнгүй атхабал.
Багса саашаал ороол үгэээр
Хахажа байбалдаа.
Гульяжа бөөлжэжэ үзэбэ —
Наашаашье гарал үгээ
Зүрхэниин толтой барижа
Элигэ уушха хоёрын
Ходо татахаар тэмүүлбэл[67].
Мангад хүгшэн ахай ла
Саашаншье оруулжа
Яаха яахаар ядаба,
Наашаншье гаргажа
Яаха яахаар ядажа
Байгаа гэхэн юмэ лэ —
Аянгаяа ядаба.
Үндэр сэгээн хадаяа
Эрмийин барин харайлдабал,
Үзүүртээ гэхэ модоноо ло
Залаайеын барин харайлдалайл.
Саашаншье зальяжа
Оруулжа ядаба,
Наашаншье бөөлжэжэ
Гаргажа ядаад байба.
Абай Гэсэр гээшэ
Үрөөһэн һайхан гараараа ла
Хэлини түбэнгүй атхалдаба,
Хангай хара һомоороон
Үрөөһэн һайхан гараараа
Голто ехэ зүрхэйн даа
Еборжо наадабал.
Юһүн сэгээн сүүдхэдэ

Вставал на дыбы.
[Гэсэр же] с коня [голубого]
Чуть-чуть не слетал...
Он в отчаянии был.
Тут хулэга-коня [своего] изменил,—
В мангатский кремень превратил
И в карман положил.
Изменил он себя,—
Превратился он в черный гранит,
Величиною с быка,
Покатился назад,
Говорят...

***

Пусть славится счастья судьба,
чтоб плыть, переплыть
То свинцово-свинцовое мрачное море!
Пусть славится счастья судьба, чтоб
ему победить, победить
Тех врагов, с кем сражается он!

***

Покатился [Гэсэр к мангадхаю]
И в рот, на язык
Он попал.
Мангадхай-исполин
Проглотить попытался,
Но [Гэсэр] придавил [мангадхаю] язык,
[Затем в горле] застрял.
[Мангадхая же] вырвало.
[Гэсэр] к его сердцу спускался,
И печень и легкие
Он оторвать собирался.
Мангадхай-великан
Его всячески дальше,
Совсем проглотить попытался,—
Не смог,
И наружу он
Всячески вывести [камень]
Пытался, но не смог, говорят.
Он в отчаянии был.
И пытался скакать он
По гребням
Высоких синеющих гор,
Он скакал
По верхушкам деревьев.
Но не мог проглотить,
Ни наружу он
Вывести рвотой не мог.
Абай Гэсэр-то
Одною могучей рукой
[Мангадхая] схватил за язык,
А в другую могучую руку
Стрелу взял Хангайскую черную,
Ею играючи тыкал
Живое огромное сердце его.
Целых девять-то суток
Мангадхай-великан

Мангад хүгшэн ахай ла
Саашиншье зальяжа
Оруулажа ядалсаба,
Наашиншье бөөлжэжэ
Гаргажа ядалсаба.
Ойниин ехээ эрьебэл,
Ооһорын ехээ наридалайл!..
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн
Алаха ла хадаа —
Үтэр түргэн алыш,
Абараха хадаа ла
Үтэр түргэн болииш!
Арбан сэгээн елдэ лэ
Анда танил болхол ди.
Табан сэгээн елдэ лэ
Танил анда болхолди.
Намайе хани бү хэн зобооеыш!
Алаха хадаа
Үтэр түргэн алыш таа,
Абараха хадаа —
Үтэр түргэн гарыш!
— Шинии намда нижэ уурлаһан хойнош
Нэгэ багтай хэлинсэглэн үзхэм.[68]

— Абай Гэсэр хүбүүн яалайш?
Энэ ехэ дайда мэни,
Энэ хүүрээ эмдээ хадам,
Эрьежэ нүгөө үнгөөрөө гаруужал!
Хэзээ хэбтэ, хэтүйн яргалда
Ходо инаг ябахал ди,
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Шамда мүргэн ябахал би.
Намай хани алажа,
Шуһайм шье ууха гүйл шэ,

Мяхайм шье идихэ гүйл шэ!
— Минии тууһан газарта
Ябалсаха байнуш?
Минии хэлэһэн хүүри лэ
Хүндэлэжэ ябаха байнууш?
Минии оро гэһэн газарта
Оролсожо байха байнууш?
— Амидаараа абаадаа хада шни
Оро гэһэн газарташ
Орохо ло байнал би,

Ошоё гэһэн газарта танай
Ябалсаха байнал би.
Абай Гэсэр хүбүүн даа,
Хүлөө аса гэхэдэш
Хүлөөшье үхэл би,
Гараа аса гэхэдэш
Гараа үхэ байнал би!..
— Минган найман тологой шэни
Тэнхэн дунда байна ла
Сэхир сэгээн тологой байнал,
Сэхир сэгээн тологойдош

До конца
Не мог проглотить
И обратно не мог его
Вывести рвотой.
Рассудок его помутился,
И воля ослабла совсем.
Вслед за тем
[Мангадхай говорил]:
«Абай Гэсэр-хубун,
Если хочешь убить,
Так убей же быстрей!
Если хочешь спасти,
Так быстрее оставь ты [меня]!
И знакомы с тобою, приятели будем
На целых десяток мы лет,
И знакомы с тобою, приятели будем
На целых пять лет.
Ты не мучай меня!
Если хочешь убить,
Так быстрее убей!
Если хочешь спасти,
Так быстрей выходи!»—
«Коли злишься ты так на меня,
Я немного еще подожду»,—
[так ответил Гэсэр].—
«Абай Гэсэр-хубун, что с тобой?
Если это я слово нарушу,
Пускай повернется другой стороною
Земля моя эта великая!
Да во веки веков и на вечное счастье,
Все время жить в дружбе мы будем.
Абай Гэсэр-хубун,
Я буду молиться тебе.
А убив же меня,
Ты не выпьешь ни крови моей

И мясо не станешь ты есть!»—
[Гэсэр же спросил]: «Ты пойдешь ли туда,
Куда я погоню?
Ты будешь ли слово мое
Уважать?
И войдешь ли туда,
Куда я повелю?»—
[Мангадхай отвечал]: «Коль живым уведешь,
Куда скажешь войти,
Я войду.
И куда ни пошлешь,
Я туда и пойду.
Абай Гэсэр-хубун,
Если скажешь: «Отдай ты мне ногу!»—
Я ногу отдам.
Если скажешь: «Отдай ты мне руку!»—
Я руку отдам!...»—
«В середине
Тысячи восьми голов твоих
Есть голова светлосерая.
В твоей голове светлосерой

Арбан гурбан мангадхайн
Амин сүлдэ тэндэ байнал.
Тэрэ һайхан толгоёо
Намда абан —
Талмиин сагаан хээртэ.
Ташиганма добуун дээрэ
Табилдажа үгөө хадаш
Үлдөөл үгээ үли шамда
Үли үгэн байхал би,
Үхэшэ үгээ золи шамда
Хэзээ хэбтэ үхэл би.
— Амяа гуйжа ядажа байжа
Минии нэгэ тологой...
Юүнээ хайра байхан бэ?!
Үгөө үгээ яахамниим! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Абалсажа үхэл гэжэ,
Наян хани́ эритээ
Тарбагай сагаан һүхээрээ
Нэгэ хани сэхир сэгээн тологоёо
Хуу сабшан унагаана бэлэйл даа.
Байхада болбо —
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ,
Мангад хүгшэн ахаяа
Аманһаан гарабал даа.
Сэхир сэгээн тологойеын
Халааһандаа хаялсаба,
Мангад хүгшэн ахаяал
— Энэ арбан гурбан хүүгээ
Малагаар эртээр хани
Эртээрээ үдэйн шарга наранда
Эндэ гульдхажа байхал ши.
Үх-гүйи үнэр дайдуй танда олжо үхэб,
Үгээрхэгүй баян газари танда олжо үхэб!

Үлдэшэ үгээ үл тэндэ байха,
Үгээрэшэ үгээ баян тэндэ байха,
Үхэшэ үгээ үнэр тэндэ байха!
Хүбүүн, малагаари мандан шарга наранда,
Арбан гурбан хүүгээ гульдхажа байха ши!

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Баруун хойшоо юурьюүлэжэ ябаба.
Эндэ гульдхаа үгээ хадаа
Тохоног шэни минаагайл,
Толгой шэни газарай!
— Заахан болсо гульдхахаб! гэжэ,
Мангад хүгшэн ахай гээшэ
Гараа хүлөө үгэлдэлэйл.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:

Находятся души
Тринадцати мангадхаев,
Коль сняв для меня
Ту прекрасную голову.
Ты принесешь
На Тамшинскую светлую степь,
На грохочущий холм, там положишь ее,
То вечно такое я кушанье буду давать,
Что не будешь знать голод,
И счастьем таким одарю я,
Что смерть убежит от тебя»,—
[Мангадхай] говорил:
«Коли вымолить жизнь не могу,
Что одна лишь моя голова...
Что ее мне жалеть?!
И, конечно, отдам!»—
Так сказав,
Широченным и белым своим топором,
С острием в восемьдесят шагов,
Светлосерую голову
Он отрубил и свалил.
Абай Гэсэр-хубун
Вышел [тогда] изо рта
Мангадхая могучего,
Бросил в карман
Светлосерую голову [вражью].
Мангадхаю могучему
[Он повелел]:
«Завтра утром,
Как красное солнце взойдет,
Вот сюда соберешь ты
Тринадцать своих молодцов.
Я найду вам цветущую землю, где смерти не будет,
Я найду вам богатую землю, где не обеднеют:

Там вдоволь еды, чтоб жить без нужды,
Там и вдоволь богатства, чтоб бедность не знать,
Там цветущая жизнь — там и смерти не будет.
И завтра ты, парень, как красное солнце взойдет,
Собери тех тринадцать своих молодцов!»

Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун
Поскакал, громыхая, на северо-запад.
«И ежели не соберешь их сюда,
То твой локоть — кнуту,
Голова же — земле!»—[говорил].
Мангадхай удалой,
Подавая свою руку-ногу, [сказал]:
«Обязательно я соберу!»
Вслед за тем

Малагаари мандан шарга наранда
Эндээ лэ ерхэбди гэлсэжэ;
Хоер тээшээ һалалсажа
Ябуулһанин тэрэһэн гэлэй.

**
*

Хэлэһэн, хэлэһэн һайхан хүүрхэн гээшэн
Хэбтэ дуулдаад яньянһай даа!
Хэлгэйн сагаан бурхан гээшэн
Хэзээ мүнхү харжа байһай!
Ай-дуун-зэй! ай-лөө — гуай! —

**
*

Абай Гэсэр хүбүүн
Ара гэрээн баруун хани хойно
Бэдэржэ арилба.
Газар дайда хоер дээрэ мни
Баһаа юухэн байха бэ?
Ябахада болбо —
Табан зуухан толгойтойл,
Табан һургааг эбэртэй
Мангад хүшөн ахай гээшэл;
Газар боро моритойхол,
Гахай ямаан дахатай ла
Мангад хүгшэн ахай ла;
Таар ехэ тохомтой,
Талхи ехэ эмээлтэй
Талхин хэлихэн минаатай,
Наян алда эритээ лэ
Тарбагай сагаан һүхэтэй,
Мангад хүгшэн ахайн даа
Золголдоно бэлэйл даа.
Золголдоһон биеэрээ лэ болбо —
— Өөрэйм асарһан эзыеы алжархёод

Үргэһэн гагса басагайм даржа орхёод,
Газар хани дээрэхи
Гагса зээйм уһанда түльхээд,
Гагсаараа байһан хүригээ мэни
Шүнэһэндэ хадашхоод

Шамшаг бараги хүбүүн даа!
Хаана хүрхэм гэжэ лэ
Арбайлгажа ябааб ши?..
— Үбэгэн үбэгэн, шамайшье
Танина үгээл би.
Али голи үбэгэм ши?
Али омогой үбэгэм ши?
— Баруунай ла табин табан тэнгэрһээ
Тарабалтай үбэгэн байгааб.
Харата юумэйн ерхэдэ
Хаха сабшан һүхээрээ...
Энэ ханай атхамари
Тархиин хаха сабшан
Унагаахан! гэжэ
Ямар юумэйн зугаалжа байнал би гэжэ.

Тут условились: завтра, как красное солнце взойдет,
Возвратиться сюда,
И разъехались в разные стороны,
Так говорят.

**
*

Пусть прекрасное слово, что сказано, сказано,
Слышится вечно, звенит!
Пусть творец его светлый бурхан
Вечно смотрит за ним!
Ай-дун-зэй-ай-ло-гуай!

**
*

Абай Гэсэр-хубун
От северной юрты на северо-запад
Поехал искать, [говоря]:
«Что быть может еще
На земле моей, в мире моем?»
И когда он так ехал,
Навстречу попался
Мангадхай престарелый.
Имел он пять сотен голов,
Пятьдесят, словно жерди, рогов.
Мангадхай престарелый [имел]
И коня сероватого, цвета земли.
И козлиную доху-гахай.
Мангадхай престарелый—
С дерюжным большим потником
И с огромным седлом деревянным,
С кнутом из замши [с кнутовищем] деревянным,
С широким и белым он был топором,
Что с лезвием в восемь десятков шагов.
И когда подъехал [Гэсэр], он сказал:
«Жену мою ты умертвил,
И сына, что вырастил я, ты землей придавил,
И внука, единственного моего.
Ты в воде утопил,
И зятя, единственного моего,
Ты к лиственнице пригвоздил.
[После этого] парень косматый.
Подобный тебе,
Куда может деваться?...»—
«Старец, старец,
Тебя я не знаю
Какой ты долины, старик?
И какого ты рода, старик?»—
«Родили меня, старика,
Пятьдесят пять западных тенгриев.
И кто с умыслом черным приходит—
Топором разрубаю...
Я голову
Этого вот негодяя
[Сейчас] разрублю и свалю!
И чего же затеял я с ним разговор!»

Тархийн хаха сабшаха гэжэ
Далайлдана бэлэйл даа.
Аян шаяа алдаба.
Үндэр тэнгэри холо гэжэ
Далайлдажа абаба,
Үлгүн дайда уужам гэжэ
Шэндэгээдэн абаба —
Шабшалдана бэлэй лэ —
Баруун ханай хасарһаан
Ташалдажа буубал даа.
Ташалдажа буужа ла
Эмээлээ баруун хонхойн даа
Сабшажа хадашаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
— Хадайн-дли хархайжа байһан хүүе
Оноогүй лэ байгаад лэ,
Харгуйн хүүни эмээлдэ
Юун хартай байнаш та?!
Эмээлиим бүүргэй хахалаа хадаа

Үеин үедэ, бэйиин бэеэдэ
Хэжэ шадхагүй байнал ши! —
Одоо эйлөө бэлэй лэ —
Аян шаяа алдаба
Өөрэйн тоног гээшэ
Өөрөтөө харьяд гэжэ,
Наян алда эритэй
Тарбагай сагаан һүхээеы
Һуха татан абаба.
Хаха сабшан унагаахам гэжэ,

Үндэр тэнгэри холол гэжэ
Далайлдажа абаба,
Үлгүн дайда уужам гэжэ
Шэндэгэйлдэн далайлдана бэлэйл даа.
Мангад хүгшэн ахай гээшэ:
— Мяхаймшье идьхэгүйл шэ,
Шуһаймшье ууха гүйл шэ!..
Абай Гэсэр хүбүүн,
Намай бухэн алыш! гэжэ
Арбан ели анда байхал ди,
Табан ели танил байхаб ди!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
— Минии хэлэһэн хүүри
Дуулаха байнуу ши? гэжэ
Һурана бэлэйл даа:
Минии хани тууһан тээшэ
Ябаха ла юмүүш?
Үгээлэн юмүүш? гэжэ
Хэлэн хүүнэн байба.
Шамдаа ла болбо
Үгээршэ үгээ баян дайдада оруулахам,
Үхэшэ үгэ үнэр дайдада абаадхал би.
Минии хэлэһэн хүүрээр
Ябаа хани болоо хадаа

[Мангадхай] замахнулся
Рубить ему голову.
Надвигалась беда [на Гэсэра].
[Мангадхай] замахнулся
До самого неба высокого,
Замахнулся
На всю ширину [беспредельной] земли
И ударил [Гэсэра],
По правой щеке
Плашмя угодил
[Топором].
В правый выем седельной [луки]
Тут вонзился [топор].
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун [говорил]:
«Коль не можешь попасть
В человека, стоящего, словно гора, громоздясь,
То какое же зло ты имеешь
К седлу человека с дороги?!
Если ты луку седла моего расколешь,
Ты навеки-то вечные, всю свою жизнь
Ее сделать не сможешь!»
А теперь
[Мангадхай] испугался.
«Свое-то оружье
Себе и вредит»,—говоря.
Тут [Гэсэр-то] и выдернул разом
[Из луки седельной] широкий и белый топор,
Что с лезвием в восемь десятков шагов.
И чтоб разрубить [мангадхая[,
[Гэсэр] замахнулся
До самого неба высокого,
Замахнулся
На всю ширину [безграничной] земли.
Мангадхай престарелый [сказал]:
«Мое мясо не будешь ты есть,
Моей крови не будешь ты пить!..
Абай Гэсэр-хубун,
Не убей ты меня!
И приятелями мы будем на десять лет,
Мы будем друзья на пять лет!»
Вслед за тем
Абай Гэсэр-хубун [говорил:]
«Меня слушаться
Будешь?—
Спросил он.—
Куда погоню я,
Туда ты пойдешь?
Или ты не пойдешь?—
Так спросил, говорил.—
И тебя уведу я
В богатую землю, где не обеднеют,
В счастливую землю, где смерти не будет.
Коль будешь ты жить,
Как скажу я тебе,

Үхэ гуай үнэр дайдуй үзэхэш,
Үгээрхэ гуай баян дайдуйн үзэхэш!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Үлдэшэ үгээл үл тандаа үхэб даа,
Даараша үгээ дабхаса тандаа үхэб! гэжэ,

Ябагтуй, хүбүүд! гэжэ туужа,
Арбан гурбан мангадхай дээрээ
Ерэлсэжэ байхадаа —
— Хүбүүд, үлдэшэ үгээ үли танда үхэб,
Даараша үгээ дабхасай танда үхэл би

Дайдуй нэгэ буланда
Арбан ели андайн түлөө һуулгахам,
Табан сэгээн ели даа
Танили түлөө абаадхам.
Хүбүүд, ябагтуйл! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Гульдхажа тэрээнһээм сааша
Одоо эйлэ бэлэй
Ара̀ гэрээн урайгшаа
Хошоодоорон хани холбожо,
Модоор уяһан биеэрээ
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхисара туубал даа.
Үнөөхи лэ минга найман толгойто
Митуурай шара мангадхайл.
— Минии яба гэһэн газарта
Ябаха лан ёһотойт,
Хэбтэ гэһэн газартам
Хэбтэхэ ёһотойт!
Гэсэрээ абаадаһан газарта
Үтэг абша һууеы даа! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Урайн орон дахуулжа
Ябаһаниин тэрэ гэлэй.
Ара гэрээн урагша туулдажа арилабал

Табан сэгээн сүүдхэдэ —
Туулдана бэлэйл даа.
Абаадажа байхадаа —
Хара ехэ далайн даа
Хашалаг дундан абаадаба,
Хатун ехэ уулайн даа —
Хормой дундан абаадаба —
Эндэ доодо замби ойроһон,
Хүбүүд, энээн доро орходоо
Үлдэшэ үгээ идеэн эндэ,

Үхэшэ үгээ үнэр эндэ лэ,
Үгээрэшэ үгээ баян эндэ —
Басагад, газар малтагтуй![69]

То узнаешь счастливую землю, где смерти не будет.
Узнаешь богатую землю, где не обеднеют! —
Вслед за тем [говорил].—
Дам вам столько еды, что не будете голода знать.
Одеянье такое я дам, что не будете мерзнуть.
Идите, ребята!»—сказав, он погнал.
И когда подошли
К тринадцати тем мангадхаям, [Гэсэр говорил]:
«Вам, ребята, такое питание дам, что вы будете сыты всегда,
Одеянье такое я дам, что не будете мерзнуть совсем.
На земле, где-нибудь в уголке,
Вас для дружбы на десять я лет поселю.
На пять лет для знакомства
Я вас поведу.
Идите, ребята!»—
Сказал [им Гэсэр].
А затем, как собрал их,
Так именно было:
Их деревом по два связав,
Он по ханской широкой дороге,
От северной юрты на юг
Со звоном погнал.
Митурайский желтый мангадхай,
Имеющий тысячу восемь голов,
[Говорил:]
«Я куда повелю,
Вы туда и пойдете,
И где я ложиться скажу,
Там и ляжете вы!
На том месте, куда нас Гэсэр приведет,
Мы усадьбу возьмем, поселимся!»—
Такие слова говоря,
Выходил он вперед, за собою ведя их,
Пошел, говорят.
А Гэсэр-то от северной юрты на юг их повел.
Целых пятеро суток
Их вел.
И привел их
В теснину
У Черного моря большого,
Привел на подножие
Ханши-великой горы.
«Недалече отсюдова нижний есть мир.
И спустившись туда, вы, ребята,
[Увидите]: пища такая там есть, что неведом там голод,
И счастье такое там есть, что неведома смерть,
И богатство такое там есть, что неведома бедность

Долоон сэгээн һарада
Хүрхэн тамай малтуулна бэлэйл даа.

Долоон һараяа дүүргэхэдэн
Өөдөөшье гархаяа болибо,
Доошоошье орхоёо болибо.
Үдэр соогоо татаба —
Гагсахан һуулга шоройе
Ядаа гэжэ,
Мянга найман толгойто
Митуурай шара мангадхай
Абалдажа байба ла.
Абай Гэсэр хүбүүниин
Уурлана бэлэй лэ;
— Үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйөө бултайжа,
Үрөөлүйөө үдүйһөө нааша
Нэгэ һуулга шоройе
Үдэшэни боро хоног
Шара набша болсо
Шархайлдажа хэбтэһэнш
Юун хани гээшэ би?
Энэ нүхэн уруугаа биеэрээ лэ оро!
Би биеэрээ татажа абахамни,
Энэ ехэ шоройе
Биеэрээ татан абахам! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ
Гэзэгэ ёборон унагаабал.

— Абай Гэсэр хүбүүн даа,
Угаһаа ёрош иимэ юум һэн! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэхэлээрэ,
Үхэрээ шэнээн үүхэн хара шулуугаар
Хабхалажа орхибо.
Душэн ханай бүүдхэн
Түмэр хара мугыяар
Мугылдуулан орхибо.
Гушан гурбан бахтиир ла
Урилан байжа мугыдхал! гэжэ

Мэнэн хүүрээ хэлэлсэжэ,
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гальюулһаниин тэрэ һэн
гэлээ...

**
*

Гэрхэн тээшээ гэшхүүлээ,
Газар тээшээ гальюулба,
Одоол эйлэ бэлэй!
Гурбан сэгээн сүүдхэдэ
Гэрхэн дээрээ ерэбэл даа.
— Баабай манай ерээ гэжэ

Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Тарлай мүнгэн остоолдоо
Далан зөөлэн идеэнээ

Ребята, вы землю копайте!»
Семь месяцев круглых
Копать он заставил поверхность ада.
Как кончился месяц седьмой,
Ни вниз спуститься,
Ни вверх подняться не мог
Митурайский желтый мангадхай,
Имеющий тысячу восемь голов,
Поднимал целый день,
Еле-еле поднял
Всего только ведерко земли.
Абай Гэсэр-хубун
Рассердился, [сказал]:
«С той поры, как одной половиною
Красное солнце взошло,
Половиной другою еще не взошло,
До сумерков,
Павших желтыми листьями,
Одно лишь ведерко земли
[Ты вынес наверх],
Тут еще, обленившись, лежишь?
В эту яму спускайся ты сам!

Поднимать буду сам.
И немало земли
Подниму я!»
Говоря так,
Он ударом в затылок свалил
[мангадхая].
«Абай Гэсэр-хубун,
Давно уж известна такая повадка
твоя!»—говорил мангатхай.
Как сказал [мангадхай],
Черным кварцевым камнем с быка
Тут [Гэсэр мангадхая] закрыл.
Он ударить [затем повелел]
Колотушкою черной железною
В сорок пудов.
«Пускай тридцать три батора здесь
Поочередно колотят!»—
Сказал
Абай Гэсэр-хубун и
Отправился шагом домой,
Помчался к родимой земле, говорят...

**
*

Он отправился шагом домой,
Он помчался к родимой земле.
Было именно так.
И доехал до дому он
За трое суток
«Отец наш приехал!»—
[тут дети] сказали.
На пестро-серебряный стол,
Что потянешь — растянется,
Отпустишь — сожмется,
Поставили дважды приятные

Дабхар зөөлэйн табиба.
Ерэн зөөлэн идеэнээ
Ехэ зөөлэйн табиба.
Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Тарил эрээн остоолдоо табилдажа
Баабай манай ерээ! гэжэ
Хүтэлжэ абаадана бэлэй даа.
Һуулгажа,
Эрээ мүнгүн остоолдоо
Идеэн сайяа табижа
Идеэлэжэ, зугаалажа байба ла.
Юһүн сэгээн елдэ даа
Ямар дайдаар ябааб ши?
Баабай, баабай! гэжэ
Ошор Богдо хүбүүн гээшэ
Һуран суран байбал даа.
Газар дайда дээрэ мэни
Огторгойн минган сагаан бурхан
Намайини табиһалан юмэ лэ.
Арбан гурбан хаанай ла
Ахадаашан түргэдээ,
Далан гурбан хэлини мэни
Үзүүрдээшэн түргэдээ гэжэ,
Табиһалан бэлэйл даа.
— Бихэн хадаа
Газар дайда хоёри эрьехэ ёһотоёо,
Бууһалан хүүхэлэн байнал би.
Ошор Богдо хүбүү мэни
Ши хани минии дайдуй эрьежэ ерсэ
Баһаа гэртээ һууха юмэш! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлнэ бэлэйл даа.
Ошор Богдо хүбүүн гээшэ
Одоошье дайгаа ехэ дараагша
Дархан солуяа мангаагша?
Баабай, баабай гэжэ
Һуран суран байбал даа.
— Ара ехэ биеэрээ
Эрьеэ үгээ байнал би,
Баруун ханай биеые эрьежэ
Ядаа гэжэ ерээлби.
Малагаари эртээр бодожо ябаха байнам.
Хүбүүд мэни, мориим һайса
идеэлүүлэгтүй! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлнэ бэлэйл даа.
Санхан Гоохон дүүхээ гээшэ
— Үдэхэһөө абаад ла үтэлсэрөө
Нэгэтэ һайгаар унтахагүй
Ямар ёһотой байгаабши? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
— Санхан Гоохон дүүхээ,
Би хадаа болобо
Заяалдаһан заяашадаа байхадаа
Дайни һүлдэ бариһан ханай юмэ
байнам..
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Ханхан Хормос тэнгэридээ
Гархажа байхадаа

Из семидесяти приятнейших яств
Да поставили самые лучшие
Из девяноста приятнейших яств.
Да поставили [дети]
На пестро-серебряный стол,
Что потянешь — растянется,
Отпустишь — сожмется.
«Отец наш приехал!»—сказали,
Повели его за руку.
Посадили его за пестро-серебряный стол,
На чем лучшие яства поставлены были,
Его угощали, вели с ним беседу.
Ошор Богдо-хубун
Его спрашивал так и расспрашивал·
«Отец, отец!
Девять целых лет
В каких же краях побывал?»—
Так ответил [Гэсэр]:
«Тысяча светлых небесных бурханов
На землю послали меня.
Взбунтовались владыки
Тринадцати ханов.
Взбунтовалась верхушка
Семидесяти трех языков,—
Потому и послали меня.
Для того я спустился,
Чтоб землю, [весь] мир
Обойти, [осмотреть].
Ошор Богдо, мой сынок,
Посиди же ты дома опять,
Пока землю я всю не объеду!»
Ошор Богдо-хубун
Его спрашивал так
И расспрашивал:
«Отец, отец!
Ты теперь уж врагов-то лихих победил.
Свою славу дархана возвысил?»
Ответил [Гэсэр]:
«Я огромный Север
Еще не объехал.
Лишь Запад
С трудом я объехал.
И завтра я рано отправиться должен.
Мои сыновья,
Хорошенько коня покормите!»—
Санхан Гохон-духэй говорила:

«Что за нрав у тебя—
От рожденья до старости самой
Ни разу как следует ты не поспал?»—
Так ответил [Гэсэр]:
«Санхан Гохон-духэй,
Я, когда у творца своего находился,
Тогда еще принял военную душу...—
Так он говорил.—
Как родился я
У Ханхан Хормос-тенгрия,

Гунтай болон байхадаа
Зүүнээ — лэ дүшэн дүрбэн тэнгэритэй
Баабай мэни — Атаа Улаан тэнгэритэй
Дайталан байха юмэ —
Тэрэ ехэ дайе лэ,

Эсэгэ мэни архиншаад,
Тэрэ ехэ дайе
Гурбан хоногоор болзолдоод
Малзан Гүрмэн төөдөөһөөн
Шүүбэри һурахам гэжэ ошоод
Долоо хонсо архидаһан юмэ.
Тэрэ ехэ дайе ла
Гурбан хонсо ерэжэ
Сэгээн сэбдэг тэнгэри дээрэ
Хэбтэжэ хүлээжэ эсэгэйим ядаад

Дайгаа ехэ дарааб,
Дархан сулоёо мангааб! гээд
Барууни табин табан тэнгэри
Ахалажа түрэһэн
Ханхан Хёрмос тэнгэри

Намаһаа ла айхадаа
Тэргэлэжэ үгээ болоо!
Мэтэр гэсэн биеэрээ тэхэрэжэ,
Атай Улаан тэнгэри хариһалан юмэ.
Харихажа ябахадан

Үлгүйдөө ханай хэбтэлээб.
Үлгүйдөө хэбтэхэдээ,
Атаан хорон хоёртоо
Үлгүйө гэзэгээрэн ходо һүрэн гаралайб!
Баабайн сагаан мүнгэн ядайе

Баруун гартаа барилайб,
Эсэгэйн сагаан санхир морие
Улаан зайдаар уналайб.
Хойноһоон —
Атай Улаан тэнгэри үлдэжэ ошоһон
бэлэйб.

Газар дайда хоёроо
Атайн Улаан тэнгэриин тэгэнжэ ябхадан,
Баабайн сагаа мүнгүн ядааран
Баруун улаан һугааран
Багса ёборон абалайб.
Үлгүн замби дайда дээрэ
Шэндэгээдэн орхёо һам.
Дайдуйе далан гурба мангадхай болжо,
Үлгүн замби дайда дээрхи
Албата зонхон хоёри
Үзүүрэһээн үнхээ һэн,
Захаһаан зальялайл.
Тэрээнил хани болобо
Хаяһа лан хүүхэн
Орожо бариха! гэжэ.
Огторгойн минган саган бурхан
Мэшэн дээрээ суглаһа юмэ,

Три года исполнилось мне,
Мой отец начинал воевать
С сорока четырьмя восточными тенгриями,
С Атай Улан-тенгрием.
Условившись

Через три дня начинать
Ту большую войну,
Мой пьянчуга-отец,
За советом поехав
К Малзан Гурмэн-бабушке,
Пьянствовал семеро суток.
[Атай Улан-тенгрий],
Когда прибыл на эту большую войну,
Трое суток лежал на Сэгэн
Сэбдэг-тенгрии[12],
Ожидая отца моего.
Не дождавшись, решил, что большого
врага победил,
Свою славу дархана вознес
И что, испугавшись его,
Убежал
Ханхан Хормос-тенгрий,
Родившийся старшим
Среди пятидесяти пяти западных
тенгриев.
Вслед за тем
Атай Улан-тенгрий вернулся обратно.
Когда возвратился,
Лежал я [еще] в колыбели
И, лежа в своей колыбели,
От злобы и злости
Я выскочил из колыбели через
изголовье.
И в правую руку я взял
Серебряно-белую пику отца
И, не оседлав, я вскочил
На отцовского светлоголубого коня
И пустился вдогонку
За Атай Улан-тенгрием.

И когда Атай Улан-тенгрий
Проезжал половину земли своей, мира,
Убил я, проткнув его
В правую голую подмышку
Отцовским серебряным белым копьем;
На широкую землю
Я сбросил его.
Превратился тогда [Атай Улан-тенгрий]
В семьдесят три мангадхая Земли.
На широкой земле [мангадхаи]
Кусали с конца
Да и с краю глотали
И данников всех и народ.
Тысяча светлых небесных бурханов
На звезде собрались
Да на мудрый совет собрались,
На луне собрались и решили:

Мэргэн суглаа суглаһа юмэл,
Һара дээрээ суглаһа юмэл,
Һайхан суглаа суглаһа юмэл.
— Дайлаһан дараһан хүүхэн танай
Гэртээ хэбтээ гэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүе
Тэрэ суглаан дээрэ
Абаадана бэлэй лэ.
Одоо-эйлэ бэлэйл.
— Ороо! гэжэ хэлэхэдэн
— Орохоншье орохо байнаб! гэжэ
Хэлээ бэлэйб.
— Тэрэ мангад ахайдаш
Биди хадаа ходоо хүмжөө үхэбди гэжэ
Огторгойн минган сагаан бурхан
Гараа хүлөө табилдаһан юмэ.
Тииһэ лэн хойнон даа
Бихэн хадаа хэлэһэ юмэб:
Огторгойн минган сагаан бурханһаа
Эриһэн ехэ юумээ мэни
Дутаал үгээ үхэт! гэһэ юмэб.
Эрхэлэһэн юумээ мэни
Дутаал үгээ үхэт! гэһэн юмэб!
Тиижэ лэ байхада —
Огторгодоо болобо
Һүмэйн барюулжа абалайл би —
Тэрэ һайхан һүмэдөө
Зоболгоёо хани хадалгуулааб.
Гурбан хүхүй эгэшээ
Хара хирээ боложо дахуулжа
Үлгүн дээрэ бууһа юмэб.
Эхэйн сагаан хээлидэ,
Эсгэйн сагаан номодо
Арбан сэгээн һарада
Эхэйн хээлидэ хэбтээ һэм.
Ёро хүрэһэн һамаганда,
Дала хүрэһэн үбэгэндэ
Хүбүүниин болон гараад ла байхадаа болбо,
Дайша ехээ дарсгаагаад
Дархан сулдаа мангаад ла,
Гурбан сэгээн һара болоһон биеэрээ
Шамай асаржа һамага хээ гүй һам би.
Ябаһан һайхан хүүрээ даа
Һамагандаа хүбүүндээ танда хэлэбэб.
Санхан Гоохон дүүхээ
Намда юүндэ уурлаабша,
Иимэ адалтай ябадалтай байнаб гэжэ
Үдэшиин боро хоног,
Шара набша болжо
Обоо зөөлэн хүнжэлдэ,
Халуун зөөлэн хадуушхадаа,
Булаган зөөлэн будуушхадаа орожо
Бурьяжа, харьяжа нойршоһониин тэрэ гэлэйл.

**
*

Үглөөни үдэйн шарга нарани

«Кто сбросил его, [Атай Улана],
Пускай и спускается тот,
[Мангадхаев] поймает».
[Мой брат Дашин Шохор сказал:]
«Кто в бою победил [Атай Улана],
Тот дома лежит».
Абай Гэсэр-хубуна
Туда, на совет,
Привели.
И сказали: «Спустись!»
Я ответил: «Спуститься—спущусь!»
Тысяча светлых небесных бурханов
И руку и ногу тогда приложили:
«В борьбе с мангадхаями
Помощь оказывать будем всегда».
После этого
Я им сказал:
«Тысяча светлых небесных бурханов.
Дадите мне все,
Что от вас попрошу!
Вы дадите мне все,
Чего я захочу!»
А затем мне на небе
Дворец возвели.
В том прекрасном дворце
Все страданья, [муки]
Запрятал.
Трех сестер своих хухы
Превратил в черных воронов я,
За собою ведя их,
Спустился на Землю.
В материнской священной утробе,
Под священной защитой отца,
Десять месяцев полностью я
В материнской священной утробе лежал.
И родился я сыном
Шестидесятилетней старухи
И семидесятилетнего старика

И, большого врага победив,
Славу дархана вознес,
Я, через три месяца
Тебя приведя, на тебе и женился.
О делах моих [ясных], хороших
Жене, сыновьям-то я вам рассказал.
Санхан Гохон-духэй,
Почему на меня рассердилась?
Мой путь вот таков, таковы и дела».
И спустились вечерние сумерки
Желтой листвой.
Они крепко и сладко уснули
Под пухлым и мягким своим одеялом,
В постели, и мягкой, и теплой,
На мягких собольих подушках.

**
*

Как красное солнце утра

Үрөөлүйе бултайжа,
Үрөөлүйө үдүйдэ
Бодон харайн байбал даа.
Нюурхан гархан хоёри
Боошхо болхо уһаар
Зэлмээжэ абаба.
Зэлмээжэ абаад ла,
Эрээ мүнгүн остоолдоо
Идеэн сайяа табиба,
Улаа мүнгүн остоолдоо
Ундан сайаа табюулна бэлэй.
Табюулажа идеэлэжэ зугаалжа
Һуугаа гэхэн юмэл.
Һуулдаһан биеэрээ —
Бихэн танай мэнхэн хэмээ
Дайдуяа эрьехэм!—
Ошор Богдо хүбүүн,
Морийим эмээллэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ даа.
Ошор Богдо хүбүүн
Остоолһоо бодоһоон ло
Морийи эмээллэхээ гарна бэлэйл даа.
Торгойн хирхаг тохоми
Тохолдоно бэлэйл даа,
Тохой мүнгүн эмээлээ
Түнээ дээрэ хаябал даа,
Нюлүг мүнгүн худургаар
Худургалан абаба —
Хорин хэлтээ олонгоор
Хойтойсорон татаба,
Арбан хэлтэй олонгоор
Атайсаран татаба —
Бэлиг мүнгүн сэрэгэйн
Эгээн дээдэ түдэгэһөө
Ута мүнгүн ёлооеын
Уян татан орхибо.
Гэртээ лэ гүйжэ
Оролдоно бэлэйлдаа.
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Баран байха хубсаһаа
Хубсалажа байбал даа.
Хубсаһалан биеэрээ
Ай гэхэ бэлэй лэ!
Баран байха тоногоо
Бэеэ дээрээ ахаба,
Баран байха хуягаа
Хуягалан абаба.
Үүдэнээ шэнээн гэрэлдэ
Эрьежэ байжа хубсалбал,
Тохомоо шэнээн гэрэлдэ
Тойрон байжа хараба.
Үбаал үгээ хубсалба байнам даа!
Хорин елдэ үлдэхэгүй
Хорхоёо тоһыйе
Хошуун дээрээ шэнгээбэ,
Арбан елдэ үлдэхэгүй
Абаахаяа тоһыйе
Аман дээрээ шэнгээлэйл.

Половиной одною взошло,
Половиной другою еще не взошло,
Он проснулся, вскочил
И умыл свои руки, лицо свое
Бочкой воды.
Когда он умылся,
Поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол
И на красно-серебряный стол
Из напитков поставили лучшие.
Сели и ели,
Беседу вели.
А затем [он сказал:]
«Как и прежде,
Объеду я землю
Сейчас!
Ошор Богдо, мой сынок,
Оседлай ты коня моего!»
Ошор Богдо-хубун
Встал из-за стола
И на улицу вышел
Коня оседлать.
[На коня] он набросил
Потник с золотою каймою,
А сверху набросил
Седло, что из дерева и серебра.
И шлею из нюлуг-серебра
Он надел [на коня],
С двадцатью язычками подпругу
Он так подтянул, что [конь] изгибался.
С десятью язычками подпругу
Он так подтянул, что корчился [конь].
[И коня] привязал он
Серебряным длинным поводом
К коновязи из бэлир-серебра,
За кольцо ее самое верхнее,
И домой забежал.
Абай Гэсэр-хубун
Одевался
Во все одеянье свое.
И когда он оделся—
Как «Ай!» тут не скажешь!
Он надел на себя
Все доспехи свои,
Он надел на себя
Всю броню.
Одевался, повертываясь
Перед зеркалом с дверь,
И смотрел на себя, поворачиваясь
Перед зеркалом
Величиною с потник.
«Я неплохо оделся»,—[сказал].
И волшебное масло
Он в губы впитал,
Чтоб лет двадцать голодным не быть.
И чудесное масло
Впитал он в свой рот,
Чтоб лет десять голодным не быть.

Бухалай шэнээн бараатай.
Бутайн шэнээн залаатай
Булаган хиидхүүр малагаяа
Орой дээрээ табижа
Газаа тээшээ гэшхэлбэл.
Ошор Богдо хүбүүн гээшэ
Урайн гүйжэ гарабал даа.
Хүйлэн хухэ моринил
Ута мүнгэн ёолоеын
Хүбэ татан абалсаба.
Хүтэлжэ уряаһаан хүрэн ерэбэл даа.
Эсэгээ болбо —
Бухэһөөн үргэн
Морин дээрэн гаргалдаба.
Гаргажа байхадан —
Басагандаа һайи нэгэтэ баярлабаб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ лэ.
— Басага мэни гэнэл би
Газар дайда хоёри
Эрьежэ ерсэрэм
Гэртэһээн бухэн гараарай.
Бихэн шэни болбо
Дүнэн ехэ дайдуйе
Дүрбэ дахин эрьежэ үзэхэм ни,
Гунан ехэ дайдуйе
Гурба дахин эрьехэм нил.
Голхон дайда хоёртон
Баруун хойто тулгайе
Эрьел үгээ байнам даа.
Тэрэ холо дайдараа
Эрьежэ ерхэм даа.
Ошор Богдо хүбүүн
Орой хэнзэ дүүндээ лэ
Һургажа һуугаарай гэжэ
Мэнэн хүүрээ л хэлэжэ,
Баруун гарын барижа
Мэндэшэлнэ бэлэй л даа.
Баруун хасарын озожо
Абалдана бэлэй даа.
Баабай шэни болбо
Зориһон һайхан газартаа
Золтой заяатай ябахаа бээзб,
Золхон заяан хоёроо
Үтэг дээрээ тэхэрүүлхаа бээзб.
Морин һайхан хүлэйе
Баруун амайн угзарба —
Эрээн хасар мираба,
Баруун гараар сохибо —
Можиин сэгээ тулгабал.
Ара — гэрээн баруун хани хойшо
Хаанаа бүдүүн харгуяар
Хатарна бэлэй лэ.
Зоноо бүдүүн зулааран[70]
Зуралзуулан ябуулна бэлэй.

Да на голову тут надев
Соболиную пышную шапку,
Что будет с копну
Да и с кисточкой с кочку,
Направился к выходу он.
Ошор Богдо-хубун
Впереди него выбежал,
Выдернул
Длинный серебряный повод
Коня голубого его
И [к Гэсэру] привел,
И помог он
Отцу своему
На коня [голубого] садиться.
Когда помогал он отцу,
Говорил так [Гэсэр]:
«Сынок мой, обрадовал очень меня!
Мой сынок, говорю,
Я пока не вернусь,
Мою землю и мир весь объехав,
От дома ты не отлучайся!
Четырехлетнюю землю большую
Объехав четырежды,
Я осмотрю,
И трехлетнюю землю большую
Я трижды объеду.
Еще не объехал
Опору я северо-западную
Серединного мира:
Объеду
Далекий тот мир.
Ошор Богдо, мой сынок,
Ты учи
Своих младших братишек».
Вот так говоря,
Ему правую руку
Пожал,
Целовал его
В правую щеку.
Я, отец твой,
В тех землях, куда и стремлюсь,
Полагаю, со счастьем, удачею буду,
Удачу и счастье свое
На родной свой утуг* возвращу».
И за правый повод он дернул
Хулэга-коня своего—
[Конь] правою дернул щекою.
Он правой рукою ударил [коня],
По бедру он ударил.
От северной юрты на северо-запад
По ханской широкой дороге
[Гэсэр] поскакал [на коне],
По народной дороге прямой
Он, мелькая, помчался.

* Утэг—удобряемый сенокосный луг, усадьба, родное место, постоянное местожительство (в сельском хозяйстве).

Ара гэрээн баруун хани хойшоо
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхилзуулан арилба,
Зоноо бүдүүн зудааран
Зуралзуулан ябуулна бэлэй.
Ара гэрээн хойно ло
Ерэн долоон хярамгай[71]
Харагдана бэлэй лэ.
Тэрэ хадайе хараба:
— Ямар бурхан егтээ би!
Иимэ ехэ дайдада —
Юуншье байха!.. гэжэ
Ехээл гайхал гайхаба,
Ехэ тагнал тагнаба.
Тэрэ ехэ хада дээрэ
Гархан гэжэ ябхадан,
Ерэн галзуу шоно ло
Ганьялдан ерэбэ.
Эгээн түрүүнээ галзуу ла
Һэб-һэбхэн харайбуу...
Һэбхэлзэгшэ ногоое
Гэшхээл үгээ харайба,
Һалхин галзуу шоно гээшэ.
Харайлдажа ерэжэ
Аһахаар тэмүүлбэ.
Барилсажа абаба.
Барилдажа абахадаа
Ерэн долоон хярамгай
Баруун захайн хадада
Шулуунай ла агуйда
Шурагааран эрьюүлжэ,
Ерэн долоон шуругаар
Ебтэ барин эрьюүлжэ
Хадалдана бэлэй лэ.
Далан боргүй хадааһаар
Дабхар барин хадажа орхибо.
Дайда хани дээрэ лэ
Иижэ лэ ябхадаа
Юу үлээхэ юмэб тэ? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Хадана бэлэйл даа.
Тэрүүнһээ бэшэнииин хүрэлсэжэ ерэбэ.
Түмэр хара шэбээгээрэ шэбээлэжэ
Хаалдажин абаба.
Хүлдэн ехээ болобо
Шүдэри хаян орхибо,
Амандан ехэ болобо
Сухэ оруулан орхибо.
— Энэ дайдаһаан гараха гүйт!
Энэ ехэ дайдадаа
Эжэниин болон байхат таа,
Хан ехэ дайдадаа
Хаанийн болон байхат таа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Бариши үгээ юмэши
Һая мүнөө барибаб даа,
Торгоши үгээ юмэдээ
Һая мүнөө торгоогооб.

От северной юрты на северо-запад
По ханской широкой дороге
Со звоном скакал,
По народной дороге прямой
Он, мелькая, поехал.
От северной юрты на север
Девяносто семь горных вершин
Показались.
Гора там виднелась.
«Как странно здесь, боже!
В удивительном мире таком
Может все находиться!»—
Он так говорил, удивляясь весьма,
Поражался весьма.
И направился он
На ту гору взобраться.
Навстречу бежали, скуля и визжа,
Девяносто бешеных волков.
Самый передний бешеный [волк]
Невесомо скакал...
На траву, что колышется,
Не наступая, скакал.
То был ветряный бешеный волк.
Прискакав,
Нападать устремился.
Но [Гэсэр того волка] схватил.
И схватив,
Пригвоздил
К самой правой горе
Девяноста семи тех вершин,
В ее каменном гроте,
Насквозь завинтил
Девяносто семь шурупов,
Завинтив те шурупы, его пригвоздил.
Семьюдесятью винтовыми гвоздями
В два ряда его пригвоздил.
«Коли будете делать
Все так,
Что на свете оставите вы?»—
Говорил,
Прибивая.
Остальные за ним прибежали.
Их загородил
Частоколом железным и черным.
И путами ноги
Запутал.
Накинул
На морды их обручи.
«С этой земли не уйдете!
На этой великой земле
Вы хозяева будете,
На священной великой земле
Вы будете ханы.—
Такие слова говорил.—
Что поймать невозможно,—
Сегодня поймал
Того, кого задержать невозможно,—
Сейчас задержал.

Намhаа муухан юмээ ябаа хада
Энэ бүхэли шонод ло
Юүхэншье үлдээхгүй юмэд байгаа.
Татхан гэхэл яhа үгээ зальяха юмэд
Ехэ хани дайдадаа
Ехэ дайе дарабаб гэжэ
Ехэ мангал мангахагүй,
Ехэ хүүнээр хэлсээб гэжэ
Ехэ хүүрээ хэлэхэ гүй.
Огторго ноён баабай ла,
Урамаараа харагтуй!
Онгон хэрбээ дайдундаа
Ээлгээрээ баригтуй!
Хэлэлсэhэн хүүри мэни

Хэлгэл бурхан дуулагтуй!
Хэбээ сагаан ёhоорон
Эдэни барижа гэнжэлээб!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тэрүүнhээн сааша —
Юүншье байха байна,
Юрьюүлэжэ үзэх! Гэжэ юүрьюүлэн бэлээ.
Үндэр ханай хадайн байхада
Намтарааран дугшуулхал,
Үргэн далайн байхадан
Наряаран намжуулха.

**
*

Унаhан унаhан hайхан галданиин даа
Уусаяа дүүрээр дугшаад ябаhай.
Уулзаhан hайхан бэе гээшэн,
Һанаа дүүрэн дугшуулаhай!

Һай-дуун-зэй!..

**
*

Ара гэрээн хойшо
Юрьюүлэжэ ябуулба.
Аян шаяа алдаба.

Үнгүйн Улаан хадада
Ядан гэжэ хүрүбэ.
Үнгүйн Улаан хадада[72]
Ядан гэжэ тулаад ла,
Уруушье зайбал даа —
Орохо ехэ ёлойн ядалдаба,
Өөдэншье зайбал даа —
Гараха ёлойн ядаба.
Яаха яахаар гурбан сэгээн сүүдхэдэ
Шүбэрийен ядаба.
— Хада ханай болоhон хойноо
Харгуй үгээ байха үгээ юмаал?
Энэ хадайн хойно урай байгаашан
Хайшин гэжэ гараха юмааб?
Огторго ноён баабай ла,

Окажися тут кто послабее меня,
От него ничего б не оставило
Полчище этих волков.
Проглотили бы все, не оставив и кости...
На великой земле
Большого врага победив,
Восторгаться не надо мне слишком,
С большим человеком побеседовав,
Слишком не следует мне зазнаваться.
Небесный ноен-мой отец,
Вы [за мною] следите в подзорную вашу
трубу!
Поднебесные горы-онгоны
Вы под благословеньем держите [меня]!
Мой бурхан, сотворивший меня,
Те слова, что скажу я, слушайте вы!
По обычаю светлому,
Этих поймал, заковал».
Вслед за тем он сказал:
«Дальше этого,
Может быть все,
Посмотрю, объезжая!» сказав, поскакал.
И если же будут высокие горы,—
Надо ехать по низкой,
И если будут широкие моря,—
Надо ехать по узкому.

**
*

Прекрасный галдан*, на котором он едет
и едет,
Пусть скачет на полный свой круп.
И сам он, прекрасный, который
встречался,
Пусть едет с душою спокойной.
Ай-дун-зай!

**
*

От северной юрты на север
Отправился он.
Изнемог он совсем.
До красной Унгинской горы,
Еле-еле доехал.
Еле-еле доехав
До красной Унгинской горы,
Вверх подняться он пробовал,
Способ подъема ища,

Вниз спускаться он пробовал,
Способы спуска ища.
Не найдя,
Трое суток он думал:
«Коль гора поднялась,
Неужели же может стоять без дороги?
Да жители той или этой ее стороны
Как ее переходят?
Небесный ноен-мой отец,

* Отличный конь.

Оломиин олон үгэһэйт таа.
Хада ханай байн байза
Ёлоо үгээ байхагүй даа.
Харбажа орхихом ни!
Хангай хара һомойе
Һухалажа абалдаба.
— Дайда ханай болон байза
Харгуй үгээ байха гүй! гэжэ,
Хангайн хара һомон даа
Онон дээрэн уншаба —
Улаан дүлүй гаргаба,
Хүбшэ дээрэн уншаба —
Хүхүйл дүлүй гаргажа,
Бүхюү дээрэн унасара
Булхайсара таталдаба,
Зэнхэн дээрэн унаса
Зэлхээсэрэ татаба.
Тэрэ ехэ хадайе
Харбажа орхибо —
Үдэршиин холо газарта
Хангайн хара һомо ло
Газарта багса тулалдажа буубал даа
Өөрээн һайхан зөөрийе
Орхихол хэрэг үгээ гэжэ,
Үүдхээ хойноһоо ошолдоно бэлэй.
Үүдхээ харгуяар хатарна бэлэйл даа.
Хаанай дардам харгуй болгожо
Хатаража гарабал даа
Алаг хани үхэр лэ
Шаргатаяа багтаха харгуй болгоо,
Атан ехэ тэмээни
Ашаатаяа багтаха харгуй болгожо
Ошолдоно бэлэйл даа.
Хангайн хара һомони бүхюүгааран дүүрэ
Шорой ханай байнал даа.
Тэрэ ехэ бүхюү соохи
Шоройн атхажа байба ла.
Болдог боори болсоро
Атхажа орхиһониин
Тэрэһэн гэлээ.

**
*

Тэрээнһээ һөөрөгшөө
Тэхэржэ ерэлдэнэ бэлэй,
Үнгүйн улаан хада дээрэ[72]
Гаралсажа ербэ лэ.
Нэгэ ехэ гүрөөһэн бэлшэжэ байбал даа.
Хангайн хара һомойе
Һуха татан абша
Харбажа унагааба.
Үдэшэни боро хоног,
Шара набша болжо,
Түлеэ залаһай гульдхажа,
Түүдэгшиин гали түлэжэ,
Үнгүйн улаан хада дээрэ
Морёо хани эмээл абан табиба.
Абалдажа табиһан биеэрээ

Переезд укажите.
Гора раз стоит,
Без дороги не может же быть.
Стрелять я попробую!»
И стрелу свою вынул
Хангайскую черную.
«Коль земля,—не может же быть
Без дороги!»,—сказав,
Заклинал на зарубке
Стрелу свою черно-хангайскую,
Красное пламя он тем вызывал,
На ее тетиве заклинал,
Пламя синее он вызывал.
До бухю натянул так,
Что лук его вздулся,
До зэнхэн натянул так,
Что [лук] растянулся.
В ту великую гору
Пустил он стрелу.
Пролетев расстояние на день [езды],
Стрела та Хангайская черная
В землю воткнулась.
За стрелою своею поехал, сказав:
«Свою нужную вещь
Мне нельзя оставлять».
По следам той стрелы он поехал,
Поехал он рысью,
Как будто по ханской по гладкой дороге,
Где бык полосатый
С санями пройдет,
Где с вьюком
Верблюд оскопленный огромный пройдет
Так подъехал [к стреле].
Был полон земли
Наконечник той черной Хангайской стрелы.
Из большого того наконечника
Вытряхнул землю.
Он вытряхнул [столько земли],
Что холмами, буграми ложилась она,
Говорят.

**
*

И оттуда
Обратно вернувшись,
На Унгинскую красную гору
Поднялся.
Паслась там большая косуля.
Стрелу ту Хангайскую черную
Вытащив, выстрелил ею,
[Косулю] свалил.
И спустились вечерние сумерки
Желтой листвой,
И собрал он дрова
Да костер разложил,
На Унгинской красной горе
Расседлал он коня.
Расседлавши [коня],

Гүрөөһэйи үгшэн хуулан байбал,
Шаран булан идэлсэнэ бэлэйл даа,
Идэлсэһэн биеэрээ
Эмээлээрээн дэрэ хэбэ,
Тохомоороо дэбитхэр хэжэ
Боро хоног, шара набша болобо! гэжэ

Нойршоһониин тэрэ гэлэй —
Үглөөни үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйе бултайжа,
Үрөөлүйе үдүйдэ
Бодон харайн байбал даа.
Хүйлэн хүхэ морёо ло
Ошолдожо барилдажа
Асарна бэлэйл даа.
Торгоноо хирхаг тохоми
Тохолдоно бэлэйл даа —
Тохой мүнгүн эмээли
Тэүүнээ дээрэ хаяжа
Абалсана бэлэй лэ.
Абалсаһан биеэрээ —
Хорин хэлтэй олонгоор
Хотойсоро татана,
Арбан хэлтэй олонгоор
Атайсаран татажа
Абалдаба байбуу даа.
Абалсаһан биеэрээн —
Буудай мүнгэн һаадагаа
Баруун ташаадаа байлгаба,
Нарин хээрээр хэмнэбэ —
Нарин мүнгэн хормогоо
Зүүхэн ташаа байлгаба.
Түүнээ газаа биеэрэн
Дуулга мүнгүн хуяагаа
Хуяагалан абалдабал.
Бухалаа шэнээн бараатай,
Бутаяа шэнээн залаатай,
Булаган хиидхүүр малагаяа
Орой дээрэ табижа
Абалсаһан биеэрээ.
Хүйлэн хүхү мориндоо
Алабхижа аһаба.
Уналсаһан биеэрээ
Хараа бараа хараландана бэлэйл даа
Хархада болобо —
Хара ехэ далайн даа
Хашалаг ханай дунда ла,
Хатан ехэ уулайн даа —
Хоромой ханай дунда ла
Далан долоон тологойтой,
Даньял шара мангадхай
Дархи хонгор азаргатай
Ябаба гэхэн юмэ лэ.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Энэ дайда дээрэ мэни
Юүмэ ханай таһарһан юмэ хани лэ! гэжэ
Хүйлэ хүхэ морини

Освежевал он косулю.
[И мясо косули] изжарил, испек и
покушал.
Покушав,
Под голову тут подложил он седло,
А потник подстелил под себя.
«Уже ночь наступила и время для сна
подошло!»—
Говоря, он уснул, говорят.
А утром, как красное солнце
Одной половиной взошло,
Половиной другою еще не взошло
Он проснулся, вскочил.
И пошел он, поймал
Да привел
Голубого коня своего.
На него он набросил
Потник с золотою каймою,
А сверху накинул
Седло,
Что из дерева и серебра,
А затем
С двадцатью язычками подпругу
Он так затянул, что [конь] изгибался,
С десятью язычками подпругу
Он так затянул,
Что [конь] нагибался.
А затем
Свой колчан из будай-серебра
Он навесил на правом боку,
И измерив тут узкою степью,
Налучник изящный-серебряный свой
Он навесил на левом боку.
А сверху
Броню из дулга-серебра
На себя он надел.
Он надел
Свою пышную шапку соболью,
Что будет с копну
Да и с кисточкой с кочку.
Надев [свою шапку],
Вскочил
На коня голубого.
Вскочив [на коня]
Да и вдаль посмотрев,
Он увидел,
Что в самой теснине
У Черного моря большого,
На самом подножии
Ханши-великой горы
На яркосоловом своем жеребце
Ехал желтый Даньяльский мангадхай,
Имеющий семьдесят семь голов,
Говорят.
Вслед за тем,
Говоря: «На земле моей этой,
Как видно, [злодеи] остались еще!»
За правый он дернул повод

Баруун амайн угзарбал —
Эрээн хасар мирабал,
Һухай эштээ ташуураар
Баруун гартаа барижа
Сохилдоно бэлэйл даа.
Можиин сэгээн тулгана бэлэй лэ.
Одон ханай барагтай
Зуралзаса харайлгана бэлэй,
Ошоной ло барагтай —
Һүрэлэжэ харайлгажа байба.
Үндүр гэхэ хадаяа
Эрмэйин барин харайлгана бэлэй,
Үзүүртээ гэхэ модоной
Зала дээгүүр харайлгана бэлэй лэ
Огторгойн һэмэжэ эрээн үүлэйе
Малагаяа залаагаар хаха сохин
Харайлгажа ошобо.
Далан долоон толгойтол,
Даньял шара мангадхайтай
Золгогдоно бэлэйл даа.
Угзар угзарһаар болобо —
Мориноо хоёр забижуури
Шанаадан хүрсэ хаха ханай угзаржа,
Золгогдоно бэлэйл даа.
Эмэр эмэрһээр болобо —
Уушхайн сагаан хүлһэе
Мориноо улаан һугааран
Билталзуулан хатарбал.
Сохи сохиһоор болобо —
Можиин сэгээн булууеы
Булталзуулан хатаржа
Золголдоно бэлэйл даа.
Сойл мүнгүн дүрөөши
Суу бала харгуйлалдаа,
Сохом улаан шарайдаа
Ханьи хэгзэ харгуйлалдаа.
Ходо ханай гаралсажа
Һөөрэгшөө тэхэржэ
Мэндээ һайгааран
Мэндэшэлэн золгобол,

Дорообой ло һайгааран
Дорооб гэжэ золгобол.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Али голи хүбүүм ши?
Али омогой хүбүүм ши? гэжэ

Һуран суран байба ла.
Ара гэрээн зүүхэн тээ
Түрэһэн гараһан хүбүүн би.
— Хэнээ хүбүүн хэнхэн байбат?
Юунээ хүбүүн юүхэн байбат?
— Абай Гэсэр хүүбүн гээшэб гэжэ
Мэнэн хүрээ хэлэбэ лэ.
— Абай Гэсэр гараа гэхүй дуулхадаа,
Боро ехэ зүрхэм ни
Бульядаа ла бэлэй лэ,

Коня своего голубого—
[Конь] пестрою дернул щекой.
Взяв в правую руку
Свой кнут с кнутовищем из ивы.
Ударил [коня]
По бедру.
[Конь] помчался,
Мелькая, подобно звезде,
И взлетая, как искра,
Помчался.
Помчался
По гребням хребтов высочайших,
Помчался над кронами
Высоких деревьев.
Помчался он так, что [Гэсэр]
Рассекал облака перистые, пестрые
Кисточкой шапки своей.
А навстречу тут ехал
Даньяльский желтый мангадхай,
Имеющий семьдесят семь голов.
Он все дергал поводьями, все дергал,—
Уголки рта у лошади
Разорвал он до скул.
[Мангадхай] приближался.
[Ногами коня] погонял до того,
Что в голых подмышках коня
Показалась пена из легких.
И бил он [коня] до того,
Что конец его бедренной кости
Тут вылез наружу.
[Мангадхай] так подъехал.
И съехались так,
Что разбилися вдребезги
Их стремена,
Что из сой-серебра.
Они съехались так,
Что друг другу щеки содрали.
Повернули обратно
И встретились вновь, но
Лучшим приветом встречать стали друг друга
И лучшим здоровамьем
Тут поздоровались.
Вслед за тем
[Мангадхай] его спрашивал так и расспрашивал:
«Из какой же долины вы, парень?
Из какого же рода вы, парень?»—
«На востоке от северной юрты
Родившийся я человек».—
«Чей вы сын и что за человек
Здесь стоите?»—
Ответил [Гэсэр]:
«Я Абай Гэсэр-хубун».—
[Тот сказал]: «Когда я услышал о том,
Что родился Абай Гэсэр,
Мое крепкое сердце огромное сильно забилось,

Бугани[1] ехэ хабаһа мэни
Маталзаа ла бэлэй лэ.—
Аян шаяа алдаба
Ай гэхэ бэлэй —
Таа али голой хүбүүмтэ?
Али омогой хүбүүм тэ?—
Һуран суран байбал даа.
— Эндэ урай түрөөл би
Хайратаяа голи хамта дээрэн үдөөл би,
Бүлюүтэеэ голи ло бүхэли дээрэн ежэлээ
би?
Зуу найман тологойто
Зуудаг шара мангадхайн
Ехэл ханай хүбүүн байнам!—
Намалаара болобо
Гарай шэнээ гаргалдахаг шии,
Ганзагайн атараа һунгалдаха байнаг ша?
— Тамшиин єагаан тала дээрэ,
Таба малгай нараһан дээрэ
Хүрэлдэжэ дайлалсаха бэлэйб гэжэ,
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.

— Зүби — хани хэлсэһэн хүүртэ
Зүргэ харгүй хамта ла.
Мангад хүгшүн ахаяа
Урайгаа ла туужа ла
Тамшиин саган өөдэ хатарба.
Таба малагай нараһан өөдэн хатаржа,
Ябалсана бэлэй лэ.
Одоной ло бэлэй.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тамшиин сагаан тала дээрэ,
Таба малагай нараһан дээрэ
Хүрэнэ бэлэйл даа.
Одоной ло бэлэй лэ.
Дайлалсажа үзэхүү даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэжэ
Моринohоон дэбхэрэлдэн бууба ла.
Хүлзэһэн бухашаг хилайлдажа ошобо,
Хүдээшэһэн тэнгэршиг нэтүйлдэжэ
ошобо.
Бухаяа адали мүргэлдэжэ тулабал,
Бугаяа барагтай ололдожо тулалай.
Ара бэеэйин мяхайе
Арбан һайхан хургаараа
Түгдэл татан хаяба,
Эбэр бэеэ мяхайе
Үүдэн сагаан шүдөөрөө

Ханьял татан хаяба.
Мангад хүгшэн ахай гээшэ
Ямаани барагтай —
Сашхалдана бэлэйл даа,
Инзагани барагтай
Бархирана бэлэйл лэ.

И малые сильные ребра мои
Изгибались».
Так злобой пылал [мангадхай].
Как же «Ай!» тут не скажешь!
«Из какой же долины вы, парень?
Из какого же рода вы, парень?»,—
Спросил так [Гэсэр].—
«Здесь на юге родился,
В долине я галечной рос,
Всей долиной графитовой я завладел. (?)

Самый старший я сын
Кусающего желтого мангадхая,
Что имеет сто восемь голов!
Со мною
Испробуешь силы ли рук,
Или вьюк торока ты растягивать
станешь?»—
Ответил [Гэсэр]:
«Я должен сражаться
На светлой Тамшинской степи,
У пяти шапок-сосен».
Если сказано слово правдиво,
То тропа и дорога — одно.
Мангадхая того
Впереди погоняя,
Помчался он вверх
На Тамшинскую светлую [степь],
К пяти шапкам-соснам.
Так именно было.
Вслед за тем
До пяти шапок-сосен,
До светлой Тамшинской-то степи
Они доскакали.
Так именно было.
«Так будем сражаться!»—
Решили,
С коней соскочили
Косясь, как быки перед тем, как
бодаться,
Друг к другу они приближались,
Нахмурясь, подобно ненастному небу,
Друг к другу они приближались.
И стали бодаться подобно быкам
И подбрасывать друг друга подобно
изюбрям.
И пальцами рук
Они мясо со спин вырывали кусками,
А мясо с груди вырывали
Зубами передними белыми.
Заревел,
Как коза,
Мангадхай,
Закричал,
Как козленок.

[1] Богони

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Одоной ло бэлэй
Сашхалдажин байхада —
Арбан гурбан тологойтой
Асуурайн шара мангадхай
Шуhан зээрдэ моритой,
Шунхата мүнгэн эмээлтэй,
Шуhан зээрдэ морини амайн
Угзар угзарhаар араандани тулсара
Хаха татан ябаба.
Эмэр эмэрhээр болобо —
Хабhаниин сэгээн ширээе
Дууhажа ябаба.
Сохи сохиhоор болобо —
Можиин сэгээн булууе
Булталзуулан гүйлгэбэ.
Газар хани дээрэхи
Гагса хани ахайеым
Юүнээ хүбүүн дайлаа бэ?
Хүүнээ хүбүүн дайлаа ба! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлээд дэ
Гүйлэгэлдэн ерэлсэнэ бэлэйл даа.
Ерэлсэhэн биеэрээ —
Баруун hайха хүлдэн даа
Харайлдажа оробо —
Хайража орхибол
Бааhани барагтай —
Мухарса эдьхэлбэл,
Одоной ло бэлэй
— Алахалан хадаа үтэр түргэн алал даа,
Абараха хадаа ла мани бүхэн зобооеыш,
Табижа ла орхииш! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Мэнии хэлэhэн хүүрээрэм
Ябахалан хада танай
Эбүли ехэ хүйтэндэ
Даарахагүй газар олохолби.
Нажирай ехэ халуунда
Халуудахагүй дайдуйн олохол би.

Намаhаала тэргэлэжэ ошоо-хада-тнай
Тохоног танай минаагай,
Тологой танай газарай!
— Тэргэлжэ ошхо гүл ди,
Ямар дайддаа абааданаш? гэжэ
hуран суран байна ла.
Эжэ үгээ дайдуйе
Ара гэрээн урай олоо лан байнал би,
Эшэ үгээ хотиго тэндэ байнал.
Тэрэ холо дайдуда
Хүбүүши хүдүлгүн байгааб даа,
Адаhан идеэн хоёроо
Абаадуулhан байгаал би
Заямхаяар hуухаяа —
Аали ахай барюулжа байгааб даа.
Тэрэ ехэ хүдүмэри дээрэм

Вслед за тем
Было именно так:
В то время, когда [мангадхай] так кричал,
Приближался туда
Асурайский желтый мангадхай,
Что имеет тринадцать голов,
Светлорыжую лошадь,
Седло из шунха-серебра.
Он так дергал поводья,
Что лошади рот разорвал до клыков.
Так [ногами коня] понукал.
Что на ребрах его
Сухожильное мясо кончал.
Погоняя [коня], ударял до того,
Что конец его бедренной кости
Тут вылез наружу.
«Чей потомок воюет,
Чей сын тут воюет
Со старшим единственным
Братом моим на земле?»—
Такие слова говоря, он
Прискакал.
И когда же примчался,
На правую сильную ногу [Гэсэра]
Набросился он.
[А Гэсэр] его пнул,—
Как шевяк,
Отлетел кувырком.
Так именно было.
«Если хочешь убить, то убей ты скорей,
Если хочешь спасти,
То не мучь, отпусти нас!»—
Просили они.—
«Если будете делать,
Как я вам скажу,
То я землю такую найду,
Что не будете мерзнуть и в зимний трескучий мороз.
Я вам землю такую найду,
Что потеть вы не будете в летний палящий зной.
Если же вы от меня убежите,
То локти-то ваши — кнуту,
Ваши головы будут в земле!»—
«Убегать мы не будем.
В какую же землю ты нас поведешь?»—
Так спросили они.—
«Без хозяина землю нашел я
На юге от северной юрты.
Там — ножик и без рукоятки.
На земле той далекой
Работают парни мои.
Как велел я, туда же угнали
Мой скот, табуны,
И постройки там строят,
Чтоб жить мне заимкой.
И если на те вот большие работы

Хүрээ хани болоо хадаа.
Үлдэхэгүй үлэхэн тэндэл,
Даарахагүй дабхаса тэндэ
— Харгуйеын заажа үгыш

Тэрэ ханай харгуяараш
Биди ханай ошохомнай! гэжэ
Мэнэн хүүрэ хэлэбэл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Таа хадаа
Энэ һайхан харгуйяарам
Хатараха байнал та,
Бихэн хоёр гурба хонсо
Хүсэхэлэн байнам.
Энэ ехэ харгуяаһаам гарша
Бэшэ тээшээ ошоо хада танай
Тохоног танай болобо —
Минаагай байхан даа,
Толгой танай болобо —
Газарай ла байха! гэжэ
Табижалан орхибо.
Одоной ло бэлэй.
Элигээ хахалба —
Эрээн хэнииг гаргаба,
Маньялаяаа хахалба —
Майдари шара хэнииг гаргана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Заяанаа шара хэнииги,
Захаяа гурбай гаргажин,
Дуудан дорлин байба ла.
Энэ мангад ахай мэни
Һүнэһэн сүлдэн хаана юмааб?
Ахашье биихэн бэээ,
Дүү шье биихэн бэээ? гэжэ
Дуудана бэлэйл даа.
Хара ехэ далайн даа
Хашалаг ханай дунда ла,
Хатуун ехэ уулайн даа
Хормой ханай дунда ла
Аали ахан тэндэ лэ[73].
Шулуунай агуйдо —
Һүрэ һүмэн тэндэ юмэ.
Ерэн долоон наһатай
Ехэ холхи төөдэ тэндэ.
Тэрэ ехэ төөдэе дараал үгээ хадаадаа
Хэзээ-хэни хэбтэ лэ зайхан болхо юмэ лэ.
Ширээхэ ехэ бэтэ
Шижитээлэн юмэ лэ,
Айха ехэ бэтэ лэ
Абатайхан юмэ лэ.

Мэнэ урдаһаа манай ла
Золгохоор ябана.
Энэ байха хэнииги
Үтэр түргэн хадалгатгай! гэжэ
Мэнэн үгээ дуудана бэлэйл даа:
Заяанаа шара хэнииги

Поедете вы,
То еда там такая, что будете сыты всегда,
Одеянье такое, что мерзнуть не будете вы» —
«Покажи ты дорогу.
По той мы дороге поедем!»—
Они говорили.
Вслед за тем
Отпустил их [Гэсэр] со словами:
«Езжайте
По этой хорошей
Дороге.
Через трое суток
Я вас догоню.
Коль от этой дороги проезжей
Свернете вы в сторону,—
Локти-то ваши—
Кнуту,
Ваши головы
Будут в земле!»—
Говоря, отпустил.
А затем
Он печень разрезал,
И вытащил пеструю книгу.
И лоб свой разрезал,
И вытащил Майдари желтую книгу.
Вслед за тем
Он читал с упоением,
Вытащив желтую книгу заяна
Из крайних трех [книг].

«Где душа
Мангадхая-то этого?
Может, старший есть брат,
Может, младший есть брат»,—думал он.
И в книге читал:
«Все постройки его—
В середине теснины
У Черного моря большого.
У самого подножия
Ханши-великой горы,
А дворцы и хоромы
Находятся в каменном гроте.
Там его девяностосемилетняя
Старшая тетка-холхи.
Коль ту тетку могучую не победишь,
То все время несчастье да бедствие будет.
Волшебством обладает
Могучим.
Колдовством обладает
Страшнейшим.
И скоро вот
Встретится с нами.
Все эти книги
Скорее ты спрячь!»
Он такие слова прочитал.
Свою желтую книгу заяна

Хадалгажа абаба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Элигэндээ эрээн һайхан тоонойе
Хадалгажа ябхада,
Сарил сагаан хушуутай,
Самсаал ехэ үргэтэй
Мангад хүгшэн ахайн эзы,
Орой ханай дундаа ла —
Гагса ехэ нюдэтэй, —
Оошо — ханай дундаа ла
Гагсахан шүдүтэй
Һамагахан хүүхэн гээшэ,
Минган алда
Митан сагаан хэдэргээ
Барилдажа дэлэжэ
Гүйлдэжэ ерэбэ.
Аянгаеын ядаба.
Аянгаеын ядхадаа
Хангай хара һомойе ла
Һухал татан абалсаба.
Онон дээрэн уншабал —
Улаан дүлүй гаргаба,
Хүбшэ дээрэн хэбшэбэ —
Хүхэл дүлүй гаргаба.
— Амар ехэ голиин даа
Хаха бала тудаарай,
Атхаал сэгээн сэмэгээн даа
Хуха бала тудаарай!
Үбүһэниин үзүүрээр
Үрээдэжэ унагаеышэ,
Хулаһани үзүүрээр
Хубаалдажа хаеыш,
Энэ эзыдэ дарагдаха хадам
Үйхэн таһа ошооройш!

Дарахалан заятай хадам
Үбүһэнөө үзүүрээр
Үрээдэжэ ерээрээ,
Хулаһанаа үзүүрээр
Хубаахажа ерээрээ! гэжэ
Бухюү дээрэн унаса
Булхайсара татаба,
Зэнхэн дээрэн унаса
Зэлхээсэрэ татажа
Харбажа орхибо —
Хандагайн һомо ло
Харьяжа арилба,
Бугайни бухюүл ла
Бүрьяжа арилба.
Амар ехэ голиин даа
Хаха бала тудаба,
Атхаал сэгээн сэмэгэйн даа
Хуха бала тудаба.
Үбүһэни үзүүрээр
Үрээдэжэ унагааба,
Хулаһаниин үзүүрээр
Хубаахажа унагааба.
Хулаһанаа үзүүрһээ

Он спрятал.
Вслед за тем,
Когда в печени прятал
Зерно своей жизни,
Прибежала старуха,
Жена мангадхая,
С ярко-белым лицом,
С подбородком огромным и острым,
На макушке
С огромным единственным глазом,
С единственным зубом
Во рту,
И держала [в руках] кожемялку свою
Ярко-белую, что
Тысяча шагов длиной,
И размахивала ею.
Что же делать?
Как быть?
Стрелу ту Хангайскую черную
Выдернул он.
На зарубке ее заклинал—
Пламя красное он вызывал.
На ее тетиве заклинал —
Пламя синее он вызывал.
«В большую аорту ее
Попади и совсем разорви
Да и в кость плечевую ее
Попади, разломай и разбей!
По концам травы
Ты ее разбросай,
По концам камыша
Ты ее раскидай!
Если этою бабою должен я быть побежден,—
То лети безвозвратно и мимо!
А ежели мне суждено победить,—
Возвратись ты обратно,
Разбрасывая по концам травы
И раскидывая
По концам камыша!»—заклиная вот так,
До бухю натянул —
Его [лук] раздувался,
До зэнхэн натянул —
Его [лук] раздавался,
Затем он пустил—
И журча улетела
Стрела для сохатого,
И свистя улетела
Бухю для изюбря.
В большую аорту [старухи]
Попала [стрела], разорвала совсем.
В ее кость плечевую
Попала [стрела], разломала, разбила.
Свалила ее,
По концам травы разбросала,
Свалила ее,
По концам камыша раскидала.
Соединяясь с концов камыша,

Холболдожо бодобол,
Үбүһэнөө үзүүрһээ
Эбэлжэ бодобол.
Минган хани алда
Митан сагаан хэдэргэйе
Яньянсара намнаба.
— Үһэн тологойн үерсэ
Яһан тологойн ярьяса,
Хэзээ шье бүхэн һалаарай
Амаргалиин хахалаарай,
Атхаал сэмэгэйн хухалаарай,
Үбүһэни үзүүрээр
Үрээдэжэ орхииш,
Хулаһани үзүүрээр
Хубаахажа орхииш! гэжэ
Намнана бэлэйл даа.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Аянгаяа ядабал.
Аянгаяа ядажа
Хүйлэн хүхэ мориндоо
Алабхижа аһажа
Ара гэрээ урайгша
Гүйлгэнэ бэлэйл даа.
Гүйлгэжэ ябхадан
Һүни шье хойноһоон
Хэдэргэйн дуухан яньянба,
Үдэршэе хойноһоон
Хэдэргэйн дуухан яньянанажа үлдэбэ.
Аянгайсын ядаад ла,
Шулуун хара хабсагай
Тодхожо үгөөд лэ
Саада биеэдэн гарабал даа.
Хоёр сэгээн сүүдхэдэ
Шулуун хара хабсагайе
Сүмэ сохин гаширбал.
Хабхагшалан атхаба —
Хухара балара сохижо
Хаялдажа орхибо.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Хүбүүн ханай болоһоор даа,
Иимэ ехээ айжа эһэ үзэбэб даа!
Энэ ехэ эзые
Дараал үгээ хүүхэн даа
Наһандаа хүрхэгүй байнал даа!
Морин сайхан хүлэгөө
Хубилгажа хаяба.
Алтан шарга морин
Болгоно бэлэйл даа.
Биеэни хубилба —
Наран дороо үдэбэ
Нашан Хуймар хүбүүн
Болодожо ошобо.
Урдаһаан тэхэржэ
Хатарна бэлэйл даа.
Ошходо болобо —
Гурбалжаани гурбан харгүй байба.
Гурбан харгуйн бэлшэр дээрэ

Она встала,
Собираясь с концов травяных.
Она встала.
[На Гэсэра] пустила со звоном она
Кожемялку свою ярко-белую, что
Тысяча шагов длиной.
«Пока волосы на голове не сгниют,
Пока кость головы не заноет,
Ты не отставай от него
И атлант расколи,
Поломай его кость плечевую,
По концам травяным
Раскидай,
По концам камыша
Разбросай!»—говорила она,
[Кожемялку] пустив.
Абай Гэсэр-хубун
Растерялся.
Не зная, что делать,
С разбегу вскочил
На коня своего голубого,
Галопом погнал он
От северной юрты на юг.
И ночью за ним
Кожемялка
Гонялась со звоном,
И днем кожемялка
Гонялась зо звоном за ним.
И спасенья ища,
Преградил ей
Скалой черной [путь],
И помчался он дальше.
Скалу ту из черных камней
[Кожемялка],
Пробив в двое суток, прошла.
Тут [Гэсэр] [кожемялку] схватил.
Разломал и разбил ее,
Выкинул прочь.
Вслед за тем [говорил]:
«Как я стал человеком,
Не знал еще страха такого!
Если эту могучую бабу
Не кончить,—
Свой век не прожить!»
И хулэга-коня своего
Изменил,
Золотисто-соловым конем
Его сделал.
Себя изменил он,
И росшим под солнцем
Нашан Хоймар-хубуном
Он стал.
И обратно поехал,
Навстречу [старухе].
Ему на пути
Трех дорог перепутье попалось.
На том перепутье

Үбүһөхөн үрьеөг байгаа гэхэ юмэ,
Хулаһахан хутаарын байгаа гэхэн юмэ даа.
Тэрэ һайхан бэхээе
Баруун ханай хажуугаар
Үлү мэдээшэ боложо
Хатаржа гарна.
Үлэ мэдэгшээр хатаржа ябхада
Үнөөхи лэ эзы лэ —
Сарил сагаан тологойто,
Самсаал ехэ үрүгэтэ һамаган гээшэ

Сагаа мүнгүн хообшоороо барижа
Һайни хүнээ үри хадаа
Наашаа ла ерыш,
Һаарай хүүнээ үрил хадаа
Саашаа ла, арилайш! гэжэ
Хаахиргүй табилдаба.
Һөөрэгшөө тэхэржэ ерэлдэнэ бэлэйл даа.
Ерхэдэн болобо —
Сагаан мүнгүн хообшоороо
Сагаан будаа һамарбал,
Улаа мүнгүн хообшоороо
Ундан сайя һамарба.
— Сагаалагтуй! гэжэ
Сагаа мүнгэн хообшоороо
Сайаа утхан асаржа үгэнэ бэлэйл.

Одоной лэ бэлэй
Осоогууран харабал —
Улаан хорхой бисалбал.
Хүбөөгөөрөн хараба —
Хүхө хорохой бисалбал.
Сайдамтуйн голдо түрэбэ —
Сагаан хорхой бисалба,
Хайрагтуйн голдо түрөө лэ
Хара хорхойн бисалба.
Бүлүүтэйн голдо түрэбэ

Боро хорхойн бисалбал.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Аянгаяа ядаба.
Осоогуураа болобо —
Мүнгэн хобол хоболлоно бэлэй,

Мүнгүн һайхан хоболоороо
Амааран ууӂа,
Алааран гаргажа орхибо.
Гаргажа орхёод ло:
— Һамаган ямар амтатай сайи
Бусалгажа байгааб ши?
Хойтоёо нэгэ утхыш.
— Шинии хойно урай ябаашан
Юу ууха юмэб? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ.
Байгаа гэхэн юмэ лэ.

Стоял балаганчик сенной,
Камышовый шалашик стоял, говоряг.
По правой сторонке
Того шалаша
Он проехал,

Как будто его не заметил.
А в это-то время
Та баба,
Старуха, что с острым большим подбородком
И с головой ярко-белою,
Белый серебряный ковшик держа,
Закричала ему:
«Коль потомок ты знатных людей,—
Подъезжай же сюда,
Коль потомок незнатных людей,—
Ты проваливай дальше!»
Обратно вернулся [Гэсэр].
И когда он вернулся,
Ковшом своим белым серебряным
Белое просо мешала она,
А ковшом своим красным серебряным
Лучший напиток мешала.
«Покушайте!»— так говоря,
Почерпнула ковшом своим белым серебряным
Чай, принесла, подала.
А дальше так было:
На дно посмотрел он.—
Там красные черви кишели кишмя,
На края посмотрел он—
Там синие черви кишели кишмя.
Там белые черви кишели кишмя—
В Сайдамтуйской долине они расплодились,
И черные черви кишели кишмя—
В Хайрагтуйской долине они расплодились,
И серые черви кишели кишмя—
В Булутэйской долине они расплодились.
А потом
Он в большом затруднении был.
И провел он серебряный жёлоб
В нутре.
Своим ртом попивая,
Он через серебряный жёлоб
Меж ног выливал.
А потом [он сказал:]
«Старуха, ты чай
Кипятила приятный весьма!
Почерпни-ка еще!»—
«Те, что после тебя-то приедут,
Что пить они будут?»—
Сказала она,
Говорят.

— Урда хүүнээ урамиин яалай,
Хойго хүүнээ
Хубин яалай? гэжэ

Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Одоной лэ бэлэй лэ
— Худугуй, нэгээ асарыш таа? гэжэ
Гүйлдажа байба ла.
Худугуй сайаа асыш таа!
— Ямар садаха дүүрхэгүй, хүбүүм ши?
Бидруутайин асаржа
Бидруутайин шаахашняаб? гэжэ[74]
Бидруутайин асаржа
Барюулаба байбал даа.
— Намһаа тэнэг юмэ
Энэ дайда дээрэ үгээ юмэ байгаа!
Мэнэн хүүрээ Абай Гэсэр хүбүүн
Хэлэн хүүнэн байбал даа.
— Али голой төөдээ байбат?
Али омойи худугуй байната? гэжэ
Һая һанажа, һуран суран байбал даа.
Энэ ехэ дайдудаа
Эжиниин болон һууридааб,
Хан ехэ дайдуудаа,
Хаанһин болжо һуурилбаб.
Арбан гурбан хаанаһаан
Саарһатай һамаган байнам,
Эсэгэ Малаан баабайһаан
Захяатай ла һамаган байнам,
Эхэл Юурэн ибииһээн
Эсхэбэритээ һамаган байнам.
Үлдэһэн ехэ хүүндэ даа
Үлиин үхэ һамаган байнам,
Даараһан ехэ хүүндэ лэ
Дабхасайн үхэ һамаган байнам.

— Танил шье таняаһураал үгээбайнал би.
Али голи хүбүүн ханай байбат?
Али хаалуудай хүбүүн байнат? гэжэ
Мэнэн хүүрээ һурана бэлэйл даа.
— Наран доро түрөөб даа
Нашан Хуймар хүбүүн гээшэб.
Һүдэлзэхэ юмэйн даа
Саа биедэ түрөөл би,
Һүмэлзэгшэ юмэйн даа
Наада биедэ түрөөб даа.
Ара гэрээн баруун хойто тулгада,
Тураг ехэ шубуунай
Дэбэжэ хүрхэгүй дайдада
Алмалжин Богдо ханхай бихэн
Гэхүй дуулааб ди.
Алмалжин Богдо хаанда ла
Ханхай гэжэ басаган
Биихэн гэхүй дуулааби.
Тэрэ һайхан басаганда
Хүригэлжэ ябаал би.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Худугуйдаа тамхияа хэжэл үгөөгүй аад

«Где почет
Для передних людей
И где доля
Для задних людей?»—
Так [Гэсэр ту старуху] спросил.
А затем
Он просил ее так:
«Принеси еще, сватья, один!
Принеси еще, сватья, мне чай!»—
«Какой ненасытный ты, парень!
Проглоти же с ведром!»—говоря,
[Чай] с ведром принесла,
Подала.
«На этой земле

Нет глупее меня никого!—
Абай Гэсэр-хубун
Так сказал-говорил.—
Из какой же долины вы, тетка?
Из какого же рода вы, сватья?»—
Спросил ее, вовремя так спохватившись.
«Обосновалась хозяйкою
Этой великой земли,
Обосновалась я ханшей
Священной великой земли.

От тринадцати ханов
Бумагу имеющая женщина я.
От Эсэгэ Малана-отца
Указанье имеющая женщина я.
От Эхэ Юрэн-матери
Наказы имеющая женщина я.
Человеку, что сильно голоден,
Я, пищу дающая женщина.
Человеку, что сильно замерз,
Одеянье дающая женщина я.
Вас еще не спросила, хотя я не знаю.
Из какой же долины вы, парень?
Из какого же ханства вы, парень?»—
Спросила она.
«Я под солнцем родился,

Нашан Хоймар-хубун я.
Я родился по ту-то сторонку,
Того, что мелькает.
Я родился по эту сторонку,
Того, что мерцает.
У право-задней опоры северной юрты,
На месте таком,
Куда не долетит исполинская птица.
Мы слышали,
Есть Алмалжин Богдо-хан.
У Алмалжин Богдо-хана,
Я слышал,
Имеется ханская дочь.
И я свататься еду
К красавице-девушке той»,—[говорил].
Вслед за тем

Сай саахариин уумгай! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Худугуй, дааһаяа асыш! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ бэлэй.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Буруу тээшээ хаража,
Мэшэгэд гэжэ неэгээд лэ,
Дааһан тээшээ дабхан гэжэ
Эрьеэд абхуйн тэрэ хирэндэ,
Тархиин уруун бидруутайе
Хүмэрүүлэжин орхибо.
Тархиин уруу хүмүүрүүлээд,
Морин сайхан хүлэйе
Баруун амайн угзарба —
Эрээн хасар мираба.
Баруун гараар сохибо —
Можиин сэгээ түлгажа,
Хии ханай бэтэ
Хиидхэжэ арилба.
Хэрмэни барагтай
Хүүлэжэ арилба.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Хараан талтай харайлгаад
Хайшан гэжэ байха юмэб? гэжэ
Эрьежэ харабал —
Юһүн дүшэнэг газарта
Улаан хорхой, сагаан хорхой боложо
Бисалажа байбал даа.
Улаан ехэ дүлүн, хүхэ ехэ дүлүй
Таталдажа байбал даа.
Үнөөхи лэ болбо —
Холхи ехэ төөдээ гээшэ
Хубилажа ерэжэ
Сайи саахари бусалгана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ.
Амаража унабал,
Алдалажа хэбтэбэл.
Түүнһээ сааша ла —
Хаанаа ханха харгуяар
Ханхинсара хатарба,
Зоноо зудан харгуяар,
Зуралзаса дугшуулба.
Үнөөхи лэ хоёр мангадхаяа
Ядаа гэжэ хүсэбэ.
Моридоо урай хойноһоон
Сохилдожо хатарба.
Арбан гурбан толгойто
Асуурай шара мангадхай
— Ахай, алаха газартаа дахуулнууш,
Абарха газартаа дахуулнууш? гэжэ
Гүйлгэлдэн ябана.
— Абай Гэсэр хүбүүн хадаа
Одоной ло бэлэй.
Амида бурхан байна байза
Мани һууха мээстые

Говорила она:
«Своей сватье ты не дал табак свой,
А чай ее с сахаром выпил!»
[Гэсэр] ей сказал:
«Свою трубку ты, сватья, мне дай!»
Вслед за тем,
Как она, повернувшись направо,
Слегка усмехнулась,
За трубкой своей
Потянулась,—
На голову ей опрокинул [Гэсэр]
То ведро.
Опрокинув ведро ей на голову,
Дернул за правый он повод
Хулэга-коня своего [голубого]—
[Конь] пестрою дернул щекою.
И правой ударил рукою,
По бедренной кости ударил—
И взвился [конь]
Вихрем,
И прыгая белкой,
Умчался [хулэг],
Вслед за тем,
С расстоянья, доступного глазу,
[Гэсэр] повернулся назад, посмотрел:
Что же там происходит?
Там красные черви и белые черви
Кишели кишмя
На девяти десятинах земли.
Поднималось огромное красное пламя,
Огромное синее пламя.
Та могучая тетка-холхи,
Изменившись,
Пришла,
Чай с сахаром стала варить.
Вслед за тем,
Растянувшись, упала она,
А затем
Развалившись, лежала.
По ханской широкой дороге
Со звоном и рысью поехал [Гэсэр],
По народной дороге прямой
Он, мелькая, поехал рысцой.
И тех двух мангадхаев
Едва он догнал.
Погоняя коней,
Обгоняя друг друга, скакали они.
Асурайский желтый мангадхай,
Что имеет тринадцать голов, [говорил]:
«Старшой, ты нас к месту убийства ведешь,
Или к месту спасенья ведешь?»
С разговором таким они ехали рысью.—
«Абай Гэсэр-хубун—
Это бог
Настоящий, живой.

Оложо үхэб гэһэн хойноо
Мани алажа шуһай манай ууха,
Мяхай манайшье идихэгүй юм.
Абай Гэсэр хүбүүни

Хүүрээрэн ябаһан хүүхэн
Үе соогоо үлдэхэгүйл.
Тэрүүнэһээн сааша ла хүсэлдэжэ
Гурбууландаа боложо
Дугшуулажа хатаба —

— Танда хани болобо
Үбэли ехэ хүйтэндэ
Дааража гүй дайдада
Абаадажа ябанам,
Нажирай ехэ халуунда
Халуудах гүй газари танда олооб! гэжэ
Ошолдоно бэлэйл даа.
Хараа бараа хархадаа
— Энэ ехэ мээстэдэ хүдэлэлдэхэ байнат таа.
— Ямар олон амитан эндэш
Хүдэлэжэ байха юм даа?
Заямха барюулха хүүхэн даа
Үсөөн амитан
Елээр хайшин гэжэ бариха юм?
Одоной ло бэлэй.

— Эндэ хани хүдэлхэ хадаа
Ойро ханай болооб ди! гэжэ
Инеэлдэжэ яббал даа.
Гушан гурбан бахтиирын
Мугүй далдан байба ла.
Тэрэ ехэ хүрхэн тама дээрэ
Хүрхэдээ болобо —
Гушан гурбан бахтиирын бололдожо
Тамхилжа һуугаа гэхэн юмэ даа.
Эндэ юүгээ хани мугүйдааб та? гэжэ.

Үнөөхилэ далан долоон толгойто
Даньял шара мангадхай
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
Эгээн ехэ бахтиирын
Хэлэлдэнэ бэлэй лэ:
— Энэ ехэ шулууе
Хуухан татажа абахаа дар
Яахайн яахаар ядаал ди!— гэжэ,
Энэ ехэ шулууе
Абаша хаяа хадаа
Үгээршэ үгээ баян
Энэ нүхүн соол,
Үншөршэ үгээ үнэр
Энэ нүхэн соол,
Адаһа араата хоёр

Энэ нүхэн соо дүүрэн лэ,—
Бэлшэжэ ябаха юмэ! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэ бэлэйл даа.

Раз сказал:
Найду место, чтоб вас поселить,—
Нас убив, нашей крови не будет он пить
Да и нашим-то мясом не будет он питаться.
И кто будет так жить,
Как сказал Абай Гэсэр-хубун,
Тот голодным не будет навек»,— говорили.
Здесь [снова] догнал их [Гэсэр]—
И поехали рысью
Втроем.
«Я веду вас туда,
Где в большие морозы зимою
Не будете мерзнуть,
Такую вам землю нашел,
Что в жару вы палящую лета
Не будете даже потеть!»—
Говоря, с ними ехал [Гэсэр].
И всмотревшись он вдаль, говорил:
«Вы на этом обширнейшем месте работать должны!»—
«Да как много людей-то
Работают здесь у тебя?»— [так спросили его].—
«Если мало народу,
То можно заимку
Построить в течение года?»—
Вопросом ответил [Гэсэр].
«Коли здесь мы работать должны,
То уж близко совсем»,—
Говоря и смеясь, они ехали дальше.
Там махали колотушками
Тридцать три батора[112],
А когда же подъехали
К самой поверхности страшного ада, увидели:
Сидели, курили там
Тридцать три батора.
«Что колотушками бьете вы тут?»—
Так спросил их
Даньяльский желтый мангадхай,
Что семьдесят семь имеет голов.
Самый старший их батор
Сказал:
«Мы пытаемся вытащить
Этот огромнейший камень,
Но не можем никак!
Если вытащить, выкинуть
Этот огромнейший камень,
То в этой-то яме
Богатство такое, что бедным не будешь,
Вот в этой-то яме
Есть счастье такое, что ты сиротою не будешь.
Вот в этой-то яме
И скот да и звери
Пасутся!»

Тэрэ хоёр мангадхай
Хоюуландаа ошожо
Таталдажа байбал даа.
Яаха яахаар хүдэлгэжэ
Ядалдажа байба ла.
Абай Гэсэр хүбүүн гээшэ
Ошолдоһон биеэрээ
Үрөөһэн һайхан гараараа
Тэрэ һайхан шулууе
Ходо татан абажа,
Тэрэ ехэ нүхэн уруу
Хоёр мангад ахаяа
Орыт! гэжэ хэлэбэл даа.
Харал ехэ тамада
Хаахаяа игээгүйш таа?
Хүр ехэ тамада
Хүнхэнүүлхээ игээгүй таа?
— Үгээршэ үгэ баян
Энээн соо гэнэ ханим!
Үхэшэ үгэ үнөр
Энэн соо гэнэ ханим!
Минии хүүри итеэгээ үгээ хадаа

Ошожо шагаажа хархатнайгааб!
Ошолдожо харабала —
Хүлһөөн барижа
Тэрэ нүхэ уруугаа
Шэндэгээдэн орхибол.
Арбан гурбан толгойто
Асуурай шара мангадхай
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа:
— Ахай мани хаана аабадахаяа ябааб
Абай Гэсэр хүбүүн? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлээһэм угаһаа!
Арга талаяа бэдэрье гэжэ хэлжэ ядаа һам.
Хэзээ эннэһээ үлэхэһэмди даа!
Хара ехэ тамада
Хаагдахаяа ерһэн газар! — гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Үгээ болон байба даа.
Үхэрээ хани шинээн
Үүхэн хара шулуугаа оруулжа
Даража ла орхиһониин тэрэһэн гэлэй.

⁂

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Одоной ло бэлэй лэ —
Тэхэрэнэ бэлэйл даа
Аян шаһа алдаба.
Газар тээшээ гальюулжа
Гэрхэн тээшээ гэшхүлжэ
Ябаа гээшэн юмэ даа.
Газар дайда дээрэ даа
Одоо шье юушье үлээгээ гүй
Арилгаба байнам! гэжэ
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлжэ,
Газар тээшээ гальюулжа

Так [батор] сказал.
Те два мангадхая
Туда подошли,
И тянуть они стали.
Но с места-то сдвинуть
Никак не могли.
Абай Гэсэр-хубун
Подошел
И одною могучей рукою
Тот камень огромный
Он сразу поднял,
Тем двум мангадхаям
Сказал: «Спуститесь!»,
Чтоб в страшную яму [спустились] они.
«Запереть собираешься,
В черном страшнейшем аду,
Чтобы в ад ужасающий, страшный
Слетели мы с гулом.» — сказали они —
«Говорю же, что здесь
Богатство такое, что бедным не будешь,
Говорю же, что здесь
Благодать — даже смерть не возьмет!

Не верите мне,
Так идите взгляните!»
Подошли [мангадхаи], взглянули —
Взяв за ноги их,
В ту яму
Он бросил.
Асурайский желтый мангадхай,
Что имеет тринадцать голов,
Произнес:
«Говорил я давно;
Старший брат мой, куда нас ведет
Абай Гэсэр-хубун?
Говорил же я сколько: поищем мы способ спасенья.
Конечно, на большее мы не годимся!
Приехали, чтобы закрыли нас
В черном страшнейшем аду!»
Говорил он такие слова,
А [затем мангадхаи] исчезли.
Спустил тут [Гэсэр]
Черный кварцевый камень с быка,

⁂

Придавил [мангадхаев].
Вслед за тем
Было именно так:
Возвращался обратно [Гэсэр],
Был в волнении большом.
Он поехал домой
И помчался на родину он.
Говорят.
«Истребил
Всех врагов
На земле моей, в мире!» — сказал.
Он поехал домой,

Ябхада болобо —
Талмиин сагаан хээрхэндэ
Ташиганама добуун тэндэ байбал.
Тэрэ ехэ добуун дээрэ
Арбан хүүни тэбэржэ хүрхэгүй
Ажагар улаан шунэһэни
Түгсэн тэндэ байбал.
Тэрэ түгсэйн хажууда,
Хүрхэлэ түгсэйн хажууда
Хүрхэдэ болобо
Хүйтэн хара булаг гээшэ
Мэлэгэрэн байба ла.
Тэрэ ехэ уһанһаа
Морёо шье уһалба,
Бэеэрээ шье уубал даа.
Тэрэ ехэ түгүсүг дээрэ
Һухай эштээ ташуураа
Табилдажа орхёод ло —
Одоошье энэ дайда дээрэ
Юушье үлээн үгээ барибааг би?
Дуудажа үзэхэ байна гэжэ
Элигэеэ хахалба —
Эрээн хэниг гаргаба,
Маньялаяа хахалба,—

Майдар шара хэнние
Гаргажа абаба.
Гаргажа абаад ла
Дуудана бэлэй лэ.
Аян шаяа алдаба —
Гагуурай Ногоон дүүхээ гээшэ
Шара далайн шанаада
Гаршин ошоо гэжэ
Дуудана бэлэй лэ.
Ёрон долоон толгойтой
Ёбсоголдой шара мангадхайтаяа
Хоюуландаа гарша
Шара далайн шанаада
Үбүһэн үрьеэг, хулаһахан хутаар
Барилдажа абаад байна.

Аян шаяа алдаба,
Абай Гэсэр хүбүүгээ
Хайшин гэжэ дараха бэлэй?
Яашин гэжэ дараха бэлэй! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэнэл.
Гурбадахи һүни лэ
Һүйн тэнхэн барагта
Һүрэ дорон орхо гэжэ
Хэлсэжэ байба ла —
Унтаанда ла болобо.
Подвалиин соохон хибээд лэ,
Поолиин соохон хибээд лэ
Хоюуландаа аргайн оложо үзэхэ гэжэ
Һуугаа гэхэн юмэл даа
Ёрон долоон толгойто,
Ёргоон һургааг эбэртэ,

Он помчался к родимым местам.
На пути его
В светлой Талминской степи
Находился грохочущий холм,
А на том знаменитом холме
Находился пень
Исполинской багровой лиственницы,
Что десяток людей не обхватят.
Когда он доехал
До этого пня,
То там чистый холодный родник
С переливом блестел.
Родниковую чистую воду

Коню дал напиться,
И сам он попил.
Свой кнут с кнутовищем из ивы
На пень исполинский
[Гэсэр] положил.
«Наконец-то на этой земле
Уничтожил [врагов], никого не оставив?
Но надо прочесть»,—говоря,
Свою печень разрезал
И пеструю книгу достал,
Расколол он свой лоб
Да и майдари желтую книгу
Достал.
А достав,
Стал читать он
В волнении большом.
Прочитал:
«Гагурай Ногон-духэй
Уехала на полуостров
Желтого моря.
И уехала вместе
С Иобсоголдоем желтым мангадхаем,
Имеющим шестьдесят шесть голов,
И на том полуострове Желтого моря живут,
В сенном балаганчике и камышовом шалашике,
Построенном ими.
Они в затруднении большом:
«Каким образом, как победить
Абай Гэсэр-хубуна?
Как его одолеть?»
Только об этом у них разговор.
И на третью-то ночь,
Приблизительно в полночь,
Они под дворец твой
Забраться решили.
И сидя вдвоем, говорят,
Что когда ты уснешь,
Из подвала [дворца]
Они пол прогрызут насквозь,
А затем как-нибудь одолеют тебя.
Мангадхаю тому,

Мангад хүгшэн ахаяа
Мүнхүйн хара уһайе
Асарна бэлэй лэ,
Нюдэ үгээ бэеыен
Нюдэлүүлэн абша,
Ама үгээ бэеыен
Амалуулан абша,
Зугаа найраа хэлдэжэ
Шара далаяа шанаада
Һуугаа гэхэ юмэл даа.
Абай Гэсэр гээшэ
— Юумэйм зайхан түйдүүд
Эндэ бодоо хаям! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлээд лэ,
Маньялалайдаа майдарья шара хэнние
Мэндэн һандан хабшуулба.
Ан шаяа алдалай —
Элигээ лэ хахалаад
Элигэнээ эрээн һайхан зүдхэдэ
Эрээн һайхан хэниигээ
Хадалгаһан биеэрээ
Хүйлэн хүхэ мориндоо
Алабхижа аһаад ла —
Ерхэ ехэ дайсуйе
Халуу нугудаа оруулха үгүйл.
Мэнэн хүүрээ хэлэһэн биеэрээ
Ара гэрээн зүүн хани хойшоо ло
Одон бэтэ зуралзуулан арилба,
Ошон бэтэ һүрэлүүлэн арилба.

Үдэршиин газарта хүрхэдэ
Һухай эштээ ташуураар
Мори сохихом гэхэдэ
Юухэн ханай үгээ балай байбал даа.
Тархияа хатаһуу!
Имэ тархи абша-ла ябанхаар
Таһа сабшан унагаахада хэрэгтэйлэн
Морёошье зобоохом хаям;
Бэеэ-шье зобоохом хаям! гэжэ
Тэхэржэ хатарбал —
Талмиин сагаан хээртэ,
Ташаганма добуундаа
Ерэлсэнэ бэлэйл даа—
Һухай эштэй ташууриин
Түгсэг дээрээ байба ла.
Золтой урайгшатай ябаха хадам
Нэгэшье юумэ ябаал үгээ
Минаа минии байгаа! гэжэ
Баярлажа абша
Хатаржа орхибо.
Һөөрэгшөө тэхэржэ —
Холо байһан юумэйе
Ойро болгон хатаргаба,
Хоёр байһан ялгайн
Нэгэдхэжэ хатарабал.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Шара бүрүн далайһаан

У которого шесть, словно жерди, рогов.
Шестьдесят шесть голов.
Живую воду
Она принесла
Да и сделала
Зрячим слепого его.
Говорящим —
Немого,
И веселье-гулянье устроив.
Живут они
На полуострове Желтого моря».
Абай Гэсэр,
[Прочитав], говорил:
«А вот где поднялись
Лиходеи-противники [рода людского]!»
И майдари желтую книгу
В свой лоб торопливо-поспешно засунул
В волнении большом
Свою печень разрезав,
Он в место надежное в печени
Пеструю мудрую книгу
Запрятал.
[Затем] он вскочил
На коня своего голубого.
«Могучего недруга, что нападет [на меня],
На любимую землю родную нельзя пропускать»,
Говорил Абай Гэсэр-хубун.
Он на северо-восток от северной юрты
Умчался, звездою мелькая,
Умчался, взлетая, как искра.
Когда, расстоянье дневное проехав,
Хотел он ударить коня
Кнутом с кнутовищем из ивы,
Но не оказалось [кнута].
«Голова, ты отсохни!
Чем с такой головою мне жить,—
Отрубить ее лучше!
Зря коня я помучу,
Себя зря помучу!»—сказав,
Он помчался назад.
На Талминскую светлую степь,
На грохочущий холм
Он приехал —
На пне же лежал
Его кнут с кнутовищем из ивы.
«Удача и счастье сопутствуют мне —
Никого тут и не было,
Кнут уцелел!»—говоря так,
Он радостно поднял [свой кнут]
И обратно помчал.
На обратном пути
Он скакал,
Приближая далекое
И за одну принимая
Две пади.
Вслед за тем,

Нааша ла болобо —
Мангад хүгшэн ахай гээшэ
Гагуурай Ногоон дүүхээтээ
Хушуу холбон зугаалажа яббал даа.
Абай Гэсэр хүбүүни
Хараа хараһан биеэрээ
— Үдыһээн абан
Түды болсо түлгээһэн атхаш!
Абай Гэсэр хүбүүнтээ һуугаа хадаа
Юутэй-шье һууха бэлэйб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ.
Абайл Гэсэр хүбүүндээ
Шамай хани сохи сохиһоор абааша
Адаһан идэн хоёрын
Харуулажа ябахамни,
Хуһан ехэ гульдаараа
Сохилдожо ябаба.
Золголдоно бэлэй лэ.
Абай Гэсэр хүбүүм ни
Намаяа тошо ерээ гэжэ,
Хара бага наһандаа
Ниилэһэн зөөри бэлэй,
Халуун ехэ шуһандаа
Хамтал болһон бэе бэлэйл!
Одоной ло бэлэй.
Абай Гэсэр хүбүүн даа
Ай гэхэ бэлэй лэ.
Энэ түйдхэн түрээдхэн хоёроо
Хаана ла абааднаш!
— Ябагтуй! эндэ хани
Адуу идээ харха газартаа
Танаа — хани абаадахам! гэжэ

Туулдана бэлэйл даа.
Абаадана бэлэйл даа—
Тамшиин сагаан талда
Ара гэрээн зүүн хани урайгшан
Абаадана бэлэйл даа.
Тамшиин сагаан талда
Гурбалжаанай гурбан харгуй байнал даа.
Гурбан харгуйн бэлшэртэ
Арбан хани хүүни тэбэржэ хүрхэгүй
Ажагар улаан шүнүһэн даа
Ургажа байбал даа.
Тэрэ ехэ шүнһэндөө
Зүүн урда тулгада
Мангад хүгшэн ахаяа
— Хүүнээхидэ хүртэһэн
Хүртэһэндээ шамарлаһан хүүхэн
Энэ шүнэһэ өөдэ
Үеын ханай үедэлэ,
Бэеын ханай бэедэ
Хүдэлөө үгээ гохойжо байха юм!

Гозойлгожо байлгаһан биеэрээ
Ерэн боргуй хадааһаар
Ебтэл барин хадаба,

По эту-то сторону
Желтого мрачного моря
Ехала Гагурай Ногон-духэй.
Уста к устам беседуя
С тем мангадхаем.
Увидев [издалека]
Абай Гэсэр-хубуна,
Она такие слова говорила:
«Ты, черт, сколько времени
Мучил меня!
Жила бы я вместе с Абай Гэсэр-хубуном.
Имела бы все.
Избивая, тебя приведу
К Абай Гэсэр-хубуну,
Чтоб пас ты
Его табуны и стада».
И березовой толстой дубиной
Она колотила его.
Они встретились тут.
«Мой Абай Гэсэр-хубун,
Кто вместе со мной
С малолетства,
Приехал навстречу, ко мне!
Так со мною он связан,
Что связь та — в горячей крови! —
Говорила она.—
Абай Гэсэр-хубун,—
Как не скажешь тут: «Ай!»—
Это зло и несчастье
Куда поведешь?»—
«Идите!
В то место я вас поведу,
Где пасти вам стада, табуны!»—
Говоря, он погнал.
И погнал
На Тамшинскую светлую степь,
Он погнал их
От северной юрты на юго-восток
Три дороги имеется
В светлой Тамшинской степи.
На их перепутье растет
Исполинская
Красная лиственница,
Что десяток людей не обхватит.
У юго-восточной опоры
Огромной той лиственницы
Мангадхая поставив, [сказал]:
«Человек, что отведав чужого,
Еще недоволен отведанным,
Должен стоять неподвижно, вытянув шею.
Навеки,
Всю жизнь
У этой вот лиственницы!»
И, поставив его,
Девяноста винтами-гвоздями
Насквозь пригвоздил,

Далан боргуй хадааhаар
Дабхар барин хадана бэлэйл даа.
Ерэн табан шуругаар
Эршэлэжэ хадажа хаяба.
Доодо биеэдэн тодобол
Түмүр хара боошхые
Тодолдожо орхибо —
Сээжэ биедэн хадхаба
Мохоо хотигүй хадхаба.
Энэ хани мангадхайн
Мяханhаа болобо
Нэгэтэ зууха мяхайе —
Эрэ хүүхэн ерээ хадаа
Отоложо хаятгайг!
Хаяал үгээ хадаа даа
Энээнээ зангаар загнуулха,
Энээни хууляар хуулялуулха!

Эзы хүүхэн ерээ хадаа
Энэ хани хайшаарам
Энэ мангад ахайн мяханhаа
Нэгэтэ зууха мяхайе
Хайшалжа хаяха даа!

Хаяал үгээ хадаа даа
Энни зангаар загнуулха
Энээни хууляар хуулядуулха! гэжэ,
Тэрэ ехэ шэнүhөни
Эбэр биедэн зурабал даа.

Алаг эрээн саарhай
Зурхажа байлгана бэлэйл даа.
Энэ ехэ мангадхайм
Үеын ханай үедэ,

Бэеын ханай бэедэ
Бүхэн ханай үхээрэйш!
Утаhани шинээн
Улаан голдоо торожо
Улижа сохижо. байгаарай.
Одоной ло бэлэй.
— Эрьеэ голоhон эмэйн
Ябадал нимэ!
Ябья! гэжэ туулдана бэлэйл даа.
Тэрэ ехэ гурбалжаани харгуйн
Зүүн урда бэлшэртэн
Алта мүнгүн уляаhан
Ургаhан юмэ лэ.
Тэрэ ехэ уляаhанда
Абаадана бэлэйл даа.
Абаадажа эрьеэ голоhон эмэ гээшэ

Энээ өөдэ байха юмэ!
Гозойлгожо байлгаад
Ерэн борогүй хадааhаар
Доошон хани болобо —
Газарта шье хүргэл үгээ,
Дээшэн шье болобол даа

И семьюдесятью винтовыми гвоздями
В два ряда его пригвоздил,
Девяноста пятью шурупами
Он завинтил.
Под него он подставил
Железную черную бочку.
Подставив так бочку,
Воткнул в его грудь он,
Воткнул тупой нож.
«Коль мужчина придет,
То от мяса его, мангадхая,
Отрежет пускай
Столько мяса, что можно зубами схватить.
[В эту бочку] и кинет [то мясо]
А если не бросит,
То будет наказан, как этот,
Такая же кара постигнет его!
Коли женщина будет,—
То этими ножницами моими
От мяса его, мангадхая,
Отрежет пускай
Столько мяса, что можно зубами схватить,
[В эту бочку] и кинет [то мясо]!
А если не бросит,—
Наказана будет, как этот,
Такая же кара постигнет ее!»—
Написал на огромной той лиственнице,
На передней ее стороне.
Написал он на пестрой бумаге, прибил:
«И пускай ты, злодей-мангадхай,
И во веки веков
И на веки-то вечные
Не умирай!
Да и плачь и рыдай,
Кое-как держась
На артерии, ставшей подобною шелковой [нити]!»
Так именно было.
«Таковы похождения
Бабы, оставившей мужа!
Пошли!»—говоря, он погнал [Гагурай].
На юго-восточном [краю] перепутья
Тех трех знаменитых дорог
Злато-серебряная осина
Росла.
К той огромной осине
Повел он ее.
Приведя, говорил ей, что баба, что бросила мужа,
Должна здесь стоять!
Поставив ее,
Девяноста гвоздями-винтами
Прибил ее так,
Что [ноги] ее
Не касались земли,

Гэшүүһэндэ шье хүргээгүй
Хадалдана бэлэйл даа.
— Багтай эндэ иижэ зохолгоёо хана гэжэ!
Хадалдажа байбал даа.

— Абай Гэсэр хүбүүн, яалайш?
Алаха хадаа гагсата сохёод алхашня гааб,
Абарха хадаа намай юундэ иижэ
Зобоохожо орхихошнэб?
Хэлэн хүүнэн байба даа.

Эрьеэ голоһон эзын хуули иимэ юүмэ!
Одоной ло бэлэй
Мангад хүгшүн ахайда
Дурлаһан броошхиин арга иимэ.
Гурбан сэгээн һарада

Иижэ лэ хилансаеы гаргаад ла
Абаадахаб шамаяа! гэжэ
Инеэн наадан байгаад хадана бэлэйл даа.
Ерэн борогүй хадааһаар
Ебтэ барин хадаба,
Далан борогүй хадааһаар
Дабхар барин хадаба,
Ерэн табан шурагааран
Эрьюүлэжэ орхибо —
Энэ ехэ уляаһам
Хэзэйн хани хэбтэ
Бүхэн ханай хуурайлаарайш!
Энэ ханай эмэм ни
Хэзээ хэбтэ, хэтүйн яргалда
Бү үхээрээш!
Утаһани шинээн улаан голдоо торожо
Улижа сохижо байгаарайл даа!
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Мохоо хотигүй гаргаба —
Сээжэ дээрэн хадхаба,
Эрэ хүүхэн ерхэдээ
Сахюурай шинээн мяхайе
Энэ ехэ боошходом
Отолжо хаяатагай!
Хаял үгээ хадаа —
Энээни зангаар загнуулха
Энээни хуляар хууляалуулан байха!
Эзы хүүхэн ябаал хадаа
Энэ эмэйн мяханһаа
Нэгэнһээ зууха мяхайе
Энэ ехэ хайшаарам
Хайшалжа хаятгайг!
Хаяал үгээ хүүхэн
Энээнээ зангаар загнуулха,
Энээни хууляар хууляалуулха!

Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тэрэ ехэ уляаһанаа

[Голова]
Не касалась ветвей.
«Свои страсти немного вот так унимай!»[113]
Говоря прибивал.

«Абай Гэсэр-хубун, что с тобой?
Если хочешь убить, так ударом одним и убей,
Если хочешь спасти,
То зачем в таких муках меня оставляешь?»—
Она умоляла-просила его.
«Таково наказание бабы, оставившей мужа!—
Сказал.—
Таково наказанье за страсти твои
К мангадхаю.
В теченье трех месяцев
Способом этим уняв твою похоть,
Увезу я тебя!»—говоря,
Прибивал он со смехом и шуткой.
Девяноста гвоздями-винтами
Насквозь пригвоздил

И семьюдесятью винтовыми гвоздями
В два ряда ее пригвоздил,
Девяноста пятью шурупами
Он завинтил.
«Пусть громадная эта осина моя
Никогда
Пусть не чахнет!
Ты, баба моя,
И во веки веков и на вечное счастье
Без смерти [страдай]!
Да и плачь и рыдай,
Еле-еле держась на артерии,
Ставшей подобною шелковой [нити]».
Вслед за тем
Тупой вытащил нож
И воткнул в ее грудь
«Коль мужчина придет,—
Пусть отрежет он мясо с кремень,
В эту бочку большую и бросит!
А если не бросит,
Он будет наказан, как эта,
Такая же кара постигнет его!
Если женщина будет.—
От мяса вот этой-то бабы
Моими огромными этими ножницами
Отрежет пускай
Столько мяса, что можно зубами схватить,
[В эту бочку] и бросит!
А если не бросит,
То наказана будет, как эта,
Такая же кара постигнет ее!»—написал.
Вслед за тем

Урда биедэн зураба,
Алаг эрээн саарhай
Зуралдажа орхибо.
Энни хайралажа гараhан хүүхэн
Энни хууляар хуулялуулжа
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
— Дарша үгээ юмэдээ
hая мүнөө дарааб даа,
Дайлша үгээ юумэ ши
hая мүнөө дайлаал би!
Гэhэн биеэрээ
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ
Газар тээшээ гайгуулна бэлэй лэ.

* * *

Гэрхэн дээрээ ерхэдээ,
Одоной ло бэлэй лэ.
Ошор Богдо хүбүүн гээшэ
Алтал мүнгэн шагаабараар
Харалдаhан биеэрээ
Баабай мни ербүү гэжэ,
Гүйн харайн гарша,
Хүрин шулуун хүрээ
Хүнхэнсэрэ неэбэл даа,
Хара шулуун хаалгай
Ханхинсара неэжэ тодолдожо
Эсэгээ буулгана бэлэйл даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Эсэгээ болобо
Морин сайхан хүлэйеы
Бэлир мүнгүн сэргэдээ
Уялдажа орхёод ло,
Эсэгээ гүйжа ержэ
Баруун үлаа hугаhаан
hугадажа үргэжэ —
Алта мүнгэн хэрэнсы өөдөө
Алхалдажа хүтэлжэ
Оролдоно бэлэй.
Санхан Гоохон дүүхээ гээшэ
Инеэн наадан hууба ла:
— Энэ хана амидуяа
Хаанhаа олооб гэжэ
hугадажа ябаабши? гэжэ
Хэлэн хүүнэн hуубал даа.
Одоной ло бэлэй
— Ибии, ибии гэнэл би
Ибиитээхэн хүүхэн гээшэ
Ехэл тайгалаар тэнгээ лэ,
Баабайтайхан хүүнхэн гээшэ
Баян тайгалаар тэнгээ юумэл!
Ошор Богдо хүбүүниин
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Инеэн наадан байhаниин тэрэhэн гэлээ.
Эрээ мүнгэн остоолдоо
Идеэлтын hайн табиба,
Улаа мүнгэн остоолдоо
Ундан сайн табиба.
Далан зөөлэн идеэнээ

На большой той осине,
На южной ее стороне написал,
Написал на пестрой бумаге:
«Кто мимо проедет, ее пожалев,
Тот такою же карою будет покаран!»
Вслед за тем,
Говоря:
«Непобедимых врагов
Победил я сейчас,
Неодолимых врагов
Одолел я сейчас!»,
Он поехал домой
И помчался к родимой земле.

* * *

И когда возвращался домой,
Было именно так:
Ошор Богдо-хубун,
В злато-серебряное окошко
Увидев,
Сказал: «Мой отец возвращается!»
Выскочил,
С грохотом гулким открыл он
Ограду коричневую каменную,
С грохотом звонким открыл он
Ворота из черных камней
И отцу слезть [с коня] он помог.
Вслед за тем
Он коня, удалого хулэга
Отца своего,
Привязал
К той коновязи, что из белир-серебра,
Он к отцу подбежал,
И за правую взял он подмышку,
Помог он взойти
На крыльцо злато-серебряное
И войти [во дворец].
Санхан Гохон-духэй
Сидела, смеясь и шутя.
«Ты где этого черта
Нашел
И ведешь его под руку?»—
[Сына] спросила она.
Было именно так.
«Мать моя, говорю,
Человек, коли с матерью,
Равен великой тайге.
Человек, коль с отцом,
То он равен богатой тайге!»
Вот такие слова произнес
Ошор Богдо-хубун.
Улыбаясь, смеясь,
Он стоял, говорят.
И поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол
И на красно-серебряный стол
Из напитков поставили лучшие.
Из семидесяти-то приятнейших

Дабхар зөөлүйн табижа
Идеэлэжэ зугаалажа
Һуугаа гэхэ юмэ лэ.
Хара ехэ уһан дээрэ
Үрмэ байлган зугаалба,
Хабтагайхан шулуун дээрэ
Ногоо ургуулан зугаалба.

Урданай байһан юумэйе
Удан татан зугаалба,
Эртэнээ байһан юумэйе
Эблүүлжэ зугаалба.
Боро хоног шара набша болобол даа.

Обоо зөөлэн орондоо
Оролсоно бэлэйл даа.
Халуун зөөлэн хадуушхадаа орожо
Харьян бурьян нойршобо.
Булган зөөлэн будуушхадаа орожо
Бурьяса харьяса нойршоһониин
Тэрэһэн гэлээ

* * *

Үглөөни үдэйн шарга нарани
Үрөөлүйе бултайжа, үрөөлүйе үдүйдэ
Бодолдоно бэлэй лэ.

Нюурхан гархан хоёроо
Боошхо болхо уһааран
Зэлмээжэн абаба.
Эрээн мүнгэн остоолдоо
Идеэн сайаа табюулба.
Улаан мүнгэн остоолдоо
Ундан саиаа табюулба.
Идеэлнэ зугаална бэлэй лэ.
Табан сэгээн елдэ лэ
Һүүлдэ дайдуяа эрьехэ гэжэ гараад ла
Болоо байнам! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэнэл.
Табан сэгээн елхэн болоо байнал даа
Газар дайда дээрэ даа
Нэгэшье бөөһүй үлөөн үгээ барибаб даа.

Атай Улаан тэнгэриһээш
Аймшатай бэрхэ юумэ байнал!
Хэлэн хүүнэн зугаалбал.
Атайн Улаан тэнгэри
Үндэртөө байжа хаяхаһаан хойшо
Эхэһээ лэ гарахаһаан хойшо
Ходо дайнда ябабаб даа! гэжэ
Зугаалба байба ла.
Сайаһаан бодоно байба ла.
Урай хада би танай
Еро хүрэһэн ибитээ,
Дала хүрэһэн баабайтай ханай би.
Тэрэ хани хоёртоо
Айшалжа ошхомни.
Хүбүүтэй бди гэжэ һанааг даа?

Дважды приятные яства поставив,
Сидели и ели,
Беседу вели.
И беседу вели они так,
Что на чистой и полой воде образовывали пенку.
Беседу вели они так,
Что на камне широком растили траву.
Беседу вели они так,
Что былого пласты поднимали,
Беседу вели они так,
Что все древнее в стройный порядок они приводили.
И сумерки желтыми листьями пали.
Легли тут
В постель свою пухлую, мягкую.
В мягкой и теплой постели
И крепко и сладко уснули.
На мягкой собольей подушке
И сладко и крепко уснули.
Вот так говорят.

* * *

Лишь красное солнце утра
Половиной взошло, половиной еще не взошло
Он поднялся
И бочкой воды
Свои руки, лицо
Он умыл.
И поставили лучшие яства
На пестро-серебряный стол
И на красно-серебряный стол
Из напитков поставили лучшие,
Кушали тут и беседу вели.
«Прошло уже полных пять лет,
Как я выехал, чтобы объехать
Земли моей центр,—
Говорил он.—
Прошло уже полных пять лет.
На земле моей, в мире
Паразита я ни одного не оставил, я всех уничтожил.
И есть пострашнее
Атай Улан-тенгрия!...—
Говорил он.—
С того времени, как находился на небе,
Я сбросил Атай Улан-тенгрия,
Как родился от матери я,
Находился все время в боях,—
Говорил он
И, чаю напившись, поднялся.—
Ведь раньше имел я
Шестидесятилетнюю мать,
Семидесятилетнего отца.
К тем родителям
Съезжу я в гости.
Они же ведь думают:

Хубүү үгээ-бди гэжэ һанжа һуунуу? гэжэ
Инеэн наадан байба ла.
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
Эхэ эсэгэ хоёртоо
Би танай ошхом гэжэ гаралдажа
Ошолдоно бэлэйл даа.
Эхэ эсэгэ хоёрын
Мэдээш үгээ хуушан ханай зангаар
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
Орхожо энэ эрэ эмэ хоёр
Намайи таниха юмүү?
Үгээ юумүү? гэжэ
Оролдожо һууба ла.
Али голой хүбүүм ши? гэжэ
Эсэгэн һуран суран байбал даа.
Ара гэрээн зүүхэн тээ
Түрэһэн гараһан хүүхэм даа! гэжэ
Абай Гэсэр хүбүүн
Һуугаа гэхэн юмэ.
Али хаалуудай хүбүүм ши? гэжэ
Һуран суран һууба ла.
Тиижэ лэ һуухадан,
Ошор Богдо хүбүүн —
Баабай манай
Баабай ибии хоёртоо
Юүгээ хэлсэхэ юумэб гэжэ,
Ошор Богдо хүбүүн
Ошолдожо ороод ло
Шагнажа байба ла.
— Зүүнээ зүгтэ
Зүгээ холо дайдада
Наран доро түрөөб даа,
Наран Гэрэл хаани ла
Нашан Хуймар хүбүүн гээшэб? гэжэ
Хэлэн хүүнэн байна ла.
Тиихэдэ болобо мүнөөхи лэ эсэгэ
— Наран Гэрэл хаани хүбүүн
Байһан юмүүш? гэжэ
Һуран суран байбал даа.
Баабайш хэрхэн архяа уужа байна? гэжэ
Һуралдажа һууна ла.
Һуран суран байхадан,
— Баабай манай гэнэл би
Мүнөө шамалаар барилдаа хадаа
Хаяха ла байнам гэжэ
Шоголжо һууна ла.
— Минии хани болобо
Ерэ хүрэһэн хойно гараһан хүбүүн
Намай мүнөө юундэ хаяхагүй һэм! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.

Абай Гэсэр хүбүүн тнай
Хаана ошооб гэжэ
Һуран суран һууна ла.
— Урай нэгэтэ хэлсээ бэлэйл даа:
Морин ханай боложо
Ёрон долоон тологойтой
Ёбсоголдой Шара мангадхайда

С сыном мы или без сына?»
Вот так говоря, он веселый стоял.
А затем он сказал:
«К отцу я и к матери
Съезжу», сказав, на улицу вышел,
Поехал.
Отец его, мать,
Ничего-то не зная,
По-старому жили,
И к ним он зашел.
«Узнают меня или нет
Эти двое — старик и старуха?»—
Думая так, он сидел.
«Из какой же долины ты, парень?»—
Спросил так отец.
«На востоке от северной юрты
Родившийся я человек»,—
Говоря так, сидел
Абай Гэсэр-хубун.
«Из какого же ханства ты, парень?»—
Спросил так [отец].
В это время
Ошор Богдо-хубун
Зашел к ним
И слушал,—
О чем, интересно,
Отец-то
С отцом своим, с матерью
Будет беседовать.
«Далеко на востоке,
На далекой земле,
Я родился под солнцем,
Нашан Хоймар-хубун я,
Сын Наран Гэрэл-хана»,—
Сказал так [Гэсэр].—
«Ты есть сын
Наран Гэрэл-хана?—
Спросил его
[Старый] отец.—
Как вино попивает отец?»
Так спросил он [Гэсэра].
«Мой отец, говорю,
Если будет бороться с тобою сейчас,
Переборит, конечно»,—
В ответ
Пошутил так [Гэсэр].—
«Почему бы не перебороть,—
Ведь родился он,
Когда шестьдесят мне исполнилось лет!»—
Говорил тот [Гэсэру].—
«Куда же уехал
Абай Гэсэр-хубун ваш?»—
Спросил [стариков].—
«Говорили однажды,—
В коня превратившись,
Находится он
У Йсбсоголдоя желтого мангадхая.

Байна гэжэ хэлсээ бэлэй.
Тииһээр нэгэшье үзөөгүйб.
Тэндээ морин болжо ябаауу яагаауу!
гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ
һугаа гэхэн юмэ лэ.
— Аша хани хүбүүд шэни
Хэрхэн шамаяа идеэлүүлэн
Зугаалуулан байгшаб? гэжэ
Мэнэн хүүрээ һурабал даа.
— Ошор Богдо хүбүүн мэни
Орхёол үгээ харха юм.
Үдэртээ гурба эрьежэ ерэхэ юмэл.
Нүгөө хани хүбүүшиин
Нэгэниин хадаа намалаараа юмэ.
Ошор Богдо хүбүүни
Үгөө хада асаржа үгөөлам даа,
Үгөө үгээ хадан юүшье мэдэхэгүй юмэ.
Хэлэн хүүнэн һуунал даа.
Мэтэр гэсэн биеэрээ:
Тамахи нэгээ татыш! гэжэ
Садхан мүнгүн дааһандаа
Хирмай улаан тамахиие
Үдхалдажа үгэнэ.
Дааһайеы баряад ла —
Уруу өөдэн эрьюүлэжэ һуужа
Шинэлэнэ бэлэй лэ.
— Абай Гэсэр хүбүүни
Дааһашаг юмэб? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Тиихэдэ лэ болобо —
Ошор Богдо хүбүүн
Баабай, баабай гэнэм гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл —
Гаргаһан хүбүүнш бэшүү? гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
— Хүбүүд, хүбүүд гэнэм
Юүмэдэ лэ мартуулжа ошоо хадаа
Мэдэхэд та!
Зуун арба найма хүрэжэ ошооб! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ
— Хүды болсо ябажа ерэжэ
Хаагуураа ошооб ши? гэжэ һайя һэрэжэ
Һуран суран һууба ла.
— Үдэхэһөөн абаад үтэлсөрөө
Дайнаараа алалдаа байнам, баабай гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
Унтахашье нойрхон үгээ ябааб даа,
Идьхэшье хоолой үгээ ябааб даа!
Харашье багадам
Һамгайм асаржа үгэһэншни

Имеющего шестьдесят семь голов.
С той поры я ни разу не слышал.
Быть может, находится там,
превратившись в коня?»—
Говоря вот такие слова,
Он сидел.—
«Как же внуки твои
Тебя кормят,
Поят?»—
Так спросил [старика].—
«Ошор Богдо-мой внук
Без внимания не оставляет.
В день трижды проведывать к нам
приходил.
Из других же его сыновей
Проживает со мною один.
Коль Ошор Богдо—наш внук—
[Еду] принеся, нам подаст,—хорошо
Коли нет,—не заботится больше
никто»,—
Так [старик] отвечал.
Вслед за тем Гэсэр сказал:
«Ты разочек табак закури!»
Говоря так,
Зачерпнул своей трубкой серебряной
Красный табак свой
И подал ее [старику].
И держа его трубку,
Рассматривал тот,
Поворачивая то вниз, то вверх.
«Как на трубку Абай Гэсэр-хубуна
Похожа она!»—
Удивился [старик].
И тогда
Ошор Богдо-хубун
[К старику] обратился:
«Мой дедушка, дедушка,
Разве рожден не тобой он,
Не твой разве сын?»—
«Мои дети, вы, дети, скажу,
Когда будете сами забыты,
Тогда и узнаете!
Сто восемь исполнилось мне!—
Говорил он, [старик].—
Как долго ты ездил
И где же ты был?» Он, [Гэсэра] узнав
И опомнившись, спрашивал так.
И ответил [Гэсэр]:
«От рожденья до старости
Бился с врагами, отец!
Спать мне — сна не бывало,
Есть — еды не бывало*!
Ты в детстве моем
Жену мне привел.

* Идиоматическое выражение, означающее: было не до сна, не до еды.

Аша ханай хүбүүд шэни
Шамаяа хари хараа талгаа байна.
— Ошор Богдуйн гараа үгээ хада
Намшаг ла хүүни
Ябаһаниишье адали
Үгэйнчье адалил.
Ошор Богдо хүбүүм ни
Орхёо үгээ бэйба даа —
Аян шаяа алдаба —
Гаргаһан хүбүүнээ туһай
Мэдээ үгээ байбаб даа —
Үргэһэн ашаяа туһай үзээб даа! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэжэ,

Үргэһэн ашадаа гомодоол үгээ байнал би.
Абай Гэсэр хүбүүе
Үргэхэдээшье үргөө һэм,
Гаргахадаашье гаргаа һэм —
Үбэһэхэн урьөөгтө хэбтэһэн бэем ни!

Абай Гэсэр хүбүүни эрэ боложо
Морин борбиёо гээхэһээн хойшо ло
Халуун зөөлэн хадуушхин дээрэ
унтааһам,
Булаган зөөлэн будуушхадаа унтааһам!
Үбүһэхэн урьөөгтөл хэбтэһэн бэе!
Ехэ саган гооронсойн
Оёорто ло орходоо
Ехээр баяр баярлаа һам.
Тэрээнһээ хойшо,
Абай Гэсэр хүбүүни
Муухан борбиёо гээхэһээн хойшо.
Эрэ болхоһоон хойшо.
Ошор Богдуйн гараһанһаа хойшо.
Абай Гэсэр хүбүүйи
Үзэхэмшье үсөөхэн.
Галта Улаан тэнгэриин
Гагуурай Ногоон дүүхээдэ
Гарахаһаан хойшо ло
Үзээшье үгээб гэжэ
Һуугаа гэхэн юмэ лэ.
Ёро хүрэһэн ибии лэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа:
Гагуурай Ногоон дүүхэйе
Буулгахадан болобо
Юһүн үдэр, юһүн һүни
Ходо һогтуу байгаа-гуай-һам ши! гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл.
Тэрээнһээ һүүлдэ лэ,
Хурим харюулхаһаан хойшо ло
Ошор Богдо хүбүүндээ
Тура барижа байхадан
Үзээ үгээ хаана хэбтэһэн юумэб ши?
Тэрээнһээ хойшхиин даа
Морин болоо гэхүй дуулаа һам,
Тэрээнһээн хойшо
Юушье дуулаа үгээб даа! гэжэ
Ёро хүрэһэн ибии
Һуугаа гэхэн юмэ.

Хорошо, что внуки твои
О тебе проявляли заботу».—
Старик говорил:
«Не родился б Ошор Богдо—
Человеку, подобному мне,
Безразлично бы было, что жить,
Что не жить.
Не оставил меня
Мой внук Ошор Богдо,—
Волнуясь, [старик] говорил.—
Но от сына, рожденного мной,
Я не видел подмоги сыновней.
Я видел подмоги от внука, что
вырастил сам,
И на внука, что вырастил я,
не имею обиды,
Абай Гэсэр-хубуна
Родить я родил,
И растить я растил,
И в сенном шалаше с ним лежал!
Как Абай Гэсэр-хубун стал мужчиной,
Голень свою конскую он потерял[114],
Так на теплой и мягкой постели я спал,
И на мягкой собольей подушке я спал!
И в сенном шалаше я полеживал!

Когда перешел я
В огромную белую горницу,
Сильную радость почувствовал я.
С той поры,
Как Абай Гэсэр-хубун
Худую голень потерял,
Как мужчиною стал,
Как родился Ошор Богдо,
Абай Гэсэр-хубуна
Я видел немного.
Как поднялся [Гэсэр]
За Гагурай Ногон-духэй
Галта Улан-тенгрия,
Так его и не видел, кажись»,—
Говоря так, сидел.
Шестидесятилетняя мать
Говорила:
«Когда он спустил
Гагурай Ногон-духэй,
Девять ты дней да и девять ночей,
Непрерывно, пьянешенький был!—
Говорила она.—
А затем,
Когда свадьбу свою проводив,
Ошор Богдо-хубуну
Строил он дом,
Ты где же лежал, не видя его?
После этого слышала я,
Что в коня превратился,
Но больше
Не слышала я ничего!»
Так промолвив, сидела
Шестидесятилетняя мать.

— Бэрэ шэни шамаяа
Хэрхэн идэлүүлжэ байгша һам
Мэнии морин болхоһоо хойшо? гэжэ
Һуран суран байбал даа.
Санхан Гоохон дүүхээн
Эннэһээ ууртай бэрхэ түргэн хадан,
Хоолой хоши үгөөл үгээ хадан
Юүгээрээ тулужа һугаа гэжэ һанааб ши?
Тэрэ мэни — гэнэл би —
Үлдөөдшье һуухадам
Мэдэжэ асаран үхэ юмэл,
Даараадшье һуугаа хадам
Мэдээд хубсалуулаад һууха юмэл.
Хүүн хадаа болоо ло —
Үдүжэ ябхадаа
Өөрьеө хүшээр олохо юмэ,
Үтөлжэ ошходоо
Үриеэ хүшээр һууха юмэ байнал.
Асараһаншье бэридээ
Нэгэ гомойгоо гүйб!
Гаргаһаншье хүбүүндээ
Нэгэ гомогойгоо гүйб!
Үргэһэншье ашанагтаа
Гомойгоо гүйб!
Урайниин багтай һэнэгтэй ябхадаа
Хоёр гэртээ ошожо
Идеэлэжэ байгаа һам.

Юүшье ялахаяа болоходоо
— Энэ шинии турайе
Нэгэ буланьеы эжэлээд хэбтэгшэб.
— Таа ехэ гомодолтой байна гэжэ
Ерээ хам найб.
Мэнии хани үгээдэ
Хүүн идеэлэһэн юмүү?
Үгээ юумүү? гээхам найб.
— Бэрэдээшье гомойгоо гүйб,
Ашадаа шье гомойгоо гүйб,

Гаргаһан нэгэтэ үридээшье
Гомойгоогүйб.
— Эсэгэ хүүе гомойлгоо ло болоо хада
Һүмэр уула шэргэхэ юм гэхүй дуулаа һам.
Эхэ хүүе гомойлгоо болходоо
Һүн далай ширгэхэл гэхүй дуулаа һам.
Баабай ибии хоёртоо
Баярлажа харихам даа.
Баян сагаан түүхэ хударaa
Хэлэхэжэ харихам даа.
Баабайм баяртай ябаһан хойно
Мэнии гурбан хүбүүн
Мэнии зангаар харгүй бии?
Баабай ибии хоёр
Баяртай һайн байеы таа!

Би танай харихам даа!—гэжэ
Газаа тээшээ гарана бэлэйл даа.

Улигер захадбаа.

«После того, как я превратился в коня,
Как невестка
Кормила тебя?»—
Так спросил [свою мать].
«Коль Санхан Гохон-духэй
Была бы сердитой и злой,
Не давала б мне пищу она,
Чем бы питалась я, думаешь ты?
Невестка моя, говорю,
Приносила мне пищу,
Узнав, что голодной сижу;
Одевала меня,
Догадавшись, что мерзну.
Человек,
Что растет,
Своей силой находит, [что надо ему],
А когда он стареет—
Живет он поддержкой детей.
На невестку, тобой приведенную,
Не обижалась ни разу,
На сына, рожденного мною,
Я не обижалась ни разу!
На внуков, которых растила,
Я не обижаюсь!
А раньше, когда я здоровьем покрепче была,
В двух домах я жила
И кормилась.
Когда уж ослабла совсем,
Я лежу в уголке
Твоего вот этого дома»,—
«Пришел я, считая,
Что очень обижены вы,
[Потому] и спросил я: в моем-то отсутствии
Люди кормили вас,
Иль не кормили?»—
[сказал им Гэсэр].—
«На невестку я не обижаюсь,
На внука я не обижаюсь,
На сына, рожденного мною,
Я не обижаюсь»,—[отец говорил].—
«Коль обидеть отца,
То провалятся горы Һумер, говорят.
Коль обидеть и мать,
Испарится молочное море, я слышал.
На отца своего и на мать
Благодарный уеду.
О богатых и светлых делах
Я рассказывать буду повсюду.
Коль отец благодарный [и радостный] будет,
То пусть и мои-то три сына
Пойдут по пути моему.
Мой отец, моя мать,
Будьте радостны, счастливы вы!
Я уеду!»—сказав,
Он на улицу вышел.

Конец улигера.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 1.

1. **Абай** встречается только в улигере „Гэсэр" и относитси к имени Гэсэр. В разговорном языке бурят оно не употребительно. Самостоятельно это слово упоминается в „Гэсэре" в одном лишь месте, например: Абай! Хэни хүбүүн, хэнхэн бэлэйш? „Абай! Чей же сын, как тебя звать?" (22 стр.) А во всех остальных случаях оно встречается в качестве эпитета к имени Гэсэр, выражающего почтительное отношение. Имеется несколько похожая форма в бурятском языке аба „отец, папа". В телеут. „батюшка". В древне-тюркских письменных памятниках сохранилось слово a q a в значении „отец". Suv 620/20. 623.

Тюркское a q a i и бурятское а б а й этимологически восходят к одному слову, ибо чередование *б~х* встречается часто даже внутри монгольских языков, например, д э г э л~д э б э л „шуба", ө б э р э~ө ө р э~өгэрэ „сам", э б ү ү л~э г у л „зима". Сходство форм а б а й и а х а й доказывается фонетическим чередованием б~х. Единсто их генезиса не вызывает сомнений. В эхирит-булагатском диалекте а х а й понимается как „старшая сестра и брат", но а б а й „старший брат", resp. „милый, дорогой". В последних значениях встречается *слово а б а й в улигере „Гэсэр"*.

2. **Девять ветвей Гэсэра.** Под „ветвями" понимается обыкновенно отдельные циклы боевых эпизодов Гэсэра. Эти „ветви" песен связаны между собою единой идеей и содержанием. Бурятское слово һ а л а а, имеющееся в „Гэсэре", нами переведено дословно „ветвь". Ошибкой не будет, если слово һ а л а а переведем „глава, часть, раздел". Но слово „ветвь" сохраняет национальный стиль языка.

3. **Пятьдесят пять тенгриев.** По мифологическим представлениям бурят, имеется девяносто девять тенгриев. Пятьдесят пять тенгриев находятся на западной стороне, а остальные сорок четыре — на восточной стороне. Между восточными и западными тенгриями идет постоянная борьба.

Значение слова тенгрий — небо и небожитель. Последнее более подходит к улигерным произведениям. Эти небожители активны, часто вмешиваются в земные дела героев. Синоним слова тенгрий — о г т о р г о й. Слово тенгрий Д. Банзаров объяснял так: „Слово тенгри в обширном смысле означало (у древних монголов) небо, и вообще всякое божество; в тесном смысле оно было нарицательным именем тех божеств, в которых народ олицетворил небесные явления или способности и страсти человеческой души. Тенгри вечны, духовны и обитают на небе. К этому же разряду богов надобно отнести злых духов".[1]

[1] Доржи Банзаров. Собрание сочинений. Изд. АН СССР. М., 1955, стр. 76.

4. **Хан-хан Хормос** — имя самого старшего западного божества у бурят. Все западные божества у бурят—добрые, их насчитывается пятьдесят пять. Гэсэр—младший сын Хормоса (бур.) или Хормусты (монг.) Д. Банзаров совершенно правильно разъяснил происхождение имени Хормос: „Наконец иноземное божество является у них (у монголов, М. Х.) царем неба — Хормусда, персский Ормузд, которого ислам изгнал из Ирана. Многие уже заметили сходство в именах Ормузда и Хормусды; между прочим г. Шмидт признает, что это сходство не есть случайное. Если к сходству имен прибавить сходство в характерах и свойствах этих божеств, то кажется несомнительным, что хормузда есть не что иное, как несколько измененное Hormisdas. По словам аббата Фуше, персы позднейших времен под именем Ормузда боготворили все небо; нет сомнения, что и монголы заимствовали у них понятие о Хормусде не в самые древние времена. Стало быть Ормузд, переселясь из своего отечества в степи Средней Азии, мог сделаться там царем неба, без всякого искажения своего прежнего характера"[1].

Беспрекословно принимает это положение также Г. Н. Румянцев.[2]

Так же не является ли Гэсэр персидским именем Керсаспа (*Гаршаспа*)? *В* персидском Авесте Ормузда является всеведущим и живет в царстве вечного света, а в царстве вечной тьмы господствует Ахриман[3] вроде бурятской Атай Улана.

Между Ормузда и Ахриманом происходит борьба, напоминающая борьбу между Хормосом и Атай Улан тенгриями.

Ормузда — дух добра, а Ахриман — дух зла. Так же Хормос — доброе начало, а Атай Улан — начало зла.

5. **Атай Улан.** Словно Атай не находит своего этимологического объяснения. В монгольской Гэсэриаде Атай Улан не встречается. В некоторых улигерах вместо Атай Улана появляется Хамсир-тэнгрий, напоминающий персидского Ахримана.

6. **Сэгэн Сэбдэг-тэнгрий.** Этимологически трудно возвести к другим словам или именам, хотя легко они переводятся. Например, слово с э г э э н переводится „светлый, ясный, прозрачный", а с э б д э г — „мерзлый, оледенелый, сырой". Сэгэн Сэбдэг-тенгрий находится между западными пятьюдесятью пятью и восточными сорока четырьмя тенгриями. В данном улигере происходит борьба между Хормосом и Атай Улан тенгриями за овладение Сэгэн Сэбдэг-тэнгрием.

7. **Малзан Хурмэн** — имя богини-советчицы. Этимология слова х ү р м э н трудно объяснима. Вероятно,

[1] Доржи Банзаров. Указ. соч., стр. 59—60.

[2] Там же, стр. 262.

[3] И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. Изд. АН СССР., М., 1956, стр. 113.

это — иноземный привнос, так как само слово Хурмэн произносится фонетически по-разному: Хурмэн, Гурмэн, Гуурмэн, Хэрмэн. Эта фонетическая неустойчивость слова до некоторой степени говорит о том, что слово может быть заимствованным из другого языка. Известно, что в большинстве случаев национальные слова в фонетическом отношении более устойчивы, чем заимствованные.

8. **На пестрой бумаге...** Слово эрээн саараһан нами переведено дословно „пестрая бумага"; мы желаем сохранить то понятие, какое вкладывается у бурят в отношении написанных листов бумаги в противоположность сагаан саараһан — „белая бумага".

9. **И возвысил я славу дархана.** Слово дархан не переводится нами. К. М. Черемисов передает это слово так: „кузнец, мастер, мастак; **истор.** вольный (не связанный повинностями")[1]. В улигере „Гэсэр" слово дархан употребляется в значении более широком, чем „кузнец". Соответственного значения мы в русском языке не находим и оставляем без перевода. Слово дархан в монгольских письменных памятниках зафиксировано давно, например, в "Сокровенном сказании": Badai Ķisilik qoyar darqan dur noyan tere bulee „Это он был нойоном Бадая и Кишлика (сделавшихся впоследствии свободными из рабов), дарханами".

Дархан — это титул людей определенной кастовой группы. Шаманисты присвоили дарханам божественное происхождение, потому говорят: „дархан утхатай хүүн" — „человек по происхождению дархан", или „человек, по предопределению судьбы, родился дарханом".

Видимо, слово дархан охватывает не только монгольский мир, но и всю древнюю Азию, где тоже это слово являлось титулом: „Слово тархан является в основе своей титулом, хотя иногда могло, конечно, употреблятся и как собственное имя"[2]. Здесь мы видим лишь разницу в фонетическом оглушении *д* > *т*.

В тексте „Гэсэра" слово дархан встречается в сочетании с солоо мангуулха, переведено нами „славу дархана возвысить", т. е. прославить имя, свой титул. Но слово мангуулха не находим в монгольских словарях и названном словаре К. М. Черемисова. На основании анализа контекста, сопоставления с другими словами можно сказать, что это слово значит „прославить, возносить, возвышать, распространять, расцветать, процветать".

10. **Земля и дайда.** Второй компонент часто встречается с первым. Это сочетание по значению не едино, т. е. первое слово не совсем совпадает со вторым, выделяясь семантически. Слово газар нельзя понимать как определение последующего слова. Если слово газар и есть настоящая материальная земля, на которой находится все земное, сущее, то дайда имеет несколько иной оттенок, а именно, земной пространственной величины, т. е. она не одухотворенная природа, планета. Слово дайда встречается вместе со словом дэлхэй в значении „мир", „свет". Точнее, под словом газар понимаем „землю, почву, местность", в физическом реальном значении, а под дайда — „мир земной, свет, планета, природа", в их несколько абстрагированном значении, а дэлхэй: „вселенная, мир" (вселенной).

11. **Замби.** Это слово можно было бы перевести как „материк, континент; мир", оно встречается в сочетании с улгэн — улгэн замби. Такое сочетание в разговорной речи бурят не встречается, а лишь в языке улигеров, сказок. Слово улгэн с формой hulqun встречается в „Сокр. сказ.", в значении „холм", § 77, но П. Кафаров переводит „одинокая гора". Таким образом, оба эти слова — одно монгольское, другое тибетское — одинаковы по значению: горные кряжи, горы со снежными вершинами. Весь комплекс үлгэн замби дайда переведен нами как „широкое дайда замби", хотя и правильно также „широкая земля Замби", где замби — вполне равнозначная с первым лексическая единица, поэтому это как бы парное сочетание, одно понятие. Эти слова грамматически не выделены друг от друга, где две первые лексические единицы как будто носят аттрибутивный характер.

12. **Дашин Шохор** является старшим сыном Хормусты. Монгольский „Гэсэр" дает форму Дзаса-Шикир. Это имя должно быть также иноземное. Дашин Шохор участвует только в одном бою, все свои полномочия передает младшему брату — Гэсэру. В бурятских улигерах активную роль играют младшие братья. Это обстоятельство заставляет думать о существовании минората.

13. **Абай Гэсэр еще малолеток.** Выражение Абай Гэсэр хүбүүн орой хэнзэ байналдаа нами переведено „Абай Гэсэр-хубун еще малолеток". Перевод слова хэнзэ на русский язык затрудняется тем, что нет эквивалентного слова. Слова орой и хэнзэ почти равнозначны, первое: „поздний, поздно", а второе — не только поздний, но последний, появившийся гораздо позднее своего времени. В данном случае (коль речь идет о человеке) слово хэнзэ означает „самый младший у отца". Словом хэнзэ определяют также осеннюю траву (хэнзэ ногоон), „осеннего ягнёнка" (хэнзэ хурьган). В данном контексте это слово характеризует Гэсэра не как поздно родившегося у 70-летнего старца, а как нежного, еще не окрепшего, — малолетка, у которого кости еще хрящи, а волосы завитушки. Орой хэнзэ также соответствует по значению выражению отхон ооһор хубуун (3885).

14. **Врага победивший.** Слово дайдараһан переводится нами по контексту „врага победивший".

15. **Сильный враг.** Выражение ехэ дайе мы могли бы перевести как „коварный или сильный враг", придавая тем самым своеобразный стилистический оттенок.

16. **Три сестры хүхы.** Слово хухы оставили без перевода. В современном бурятском языке хухы — это кукушка, по звуковому оформлению оно напоминает русское „кукушка".

17. **Укрепите жизнь (душу) мою.** Выражение ами мини тэбшита переводится нами „укрепите (жизнь) душу мою". По контексту напрашивается именно такой перевод. Слово тэбшэхэ в бурятском языке имеет весьма разнообразные и полярные значения. К. М. Черемисов дает значения: 1) оставлять, оступаться; 2) переносить, сносить (напр. обиды). В разговорном языке у эхиритских бурят оно не встречается. Словари О. Ковалевского и Г. Ф. Голстунского дают значения „уничтожать", умертвить", В „Сокр. сказ" (§ 185) встречаем:

Tus ganiyan tebčin yadaǔu, amin gorogun kunketukai, keen bulgaldaǔu ere tere uluu — bi?

„Разве не настоящий муж тот, кто не покинул своего настоящего хана и сражался, чтобы спасти его жизнь и позволил уйти?" В другом месте: Tus qaniyan ein tebčiǔu irejuui „пришел, предав своего хана".

Отсюда видно, что значение слова тэбшэхэ в „Гэсэре" не совпадает ни с литературно-бурятским, ни с древнемонгольскими значениями данного слова. В результате, мы имеем такие значения: уничтожить, умертвить, сносить, терпеть, жалеть, сжалиться, предать, покидать. Но для текста „Гэсэра" наиболее соответствующим является „укрепить".

---

[1] К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. Госиздат иностр. и нац. словарей. М., 1951.

[2] И. Ю. Крачковский, т. I. Изд. АН СССР. М.-Л., 1955, стр. 189.

18. **Алта мүнгэн гуураһан.** Слово гуураһан, переведенное нами „перо", обозначает: ствол птичьего пера и перо для письма. Второе значение, очевидно, объяснимо русским влиянием.

19. **Злато-серебряный престол или трон.** Слово ширээ переводится „трон". Это одно из его значений, избранное нами по контексту. Другие значения: „стол, богослужебный жертвенный стол, низкий стол; накрест сложенная куча дров для сжигания жертвенных продуктов (в шаманском ритуале)". У западных бурят слово ширээ стало архаизмом.

20. **Заян саган-тенгрий** — имя одного из бурятских божеств. По представлениям бурят, судьба человека с самого его рождения предопределена Заяном-божеством. От слова Заян образован ряд производных слов: заяша — „предопределяющий судьбу, дающий счастье" и заяха — „творить, создавать; дать начало жизни; оплодотворить". Определение слову дзаягачи дает Д. Банзаров: „Следовательно, Дзаягачи есть разумная, чистая, девственная природа человека, которого она всегда старается отвлечь от всего дурного, противного природе; которого защищает от покушений злых людей и духов"[1].

Заян саган-тэнгрий является покровителем деяний Гэсэра. О дзол дзаягача см. примечания Г. Н. Румянцева[2].

21. **Альбином я должен спуститься.** Ввиду того, что в русском языке нет слова, соответствующего слову альбин, его оставляем без перевода. Оно в улигере встречается в значении „чародей, волшебник", а в данном контексте наиболее близкий эквивалент — „добрый гений", „гений-хранитель". Слово альбин этимологически восходит, очевидно, к аблис („род алых духов"). В формах альбин, и аблис мы видим лишь перестановку согласных *л* и *б*.

Слово альбин заимствовано из арабского языка. Б. Я. Владимирцов пишет: „В монгольском слово это встречается в переведенном с тибетского сказания Падма Самбhава, следовательно, проникло в монгольскую письменность через тибетское посредство"[3]. Это слово в бурятских диалектах имеет разные значения, например, в хоринском диалекте — злой дух, в боханском — удалец, молодец, в агинском — приветливый человек. Кроме того, может означать „злой перерожденец".

Иблис, по преданиям некоторых народов,— это божество. Например, Эрлих Р. Л., рассматривая коран говорит: „Отказываясь поклониться Адаму, иблис мотивирует свой отказ тем, что он существо высшее, созданное из огня". Дальше: „Что бы ни служило мотивом подобного действия, оно показывает, что иблис, также как и джины, кровно связан с обликом птиц, этих обычных воплотителей солнца".[4]

22. **Обернулся или перевоплотился.** Слово хубилха переводится нами „обернуться". Оно встречается несколько раз в „Гэсэре". Например, „ямар хубилгаан изыбши? (стр. 28). Какая ты хубилганка баба?" (Или; „Какая ты оборотень-баба?") Слово хубилгаан происходит от слова хубилха. В словаре К. М. Черемисова даются такие значения для слова хубилгаан „изменения, перемены", а хубилгаатай 1) чудной, чудаковатый; 2) истеричный; 3) жуликоватый, пронырливый (по эхирит. или боханск.); 4. волшебный, чудесный (по аларск.) В улигерах перевоплощаются и люди, и божества. В последнем значении и оставляем слово хубилгаан.

[1] Доржи Банзаров. Указ. соч., стр. 78.

[2] Там же, стр. 273.

[3] Записки Коллегии востоковедов (в дальнейшем: З. К. В.). Л., 1930. т. 1, стр. 70.

[4] Там же.

23. **Святое не мог он найти.** Выражение арюун юумэйе ядаба переводится „святое не мог найти", хотя дословно значит: „не мог найти чистые предметы" или в философском значении: не мог он найти то сущее, что чисто, свято, священно". Гэсэр, спустившись на землю, искал человеческую светлую, чистую жизнь, добро, все то святое, что не было осквернено злом, не носило печати зла, скверны. Этот контекст имеет глубоко философское значение. Мы здесь ограничимся предложенным нами переводом, хотя и сознаем, что он не может полностью охватить все содержание этой формулы.

24. **... в сенном балагане.** Слово хутаар переводится нами „балаган, шалаш", но и можно переводить словом „хижина". Слово хутаар не зарегистрировано ни в одном из словарей монгольских языков. Его этимология неясна.

25. **„В... священной отцовской судьбе"** — Эсэгэйн сагаан номо.. — формула шаманской мифологии, встречающаяся также в улигерах. Номо — это фатум, судьба, предопределенное свыше, небом; человек рождается по воле неба от физического субъекта, материального, земного. Таким образом, слово номо означает судьбу земного существа, предопределенную небом. Эпитет сагаан (дословно: белый) определяет номо — судьбу как чистую, священную (вспомните: „Гэсэр искал на земле святое, священное, чтобы перевоплотиться в земное, в человека"). А. И. Уланов, кажется, дословно понял слово номо. Он это слово переводит „книга"; видимо, у него ассоциировалось со словом ном, книга, например „Гэсэр просит тридцать три батора и три тысячи воинов, а затем возвращается во внутрь женщины и в книгу жизни старика"[1], т. е. выражение эсэгэйн сагаан номо переведено „книга жизни старика". На самом деле, по эхирит-булагатскому варианту, Гэсэр входит в материнскую утробу, отцовскую судьбу, перерождается в человека.

26. **Священный Творец и Сотворенья святая судьба.** Хэһэн сагаан Хэлгэ, Хэлгэйн сагаан Номо является философским шаманским понятием. Оно встречается и в улигерах. Слово Хэлгэ нами переводится „Творец", а хэһэн — „сотворивший". В целом все это выражение Хэһэн сагаан Хэлгэ, Хэлгэйн сагаан Номо является тавтологическим комплексом одного единого понятия о судьбе, предопределяемой небом, о творце-создателе всего сущего, земного.

27. **Пятого месяца лик...** Выражение табан һарайн шарай хараа хани байхалши переведено нами „пятого месяца лик." Это идиоматический оборот. Шарай — дословно это лицо, лик. Табан һарайн шарай хараа значит: (Гэсэр) „увидел пятый месяц", (как вошел он в материнскую утробу, отцовскую судьбу). Һарайн шарай—это время полнолуния, по которому буряты также ведут счет времени. Полнолуние считается окончанием или завершением месяца. Это не календарный месяц, а астрономический.

28. **Красное солнце взошло...** выражение мандан шарга наранда переведено „Красное солнце взошло..." В словаре К. М. Черемисова даются следующие значения для шарга: „соловый (масти); палевый (о цвете); 2) перен.: ласковый (о солнце); удын шарга наран фольк. „ласковое полуденное солнышко". Ни одно из значений здесь не подходит. В нашем контексте мандан шарга наранда — это когда взошло красивое, ясное, светлое, ласковое солнце. Значение этих эпитетов может быть передано, как мы счи-

[1] А. И. Уланов. К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ, 1952, 82 стр.

таем, русским народно-поэтическим красное. Слово м а н д а н, стоящее впереди ш а р г а, происходит от слова м а н д а х а „подниматься, восходить, возвышаться. „Выражение м а н д а н ш а р г а н а р а н не употребительно в разговорном языке, а используется в фольклорных произведениях как стилистический художественный прием. В древне-монгольских памятниках вместо м а н д а н ш а р г а н а р а н встречается širil udur (Сокр. сказ. § 98) „Ярко солнечный день".

29. **На зверей он удачливый сын.** А н д а з у р т а й б а с а г а н. Слова з у р а не находим в монгольских словарях. Но по контексту это слово обозначает „фарт, счастье, удача". Второе слово—б а с а г а н — нами заменено местоимением *он,* хотя в некоторых диалектах оно означает „девушка", а в эхирит-булагатском— „мальчик".

30. **Бурхан.** Бурхан — это бог. В словаре К. М. Черемисова даны такие значения: бог, будда, бурхан. Мы оставляем слово бурхан без перевода.

31. **Сучили свое хубшэргэ.** Слово хубшэргэ мы оставили без перевода ввиду того, что в русском языке нет эквивалентного слова. К. М. Черемисов в своем словаре на форму хүбшэргэ (н) дает такое значение: „анат. пуповина". Но ведь „пуповина" по-бурятски значит т о о н т о, а „пупок"— х ү й һ э н. Хүбшэргэ делают из тонкого кожаного ремня и натягивают вдоль люльки. На него вешают занавеску из материи, чтобы защитить лицо ребенка от лучей солнца или от мух. Слово переходит в архаизм.

32. **Спустились вечерние сумерки желтой листвою.** Выражение, часто встречающееся в данном улигере,— ү д э ш э н и б о р о х о н о г ш а р а н а б ш и б о л о ж о — мы переводим везде однообразно.

Дословный перевод этого текста означал бы: „вечерняя серая ночевка и желтые листья стали". Это не совсем понятно читателям. Поэтому мы в смысловом переводе попытались образно представить вечернее время, когда опускаются сумерки, никнет трава, листва, замирают растения подобно тому, как это бывает осенью, во время листопада. Такие выражения употребляются сказителями для более эффектной окраски обстоятельств, при которых действует герой. В словаре К. М. Черемисова для контекста ш а р а н а б ш ы н ү е дается такой перевод: „время листопада, осень (досл. период желтой листвы)".

33. **И так говорил...** Выражение х э л э н х ү ү н э н б а й н а л переводится одним словом „говорил", хотя здесь — парное сочетание, второе слово, потеряв свое полноценное лексическое значение, носит усилительную функцию. Слово хүүнэхэ отдельно редко встречается (Гэсэр, 3065), („Айдурай Мэргэн", 1060), в последнем оно несет знаменательную лексическую функцию, например, з а я а б а р и б у р х а н и и н х ү ү н э б э — „Творец бурхан сказал". Слово х ү ү н э х э не оставило нам дериватных значений и ушло навсегда из разговорного языка, оставив след лишь в улигерах, благодаря сказителям, любителям словесного искусства. Мы имеем несколько вариантов форм для передачи слова „говорить"— х э л х э, ү г э л э х э, х ө ө р э х э, х ү ү р э х э, х ү ү н э х э, я р и х а, х э м э э х э. Некоторые из них уже выпали из разговорного языка. Если х э м э э х э восстанавливается на основании письменно-монгольских памятников, то для х ү ү н э х э есть бурятские фольклорные произведения, где еще оно сохранило свою форму и значение.

34. **Как „Ай!" тут не скажешь!**— а й, г э х э, б э л э й! Дословный перевод этого выражения: „ай", нужно сказать". В данном контексте оно означает восклицание, подчеркивающее драматизм момента. Смысл этого выражения теряется еще в глубокой древности.

Семантически слово а й может сблизиться со словом г э х э г э х у —„сказывать". Эти два слова, составляющие, может быть, разные этнические и языковые различия, слились и стали употребляться как одно понятие. Мы имеем в древних тюркских памятниках форму ai (ай) в значении „говорить, сказывать", вполне соответствующую бурятскому гэхэ. Встречается форма ai в таких памятниках, как Fon 31, 32; Chuas. № 1, 3, Q, B, Rbү 110, 113.

35. **Суженый мне человек свои наданы начал устраивать.** Парное сочетание х ү й т э й с ү й т э й переводится „суженый, суженая". Оно перешло в разряд архаичных. Х ү й т э й должно быть по значению таким же, как с ү й т э, но лишь с некоторой разновидностью формы $x \sim h \sim c$.

Слово н á д а н оставляем без перевода, так как нет слова соответствующего значения в русском языке. Оно означает: „игра, з бава, развлечение, веселие, гуляние", в одних случаях раскрывает эти значения частично, в других-полностью, весь комплекс. А слову с ү й т э й К. М. Черемисов дает его пару х у б и т а и переводит суженый; суженая.

36. **Молозиво матери не перестал ты сосать.** Выражение э х э й н ш а р а у у р а й х ү х э ж э б о л е у г э й а а д л а, стремясь к передаче колорита улигера, мы перевели почти дословно.

37. **... снял с хулэга-коня.** Слово х у л э г оставили мы без перевода, так как оно вошло в переводную художественную литературу. Обыкновенно под словом х у л э г понимается „неутомимый богатырский конь".

38. **... Сапоги... сандалово-черные** — з а н д а н х а р а сабахине. С а н д а л — тропическое дерево. Слово индийского происхождения, оно вошло в бурятский словарный состав через уйгурское посредство. Б. Я. Владимирцов отмечает, что „в орхонских памятниках мы встречаемся еще с одним словом согдийского происхождения, попавшим к монголам. Слово čintan~čindan „сандал", которое не может быть объяснено из китайского"[1].

Это слово встречается также в древне-тюркских памятниках Th scўnta аўас „Сандаловое дерево".

Кит.— чжань-тань.

39. **... Из шелка дардам.** Слово д а р д а м встречается в фольклорных произведениях и в песнях. К. М. Черемисов пишет: **дардам торгон дэгэл** „шуба на шелестящем щелку; дардам харгы „гладкая дорога." В древне-монгольском памятнике (Сокр. сказ., § 238) слово дардам встречается в форме дардас и означает „узорчатые штофы". С течением времени значение данного слова изменилось, и оно несет определительную функцию к словам шелк и дорога со значением „шелестящий, гладкий." В улигере „Гэсэр" оно встречается в значении шелка.

40. **Будай-серебро — буудай мүнгэн.** Слово б у д а й, видимо, означает вид серебра. Оно встречается всегда в сочетании со словом „серебро", как бы определяя последнее.

41. **Бухарский лук.** Лук из г. Бухары.

42. **Серебряный шлем — дуулга мүнгэн.** Слово д у у л г а означает „шлем", встречается лишь в улигерах. А хуяг означает „броня, панцырь". Здесь встречается необычное сочетание, а именно д у у л г а м ү н г э н х у я г, что в дословном переводе означало бы „броня из шлемного серебра".

Слово хуяг встречается в „Сокр. сказ." (§ 106) в значении „панцырь".

---

[1] З. К. В. т. I, стр. 118.

43. ... **исполином он стал** — х у д э р и б о л о- б о. Слово х у д э р и в разговорном языке мало употребительно, перешло в разряд архаичных.

В словаре К. М. Черемисова оно зафиксировано в значении „сильный, дюжий, здоровый". Контекст х ү- б ү ү н б э ш э х ү д э р и К. М. Черемисов переводит „не парень, а исполин".

44. ... **из хүлэр — серебра.** Х ү л э р не переводится нами, ибо нет соответствующего слова в русском языке. Словарь О. Ковалевского дает следующие значения: „род бронзы, смесь меди и олова". Слово это произносилось по контаминации (от слова) х ү р э л, где имеется перестановка рэл ~ лэр. Встречается он в сочетании со словом м ү н г э н (серебро), играя роль определительной функции.

45. **Верхний девятигурумный тенгрий.** Д. Банзаров дает такое объяснение: „Монголы особенно уважали созвездие Семи Старцев..., т. е. Большую Медведицу, которой были приносимы в жертву кумыс и молоко и посвящаемы животные. Не менее были почитаемы девять больших звезд, которые соответствовали девяти тенгриям. Они имели на людей одинаковое же влияние, как и Семь старцев".[1]

Д е в я т ь з в е з д и л и д е в я т ь т е н г р и е в, название которых встречается в улигере под формой гүрүм, заимствованы из шаманской мифологии. Эти девять тенгриев входят в число 99 тенгриев.

46. **Зарлиг и Солбон.** Слово с о л б о н должно переводиться обычно: „Венера, утренняя звезда", а зарлиг — мало употребительное слово, видимо, одно из созвездий. В данном контексте З а р л и г и С о л б о н имеют значения мифологические. Зарлиг встречается в памятниках монгольской письменности в значении „соизволение, повеление" (Сокр. сказ. § 145, 199, 202, 209 passim). Его основа — глагол зарла-ха „созывать, повелеть, объявить". Это слово выходит далеко за пределы монгольской семьи языков, охватывает древние тюркские памятники, как Кутадгу билик, 159, и Сутра золотого блеска (уйг.)

Значения те же, что и монгольские.

47. ... **из бэлир-серебра.** Слово б э л и р не совсем ясно по своему происхождению и значению. Его фонетическая разновидность — б э ж э р. Слова б э л и р и б э ж э р встречаются в улигерах в сочетании со словом м ү н г э н. К. М. Черемисов слово б э ж э р объясняет: „узорчатое серебро". Предположительно, может быть, б э л и р — м р а м о р, как это видно из контекста, бэлир-серебро — мраморное белое серебро.

48. **Побратимами, сватами стали** — х у д а а н д а и н о р о х о ю м э.

Эти два слова (худа, анда) встречаются вместе. Первый компонент х у д а, в значении „сват", образовал, очевидно, производное слово х у д а л д а х а „продавать", где корень худ(а) сохраняется в целости, а второе слово — анда изменило свой фонетический облик в составе худа-лдаха. Все это слово состоит из худ+а+ +нда, где второй корень а+нда образовал а+лда: *н*~*л*.

В „Сокр. сказ." слово х у д а л д а х а имеет значение „выдать замуж": ečike eke ano oedum duraar qudalutuqai (§ 185)" родители не должны выдавать замуж по своей воле". В слове qudalutuqai показывается значение „выдать замуж", а не „продавать" как понимается в современных монгольских языках. Отсюда выявляется родство этих двух слов по значению, что оба они означали „быть сватами, побратимами, знакомыми". Слово а н д а означало „друг по обмену". От слова а н д а появилось глагольное образование а н д а л д а х а (менять). Поэтому эти слова дополняют друг друга. В современном бурятском языке одно из них имеет значение „продавать", а другое „менять". Нарушился обмен товаров — изменилось значение слова анда, нарушился принцип древнего бракосочетания — выдачи замуж, начали „продавать" дочерей, т. е. получать калым, изменилось значение слова х у д а. Слово очень древнее, встречается во всех монгольских языках разного времени. Например: Temučin jamuqa xoyar Qorqonaq — jubur-a neilen baouju, qerten-o anda bolulčaqsan — duradulčan, anda tunquldaju, amaralduya keelduba.

„Темчужин с Чжамухою сообща расположились на Хорхонах-Чжубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу — побратимство и уговорились ещё сильнее углубить взаимную любовь[1]". Следует считать, что для а н д ы С. А. Козин нашёл более подходящий перевод: в значении „дружба — побратимство".

49. ... **в пору лисьего мрака.** Под лисьим мраком или темнотой понимается предрассветное время, когда лисы выходят на добычу-кормежку, мышковать. Выражение „лисья темнота" как калька употребляется у забайкальских русских.

50. **В мягкой и теплой постели.** Выражение х а л у у н з ө ө л э н х а д у у щ х а д а а является поэтическим трафаретом в бурятских улигерах, где х а д у у щ х а д а а дано ради рифмовки с последующим словом б у д у у ш х а д а а (подушка).

Здесь везде слово х а л у у н без смягчения, означает „тепло", аесли слово дано было бы со смягчением х а л у у н (лит. халюун), то оно означало бы „выдру", тогда бы смысл контекста был бы другой, а именно: в теплой выдровой. В этом случае под хадушкой следовало бы понимать одеяло, сшитое, по всей вероятности, из шкурок выдр.

Коль во втором стихе стоит слово б у л а г а н — (соболь), то в первом для поддержки логической мысли, видимо, стоит слово „выдра" (халюун). Поэтому слово х а л у у н мы понимаем как х а л ю у н. Ошибочность написания этого слова (без смягчения) подтверждается другим словом, а именно, х а л у у р а х а (переливаться) вместо хал"уураха с тем же значением. Например, халуражi харагдаба (1305) „переливаясь, виднеется", точнее: „переливаясь, как пушистая шерсть выдры, виднеется" (о траве).

Поэтому считаем, что написание х а л у у р а х а надо изменить на х а л"у у р а х а (со смягчением). В дальнейшем, изменяя слово х а л у у н на хал"уун, слово х а д у ш х а будем переводить: „одеяло". Считаем такой перевод вполне логичным, несмотря на определенную лексическую значимость слова „хадушка".

51. **Онгон = хэрбээ.** Слово о н г о н — религиозный шаманский термин. В научной литературе оно оставляется без перевода. К. М. Черемисов в своем словаре дает такой перевод: „дух=гений, идол".

От этого слова образовано производное слово о н г о т о х о — „притти в экстаз, читать молитву, быть в возбужденном состоянии от молитвы". Слово о н г о н зародилось в глубокой древности, в эпоху, когда человек одухотворял природу. О н г о н — символическое изображение божества, сделанное из дерева, шкурок животных или просто из материи. Д. Банзаров о н г о н переводит словом „покровитель[2]".

Развивая положение Д. Банзарова, Г. Н. Румянцев пишет: „В настоящее время под словом онгон понимается: 1) душа sünesü sülde почитаемого предка, 2) ağulayin ejed владыка гор", 3) situqe „изображение"

---

[1] Д. Банзаров. Указ. соч., стр. 63.

[1] Сокр. сказ. § 116.

[2] Доржи Банзаров. Указ. соч., стр 77.

разных sakiǰusun — „хранителей"; напр. изображения Dayin Derike и т. д."[1].

В контексте встречается второе слово, оставленное без перевода — это х э р б э э (hэрбээ). Быть может слово х э р б э э есть фонетическая диалектальная разновидность h э р б э э типа h а р б а х а-х а р б а х а, тогда, возможно, найдем ключ к объяснению значения этого ословa. Слово h э р б э э образовано от глагольной основы h э р б э э-х э (торчать, щетиниться). В таком значении наш перевод будет выглядеть так: „Земли священной горной", ибо слово х э р б э э могло означать „горы, скалы, сопки", которые, по шаманским воззрениям, имеют своих духов-покровителей, т. е. онгонов. Этот контекст (о н г о н х э р б э э д а й д а) раскрывает понятие, что вся природа одухотворена. От слова х э р б э э образован глагол в следующем месте: о й л м о д о н д э л и л э х э р б э й ж э х а р а г д а б а (1305—1306)" „как деревья тайги, ошетинясь, виднелись".

52. **На телегу бросали** ... Текст в улигере — т э р г э н д э т э э б э л д а а т э н х э н б а р т а й т у л а б а л д а а, т э м э э н д э л э а ш а б а-а б х а н а д а л и т у л а б а л д а а, являющийся идиоматическим оборотом, мы вынуждены были перевести дословно, а именно, „на телегу бросали — боролись они с одинаковой силой; на верблюда навьючили — с силою равной боролись". Смысл этого оборота — не могут одолеть друг друга.

53. ... **уговорил.** Выражечие с а р а а л ү г э й х ү ү р т э э о р у у л б а нами переводится „уговорил", потому что основное здесь: х ү ү р т э э о р у у л б а — уговорил, убедил. А что касается слова с а р а а л, то его значение неясно. К. М. Черемисов дает такие значения этого слова: 1) „не допускать, ограничивать, локализовать что-либо"; 2) „тушить *(пожар)*", которые не могут быть приняты для перевода данного контекста. Поэтому мы ограничились переводом: „уговорил".

54. **Алтай.** Б. Я. Владимирцов пишет: В настоящее время как у халхасов, так и ойратов Северо-Западной Монголии слово altaalt∽алтаі, кроме обозначения Алтая, Алтайских гор, употребляется еще в значении „горная страна, альпийские луга, кочевья на горах, родные горные кочевья"...

55. **из камня мэлун.** Очевидно, из обтесанного камня.

56. ... **Эсэгэ Малаан баабай.** По преданиям, Э с э г э М а л а а н б а а б а й является прародителем бурят, а Э х э ю у р э н — прабабушкой.

57. **Хүхэдэй Мэргэн и Хүлтэй хатан,** по преданиям, являются одними из прародителей бурятских народов, которых буряты обожествляют. Их имена произносятся с эпитетами: **баабай** (отец), **иибии** (бабушка, матушка). Родителями Гэсэра они не являются.

58. ... **туманному желтому морю** — ш а р а б ү р ү ү н д а л а й д а. Слово б ү р ү ү н перевели „туманное". Обычно это слово значит: сумрачное, пасмурное, неясно виднеющееся, туманное. Последний эпитет считаем наиболее подходящим для характеристики моря.

59. **Кусающий желтый мангадхай.** Слово ш а р а нами переведено „желтый", но можно дать еще значение „рыжий". В отношении слова мангадхай было много кривотолков, неправильных объяснений, обусловленных незнанием происхождения данного слова.

Слово мангад (manqus) — это очень древнее общемонгольское слово. Встречается оно в „Сокр. сказ". § 5, в значении „демон, змея, удав". Например: unaqaǰu alaǰu tonoqcit Uruut Manqut keekdet tede. „То по прозванью Манхуд-урууд.

Страшной грозой для злодея слывут". Здесь встречается в значении названия враждебного племени. В другом месте имеем: киипо киип — ece busu, Korelqu—manqus toreksen ǰoci — Qasar Keekbesu. „Чжочи-Хасар прозывается он. То необычных людей порождение. Сущий он демон мангус Гурельгу". В этом контексте слово встречается в значении „демона".

60. **Как будто последних рабов.** Контекст — а р о б а р л а г д а л и л а а д о h а и л е э х а р у у л н а л перевели „Как будто последних рабов заставляет пасти табуны свои и скот". Слово б а р л а г нами переведено "раб", но может быть также и „батрак". Определение а р а, стоящее впереди слова б а р л а г, означает „последний, задняя, северная сторона", но и „сидящий на заднем ряду", resp. „последний". Дальше идет необычное сочетание: адоhа илеэ. очевидно не *„илеэ"*, а *„идеэ"* (лит. эдеэ(н) — пища, еда.

В разговорном бурятском языке весьма употребительно парное „адаhа эдеэ", обозначающее скот.

61. **До безволия их убедил** — ү л э х а н а й б о л с о р о н х ү ү р х э н д э э р э о р у у л ж а Здесь некоторые затруднения вызывает слово ү л э. Нам кажется, что оно соответствует современному ү л, его диалектальной разновидности ү л э, обозначающему питательность, закуску. Если так, то выражение ү л э х а н а й б о л с о р о н ... значит „до потери человеческого достоинства, качества, до того, что стали подобны они скоту, пошли ему, мангадхаю, на съедение ...". Мы решили, что это можно передать в какой-то степени одним словом „до безволия".

62. **Наконечники стрел рассеките.** Слово у у р нами переведено „наконечники". Слово стало архаизмом. Оно является омонимом других слов: у у р — „ступка" для толчения и у у р — гнев, ярость.

63. **Дает ... барду молочную.** А а р с а л б о з о й н ү х э ю ү м э л. А р с а — национальный бурятский молочный напиток, приготовленный из молочных отходов, воды и муки. А б о з о — это остаток после перегонки молочного, а иногда хлебного, вина (тарасуна).

64. **Собаки горластые злые** — х а а х а р-б а а х а р н о х о й н л э. Слова х а а х а р-б а а х а р в бурятском языке употребляются всегда вместе, как идиоматическое определение к „собаке". Они встречаются и в древних памятниках. *Рашид-ад-дин зафиксировал* в своих летописях: „Они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами"[1].

В „Сокр. сказ.", § 7., есть лишь одно слово б а р у — „дворняга". В разговорном языке западных бурят х а а р-б а а р употребляется в переносном ироническом смысле по отношению к „ребятишкам".

65. **Хозяин-абай-удалец.**-э ж и н-а б а й-х ү й х э р н и. Слово а б а й мы об"яснили выше (§ 1). Слово х ү й х э р К. М. Черемисов объясняет: удалой, удалой молодец, удалец.

66. **Молодец мангадхай.** Слово хүгшэн переводится „молодец" и т. п. Нельзя это слово понимать буквально „жена" (запад.), но и нельзя понимать также „старец" (вост.)

Под словом х ү г ш э н сказители выражают значения „муж, молодец, удалой". Это диалектальное эхиритское слово. В таком значении употребляется и поныне.

67. ... **ветряную мельницу** — h а л х и н т э э р м э. Почему-то сказитель говорит о ветряных мельницах. В Сибири, кажется, не было ветряных мельниц. Между тем, слово т э э р м э очень древнее монгольское сло-

---

[1] Доржи Банзаров. Указ. соч., стр. 81—85.

[1]) Рашид-ад-дин, сб. Летописей. Изд АН СССР, т. 1, 1952, стр. 154.

во, зафиксированное в эдикте Буянту Хана от 1314 г. с формой tegirmed „мельницы".

68. **Милость попросим на месте родимом** — утуг дээрэ гуйеыл даа. Слово утуг нами переведено: „родимое место", хотя дословно означает оно „луг, усадьба". Но эти значения не передают смысл контекста. Бурятские семьи (запад.) раньше огораживали или отмечали колышками, камнями свой утуг — унавоживаемый сенокосный луг, вместе с постройками составляющий усадьбу. В этой усадьбе жили многие поколения. Поэтому слово утуг иногда употребляется в значении „отчизна, родина, место, где родился человек". В этом значении утуг встречается в улигерных произведениях. Слово гуйха — древнее слово, встречающееся в „Сокр. сказ.", § 245, в значении „просить". В фольклорных произведениях используется для стилизации, так как служит особым художественным приемом показа вежливого обращения.

69. **Душу его успокой.** Контекст амин ехээ тэбшита! переводится нами „как следует душу его успокой".

Выше мы дали (§ 17) значение „укрепить". В одной рукописи, хранящейся в институте Востоковедения, имеется ötelju nasun-dur kürügsen dür öberün uruqa-ber tebcigden bui „Когда же состарился и достиг преклонного возраста, **покидаемый** даже собственной родней". Слово тэбшэхэ, таким образом, имеет разнообразные производные значения со стилистической окраской поляризации их.

70. **Чтоб молва не пошла"** — хуурээ хутэл болохгуй. У западных бурят употребительная фраза: хуур хутэл болгохо (или болгохогуй) в значении „молву распространять" (или не распростанять).

71. **Седла-тохой.** Перевод слова „тохой" загружает стих. Это слово означает „часть руки от локтя до кисти, мера 10 вершков, косой (предмет)." Но слово тохой в контексте тохой мүнгэн эмээл, являясь определением к слову эмээл — „седло", означает „косой", с „изгибом".

72. ... **у ханши — великой горы** — хатан ехэ уула ... Слово хатан носит несколько религиозный оттенок и вместе со словом ехэ можно было бы перевести „священная великая гора".

73. **Я помощь ищу** — хүмүүжөөhүйе бэдэрээлби. Слово хүмүүжөө не оставило в диалектах бурятского языка производных слов, поэтому его происхождение трудно восстановить. Оно встречается лишь в улигерах.

74. **Гэсэр сказал.** Слово хүүнүүлбэ переведено „сказал". Оно в улигерах отдельно встречается редко, а в разговорной бурятской речи употребляется обычно вместе со словом хэлэхэ в значении „говорить", „сказать".

75. **Что в суровую зимнюю стужу согреет.** В контексте үбүли ехэ хүйтэндэ үбурээ болхоор ахоба нам осталось непонятным слово убурээ. Если оно не опечатка, то слово, видимо, вышло из употребления давно и его значение потеряно. Мы перевели его по контексту.

76. **Ретивый галдан.** На слово галдан К. М. Черемисов в своем словаре дает объяснения: 1) отличный конь; 2) молодец. Несмотря на это, мы оставили его без перевода, ибо все эти значения не раскрывают понятие галдан, которое означает еще „чудесный, волшебный".

77. **Мое тело, моя голова безоружно, как есть они будут сражаться** — хара толгой биеэмни мяхаара-ла тулаха! Это идиоматическое выражение. Буквально переводится так: „Черная голова, тело мое своим мясом будут сражаться". Поэтому мы решили прибавить слово: „безоружно", имея ввиду борьбу, бой без оружия.

78. ... **сожгли.** Форма слова гал' алажа представляется интересным. В разговорной речи оно не употребляется. *Нам кажется, здесь описка.* По контексту должно быть галдажа (орхибол) — „сожгли".

79. **Подношения.** Слово бариса означает место религиозных подношений, шаманских богослужений.

80. **Закуривать будут.** В предложении тамахи талха татагдаа слово талха употребляется как парное к слову тамхи (табак). Отдельно оно означает „мука".

1. **Нить из красного шелка — утробная нить.** Слово уумай нами переведено „утроба". Слово уумай устарело. Наряду со словом уумай в улигерах встречаются синонимичные слова хэмниг, хээли. Слово хээли в значении „чрево" является разновидностью формы хэмниг. Последнее встречается в улигере „Айдурай Мэргэн" (1'5). Хэмниг есть также разновидность формы хэбэли, давшей, видимо, хээли ⁄ хэгэли ⁄ хэбэли.

В разговорном языке бурят используется парное сочетание уумай хээли в значении „утроба". Слово уумай не только монгольское слово, но и принадлежит к тюркской языковой группе. Например, в письменном памятнике „Кель Тегин" слово уумай имеет значение „женское божество".

Также слово хээли по своему происхождению древнее. Встречается оно в „Сокр. сказ." (§ 126).

82. **В пустоту, преисподнюю ты улети** — хии ханай тама ошоорой. В словаре К. М. Черемисова даются такие значения слова тама: „рел. преисподняя, ад". К. Ф. Голстунский объясняет: „преисподняя, ад, подземный мир".

Скорее всего, это не религиозный термин, так как слово возникло в эпоху примитивного анимизма. В словаре О. М. Ковалевского оно дается с указанием на его тибетское происхождение: „ад, место кары или мучения". Но рядом с формой тама имеется карака в том же значении. Слово тама в значении „ад" встречается в Бодичарватара в переводе Чойджи Одзера, в древне-тюркских письменных памятниках, например, в „покаянной молитве манихейцев."

83. **Если мне оставаться живым суждено** — ахала заятай хадамни. Слово ахаха ныне в разговорном языке в такой форме не встречается, а употребляется в других производных формах. Основой этого глагола является **а** „быть", именная форма настояще-будущего времени которого есть **аха** „быть"

Глагол аха-ха дал производные формы: аг „пусть будет", ан будучи", ахай „было", аад — по быв", ажа „будучи". Из этой формы возникли еще следующие: hан, аhан; хада „если", который является формой местного падежа от именной формы аха. От „а" образуется aha. Аhан в своей архаичной форме встречается в улигере „Айдурай Мэргэн (4510): аhан ябаhан адалаа алагаарин хэлэбэл — „всю жизнь и деяния рассказал". Некоторые формы, возникшие от глагола аха, встречаются в древних монгольских памятниках, например, в Эдикте Мангала от 1276 г. в форме atugai и в форме aqun

84. **Черного ворона оставили там голодать** — хара ехэ хирээй улуулжа орхибо. Глагол в страдательной форме улуулжа не совсем ясен по своему значению. Выражение это переведено нами по контексту.

85. **Колыбельный подарок** — бүүбэйн зэмэhэн. Слово бүүбэй — колыбель, люлька, а слово зэмэhэн зафиксировано в словаре К. М. Черемисова в значении „подарок, подношение (при закалывании животного)". Зэмэhэн — это обычно кусок мяса, который дарят чаще всего малышам при закалывании животного.

86. **Покуда у малыша длинные ночи** — тэрэ ханай хубууни ута хоногоо дүүрэсэ. Под выражением длинные ночи или продолжительный сон — ута хоног, видимо, имеется в виду первые дни новорожденного, когда он большее время находится в состоянии сна, спит почти круглые сутки.

В это время повивальная бабка должна все время ухаживать, следить за новорожденным.

87. **Ханом этой великой, священной земли** — хаанин болон.. Слово хан не следует путать со словом хаан→хаган. Хан есть шаманское божество, владыка, хозяин, с некоторым отклонением от этих значений: „крепкий, сильный, могущественный (божество)". От слова хан образовалось множественное число хад. Поэтому мы переводим выражение: хан ехэ — великой, священной.

88. **У родителей единственный я удалец** — оонойн ганса хүйхэр гээшэб. Слова оонойн ганса близки по значению к один-единственный. Оонойн ганса говорят, когда хотят передать ту мысль, что у родителей один-единственный сын или дочь, иногда говорят еще: орё ганса.

89. ... **судьбы моей желтую книгу** — заяна шара хэнииг шие — книга, подобно Майдари предсказывающая судьбу человека.

90. **Изумляясь весьма** — ехэ тагнал тагнажа Слово тагнаха является архаизмом.

В литературном бурятском языке оно имеет значения „разведать, шпионить". Очевидно семантическое расхождение данного слова по бурятским диалектам.

91. **От рождения едины** — тоонтола хамта нэгэ бэлэй. Слово тоонто означает „послед". Буряты хранили „послед" своих детей в одном месте. Следовательно, выражение тоонто ла хамта нэгэ бэлэй должно означать буквально: „наши родители одни и те же". В данном контексте эта фраза понимается несколько шире: мы единой родословной, берущей свое начало от Эсэгэ Малана.

92. **Имеет единое благословение**. Слово ээлгэ переводится нами „благословение". Между тем, это слово имеет ряд производных значений, а именно: „защита", „покровительство", „заступничество". Д. Банзаров, ссылаясь на бурятскую форму ээл, объясняет слово ээлгэ: „милосердие, пощада, милость". Слово ihegen очень древнее по своему происхождению, например, находим в грамоте Буянту хана от 1314 г в форме ihe'en, который переводится „защита". В „Сокр. сказ." встречаемся с формой iheekdesu „благоволить". Напр. Tengere Qajar-a Kuču nemeǰu iheekdesu.— ... „Благоволениемк неба и земли" (§ 125), а в § 145 встречаем в значении „хранить". Таким образом, оно получило свою форму в результате исчезновения интервокального от слова ibehel.

Трудно сказать, произошло ли это слово от формы ibegen-igegen ~ ihegen, где отсутствует звук *л*. Словарь К. М. Черемисова дает „получать благословение".

93. **Держа душу онгон хирбэг зэмли, подниматься ты будешь** — онгон хирбэг дайдуяа һүлдээн барин гархалш. Слово һулдэ нами переведено „душа". Объяснение его дает Г. Н. Румянцев в своих комментариях к сочинениям Д. Банзарова. Но его объяснение не полно.

Слово һүлдэ встречается в разговорном бурятском языке в парном сочетании с һүнэһэн. Диалектально встречается форма юүлдэ ~ жүлдэ. Значения и происхождения слов һулдэ и һүнэһэн близки, но не одинаковы. Все религиозные аттрибуты (һүлдэ, онгоны) являются символическими знаками стремления человека к господству над силами природы. В связи с изменением религиозного мировоззрения бурят изменяется значение слова һүлдэ. Слово һүлдэ обозначает, по мнению религиозных людей, таинственную, сверхестественную силу, которая сопутствует человеку по всей его жизни. һүлдэ — это созданная фантазией людей „особая душа", обитающая в теле человека.

һүлдэ может быть и злым и добрым. Например, старец советует Гэсэру, чтобы он поймал һүлдэ онгона земли для того, чтобы было благополучно в походе, в сражении. һүлдэ имеет не только человек, но и земля, воды, лес, вообще вся живая и неживая природа.

94. ... **старший шолмус...** Для перевода слова шолмус нет соответствующего термина в русском языке. Значение его дает К. М. Черемисов: „черт, дьявол,„. Для нашего контекста ни один из этих терминов не подходит.

95. **Такого чертенка...** Слово шүдхэр означает „черт, дьявол".

96. **Воля ослабла его...** Выражение ооһориин ехэ наридаал дословно переводится: „нить его тонкою стала". Но, нам кажется, дословный перевод не был бы понятен, поэтому мы решили передать смысл по контексту, а именно: „воля ослабла его".

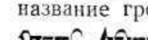
97. **Пестрые буквы...** Слово бэшэг фигурирует в улигере „Гэсэр" в значении „письмо, буква".. Это слово заимствовано из уйгурского, куда проникло оно из согдийского. В Эдикте Мангала от 1276 слово bičig встречается в значении „грамота, письмо". В шамнаских молитвах тоже встречается это слово.

Б. Я. Владимирцов склонен рассматривать слово бэшэг восходящим к китайской форме pit, а не к тюрк. pitig < biti.

Глагольная форма бэшэхэ„ писать" в улигерах не встречается.

98. **Земли черной желвак.** К. М. Черемисов дает такие значения слова бэдьхэ: 1) „желвак, шишка; опухоль; 2) недуг, болезнь; хара бэдьхэ фольк, беда, напасть; 3) кашель... 4) бох. картофель (презрительно)". Галта Улан-тенгрий так презрительно отзывается о Гэсэре потому, что считает его земным, а не небесным существом, что дает нам право выбрать слово „желвак" как наиболее подходящее из всех других значений слова бэдьхэ.

99. **Как будто к жене...** Слово эши (~иши) нами переводится „жена", но и может быть „невеста". Это слово в настоящее время в бурятских диалектах не сохранилось. Оно очень древнее по своему происхождению и значению, осталось лишь в улигерах западных бурят. В монгольских словарях это слово не зафиксировано. Его значение обнаруживается лишь в древне-тюркском памятнике isi „дама", нанайско — ульч. as „жена".[1]

100. **Ханхан хэрдиг...** Слово хэрдиг часто встречается в монгольских улигерах в форме гарууди — название громадной мифической птицы. Монг. письм.  санскр. garuda „мифическая птица, феникс". Г. Н. Румянцев замечает: „Птица гаруда в монгольский шаманский культ несомненно принесена вместе с проникновением буддизма в Монголию".[2] У западных бурят буддизма не было, да и улигеры у них более древние по происхождению. Поэтому думается, что слово могло проникнуть другим путем и ранее буддизма.

101. ... **из серебра желобами** — хобол мүнгэн ёолбоор. Слово хобол К. М. Черемисов в своем словаре объясняет: 1) жёлоб, канава (водосточная);

[1] С. Е. Малов, Указ. соч. ЮР, (2), 13, 16.

[2] Доржи Банзаров. Указ. соч. (комментарии стр. 270.

2) колея (дорожная); 3) булг. тун. бинокль". Отсюда видно (если значения верны), что слова хобол и жёлоб являются равнозначными. Но в контексте слово хобол определяет последующее слово мүнгэн „серебро", а не относится непосредственно к слову ёлбо „желоб". Думается, что слово хобол обозначает не качество серебра, а форму желоба.

102. **Инструментом перламутровым...** Слово эржэн, которое переводим „перламутр", стало у бурят архаизмом, оно встречается лишь в языке улигеров.

Наряду с эржэн встречаются также устаревшие слова как боржон и торжон, значения которых не совсем ясны. На слово боржо(н) словарь дает такие значения: „чеканный, массивный, гранитный". Мы переводим „гранитный".

103. **Посмотреть бы хотя на одно твое чудо...** Слово эрдэм нами переведено „чудо". Почему-то слово эрдэм стоит в форме литер. эрдим. Известно, эхиритский диалект не знает подобных смягчений. Очевидно, здесь описка. Слово эрдэм в лит. языке сочетается со многими другими словами, например, эрдэм бэлиг „образование", эрдэм гэгээрэл „просвещение", эрдэм ухаан „наука". В данном контексте *улигера слово эрдэм означает „чудо", „волшебство"*, „чары".

104. **Кто ушел по болезни...**— хүндүлөөр ошоһон юумэ. Слово хүндүлэн переводится „болезнь". Известно, для значения „болезнь" в бурятском языке есть слово эбшэн. А слово хүндүлэн означает свыше данную неминуемую болезнь. При таких случаях, как говорят шаманисты, даже совершение религиозного обряда не поможет, человека все равно ждет неминуемая гибель. Это обстоятельство называют хүндүлөөр ошохо — умереть по воле судьбы.

105. **Манок „атакан".** Мы оставили слово атаган без перевода, так как его значение не совсем ясно. Это, может быть, подставка к подзорной трубе, если слова атаган происходит от тагаан „подставка", дальше, также слово хотогон, видимо, означает „согнутый, изогнутый".

106. **Красное пламя слетало.** Слово нурма, встречающееся в „Гэсэре," переводится нами „пламя". Это культовое архаичное слово заимствовано из тибетского пои „пламя", „пепел". Слово не оставило нам производных значений. В западно-бурятских улигерах оно встречается очень часто, но как попало туда, нам неизвестно, очевидно, устным путем.

107. **Без весел...** Слово һэлбүүр или һэльбүүр переходит, видимо, в разряд архаичных со значением „весло". Это слово ныне достояние эхиритского, осинского и некоторых других диалектов, происхождение которого нам не известно.

108. **... восемь парных костей пустотелых** ее — хоор найман сэмээгин. Хоор — слово употребляется для обозначения парных предметов.

109. **И Майдари желтую книгу...** Майдари (бур.), по санскритски Майтрейя, откуда и произошло бурятское название. Майтрейя — одно из перевоплощений будды или персонаж буддийского пантеона. Это слово, видимо, перешло к эхиритским бурятам вместе с постройкой дацана в улусе Кырмен.

110. **Моя дочь...** Слово басаган здесь понимается как дочь.

111. **На шестах семь голов лошадиных торчали**— долоо мориной тологой зүхээтээ лэбайбал да. Для слова зүхээтээ в русском языке нет эквивалента. Зүхэли (отсюда и зүхээтээ) — это шкура с головой жертвенного животного, подвешенная на шесте при исполнении религиозного шаманского обряда.

Зүхэли является символом победы над злым духом. Душа злого духа или демона „находится" в голове, в осердиях, поэтому именно эти части являются символикой ритуала.

112. **Тридцать три батора.** Тридцать третий богатырь — Агсагалдай красный батар — был казнен за измену. Поэтому должно остаться тридцать два батара. „Тридцать три батора" говорит сказитель, видимо, потому, что это число сакраментальное.

113. **свои... страсти унимай!** Здесь переведено нами не точно. Точный перевод звучал бы несколько вульгарно.

114. **Голень свою конскую он покинул...** Выражение морин борбиёо гээхэһээн хойшоо ло переводится нами почти дословно, не находим другого лучшего перевода, соответствующего контексту в русском параллельном значении. Этот идиоматический оборот означает наступление юношеской поры. Здесь говорится в том смысле, что герой стал уже мужем, молодцом. Наряду с указанным идиоматическим оборотом имеется муу борбиёо гээхэ „покинуть свои плохие голени". Смысл такой же, как предыдущий контекст. Трудно объяснить, почему переход детства к юношеству связано с голенью?

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

1. Гэсэр абай — 17, 75, 175, 180, 195, 200, 205, 210, 215, 280, 285, 295, 305, 315, 325, 340, 365. 390, 425, 430, 445, 460, 475, 590, 1075, 1110, 1120, 1180, 1360, 1450, 1580, 1625, 1645, 1695, 1730, 1740, 1745, 1750, 1760, 1795, 1845, 1895, 1900, 1925, 1980, 1995, 2015, 2025, 2035, 2045, 2075, 2105, 2110, 2120, 2125, 2200, 2225, 2230. 2260, 2305, 2310, 2340, 2480, 2520, 2560, 2580 и т. д.

2. Ханхан Хормос тенгрий — 15, 35, 40, 45, 55, 115, 150, 230, 270, 305, 330, 1360, 4600, 5450, 5480, 7875, 8960, 8980.

3. Атаа Улаан тенгрий — 20, 50, 100, 150, 280, 285, 8985, 8990, 9000, 10360.

4. Сэгээн Сэбдэг тенгрий — 25, 30, 65.

5. Малзан Хормон ~ Гуурмэн ~ Хурмун төөдээ М. Хурмун — 40, 120, 140, 8970.

6. Дашин Шоохор ахай — 150, 160, 170, 275, 300, 3465, 3470, 3525, 3540, 3710.

7. Заян Сагаан тенгрий — 320, 1270.

8. Хэhэн Сагаан тенгрий — 440, 470.

9. Хэлгэйн Сагаан номо (н) — 440, 475.

10. Зарлиг Солбон хоёр — 1270, 4460, 4600.

11. Саазгай Баян хаан — 1295, 1310, 1510, 1535.

12. Санхан Гоохон дүүхэй — 1325, 1335, 1370, 1385, 1540, 1550, 1580, 1700, 1710, 1725, 1735, 1765, 1785, 1845, 1970, 2145, 2585, 2590, 5870, 5905, 5915, 6115, 6120, 6480, 6500, 6520, 6780, 7305, 7360, 8950, 8955, 9055, 1030, 10540.

13. Газарай Ганиг бүхэ — 1425, 1480, 1500, 1520.

14. Ханхан Сокто хубуун — 1470, 1535, 1600.

15. Хухудэй Мэргэн баабай — 1770, 1790, 7510.

16. Хултэй Хатан ибии — 1770, 1790, 7510.

17. Аксагалдай улаан бахтиир — 1880, 1970, 1985, 2015, 2010, 2015, 2030, 2530, 2610, 2120, 2680, 2690, 2710, 2730.

18. Хайтай баян хаан — 2895.

19. Харта Мууя хүбүүн — 2895, 2925, 2960, 2965.

20. Галха Нурма хаан—2900, 3015, 3025, 3310, 3320, 3420, 3435, 3445, 3475, 3485, 4475.

21. Ошор Богдо хүбүүн — 3785, 408 , 4055, 4080, 4095, 5865, 6110, 6475, 6490, 6530, 6550, 6775, 7385, 7425, 7440, 7460, 8920, 8930, 9090, 9130, 9160, 10395, 10445, 00460, 10480, 10485, 10510, 10525.

22. Галта улаан тенгрий — 4135, 4555, 4575, 4590, 4695, 5030, 5105, 5460, 5470, 5490, 10515.

23. Гагуурай Ногоон дуухэй—4135, 4615, 4635, 4690, 4735, 5035, 5120, 5145, 5175, 5465, 5475, 5595, 5620, 5770, 5820, 6125, 6180, 6190, 6205, 6260, 6295, 6655, 6685, 6740, 7115, 7120, 10025, 1010, 10515, 10520.

24. Эсэгэ Малаан баабай — 1770, 7505, 6325, 6415, 6460, 6485, 9805.

25. Эхэ Юурэн ибии — 1770, 7505, 9805.

26. Зарлиг Сагаан убэгэн — 4275, 4370, 4375, 4445, 4455, 7515, 7520, 8035.

27. Эсхэбэри Сагаан бурхан — 4415.

28. Сэмэндэй *Сагаан хубуун* — 4445.

29. Ханхан Хэрдиг шубуун — 4725, 4785, 4850, 4860, 5025, 5285, 5290.

30. Зуудаг шара мангадхай — 4550, 5505, 5515, 7160, 8150, 9465.

31. Ёбсоголдой *шара мангадхай* — 6400, 6410, 7145, 10030, 10430.

32. Митуурай шара мангадхай — 7350, 8530, 8830, 8865.

33. Даньял шара мангадхай — 7540, 9390, 9415, 9925.

34. Шургалжан Баян хаан — 7580, 7595, 7665, 7670.

35. Шурагта тайжи хубуун — 7580, 7595.

36. Тоодой Баян хаан — 7585.

37. Толи Гоохон дуухэй — 7585.

38. Хуа Ехэ солбон — 7510, 8035.

39. Хотогор ехэ Майлга — 8035.

40. Ассурай шара мангадхай — 9510, 9880, 9970.

41. Нашин Хуймар хубуун — 9820, 10405,

42. Алмалжин Богдо хаан — 9825, 9830.

43. Наран Гэрэл хаан — 10405, 10410.

44. Агуй Ногоон дуухэй — 5490.

45 Эрэхе Тайжи басаган — 5515.

46. Ёнгоголдой Шара Мангадхай — 6610.

47. Нарин хузуун Гүлдэмэй — 8195.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ 1930 года.

I. ОПЕЧАТКИ

Напечатано	В оригинале Ц. Жамцарано
ахаалжі (55)	ахадажі
бодхожі (260)	бодхожі
јagан (270)	*јagан*
харахо (335)	хараха
јagан (405)	јagан
эгэін (415)	эхэін
хајамана (420)	хајалсана
хýрóбші (435)	*хорóбші*
шалаіјіні (455)	шамаіјіні
эріхэн (455)	
энэ (985)	энэ
хошга (1020)	хошуга
далан (1125)	далайн (непр.)
хані (1290)	хана
хані (1515)	хані
бодхсж (1665)	бодхож
зонхон хојорін (1685)	хојорім
буруіруга (1695)	дугуіруга
јagан (1830)	јagан
Агсагалдаі (1985)	Алсагалдаі
хýшýhен (2020)	хýнýhен
јіремеhен (2050)	јірелсеhен
хадашні (2195)	хадашні
хýре (2715)	Хýре
Ургаіјі (2825)	ургаіјі
тýрýхó (3025)	тýрýhó
галаі (3285)	гала
хамаргажі (3340)	химоргажі
ашаhа (3360)	*ашаhа*
баібасла (3615)	баібала
гулдабал (4040)	гулідабал
хэлэhэн (4145)	хэлсэhэн
хýндэ (4205)	хýндэ
одо (4262)	одо
бэдха—дел (4595)	бэдхадер
мугар (8235)	мугар
јоборон алолаіб (9000)	аболаіб
гэнјелден (9195)	ганјелден
эмелерен (9345)	эмэлерен
h унгалдахо (9470)	hунгалдаха
гýігегелден (9525)	гуілегелден

II. РАЗНОЧТЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Написано	Исправления
1. гаргха (5)	гаргаха
2. халуд (5)	хаанууд
3. тýрýлдóбó (10)	түрэлдэбэ
4. Тенгэрте (15)	тенгрьеэ
5. душін (20)	дүшэн
6. булалдаба (25)	бул'алдаба~буляалдаба
7. ахаалжі~ахалжі (?) (55)	ахаадажа
8. тэрјілжі (60)	тэргэлжэ
9. улаһалда (65)	уляаһанда
10. Малзан Гурмэн (120)	Малзан Гурмэн
11. хýлехэ (130)	хулеэхэ
12. Малзан Хýрмýн (140)	Малзан Гурмэн
13. огторго мінган (140)	огторгой мянган
14. бәкса (195)	багса
15. шихен~шихен (200)	шихэн
16. орулактуі (210)	оруулагтуй
17. суглажі (220)	сугалжа
18. дололгахут (225)	дол„олгохут~долёолгохуут
19. болоболда (290)	болиболдаа
20. сугалажі (300)	сугалжа
21. тулгандан (300)	тулгадан
22. асеіто (345)	асыта (сі=ы)
23. албан біјер (345)	албин бэеэр~альбин бэеэр
24. зузалаіт (350)	зузаалыт
25. тулгадан (60)	см. 21.
26. эібел (380)	нибэл
27. эгэін (415)	эхэйн
28. хајамана (420)	хаялсана
29. шалаіјіні (455)	шамайини
30. эріхен (455)	эрэһэн
31. дололгохо (460)	долёолгохо
32. н'ошхјо (545)	ошохоёо (ошхойо)
33. гýідóһýн~гýйһэн (550)	гүйдэһэн
34. алда (630)	айлда
35. һамарг жі (645)	һамааргажа
36. долоборнудара (660)	долёоборнууд
37. Ханшарта (см. 600 ханш р)	ханшарта
38. н'ошобо (720)	ощобо
39. һамаргажі (730)	һамааргажа
40. амандан (780)	амандаан
41. хýнхэн (815) (ср. хун л. 6080)	хүүнхэн
42. хэдо (830) (ср. ходо 845)	ходо
43. ухашлан (850)	хушлан
44. тýмýр (895) (срв. тумөр)	түмэр~түмүр
45. хошу хушулулан (955)	хушуу хушуулуулан
46. нігелдý (945)	нигэнду~(нэгэндэ)
47. набші (955)	намши~(намша)
48. дýртө (960)	удэртээ
49. булталјі (970)	бултайжа
50. норх'ожі (1000)	орхижо
51. хошга (1020)	хошуугаа
52. бішахара (1030)	бишяахаар
53 булактахо (1070)	бул*агтаха~буляагдаха
54. ор'ожі (ороіжі) (1080)	оройжо
55. газартадэа? (1080)	газартаа
56. харабагда (1110)	харабадаа
57. сугулба (11150)	сугалба~суглаба
58. тэрэ хаінаі (1140)	ханаі
59. долоборо (1145)	долёобороо
60. дорожажі (1148)	дарахажа

61. бэлэхэнсэгте (115?)	белхэнсэгтээ
62. бугані эбер (1160)	бугайн эбэр
63. наларахаіха (1170)	налархайха
64. гóліл (1305)	голил
65. халуражі (1305)	халюуража
66. халун (1390)	халу́н ~ халюун
67. ту́гу́су́н, (1390)	түгүсүг
68. hаманда (1495) срв. hамбанда (102)	hамаанда
69. бугуіруга (1695)	дугыруугаа
69. хэрмэіжі (1720)	хэрбээжэ ~ hэрбээжэ
70. Ху́н (1745)	хүүн
71. орх'хош (1815)	орхихош
72. ібі (1830) тот	ибии
73. налахаjа (1850)	налихаяа
74. болоболда (1850)	болиболдаа
75. улаhан (1850)	уляаhан
76. да́бан (1950)	табан
77. булалдаба (2030) бу'лалдаба ~ буляолдаба	буляалдаба
78. jіремеhен (2050) ~ jipehен	~ ерэhэн
79. хах'анано (2095)	хаахинана
80. хадаш і (2195)	хадашни
81. харабана (2245)	hарбана
82. унтажін (2260)	унтажил
83. балалхарар (2315)	балалхаар ~ баллахаар
84. ту́гдо́л (2370) тубдол	түгдэл
85. хадада (2510/3545)	хадаа
86. гулдахалдаба (2400)	гульдхалдаба
87. хадатнай (2510)	хадатнай
88. hанахамнай (2565)	hанахамнай
89. jаргалдалан (2615)	аргалдан
90. Алсагалдай (2610, 2620)	Аксагалдай
91. гэху́ (2625)	хэхэ
92. хулар хулалулхо (2685)	хууляар хууляалуулха
93. б ланхаір (2740)	буляанхайр
94. олонгар (2820)	олонгоор ~ а ~ ал
95. аблабу (3005)	алдабуу
96. доругара (3025)	доогуураараа
97. ху́бшілежі (3130)	хубшэлжэ
98. долоборо (3180)	долёобороо
99. у́бу́ре (3210) (?)	убүлээ (?)
100. бухуло (3225)	хүлюуражал халюуража
101. халуражіл (3320)	
102. hамбандани (3325) см. 68	абатаниин
103. албатанін (2115) абатании (5865), (5600)	хоёртоо
104. хоjордо (3325)	
105. дуhод (3405), духа бал (3400),	дууhаад
106. голда (3465)	
107. гэду́рге (3535)	гэдэргэ гудэргээ
108. буламдан (3600)	буландал
109. баібасла (3615)	байбала
110. халахаі (3680)	халхай ~ халанхай
111. хатарасан (3825)	хатасаран
112. улжі (3980)	улижа
113. урі (4065)	үри
114. шірен (4100)	ширээ
115. барбагаіто (4135)	срв. барабагай (4165) барабагайн
116. біjеjе (4255) (4410) б те биеэ	бэеэ
117. болобо (4320)	болибо
118. дала (4330)	дали
119. у́ху́де (4395)	үхүдөө
120. залага, (4460)	залаагаа

121. холобхо (4615), холобожі (5515)	холбохо
122. духэі (5620.	дуухээ (5620)
123. хӳн (56?5)	хүүн
124. холдозогші (5640),	хондолзогшо (6280)
125. нанэн (5375)	наадан
126. һуган (5285)	һуугаан
127. гэлэбэ-л-да (5245)	хэлэбэлдаа
128. те-л (5215)	тоо-л
129. ухандa, (4995)	уһандаа
130. хӳлеһелен (5720)	хүлеэһэлэн
131. хӳлежі (5720)	хүлеэжэ
132. јӑдан (5830) (6095) (9275) *адан*	ядаан
133. булам (5910)	булан
134. таһалганда (4925)	таһалгадаа
135. хотого (6020)	хотогой
136. налур (6035)	налюур
137. дабархажі (5040)	дабархажа (?)
138. тононор (6045)	тоногор ~ тоногоор
139. гулара (6050)	гууляар
140. уһаһа[1] (6065)	уляаһан
141. х'атораба (6070)	хотиробо ~ хотирба
142. хӳ (6180) хүндэ (6220)	хүү ~ хүүндэ
143. хошутаі (6180)	хошуутай
144. остолда (6195)	остоолдоо
145. урада ~ урда (6290)	урда
146. эрдімэіш (6345)	эрдэмыш
147. барібалбі (6415)	барибалби
148. баһа (6630), (6640)	баһаа
149. харалсана (6640)	гаралсана
150. баіга (6760)	байгаа
151. уга угаһар (6815)	угаа угааһаар
152. харулаһан (6835)	харуулһан
153. ташен (6915)	ташаан
154. јўмендэ (7055)	юумэдэ
155. уган (7155)	угаан (?)
156. хулар (7200)	хууляар
157. халу (7260)	халюу
158 доролсахо (7355)	даралсаха
159. соо (7560)	суу
160. балалхар (7690)	баллахаар
161. буха (7730)	буха
162. хор? (7780)	хорин (?)
163. дорожо (7815)	даража
164. улаһані (7860)	уляаһани
165. мугар (8235)	муугаар
166. угаһа (8885)	угаһаа
167. ахаідташ (90?5)	ахайдаш
168. хелде (9050)	хээлидэ
169. хударгар (9095)	худургаар
170. хоторосон (9100)	хотойсорон
171. дунде-ле (9160)	дуудээлэ
172. саган (9475)	сагаан
173. гӳігегелден (9525)	гүйлгэлдэн
174. харабо-л-да (9700)	харабалдаа
175. угаһа (9975)	угаһаа
176. улажі (10195)	улажа
177. эхе (10310)	ехэ

[1] Улаһан (?) ред.

III. ПРИМЕЧАНИЯ Ц. ЖАМЦАРАНО

(не были напечатаны в издании 1930 года).

стр. 11

1. Гэсэри jvhvn halaa — 9 глав Гэсэра. Но теперешние рапсоды могут сказать только часть. Отдельные главы и отрывки их сказываются под разными именами. Поэмы обязательно пелись во время облавы— Зэгете ава, — после древних работ и теперь ради удачи в предприятиях, в дороге, перед охотой поют улигер.

стр. 15

2. Дашин Шөөхөр ахайндаа[1]) вин. п. ахайи ину

стр 18.

2а Дууряалажи[1]) зугаалjидаа
[1]) вторя хором
Существует обычай — вторить рапсоду хором, чтобы лучше настраивался он. Подобные короткие вставки рапсода называются „сэг даралга".

стр. 20

3. Узууриин[1]) hахин удөө — 1) устье
4. Тологой[2]) hахин hуурилhан — 2) начало
5. Утугөө хата[3]) — 3) слово испуга

стр. 22

6. Даралга — капкан, ловушка.

стр. 22

7. Нурга hиер — сээр
8. Абахаши — н'ааб — ни — j аагааб
9. Шүлө hала — бульон для роженицы
10. Шангалажи — торопиться, спешить
11. Оронай үбүлгө дээрэ гараши — орони заха.

стр. 23

12. Хүхүсгэй — трясогузка

стр. 24

13. Анда зуртай — золтой
14. Ермэ улаан хүбүүн — румяный молодец

стр. 28

15. Хэлээ хотохо — хэлнэйн хүбши дорон юумэ гараха юум, хүхүдөө хүхүжи шадахаяа болихо.

стр. 31

16. Басагани дурай юуундэ — можно юундэ

стр. 32

17. Шинээл үгэй — как ни в чем не бывало, не беспокоясь шинэху — беспокоиться, болеть сердцем.

стр. 33

18. Хүйтө — сүйтө — суженная от слова хүй — Абай Гэсэр богдо добывает себе жену указанную богами.

стр. 34

19. Үдьхүлбэ можно эдьхэлбэ.

стр. 36

19а. Хариин шинээн дааhаараа — хари сэмэгэн

стр. 40

20. Хүдээшэhэн — үhээтэй хуртай болhон.
21. Ерэн таба наhатай.
Ерэнсэй ех үбүгүнэй — большая поэма о 90-то летнем старике и его сыновьях.

стр. 41

22. Гаhатаниин без железа, деревянная.

стр. 42

23. Сараал угээ хүүртээ оруулба — с начала до конца остается неизвестным за кого собиралась выйти замуж Санхан Гоохон; Очевидно Гэсэр отбивает или уворовывает у противника.

стр. 43

24. Бурят[1]) hайхан хүнжүлдөө оролдожи
[1]) буруугай араhан.

стр. 44

25. Тараhайи — жаркий, знойный

стр. 46

26. Хубилгаан хүүн — бедовый человек

стр. 51

27. Аса ехэ модуйн
Хаха таталдан бульялдаба — разделились голоса

стр. 57

28. Хүзүүнэй тоором — шейные позвонки

стр. 60

29. Хэлгэйн сагаан номо-закон, ном?

стр. 63

30. Үhөөним — үүhөни „самого".

стр. 64

31. Эгээ ехэ бахтираа биеэрээ дараа гэжэ — не распространять слухи, что сам Абай Гэсэр казнил своего старшего богатыря, а говорить, что своею смертью умер.

стр. 69

32. Хүлүжөөhүйи ~ хүмжөөhүн „помощь"

стр. 72

33. Абалажи~абааджи үгүүлдүнө бэлэйлдаа — общими усилиями.

стр. 79.

34. Хуурай ехэ түлеэши — обыкновенное слово тулеэн

35. Галиалажи — галдаха

стр. 82

36. Халаад — клад, груз, воз.

стр. 84

37. Обряд үлгүйдө оруулха — по обычаю бурят пеленание или вернее помещение новорожденного ребенка в люльку сопровождается таким образом: төөдөй (бабушка) берет в руки кость шата сэмэгэ, называемое также барбагайто, и один мадага (большой нож) и задает вопрос какому-нибудь ребенку своего дома (два мальчика — мальчику, две девочки — девочке): басга үлгүйдхүү? сэмэгэ үлгүйд хү? Отв. Хүбүү. После этого сэмэгэ вручается тому, кто отвечал; последний должен съесть мясо, а кость вернуть. Кость шата сэмэгэ и мадага как знаки хранители новорожденного и следующие за ним детей, привязываются к люльке, около головы. Приемная мать называется төөдой. В данном случае — сабля Гэсэра — баабайн һэлмэ заменяет мадага. Кость сэмэгэ должна быть только от того животного, который был заколот на шүлү — навар, суп для роженицы; шата должна быть с правой ноги — баруун хүлөй шаата сэмэгэн. У Иркутских бурят для шүлү бьют корову, изредка — овцу. А у Хори-бурят преобладает овца и лошадь.

стр. 85

38. Улаан ехэ һаяа[1])

1) һалай слизь у новорожденного

стр. 86

39. Туруунии хоморгүй табижа. Хоморгүй табиха — делать загон.

стр. 90

40. Эгээн наад захадо байһан гурбан хэнииг гаргаад дуудхам гэнэ.

стр. 92

41. Тамхаши — обыкновенно тамхин не употребляется во множ. числе.

42. Басага мни — дитя мое.

стр. 93

43. Шээбтү — от русского слова четверть.

стр. 94

44. Мориндоо ашан ябаахада
Тээбэрлэхэб гэжэ һанаа үгэй ханайб.
Тээбэрлэхү-ашаа хүндүшээхү.

стр. 100

45. Мэдэлаа — форма повелит. на лаа, напр., болла „перестань“, гарлаа „выйди, вон“, сохилаа — ударь.

46. Эшии гэжэ — теща

стр. 102

47. Бүлхө болон — бүлхө болхо — иметь мешочек под глазами, распухнуть.

48. Юугээ хэлэн хүүрхэшниб — хүүрэхү говорить.

стр. 104

49. Алаабхи — лавка, скамейка.

50. Уйлажа һуубала. Здесь һуубала служит вспомогательным глаголом.

51. Баруун далаа, а не даляа

стр. 115

52. Одоо эйло бэлэйло
Аян шаяа алдаба
Ай гэхү бэлэй
Здесь рапсод волнуется.

стр. 116

53. Галта улаан тэнгэрдэ
Агуй Ногоон дүүхэй биихэн юм.

Гэсэр нарочно называет сестру своей невеесты, чтобы обмануть старуху.

54. Барунайло табин тэнгэрдү
Таряабли[1]) дунда[2]) үдүһөн.

Таряабли — имя существительное — распространяться, дунда — во время.

стр. 118

55. Басагандаа — басаган не только дочь, девка, но и вообще дите, молодой человек, — в данном случае Гэсэр для хана является как зять — басаган.

стр. 124

56. Үнөө һүни уридаар — в долг

57. Баруун урда тулгадаа. Тулага — угол. подставка, подпора.

стр. 132

58. Дүйөө ээрдэ ... дүйөө и дүнйөө — однозначащее слово.

стр. 133

59. Ошхон ханай эһэйи — кошма с менструацией женщины, — вещь поганая.

60. Йолноголдой~йобсоголдойа~йолбоголдой одно и то же.

стр. 142

61. Алтайм аршин ногооло — длиною в аршин — смысл „роскошная“.

стр. 151

62. Тодожи или тоши

стр. 158

63. Хоор найман сэмэгэйндаа. Хоор — хоёр.

стр. 159

64. Түхүм — небольшой добуун.

стр. 162.

65. Юуhун солдаад боложи — Многие буряты нанимают солдат жать хороший хлеб.

стр. 173

66. Туулган туулган буруун далайдал бизэ Ожидается очень опасное событие.

67. Тэмүүлбэл — по хори бурят тэгүүлбэ.

стр. 174

68. Нэгэ багтай хэлинсэглэн — погрехую, поиздеваюсь.

стр. 178

69. Басагад газар малтагтуй — ребята; дети милые

стр. 184

70. Зоноо бэдүүн зудааран: часто слово бүдүүн слышится бэдүүн.

стр. 185

71. Ерэн долоон һ'арамгай: от слова х'ара „гребень“. Есть слово х'армаг „пороша, снежок“.

стр. 187

72. Унгуйн улаан хадада: үнгүйн улаан хада находится на правом берегу р. Унга в Балаганском уезде. Имеются легендарные следы Гэсэра в виде ущелья.

стр. 192

73. Аали ахай — одно понятие, хозяйство, обзаведение.

стр. 196

74. Шаахаш — н'ааб: 1) шаахa — шни — яагааб. Шааха — выпить залпом, дернуть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I. Несколько слов о улигершине Маншуте Имегенове

Маншут Имегенов — талантливый бурятский сказитель, поведавший известному собирателю, ученому-фольклористу Ц. Жамцарано знаменитую бурятскую Гэсэриаду[1], — родился в 1848 году в улусе Кукунут, Эхирит-Булагатского аймака, Иркутской области.

Наше посещение родного улуса сказителя в сентябре 1958 года приоткрыло некоторые страницы его жизни и творческой деятельности. Из беседы со стариками (его сородичами) стало известно, что Маншут Имегенов происходил из бедной крестьянской семьи и жил очень бедно. 12 лет от роду он был отдан в батраки и до конца своей жизни работал на местных богачей. Не было у него «ни кола, ни двора», ни хозяйства, ни родного крова. Рассказывают: носил он постоянно ветхий зипунишко (полы которого всегда бывали заткнуты за кушак), голову покрывал белым матерчатым платком, грудь же его всегда оказывалась полуприкрытой, на ногах — старые бурятские унты.

Родословную Маншута Имегенова схематически можно представить так:

Булаган
Тугалак
Ашабагай
Тулгэн
Тохтой
Ноедой
Балюу
Хунгэр
Имеген
Маншут

Умер Маншут Имегенов в 1908 году.

Маншут Имегенов явился носителем большого духовного богатства бурятского народа.

С малых лет Маншут полюбил бурятские сказки и улигеры, исполнение их, особенно больших эпических произведений, так увлекало его, что он мог, не смыкая глаз, слушать до утра. От отца и других певцов (а родители и предки Маншута были улигершинами) Маншут Имегенов воспринял героический эпос «Гэсэр» (эхирит-булагатскую версию. **М. Х.**) и другие произведения устного творчества бурят и впоследствии мастерски воспроизводил их. Искусство и методику исполнения улигера собиратель Ц. Жамцарано передает следующим замечанием: «Когда рапсод передает улигер, то он предварительно заготовляет возле себя чистую воду, чтоб пить время от времени, принимает полулежачее положение, полузакрывает глаза, уходя весь в атмосферу своей эпической поэмы, и протяжно, мелодично начинает петь, увлекаясь чем дальше, тем больше, развертывая перед слушателями одну картину за другою, передавая события за событиями с удивительным спокойствием и бесстрастием, несмотря на свою вдохновенность, на свое самое искреннее увлечение. Слушатели ему вторят хором в тех местах, где нужно»[2]. Маншут Имегенов был певцом-импровизатором. Он не только воспроизводил воспринятое им от предыдущих поколений, но и сам создавал образы. Он являлся одним из высокоодаренных сказителей. Метко охарактеризовал подобных рапсодов. Б. Я. Владимирцов: «Настоящий певец-тульчи то по вдохновению, то вполне сознательно, по искусному расчету может выявлять свои спо-

---

[1] В начале рукописи Ц. Жамцарано указано: „Сообщил рапсод Маншут Эмэгэнов, рода Ашабгад, Кудинткого ведомства, записана поэма в ноябре 1906 года на р. Куя, под Бозо".

[2] Произведения народной словесности бурят. в. III. Эпические произведения эхирит-булагатов. Петроград, 1918, XII.

собности, свои богатства при воспроизведении эпопеи. Все его искусство и проявляется теперь в умелом и увлекательном для слушателей способе пользования «общими местами» и «украшениями». Певец то нанизывает их как бисер, удлиняя и растягивая разные эпизоды, то делает свое описание сухим и обрывистым и ведет его быстро, бегло. Одну и ту же героическую эпопею опытный певец может пропеть в одну ночь и в три—четыре ночи, причем все детали сюжета останутся теми же самыми»[1]. О роли рапсода в передаче эпических произведений писал Г. Д. Санжеев: «Какова же роль личности рапсода в передаче того или иного эпического творения? Буквально ли передает он то, что слышал от другого рапсода? Конечно, рапсод не попугай, механически слово в слово передающий то, что он где-то услышал. Правда, рапсод от себя не прибавляет и не убавляет ни одного эпизода или повествовательного мотива (мы имеем в виду сознательное отношение среднего рапсода к исполнению своей роли), но зато в выборе образов, в моментальной импровизации новых стихов он всячески проявляет силу своего таланта, якобы данного ему богами»[2].

Именно улигеры, записанные от Маншута Имегенова отличаются полнотой и богатством словесно-художественных выражений, богатством языка. Сколько в них пословиц, поговорок, парных слов и метких изречений! Нетрудно представить себе, как увлекательно было слушать сказителя. Говорят, что слушать улигеры в исполнении Имегенова собиралось много местных жителей. Одним из наиболее популярных в народе улигеров был «Гэсэр» — выдающееся произведение устного поэтического творчества бурят. Маншут Имегенов исполнял этот улигер с большим мастерством, вдохновенно. Записывать его исполнение было делом, конечно, не из легких. И надо сказать, что Ц. Жамцарано проявил не только завидное упорство в труде, но и большую изобретательность.

Первоначально весь улигер Ц. Жамцарано записал монгольским письмом, затем перевел на русскую академическую транскрипцию с сохранением диалектальных особенностей. Монгольское письмо не отражало нюансы и музыку речи бурят. «Первые мои записи я делал по-монгольски,— пишет Ц. Жамцарано. — Но чудный слог улигеров (как *напр. Аламжи Мерген*) и шаманских гимнов и особенности языка эхирит-булагатов или аларцев исчезали почти совершенно в транскрипции монгольским алфавитом...»[3].

Старики-одноулусники, которые слушали героическую поэму «Гэсэр» в исполнении Маншута Имегенова в 1906 г., рассказывают, что Ц. Жамцарано при записывании постоянно имел «переводчика» в лице А. Михайлова. Последний, видимо, объяснял значение непонятных слов и толковал фонетическую запись с точки зрения местного диалекта. И сам собиратель писал, что «начал записывать и собирать все, что относилось к эпосу и шаманству, завязывал знакомства, приобретал приятелей и друзей, которые потом оказывали неоценимые услуги во время моих научных экскурсий (напр., ширетуй Н. Гармаев, тайша П. Баторов, А Михайлов и др.)»[4].

Благодаря неутомимой энергии Ц. Жамцарано мы имеем такое великолепное создание эпического творения бурят, как «Гэсэр». Редактор первого издания этого улигера Л. Руднев предполагал со временем издать переводы. Но, как видим, намерения Л. Руднева в те годы не осуществились, приостановилось даже издание текстов.

В настоящем выпуске параллельно даются текст эхирит-булагатского варианта «Гэсэра» и его перевод.

II. Способы передачи академической транскрипции на русскую графическую систему бурятского языка

Академическая русская транскрипция имеет некоторые недостатки: 1) затруднительна для чтения, 2) требует большого количества дополнительных типографских знаков для печатания.

Поэтому в настоящем издании принята более упрощенная транскрипция, основанная на системе современной бурятской графики. Полностью сохраняя фонетические особенности эхирит-булагатского диалекта в соответствии с оригиналом записи Ц. Жамцарано, мы вносим в текст некоторые изменения в виде исправлений ошибок, допущенных в предыдущем издании, и упрощения написания слов. Так, например, вместо **ɵ** (в первом слоге) и э (в остальных слогах), используемых в «Гэсэ-

[1] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 31.
[2] Г. Д. Санжеев. Аламжи Мерген. Акад. 1936, стр. XV.
[3] Произведения народной словесности бурят. в. III. Эпические произведения эхирит-булагатов. Петроград, 1918, XII.
[4] Там же, стр. XII.

ре» для одной фонемы **э**, пишем **э**. Вместо обозначения долготы через тире над гласной буквой мы пишем количественную корреляцию ее двумя гласными: **аа, ээ, уу, ии, үү**. Дифтонг **ei** в конце слова отмечаем двойным **эй**, хотя в эхирит-булагатском диалекте дифтонга не слышится, а **ai** отмечается через дифтонг **ай**, что соответствует фонетическому произношению. В середине слова дифтонг **ai** заменяется согласно орфографии на графическое начертание **ай**, например: *баілгаха*∼*байлгаха*.

Некоторые трудности представляет фонема і, особенно в конце слова. Эта фонема настолько мало заметна в артикуляционном отношении и не различима от фонемы **э**, что их часто смешивают, путают. Колебание **и**∼**э** охватывает все без исключения бурятские диалекты. Фонема і, встречаясь в положении после согласных, палатализирует предыдущий согласный, а также чередуется с гласными иного качества. Часто в улигере за такими палатализированными согласными встречается і, но нами такие места заменены другими гласными, согласно новой орфографии. Например, *міхан*∼*мяхан*, *гушін*∼*гушан* и т. д.

Слово *абдар* у собирателя пишется через **о** во втором слоге, т. е. *абдор*, хотя правильнее было бы *абдар*. Кроме этого, в одном и том же слове допускаются разночтения. Даже собственное имя *Гүрмэн* у собирателя пишется: *Гүрмэн*∼*Хүрмэн*∼*Хэрмэн*. Из таких написаний пришлось выбрать одно из них. Разночтения нами выведены в специальную таблицу (см. в приложении).

В тексте также не всегда соблюдается знак палатализации согласных. Например, слова *булалдабо, халун*, исправлены нами в *буляалдаба, халюун*.

Более щепетильным и затруднительным является исправление **ү** в **ө** или обратно. В данном случае мы решили придерживаться мнения Б. В. Матхеева по эхирит-булагатскому диалекту, который пишет: «В литературном бурят-монгольском языке, как известно, краткой фонемы **ө** нет. Что касается эхирит-булагатского диалекта, то он сохранил этот звук в виде отдельной фонематической единицы, качественно отличной от фонемы **ү**»[1]. Поэтому мы нигде не изменяем фонему **ө** на **ү**, или наоборот, ибо они фонематически различимы, например, в таких словах, как *өрэ* «долг», *үре* «семена» и т. д. Иногда встречаются незначительные колебания между фонемами **ү** и **ө**. Например, очень трудно сказать есть или нет **ө** в последнем слоге в слове *түрүбө*, как это пишет Ц. Жамцарано. Это слово может быть написано *түрэбэ, түрүбү, төрөбө* и *түрүбэ*. Какое из этих написаний считать правильным,— это можно установить только экспериментальным путем.

В издании 1930 г. нет четкого принципа в написании слов-частиц. В настоящем издании все слова-частицы типа **ханай, шье, аа, лэ** и частицы личной предикации пишутся строго по фонетическому принципу.

Во всех случаях мы избегаем надстрочных диакритических знаков.

Из всех суждений по вопросам транскрипции наиболее приемлемыми, с моей точки зрения, представлялись те, которые сводились к необходимости отразить фонетические особенности эхирит-булагатского диалекта. Считаем, что текст «Гэсэра», опубликованного в 1930 году в академической русской транскрипции, может вполне служить базой и источником для фонетических исследований в области бурятской диалектологии. Но наша транскрипция, основанная на русской графической системе, предназначена в первую очередь для широкой читающей публики, и, по мере возможности, она упрощена.

М. П. ХОМОНОВ.

---

[1] Б. В. Матхеев. Эхирит-булагатский диалект бурят-монгольского языка (автореферат).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
От переводчика	7
Абай Гэсэр-хубун	9
Примечания	211
Указатель собственных имен	220
Замечания по академическому изданию 1930 года	221
Послесловие	230

Редактор ред.-изд. отдела *Г. Г. Богданов*
Технический редактор *И. А. Астахов*
Корректор *Х. В. Буянтуева*

***

Сдано в набор 17/VIII-1961 г.
Подписано к печати 22/XI-1961 г.
Формат бумаги 84x108$^1/_{16}$. Печ. л. 24,0.
Уч.-изд. л. 36,88. Тираж 1000.
Заказ № 4515. Н-00129. Цена 2р. 25 к.

***

Типография Министерства культуры БурАССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Столбец	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
122	второй	—	17	Гагурой	Гагурай
200	второй	—	21	шестьдесят шесть	шестьдесят семь
201	второй	2	—	шестьдесят шесть	шестьдесят семь
208	второй	—	14	сто восемь	сто восемнадцать
211	второй	26	—	В персидском	В персидской
214	второй	24—25		уурай хүхэжэ бо-ле угэй	уурайе хүхэжэ болёо үгэй
215	второй	10	—	„Темчужин"	„Темучин
216	первый	—	21	на—	
217	второй	34	—	аниинзма	анимизма
218	второй	29	—	шамнаских	шаманских
219	первый	—	13	„атакан"	„атаган"
225	первый	8	—	древных	днееных
228	—	—	4	*Кудикт-*	*Кудинс-*